

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

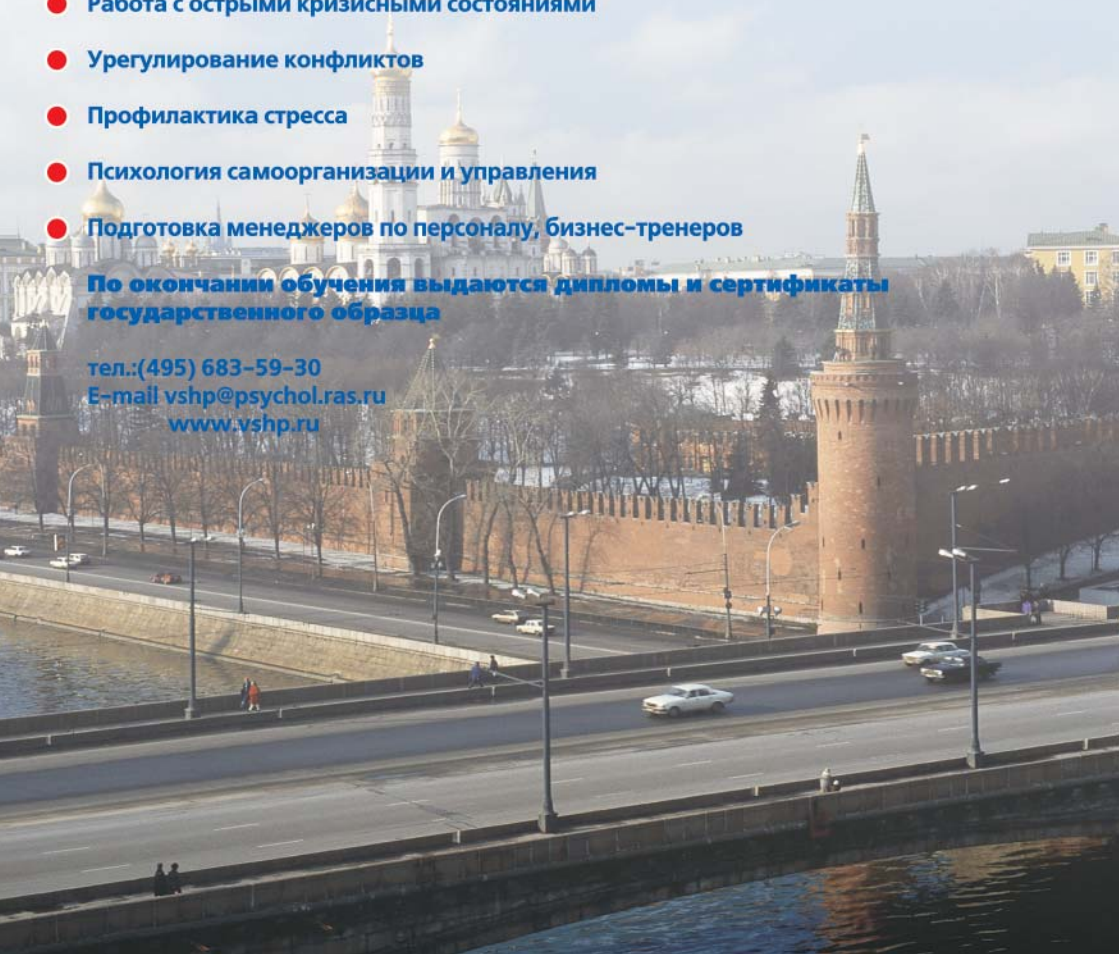
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс–диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683–59–30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vshp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. К. Бондырева, академик РАО,

доктор психологических наук,
профессор, Москва

Р. М. Воронин, доктор медицинских
наук, Рязань

А. Л. Журавлев, член-корреспондент

РАН, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук,
Рязань

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

А. А. Крымов, кандидат юридических
наук, доцент, Рязань

М. И. Марьин, доктор психологических
наук, профессор, Москва

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук,
Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушеня,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

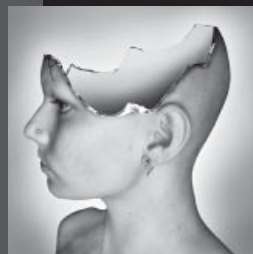
А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА: деструктивные трансформации индивидуального сознания и правосознания

Чем наполнить?

«Я» в правовом
поле

Негласный закон

Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук

Этот номер в основном посвящен различным де-струкциям индивидуального сознания, прежде всего, в правовом поле, т.е. фактически речь идет о негативных (или же, наоборот, возможных позитивных) трансформациях индивидуального правосознания. Понимание этого последнего термина в настоящее время еще не является устоявшимся и подлежит еще, как нам представляется, множеству научных дискуссий и обсуждений. По существу речь идет о некотором новом теоретическом конструкте юридической психологии и, соответственно, прикладной юридической психологии.

На страницах нашего журнала мы уже неоднократно поднимали вопрос о собственной методологии юридической психологии, ее специфике и даже вообще возможности существования в настоящее время. Этому также был посвящен и одноименный семинар в Институте психологии РАН. И положение о том, что специальная методология науки опи-

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

рается на некоторый свой специфический (т.е. не выводимый из других сопредельных областей психологического знания) понятийный аппарат было, пожалуй, единственным, не подлежащим дискуссии в силу своей исторической очевидности.

Создание такого понятийного аппарата процесс весьма длительный. В настоящее время в юридической психологии можно наблюдать лишь отдельные предложения новых концептов, непосредственно привязанных к правовому полю бытия человека и не существующих вне этого общего центра, входящего в предмет юридической психологии. Мы приглашаем читателя к активному участию в этом процессе методологического устройства юридической психологии с целью в недалеком будущем прийти к какой-то единой системе понятий этой молодой отрасли психологической науки.

*Главный редактор,
доктор психологических наук, профессор
Д. В. Сочивко*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и теория юридической психологии

Качество педагогической деятельности как основа устойчивого развития общества. **Зобков В. А.** 10

Феномен толпы в российской юридической психологии конца XIX — начала XX века. **Горбатов Д. С., Большаков С. Н.** 16

Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации. **Сочивко Д. В., Симакова Т. А.** 24

Прикладные и экспериментальные исследования

Генезис психогенных потерь у военнослужащих в условиях боевых межэтнических конфликтов. **Серов В. И.** 40

Опыт исследования и профилактики наркотической зависимости подозреваемых, обвиняемых, осужденных в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран. **Ганишина И. С.** 49

Исследование эффективности психокоррекции смысловых установок личности осужденных в местах лишения свободы. **Писарев О. М.** 59

Некоторые социально-психологические явления в среде осужденных. **Полянин Н. А.** 65

Особенности психологического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете, распространяющие экстремистскую идеологию. **Пестриков Д. В., Сеник И. В.** 74

Социально значимые перспективы и смысложизненные ориентации несовершеннолетних осужденных женского пола (к 80-летию со дня рождения педагога-пенитенциариста Н. А. Деевой). **Калашникова Т. В., Калашникова М. М.** 82

Социально-демографические характеристики личностных расстройств (психопатии) осужденных женского пола. **Сочивко О. И.** 90

К проблеме психологического анализа религиозно-политического экстремизма. **Цопанова А. В.** 99

Духовно-нравственное воспитание как фактор профилактики асоциального поведения. **Ильичева И. М.** 103

Психопрактики

Проблемы диагностики служебной лояльности. **Горностаев С. В.** 110

К вопросу о критериях и границах понятия «манипуляции потребителем». **Посыпанова О. С., Воробьева О. С.** 117

Криминализация нравственного сознания современной молодежи. **Стрижов Е. Ю.** 126

В помощь руководителю	
Профессиональная направленность и карьерные ориентации будущих психологов. Авраменко Н. Н.	134
Развитие творчества преподавателя в условиях компетентностно-прогностической деятельности. Калаков Н. И., Старикова О. В., Хрыканов Е. Н.	142
Психология социальных явлений и качество жизни	
Взаимосвязь изменений когнитивного компонента образа «Я» в ролевых играх с личностными характеристиками молодежи. Олькина О. И., Савченко Т. Н.	160
Проблемы безопасности и консолидации российского общества. Соснин В. А.	170
Нравственные представления современной российской элиты. Воловикова М. И., Комарова М. Н.	176
Определение характера кардиограммы при нагрузочном тестировании. Похачевский А. Л., Пивунов Е. В., Михалев В. Н.	185
Научная жизнь	
Словарь по пенитенциарной медицине. Датий А. В.	190
Проблемы подготовки врачей по пенитенциарной медицине. Кузнецова А. С.	191
Актуальные проблемы воспитательных центров. Федосеев А. А.	193
Памяти Олега Викторовича Старкова — человека, ученого, друга. Махиборода Н. И.	195
Пантилеев Сергей Рэмович (1957–2015).	198
Безносос Сергей Петрович (1947–2015).	200
II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление».	202
Dura lex sed lex	
Особенности саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе. Пухарева Т. С.	203
Профессиональные компетенции во ФГОС ВПО по направлению «Юриспруденция»: понятийно-терминологический анализ. Илиджев А. А.	209

CONTENTS

Topic: the destructive transformation of consciousness and sense of justice

Methodology and theory of legal psychology

The quality of teaching activities as a basis for sustainable development of society.
Zobkov V. A. 216

Phenomenon of crowd in the Russian legal psychology of the late 19th - early 20th centuries. **Gorbatov D. S., Bolshakov S. N.** 217

Theory and methodology of the study of individual consciousness and its infantilization and criminalization. **Sochivko D. V., Simakova T. A.** 219

Applied and experimental studies

Psychology of loss. Genesis of psychogenic loss of military personnel under the conditions of military interethnic conflicts. **Serov V. I.** 221

Expertise of prevention of drug dependence of convicted in foreign penitentiaries.
Ganishina I. S. 223

Investigation of the effectiveness of psychotherapy of semantic units of the convicted person in prisons. **Pisarev O. M.** 226

Some socio-psychological phenomena among the convicts. **Polyanin N. A.** 228

Features of psychological maintenance condemned, consisting on the preventive account as the persons studying, propagandizing, professing or extending extremist ideology. **Pestrikov D. V., Senik I. V.** 230

Socially important perspectives and life concept orientations of convicted female juveniles (On the 80th anniversary of birth of a teacher and a penitentiary specialist N.A. Deeva). **Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M.** 231

The social and demographic characteristic of the personality of the female condemned with the personality disorder (psychopathy). **Sochivko O. I.** 233

To the problem of psychological analysis of religious-political extremism.
Tsopanova A. V. 235

Spiritual-moral upbringing as the factor of prevention of a pseudo social behavior.
Il'icheva I. M. 236

Psychopractices

Problems of diagnostics of official loyalty. **Gornostaev S. V.** 237

To the question of the criteria and boundaries of the concept «manipulation of the consumer». **Posypanova O. S., Vorobeva O. S.** 239

Criminalization of modern youth's moral conscience. **Strizhov E. Y.** 240

To help the manager

Professional and career orientations of future psychologists. **Avramenko N. N.** 242

The development of the teacher's creativity in terms of competence-predictive activity. **Kalakov N. I., Starikova O. V., Hrykanov E. N.** 245

Psychology of social events and the quality of life

The changes in correlation of the cognitive component of the image of «I» in the role-playing games with the personal characteristics the youth. **Olkina O. I., Savchenko T. N.** 246

Problem of security and consolidation of Russia in future contemporal world. **Sosnin V. A.** 248

Moral concepts of the modern Russian elite. **Volovikova M. I., Komarova M. N.** 251

Determination the nature of the cardiac rhythmgram during exercise testing. **Pokhachevskiy A. L., Pivunov E. V., Mihalev V. N.** 253

Dura lex sed lex

Peculiarities of self-development of lawyers with different levels of trust to themselves. **Pukhareva T. S.** 254

Professional competence in the federal state educational standards of higher education in the direction of «Law»: conceptual and terminological analysis. **Ilidzhev A. A.** 256

КАЧЕСТВО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В. А. Зобков

Аннотация: в статье рассмотрена роль педагогической деятельности и преподавания в развитии общества, укреплении российской государственности. Современные законодательные акты (федеральные законы «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации»), регламентирующие деятельность средних и высших учебных заведений, квалифицируют обучающихся в качестве активных субъектов образовательной деятельности. Цель образования, в которой заключены мечта общества, стабильность жизненного пути учащегося, — сформировать нравственного, благородного человека, субъекта жизнедеятельности. Современный образовательный процесс должен быть направлен на создание оптимальных условий для развития не только исходного творческого потенциала ребёнка, учащегося, но и на выработку у него потребности в творческом саморазвитии, на формирование его как субъекта жизнедеятельности. Субъектность человека по своему изначальному основанию связана с его способностью превращать собственную жизнь в предмет практического преобразования. Преподаватель, обеспечивающий качество педагогической деятельности, — это высоконравственный человек, творящий и дарящий учащимся не только знания, умения и навыки, а в большей степени Мудрость жизнедеятельности, выступает основой устойчивого разви-

тия общества. Учащийся — это субъект, принимающий Мудрость жизнедеятельности (Ш. А. Амонашвили), стремящийся к нравственному идеалу, реализации себя, своего потенциала на благо общества. Учитель и ученик — это единство, данное человечеству изначально. Только субъект педагогической деятельности способен воспитать субъекта учебной деятельности. Наши исследования показывают, что преподаватель как субъект педагогической деятельности — это профессионал педагогического труда, организующий образовательное пространство, опираясь на принципы целесообразности, диалогичности речи, положительных высказываний и суждений, высокой успеваемости всех учащихся. В статье кратко рассмотрены условия формирования личности учащегося.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, субъект педагогической деятельности, преподаватель, преподавание, учащийся.

На современном этапе социально-экономического развития страны актуализируются задачи, которые должны решаться в общеобразовательной школе и вузе: формирование конкурентоспособной личности, повышение роли общеобразовательной школы и вуза в гуманизации общественно-экономических отношений, формирование новых жизненных установок и в целом личности с социальным адекватно-активным типом отношения к деятельности.

Образовательный процесс должен быть направлен на создание оптимальных условий для развития не только исходного творческого потенциала ребёнка, учащегося, но и на выработку у них потребности в творческом саморазвитии, что свойственно людям с социальным адекватно-активным типом отношения к деятельности. Это требует пересмотра содержания и технологий обучения, что отражено в работах отечественных психологов и педагогов: К. А. Абульхановой-Славской, В. И. Андреева, Е. Н. Богданова, В. Г. Зазыкина, И. А. Зимней, П. И. Пидкасистого, А. И. Савенкова, Е. Н. Селивёрстовой, Н. П. Фетискина, Д. В. Ушакова и других.

Педагогическая деятельность — это профессиональная активность педагога (учителя), в которой он с помощью различных психолого-педагогических средств воздействия, адекватных ситуации, решает задачи обучения и воспитания учащихся. Результаты труда преподавателя — это обученность и воспитанность учащихся. Педагогическая деятельность, направленная на развитие организационно-деятельностных, интеллектуально-волевых, эмоционально-коммуникативных, эмоционально-волевых качеств учащихся, одновременно выступает как основа их саморазвития и самосовершенствования [4, 5, 6]. Только саморазвивающаяся и самосовершенствующаяся личность, отличающаяся саморегуляцией поведения, творчески относящаяся к выполняемой деятельности, способна решать сложные общественно-политические и социально-экономические задачи, быть основой укрепления российской государственности и устойчивого развития общества.

В чем предназначение педагогической деятельности преподавателя?

Исследования показывают, что преподаватель — это профессионал педагогического труда, организующий образовательное пространство, опираясь на принципы целесообразности, диалогичности речи, положительных высказываний и суждений, высокой успеваемости всех учащихся.

Исходя из приведенного тезиса можно утверждать: деятельность преподавателя сводится к тому, чтобы реализовать стандарт школьного, вузовского образования, чтобы добиться высокой успеваемости всех учащихся, чтобы они (учащиеся) овладели необходимой суммой знаний, умений и навыков, соответствующей определенному этапу обучения. И в этом смысле преподаватель — лицо, которое обучает тому, что предписано государственными образовательными стандартами начального, среднего, высшего профессионального образования, а также реализует идеи Гособразования по подготовке интеллектуально развитых людей. В данном случае преподаватель выступает в роли субъекта обучения. Является ли он (преподаватель) субъектом воспитания, проповедником нравственного развития личности учащегося? Можно говорить с уверенностью, что учитель (педагог), как правило, не является субъектом воспитания. Меня могут упрекнуть в том, что я отрываю обучение от воспитания, что это единый и взаимосвязанный процесс социализации формирующегося человека. В ответ я сошлюсь на практику и исследования, которые указывают на то, что нравственно невоспитанных людей год от года становится все больше и больше.

Правда, следует заметить, что и уровень образованности у значительной части населения снизился и продолжает снижаться. Не думаю, что положения, связанные с реформированием образования, направлены на повышение уровня образованности и воспитанности детей и учащейся молодёжи, подержание статуса учителя (педагога).

Под нравственным воспитанием мы понимаем целенаправленное воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования высоких моральных качеств и свойств личности. Ещё раз подчеркну: с целью формирования высоких моральных качеств. Задаю себе вопрос: это какие же моральные качества следует формировать у детей, учащейся молодёжи в современных социальных условиях? На мой взгляд, в нашем обществе отсутствуют нормы и принципы морали. Отсутствует целенаправленное воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования таких нравственных качеств личности, как честь, совесть, справедливость. В обществе, как правило, доминируют иные ценности — деньги и власть, и говорить в этом случае о формировании нравственных качеств не приходится. По выражению И. Бродского, «колоссальной проблемой российской власти является глубокое неуважение человека к человеку».

Учитель (педагог) причастен к формированию качества жизни общества. Он в ответе за воспитание детей, благородство учащейся молодёжи, от духовного состояния и потенциала которой будет зависеть укрепление российской государственности. Однако следует заметить, что в обществе, в котором мы

живём, вот-вот восторжествуют бездуховность и безнравственность. Каким же будет тогда общество, произойдёт ли укрепление российской государственности? Вероятнее всего, наблюдаться укрепления государственности не будет, если не произойдут изменения в системе образования, воспитания и отношения государства к преподавателям.

Необходимо поднять статус преподавателя в обществе и высоко оценивать его труд, связанный с совершенствованием себя как нравственной личности — основы устойчивого развития общества, воспитанием детей и учащейся молодёжи — нравственных молодых людей. Только тот преподаватель, которого ценит и уважает государство, может быть субъектом воспитания учащихся, активно влиять на качество жизни общества, укрепление российской государственности.

Преподаватель как субъект педагогической деятельности — это высоконравственный человек, творящий и дарящий учащимся не только знания, умения и навыки, а в большей степени Мудрость жизнедеятельности. Ученик — это субъект учебной деятельности, принимающий Мудрость жизнедеятельности [2], стремящийся к нравственному идеалу, реализации себя, своего потенциала на благо общества. Учитель и ученик — это единство, данное человечеству изначально. Нравственный учитель и нравственный ученик — итог общечеловеческой нравственной педагогики, в которой воспитание молодёжи в духе ответственности и благородства стоит на ведущем месте. Только субъект педагогической деятельности способен воспитать субъекта учебной деятельности.

Что означает «субъект деятельности»? В данном случае сошлюсь на высказывание К. А. Абульхановой-Славской [1]. Изучая проблему субъекта деятельности, она раскрывает это понятие с позиций индивидуального уровня бытия человека, способа его существования, как особое качество психической деятельности, высший уровень осуществляемой ею регуляции, новый способ активности, когда индивид обнаруживает деятельную сущность и становится субъектом своей жизни и её стратегий. Субъектность человека по своему исходному основанию связана со способностью превращать собственную жизнь в предмет практического преобразования. Сущностные свойства этого процесса — способность человека управлять своими действиями, реально практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и результаты своих действий.

Названные К. А. Абульхановой-Славской сущностные свойства субъекта деятельности характеризуют его с разных сторон: способность человека управлять своими действиями, контролировать ход и результаты своих действий — со стороны самоконтроля и саморегуляции; реально практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы — со стороны активности, сознательности, целенаправленности, творчества. На наш взгляд, названные свойства характеризуют отношение субъекта жизнедеятельности к себе, своей деятельности и к

другим людям, где проявляются такие черты личности, как справедливость, доброта, взаимопомощь и др. Вот эти сущностные свойства субъекта деятельности следует учитывать в своей деятельности педагогам и развивать их у учащихся.

Цель образования, в которой заключена мечта общества и каждого родителя, — сформировать нравственного, благородного человека, субъекта жизнедеятельности. По-моему, такая же цель в воспитании подрастающего поколения присуща нравственной педагогике и психологии. Эта цель должна быть принята самим учащимся и выступать в роли опредмеченной потребности, мотива деятельности. Реализация этой цели осуществляется в процессе учебной деятельности.

Учебную деятельность Д. Б. Эльконин [7] определяет как деятельность, сознательно направленную учеником на осуществление целей обучения и воспитания, воспринимаемых им в качестве своих личных целей. Стойки зрения В. В. Давыдова [3], учебная деятельность — это особая форма активного сотрудничества учителя и учащихся, направленная на самоизменение, самосовершенствование ученика как субъекта обучения. В определении, данном Д. Б. Эльconiным, отмечается направленность учебной деятельности на формирование личности ребёнка. Конечно, оно будет проходить непосредственно в активном сотрудничестве учителя и учащихся. На наш взгляд, определения, данные Д. Б. Эльconiным и В. В. Давыдовым, не противоречат друг другу, а характеризуют направленность образовательного процесса на воспитание личности ребёнка, учащегося, отвеча-

ющего требованиям субъекта учебной деятельности.

Учебная деятельность предполагает изменение не только учащихся, но и педагога, которого в инновационном образовании можно определить как соиздателя, творца, фасилитатора. Творческий преподаватель в учебно-воспитательном процессе активно воздействует на мотивационно-потребностную сферу не только учащихся, но и на свою, побуждая всех участников образовательного процесса к позитивному самоизменению, саморазвитию.

Педагог должен руководить обучением. Что именно он должен делать в этих целях, определяется характером реакций ученика и особенностями процесса обучения. Деятельность педагога должна заключаться в том, чтобы стимулировать учебную деятельность. Характер обучения, в свою очередь, определяет деятельность педагога. Кто-то совершенно верно сказал, что задача педагога заключается в том, чтобы «помочь ученику делать лучше то, что сам он будет делать как-нибудь». Можно, конечно, в некоторых случаях пойти ещё дальше и сказать, что задача преподавателя заключается в том, чтобы побудить ученика делать охотно и с удовольствием то, что он (ученик) должен желать как-нибудь. Учить — это значит прежде всего вызвать у ученика желание научиться. Обучение может осуществляться только учащимися. Как бы правильно ни преподавал учитель (педагог), как бы серьёзен он ни был, как бы упорно он ни работал, преподавание не будет успешным, если учащийся не станет проявлять активность и настойчивость.

Стимулирование учащихся и руководство обучением — это не рутинная процедура. Преклонение и зависимость от «методов», как бы хороши они ни были, механическое воспроизведение приёмов и средств не обеспечивают достижения цели обучения. Искusstный преподаватель, преподаватель-творец использует принципы, но применяет приёмы в связи с особенностями предмета, группы (класса), условий данного времени. Преподавание в гораздо большей степени, чем остальные профессии, требует мышления, воображения, инициативы и энтузиазма в разработке форм и методов работы, особенно необходимо для хорошего преподавания творческое воображение.

Преподавание есть стимулирование, руководство, управление обучением, в ходе которого создаются и обеспечиваются условия, необходимые для процесса обучения.

Учащиеся, нормальные в интеллектуальном и эмоциональном отношении, с хорошими домашними и средовыми условиями, должны успевать, если преподавание ведётся правильно, хотя, конечно, некоторые будут учиться быстрее и более охотно, чем другие. Серьёзно отстающие в том или ином отношении учащиеся не будут успевать, и преподаватель не может нести за них ответственность. Однако если нормальный учащийся не учится, он не должен считаться отстающим, просто необходимо изменить преподавание таким образом, чтобы он начал учиться. При наличии нормальных условий ключ к успеваемости учащегося обычно находится у преподавателя.

Можно говорить о том, что многие смотрят на преподавание как на меха-

нический процесс, легко выполняемый людьми среднего и даже низкого развития. Многие поступают в педагогические колледжи и педагогические вузы и впоследствии принимаются за преподавание как за лёгкий способ добытия средств к существованию. Верно то, что много людей с низким уровнем развития занимаются преподавательской работой, или, точнее, получают плату в качестве преподавателей. Однако их работа совершенно неудовлетворительна. Практика терпит таких работников по двум, а может быть, и нескольким причинам.

Первая причина заключается в низкой оплате преподавательского труда, удовлетворяющей только лиц с низкими способностями, тем не менее рядом со слабыми работает много талантливых педагогов. Вторая причина состоит в том, что в настоящее время мы не располагаем достаточными показателями эффективности преподавания и не можем измерять её точно, хотя мы способны оценивать её с достаточной правильностью.

Формирование личности учащегося. Начальная школа — это сензитивный период для воспитания у детей активно-положительного типа отношения к деятельности, устойчивого интереса к труду, желания трудиться в коллективе и быть им оцененным. Однако, как показали наши исследования, для значительной части младших школьников (около 30% — по данным 1990 г. и около 50% — по данным 2010 г.) характерно пассивное отношение к учебной деятельности, проявляющееся в сниженной (удовлетворительной) продуктивности. В структуре личности таких детей преобладают неуверенность в

себе, низкая целеустремленность и настойчивость, отсутствие решительности, недостаточное развитие коммуникативной и интеллектуальной сфер личности учащихся. Коррекция особенностей личности младших школьников с пассивным отношением к деятельности в сторону активности, для чего имеются все объективные и субъективные предпосылки, обеспечит успешное овладение ими учебной деятельностью — наиболее значимой для них и субъективно, и объективно. Основными формирующими средствами при этом должны быть средства, реализующие принципы межпредметных связей, ведущей деятельности, активности.

На второй ступени — подростковой — в основе формирующих процедур должно лежать активное включение школьников в различные виды общественно полезной деятельности. Исходя из утвердившегося в отечественной психологии представления о единстве сознания и деятельности общественно полезная деятельность рассматривается как условие и средство формирования личности школьника. Она несет в себе нравственный и политический потенциалы, сохраняет единство обязанности трудиться на благо общества с правом самостоятельно организовать свой труд, контролировать его результаты и критически относиться к ним.

В старшем школьном возрасте, а также в студенческий период должное внимание следует уделять включению учащейся молодёжи в различные виды общественно полезной деятельности, что является важным условием для формирования всесторонне развитой гармоничной личности. На наш взгляд, общественно полезная деятельность

не утрачивает своей воспитательной силы в этом возрасте, как это следует из трудов Д. И. Фельдштейна, а приобретает еще более выраженные профориентационные черты в системе общественных отношений.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Амонашвили Ш.А. Почему не прожить нам жизнь героями духа. М., 2003. 64 с.

3. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986. 240 с.

4. Зобков В.А. Психология отношения человека к деятельности: теория и практика: монография. Владимир: Калейдоскоп, 2011. 264 с.

5. Зобков В.А. Структурно-содержательные компетенции отношения человека к деятельности // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2012. № 2. (23). С. 88–95.

6. Зобков В.А. Личность и деятельность в теории отношения В.Н. Мясищева // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 16–29.

7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

ФЕНОМЕН ТОЛПЫ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА *

Д. С. Горбатов, С. Н. Большаков

Аннотация: в статье рассматривается проблема, связанная с теорией толпы конца XIX века, которая определенным образом отражена в уголовном законодательстве дореволюционного периода в части установления ответственности за массовые преступления. Негативные коннотации трактовки стихийных объединений в трудах Н. К. Михайловского, С. Сигеле, Г. Тарда, А. Фуниалья, Г. Лебона сыграли свою роль в выделении «скопища», «одухотворенной толпы» как коллективного субъекта преступного поведения, что стало несомненным шагом назад в развитии российской юриспруденции. Под влиянием этих теорий отечественные юридические психологи разработали собственные оригинальные концепции толпы. В частности, В. К. Случевский описал, как пребывание в толпе создает предпосылки к пробуждению скрытого «звериного начала», систематизировал свойства толпы, рас-

крыл некоторые факторы ее образования, выделил то, что в социальной психологии XX века получило наименование «посылов к агрессии». Д. Д. Безсонов, отчасти предвосхитив подход Ф. Олпорта к стихийным объединениям, сосредоточил свои исследования не на толпе как «организме», обладающем набором неких свойств, но на человеке в условиях толпы, переживающим состояние «расщепления сознания». Представляется перспективным противопоставление им психологической природы активной и пассивной толпы. Многие аспекты критики Д. Д. Безсоновым зарубежных теорий толпы сохранили вполне современное звучание. П. Н. Обнинский особое внимание уделил обоснованию неправомерности уголовного преследования участников холерных беспорядков в различных регионах Российской империи в связи с их неполной вменяемостью.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФГФ (проект № 15-06-10091а, «Теории толпы в отечественной психологической мысли конца XIX — начала XX вв.»).

В статье отмечается, что прекращение исследований в данной области, имевшее политически ангажированный характер, негативным образом повлияло на развитие отечественной психологической мысли.

Ключевые слова: толпа, теории толпы, свойства толпы, вожаки толпы, влияние на личность в толпе, вменяемость личности, массовые преступления, уголовная ответственность за массовые преступления.

Теории толпы Н. К. Михайловского [3], С. Сигеле [9], Г. Тарда [11], [12], Г. Лебона [4] и других исследователей конца XIX века оказали заметное влияние на трактовку ответственности за массовые преступления, закрепленную в отечественном законодательстве предреволюционного периода. Так, составители Уголовного уложения [5], утвержденного в 1903 г., последовательно различали «толпу» и «скопище». По Н. Н. Полянскому [7], первое понятие являлось родовым, а второе — видовым. Иначе говоря, всякое «скопище» представляло собой «толпу», но не каждая «толпа» считалась «скопищем».

По мнению В. П. Ширкова [14], под «скопищем» подразумевалось не просто множество людей, но результат их психического слияния, стихийная общность, характеризующаяся тождеством мыслей, действий и чувств, которую авторы западноевропейских теорий описывали как «одну колоссальную личность», «коллективный организм низшего порядка» [11, с. 4], «одухотворенную толпу», всецело подчиняющуюся «закону духовного единства» [4, с. 163]. Собственно, «толпа» выступала в качестве механического соединения, для ко-

торого не была характерна «электризация искрой страсти» [16, с. 344]. Согласно мнению Д. Д. Безсонова [2], составители Уголовного уложения ориентировались не на психологическое отличие одной стихийной группы от другой, а на специфику состава преступления, выражающуюся в степени опасности для государственной стабильности и общественного благополучия. На первый взгляд, это мнение вполне справедливо: там, где речь шла, например, о цели «выразить неуважение Верховной власти или порицание установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола или заявить сочувствие бунту или измене или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние...» (ст. 121) упоминалось именно «скопище». Этот же термин использовался в статьях, описывающих отказ разойтись по требованию полицейской власти (ст. 120), а также совершение насилия над личностью, похищение или порчу чужого имущества вследствие религиозной, племенной или сословной вражды (ст. 122). Что касается «толпы», то о ней говорилось в случаях совершения менее тяжких преступлений, таких как «учинение шума, крика или иного бесчинства в публичном месте или общественном собрании» (ст. 262) или «умышленное надругательство над публично выставленным государственным гербом... дружественного России государства» (ст. 136).

Однако следует выделить немаловажную деталь: если «толпа» рассматривалась авторами Уголовного уложения лишь в контексте отягощения вины (ст. 75, 136, 262), то «скопище» фактически интерпретировалось ими как кол-

лективный субъект преступного поведения (ст. 120–123). Достаточно заметить, что сама принадлежность к его составу, физическое присутствие (за исключением неменяемых по болезни лиц или тех, кто мог доказать случайность своего появления на месте происшествия [8]), служили основанием для уголовного преследования. При таком подходе, как констатировали И. Я. Фойницкий [13] и его ученик В. П. Ширков [14], суду не было надобности входить в поиск непосредственных виновников массового преступления или доказывать преступность побуждений участников «скопища» по отдельности. Стало достаточным установление факта осознанного пребывания в нем и преступности умысла социального объединения, как такового, ибо своеобразная природа «скопища» порождает общность вины собравшихся.

Разумеется, знакомство правоведов с идеями исследователей толпы конца XIX века не может считаться первопричиной того, что отечественная юриспруденция, используя постулат о наличии коллективного субъекта преступления, сделала заметный шаг назад в своей эволюции. Определяющую роль сыграла необходимость осуждения участников все возрастающего числа массовых преступлений — холерных бунтов, еврейских погромов, солдатских и матросских мятежей, земельных беспорядков и т. п., индивидуальная вина которых не всегда поддавалась достоверному установлению.

Теории толпы, очертившие предельно мрачными красками природу стихийных образований, лишь выступили подходящей концептуальной основой для легитимного распространения

«общей» вины на всех и каждого. Согласно позиции их авторов толпа представляет собой особую психическую общность, попадая под влияние которой люди начинают действовать и думать иррациональным образом, утрачивая индивидуальные различия. Сточки зрения Н. К. Михайловского [3], в ней циркулируют процессы бессознательного подражания иногда неодолимой силы, берущие верх над разумом, личным интересом, чертами характера. Подобное социальное объединение Г. Тард сравнивал с «бешеным несдержанным зверем, слепой игрушкой своих инстинктов», неким беспозвоночным низшего порядка, чудовищным червем, «извивающимся в беспорядочных движениях даже после отделения головы» [11, с. 10]. В его понимании толпа отличается склонностью к коллективной истерии, непредсказуемым чередованием вспышек мании и меланхолии, предельной заносчивостью, деспотизмом, догматизмом, абсолютной безответственностью, болезненной восприимчивостью, экстремальностью реакций, готовностью слепо подражать и подчиняться. С. Сигеле определял, что она более склонна к злу, чем к добру, и в нравственном опьянении не сомневается в праве быть чьим-то судьей и палачом. Такая толпа легко попадает под влияние преступников, умалишенных, обитателей городского дна: «Примешайте к легкомысленной и повинующейся всякому толчку толпе этих личностей, — они и сообщат ей ее жестокость и сумасшествие» [9, с. 70]. А. Фурниаль [15] описывал толпу как некое существо, умеющее чувствовать и действовать, но не способное размышлять. Ее преступные вожаки ведут за

собой «панургово стадо» слабовольных и неустойчивых личностей, в обычной жизни не замеченных в особой склонности ни к злу, ни к добру. По Г. Лебону [4], становясь частицей толпы, индивид спускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации, становится варваром — инстинктивно действующим существом, проявляющим черты произвола, буйства, свирепости, а также энтузиазма и героизма, свойственные первобытному человеку. Под влиянием «духа расы» он готов поддаться любому искушению, превратить внушенные идеи в немедленные действия, внезапно перейти от кровавой жестокости к великодушию или малодушию, стать механизмом, управляемым собственная воля бессильна.

Содержание приведенных теорий не было воспринято отечественными юридическими психологами в готовом виде, но подверглось критическому осмыслению, послужив толчком для развития вполне оригинальных идей. В частности, видный российский юрист В.К. Случевский, один из разработчиков Уголовного уложения 1903 г., описывая толпу как единый организм, образованный доминированием общей идеи и чувства над повседневными заботами каждого, не согласился с позицией С. Сигеле [9] и Г. Тарда [11], предлагавших относить к толпе суд присяжных, парламентское собрание, ту или иную комиссию. Последовательное противопоставление уличной толпы подобным социальным объединениям в дальнейшем позволило избежать неоправданно широкого толкования базового понятия, что долгое время оставалось характерным для западно-европейских исследований.

Точка зрения В.К. Случевского на процессы изменения личности в толпе была сформулирована следующим образом: «...в каждом живет зверь, действия которого сдерживаются нравственными мотивами, частью природными, частью же развитыми путем воспитания» [10, ч. 1, с. 33]. Пребывание в толпе создает условия к тому, чтобы прежде надежно скрытые «в тайниках человеческой души, вне сферы сознания» психические начала проявили себя во всей полноте и определенности. Толпа, с одной стороны, способна придать импульсам своих членов чрезвычайную силу и, с другой стороны, уменьшить до ничтожных размеров сопротивление им, столь действенное в повседневной жизни. Заметим, что суждение о проявлениях этого «звериного начала» со времен Т. Гоббса сохраняло востребованность в общественных науках (см. С. Сигеле [9, с. 40–41]) и не хуже своих альтернатив позволяло объяснить факт индивидуальных различий при решении проблем, связанных с определением меры виновности и степени ответственности участников массовых беспорядков, что для правоведа В.К. Случевского имело особое значение. Предпринятая им попытка систематизации свойств стихийного объединения основывалась на выделении признаков общих, «вполне космополитического характера» и частных, по совокупности которых «новгородская толпа, действовавшая во времена Великого Новгорода... отличается другими красками и контурами, нежели та новгородская толпа, которая в наше время в пределах Тихвинского уезда сжигала колдунью Афросинью» [10, ч. 1, с. 11].

В перечень общих для любой толпы им были включены четыре свойства, а именно:

- чрезвычайная возбудимость по самым ничтожным поводам;
- моноидеизм как господство одной идеи или чувства над остальными, приводящее к тому, что «ничего другого для толпы не существует, там только мрак, в котором ни толпа, ни ее участники в отдельности разобраться не могут и разогнать его не в силах» [10, ч. 1, с. 23];
- легковерие, в силу которого недостаток фактов успешно компенсируется нелепыми домыслами и даже галлюцинациями;
- жестокость действий, иногда достигающая запредельной выраженности.

Как следствие, подпадая под влияние толпы, «человек перестает быть вполне нормальным субъектом, он изменяет часто тем обычным свойствам, которые характеризуют его в будничной жизни; он делается таким же возбудимым, легковерным и односторонним в своих суждениях и чувствах, как и сама толпа, и легко превращается в такого же зверя, как она» [10, ч. 1, с. 35].

Что касается свойств частных, отличающих одни толпы от других, то В.К. Случевский отнес к ним те, которые возникают в силу влияния на окружающих отдельных личностей, а также обусловленные отпечатком национального характера, духом эпохи и особенностями социально-экономического уклада.

Сравнительно большее внимание, чем его западноевропейские современники, В.К. Случевский уделил социальным факторам, создающим основу для духовного единства толпы. Тягость условий жизни того времени и надеж-

да на скорые изменения собирали приверженцев Разина или Пугачева, надвигающаяся холера будила суеверия и обостряла недоверие к представителям иных сословий, общее обнищание переносило тяжесть неразборчивого народного гнева с ростовщиков и держателей питейных домов на случайные жертвы — единство в мыслях и переживаниях невозможно без определенной почвы.

Особый интерес в концепции В.К. Случевского вызывает то, что в социальной психологии XX века получило наименование «посылов к агрессии», ситуативных переменных, которые, ассоциируясь с насилием, запускают соответствующую реакцию по типу условного рефлекса. Так, одну из жертв массовой агрессии погубил невольно вырвавшийся жалобный крик, другую — униженные мольбы, третью — не вовремя выпавшее из кармана оружие. Аналогично — толпу погромщиков «звон битого стекла, разлетающиеся по воздуху перья из распоротых перин, крики «Ломай! Бей!» и тем более вид крови, страданий и смерти электризует... и заставляет развивать страшную стихийную разрушительную силу» [10, ч. 1, с. 35].

Разрабатывая собственную теорию, военный юрист Д.Д. Безсонов [1] [2] выступил с развернутой критикой ключевых положений западноевропейских ученых. В частности, касаясь характерной тенденции наделять толпу «всеми пороками и недостатками, которые свойственны вообще человеческому роду» [2, с. 62] и одновременно приписывать ей черты великодушия и героизма, он упрекал авторов теорий толпы в противоречивости, произвольности и заведомой предвзятости трак-

товок. Сего точки зрения, при изучении стихийных объединений было допущено несколько существенных методологических ошибок. Одна из них заключалась в некритическом распространении на толпу в целом тех поведенческих характеристик, которые нашли свое выражение в пределах той или иной конкретной совокупности собравшихся. Встречаются толпы, отличающиеся жестокостью и склонностью к разрушению, однако не все они таковы, констатировал отечественный юрист. Другая ошибка, по мнению Д.Д. Безсонова, состояла в недостаточном учете факторов, способствующих ее образованию или определяющих характер совместных действий. Переноса в психологию масс из области уголовного права представление о трех факторах преступности — социальных, антропологических и физических, западноевропейские ученые недооценили значение первого из них, по сути, проигнорировав тот факт, «что толпа, этот автор жизненной драмы, имеет свой пролог, свою историю образования и постепенного развития, где толпа является только финалом» [2, с. 87]. Наконец, представляется обоснованным и замечание, высказанное им в адрес С. Сигеле, Г. Тарда и Г. Лебона, проиллюстрировавших основные положения своих трудов примерами из истории Французской революции, то есть событиями другой эпохи. Если сейчас и наступил «век толп», то, изучая его, следует иметь в виду, что каждое время порождает свои толпы, — таков вывод Д.Д. Безсонова. Согласно его позиции, отчасти предвосхитившей теорию конвергенции Ф. Олпорта, в центре внимания исследователей должно быть не абстрактное «коллективное

Я» или «душа толпы», а поведение индивидов, находящихся в особом психическом состоянии вследствие своего пребывания в толпе. Ключевая характеристика этого состояния определялась им как внушаемость, которая стала следствием «дизаггрегации сознания», «расщепления духа», при котором «подборстvenное», рефлекторное сознание входит в прямое сообщение с внешним миром.

Д.Д. Безсонов [1] отмечал, что при определении ответственности субъектов массовых преступлений важно различать толпу пассивную и активную. В состав толпы пассивной (или выжидающей) индивиды включаются по совершенно разным причинам — кто-то пришел из любопытства, других привела туда потребность выразить свои убеждения или переживания, добиться достижения значимых целей, третьи оказались в ней случайно. В процессе последующих информационных и эмотивных взаимовлияний собравшиеся начинают все отчетливее чувствовать духовное родство и очевидную силу. В этот момент пассивная толпа начинает представлять собой единое целое, готовое подчиниться внушению или последовать примеру для подражания. Но это не некая «коллективная душа», а временное сочетание индивидуальных сознаний на основе восприятия своей гомогенности. Дальнейшее пребывание в толпе, связанное с напряжением внимания, ограничением свободы движений, нарастающим утомлением, закономерно ведет, по мнению исследователя, к «дизаггрегации сознания», ослаблению «Я» и выходу на передний план «подборстvenных» аспектов психики.

В момент преобразования толпы из пассивной в активную (или действующую) сложившееся было «общее сознание» начинает уступать место началам, прежде скрытым в тайниках личности. Как следствие, «индивидуальность каждого резко выступает наружу. Поэтому мы и видим, что в такой толпе одни являются более активными, более энергично действующими, другие — менее. Одни не отступят ни перед какими препятствиями, другие — остановятся перед ними» [2, с. 121]. Иначе говоря, сформированные привычки и навыки, выработавшиеся стереотипы восприятия, мышления и отношения к действительности проявят себя во всей полноте на фоне ослабления влияния социальных норм, характерного для рефлексаторного, «подбодрственного» сознания.

Заметим, что отечественные юридические психологи поддержали суждение Г. Тарда [11], согласно которому преступный акт, совершенный как бы под принуждением толпы кем-то из ее членов, в действительности вполне соответствует скрытым наклонностям данного индивида, не сдержавшего, как отмечал В.К. Случевский, собственно «звериного начала» или не справившегося, по Д.Д. Безсонову, с импульсами своего «дезаггегрированного сознания». Таким образом, на скамье подсудимых оказываются не «потерпевшие крушение от психологической бури, которая увлекла обвиняемых без их ведома» [9, с. 1], но лица, вполне сохранившие вменяемость и подлежащие ответственности.

Принципиально иной была позиция бывшего прокурора московского окружного суда П.Н. Обнинского, который в статье о проявлениях «нравствен-

ной заразы» во время холерных беспорядков выразил сомнение в правомерности уголовного преследования за ряд массовых преступлений. По его мнению, толпы простонародья, разрушавшие больницы, избивавшие и убивавшие врачей, фельдшеров, полицейских, активно сопротивлявшиеся войскам, вообще не должны подлежать наказанию. Предельно широко трактуя соответствующие статьи законов, П.Н. Обнинский подводил их действия под понятия «ошибки», «обмана», «непреодолимого от превосходящей силы принуждения», в частности, указывая, что «страх перед неминуемой гибелью, чувство самосохранения, глубоко осознанная необходимость самообороны — вот что управляло этими массами» [6, с. 10]. С его точки зрения, неужественная и обезумевшая толпа лишь *защищалась*, подпав под влияние нелепых слухов о том, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам по ожидаемому царскому указу своих земель, задумали морить народ: из подзорной трубы пускают они в него холерную шмару; доктора и полиция ими подкуплены... живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться божьему изволению грех» [6, с. 4–5].

Возражал он и против практики наказания вожakov толпы. Рассуждая о том, что нравственная эпидемия опередила физическую, П.Н. Обнинский выделял в составе бунтовавшей толпы три категории участников. К первой были отнесены вожаки — «подстрекатели и

вестовщики», наиболее активные разоблачители «коварства» противохолерных мероприятий властей. Значительную часть из них составляли женщины, «наиболее темный и забытый элемент» простого народа. Во вторую была включена основная масса людей, подвергнутая нравственному заражению. В третью категорию вошли «сознательные, заправские преступники», «воры и буйаны по призванию», любители «поудить рыбу в мутной воде». По его мнению, к представителям двух первых категорий применять уголовное наказание не следует в силу невольности заблуждений, выраженных панических настроений, а также по причине непреодолимой силы «нравственной заразы» как продукта взаимного подражания. Не представляется оно и эффективным: темные и недоверчиво настроенные массы увидят в наказании не возмездие за вину, а личную месть тех, кто «пускает шмару в народ». Что же касается воспользовавшихся ситуацией преступников, то их достаточно судить за совершенное каждым лично, не предъявляя общих обвинений в восстании или сопротивлении власти.

Рассуждая об особой значимости гуманизма и христианского милосердия «в наше склонное к озлоблению время» [10, ч. 2, с. 18], отечественные юридические психологи не могли и подозревать о том, что несет для России грядущий «век толп». Их концепции оказали заметное влияние на развитие представлений о стихийных объединениях в российской психологической мысли, однако время существования заложенной ими традиции оказалось непродолжительным. Когда же после долгого перерыва отечествен-

ные исследователи вновь обратились к изучению толпы, вклад В.К. Случевского, Д.Д. Безсонова и П.Н. Обнинского в данную проблематику остался в ряду несправедливо забытых.

Литература

1. *Безсонов Д.Д.* К вопросу о психологической стороне массовых преступлений // Журнал министерства юстиции. 1907. № 3. С. 106–150; № 4. С. 115–173.
2. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
3. *Михайловский Н.К.* Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. 886 с.
4. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. 330 с.
5. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд-во В.П. Анисимова, 1903. 254 с.
6. *Обнинский П.* Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1–14.
7. *Полянский Н.Н.* Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права // Ученые записки Императорского Московского университета. Юридический факультет. 1909. Вып. 35. С. 300–422.
8. *Пусторослев П.П.* Преступность, виновность и вменяемость // Журнал министерства юстиции. 1907. № 4. С. 77–114; 1907. № 5. С. 133–182.
9. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
10. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5–38; № 5. С. 5–23.
11. *Тард Г.* Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1893. 44 с.
12. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 201 с.
13. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. 5-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 441 с.
14. *Ширков В.П.* Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 90–124.
15. *Journal H.* Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
16. *Tarde G.* La philosophie pénale. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1891. 566 p.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ЕГО ИНФАНТИЛИЗАЦИИ И КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Д. В. Сочивко, Т. А. Симакова

Аннотация: в статье предлагаются авторские методы исследования индивидуального правосознания и криминально-правового инфантилизма.

Авторы исходят из того, что индивидуальное правосознание формируется не изолированно, а во взаимосвязи с другими подструктурами личности человека, включая его подсознание. Таким образом, правосознание проходит и все фазы формирования отношения к действительности — от детско-эгоцентрического, инфантильного до взрослого, которое в идеале является адекватным современным условиям жизнедеятельности. При этом достижение этого последнего уровня осложнено и различными моментами общественного прогресса, и особенностями воспитания. И здесь существенную роль играет такое современное явление в структуре сознания, как криминальный инфантилизм, который является отнюдь не недоразвитием человека, а напротив, сложившейся формой взрослого (по существу, потребительского) сознания, обеспечивающей ему адаптацию к условиям жизнедеятельности, если окружение это позволяет.

Криминально-правовой инфантилизм существенно влияет на структуру индивидуального правосознания. В результате совместного исследования двух представленных явлений авторы предлагают коэффициент криминально-инфантильной зара-

женности как дополнительную шкалу к опроснику «Индивидуальная структура правосознания».

Ключевые слова: индивидуальная структура правосознания, криминальный инфантилизм, криминально-правовой инфантилизм, правовая культура, правовой нигилизм, правовой авантюризм, ответственность.

Правосознание является в настоящее время междисциплинарной проблемой, а приоритетными направлениями исследования остаются области права и философии. Его обычно рассматривают как одну из форм философской категории «сознание». Правосознание еще с советских времен в отечественной науке исследуется как одна из форм общественного сознания. В традициях отечественной науки советского периода уделялось слишком большое внимание общественному, массовому сознанию или мировоззрению и принижалось значение индивидуального. Это доказывает острую необходимость исследования роли индивидуального правосознания — сферы детерминирующих отношений личности, еще недостаточно исследованной в психологии.

Правосознание взаимодействует и с другими формами общественного сознания, и в процессе этого взаимодействия различные формы сознания видоизменяют друг друга. Так, утрата обществом твердых моральных усто-

ев, беспрестанные поиски нравственных ориентиров гражданского общества приводят к падению уровня конструктивного правосознания, а затем и деструкции индивидуального правосознания.

Таким образом, в настоящее время актуальным становится вопрос об индивидуальном правосознании, его психологической природе на основе всестороннего синтеза современного знания и исторических трудов отечественных мыслителей. Важно, чтобы эта философско-психологическая категория предстала как некая подструктура личности человека, что позволило бы перейти к ее психологическому измерению и последующей коррекции с целью сохранения национальной безопасности современного общества.

Индивидуальное правосознание формируется не изолированно, а во взаимосвязи с другими подструктурами личности человека, включая его подсознание. Таким образом, правосознание проходит все фазы формирования отношения к действительности — от детско-эгоцентрического, инфантильного до взрослого, которое в идеале является адекватным современным условиям жизнедеятельности.

Однако достижение этого последнего уровня осложнено различными моментами общественного прогресса и

особенностями воспитания. В своей работе [8] мы исследовали такое современное явление в структуре сознания, как криминальный инфантилизм, который является отнюдь не недоразвитием человека, а напротив, сложившейся формой взрослого (по существу, потребительского) сознания, обеспечивающей ему адаптацию к условиям жизнедеятельности, если окружение это позволяет.

Психодинамическое исследование криминально-правового инфантилизма предполагает исследование его побудительной роли в общей структуре личности. С позиций психодинамического подхода необходимо рассмотреть все возможные психоэнергетические взаимодействия вновь определенного конструкта с личностью в криминально-правовом аспекте. В таблице 1 представлены криминальные и правопослушные типы личности и инфантилизма.

Эти типы в общем и целом могут быть охарактеризованы следующим образом:

I. **Ик: Криминальный инфантил**, маменькин сынок, потребитель, иногда тунеядец, не гнушается ложью и мелким (не опасным) воровством, которое нередко приводит к судимости из-за недооценки криминального содержания поступка; отличительные черты: соци-

Таблица 1

Возможные соотношения криминального и правопослушного инфантилизма с правопослушной или криминальной личностью

Показатель	Криминальный	Правопослушный
Инфантилизм (инфантил)	I Ик	II Ип
Личностный рост, направленность личности	III Лк	IV Лп

альная трусость, отсутствие сформированных морально-нравственных норм, плохое образование, поверхностность во всем, эгоцентризм, эгоизм.

II. Ип: Правопослушный инфантил, маменькин сынок, потребитель, иногда тунеядец, но способен оценить опасность лжи и воровства, поэтому делает это очень скрытно, иногда проявляя смекалку в устройстве собственных интересов за счет других, вероятность судимости невелика, может обладать неплохим образованием, поверхностность в мировоззрении и морали, социальная трусость, иногда проявляет глубину знаний в узкоспециальной области, его отличают эгоцентризм, эгоизм.

III. Лк: Криминальная личность, высокий уровень криминальной деструктивности личности, высока вероятность судимости, однако возможны варианты и хорошо скрываемого криминала, ловкий уход от уголовной ответственности, осторожный, может иметь хорошее образование, интеллект выше среднего, хитрый эгоист; на «зоне» достаточно авторитетная личность. Учитывая способность к личностному росту, возможно психологическое исправление.

IV. Лп: Правопослушная личность, низкая криминальная деструктивность, способность к самореализации, глубокое осознание морально-нравственных норм, признание интересов других, духовная способность отдавать.

Таблица 2

Шесть психодинамических циклов (типов поведения), сопряженных с криминально-правовым инфантилизмом

Код психодинам. типа	Психодинамический тип	Духовное личностное состояние	Поведенческий психодинамический вектор (девиз)
ИК ИП	Формирующийся криминальный инфантилизм	Неосознанность асоциального поведения	А что я такого сделал?
ИК ЛК	Личностно-криминальный инфантилизм	Проба и принятие асоциального поведения	Главное, чтобы никто не узнал
ИК ЛП	Подавляемый криминальный инфантилизм	Осознание и стыдливость асоциального поведения	Наплевать, кому какое дело, мелочь, никто не заметит
ИП ЛК	Криминально-правовой инфантилизм	Норма асоциального поведения	Если очень хочется (нужно), то все можно
ИП ЛП	Правопослушный инфантилизм	Стремление к нивелированию последствий асоциального поведения	Как-нибудь поосторожнее (что-то эгоистически нарушить)
ЛК ЛП	Постинфантильная личность	Преодоление потребности асоциального поведения	Кто я: достойный человек или прохиндей?
Прочие	Различные неустойчивые психодинамические циклы		

Чтобы определить психодинамические типы собственно криминально-правового инфантилизма во всех его взаимовлияниях, необходимо построить комбинаторную схему всех возможных психодинамических взаимодействий указанных личностных типов (как текущих состояний приверженности тому или иному типу, или личностных ролей) [9].

В таблице 2 представлены возможные циклы взаимосменяемости указанных четырех ролей личности в ее целостной психодинамике. Так, инфантил криминальный, готовый к серьезным асоциальным поступкам, может во внутреннем плане переживаний выступить в роли инфантила правопослушного, который будет искать более безопасные пути удовлетворения своих инфантильных желаний. По мере развития ситуации вновь на первый план выступит инфантил криминальный, таким образом, образуется цикл, который стано-

вится характерным для личности [6]. Всего существует шесть таких циклов (табл. 2).

Разработанная психодинамическая методика типологического анализа индивидуальной структуры криминально-правового инфантилизма (табл. 3) позволяет определить, к какому из шести психодинамических типов относится испытуемый, а также определить один из четырех (см. выше) преобладающих статических типов, который принимает на себя большинство замыканий в интрапсихической психодинамике личности.

Криминально-правовой инфантилизм, являясь формой взрослого сознания и соответствующего (потребительского, по существу) поведения как способа адаптации к окружающей действительности, формируясь и укрепляясь, начинает воздействовать на самые разные сферы личности. Таким образом, криминальный инфантилизм мож-

Таблица 3

Метод психодинамической диагностики определения типа криминально-правового инфантилизма Д. Сочивко (с ключом*)

Внимательно прочитайте весь опросник, затем инструкцию, и, если задание понятно, приступайте к работе.

Ик	1. Бывает, что Вы чувствуете себя так, как будто о Вас все забыли, все Ваши просьбы и требования игнорируются, и Вам кажется, Вы на все готовы, чтобы привлечь к себе внимание и добиться исполнения хотя бы некоторых Ваших желаний, тогда...	
	1. Вы постараетесь наладить контакт с теми, кто Вас интересует, чем-то угодить, создать о себе максимально хорошее впечатление, чтобы попросить или потребовать то, что Вам нужно	Ик – Ип
	2. Вас не интересуют интересы и поведение других, Вы поставите своей задачей отстаивание всех своих требований, чего бы Вам это ни стоило	Ик – Лк
	3. Вы постараетесь проанализировать ситуацию, понять, что Вы, возможно, сделали не так, что Вы можете исправить, и как себя повести, чтобы добиться желаемого	Ик – Лп

* Пользование ключом психодинамических методов подробно описано в книге Д. В. Сочивко «Психодинамика».

Ип	II. Представьте себе, что Вам предстоит решить какую-то сложную проблему, например поступить на интересующую Вас работу, занять какое-то место в коллективе и т. п., тогда...	
	1. Вы постараетесь наладить нужные контакты, угодить всем, кто может быть Вам полезен, не остановитесь и перед тем, чтобы раскрыть все отрицательные черты и поступки того, кто Вам препятствует, чтобы показать, что именно Вы, а не кто-то другой должны занять это место	Ип – Ик
	2. Вы не будете особенно церемониться в отношении тех, кто Вам препятствует. У Вас всегда найдутся средства нужным образом воздействовать на людей	Ип – Лк
	3. Вы постараетесь проанализировать Ваши возможности достижения цели и то, насколько это для Вас действительно важно. После чего сформулируете и открыто предъявите окружению свои возможности, требования и желанная достижения цели	Ип – Лп
Лк	III. Вы оказались в угрожающей ситуации, когда Вам необходимо преодолеть серьезное сопротивление окружающих в достижении Ваших целей, тогда...	
	1. Вы, конечно, очень рассердитесь и озлобитесь на Ваше окружение и направите все свои усилия на выяснение отношений и восстановление собственной значимости в этой ситуации	Лк – Ик
	2. Вы постараетесь наладить заново дружелюбные отношения со всеми с целью добиться оказания Вам помощи, даже если для этого потребуются некоторая доля обмана и ущемления чьих-то интересов	Лк – Ип
	3. Вы будете до конца отстаивать свои права, стараясь никого не обидеть, если только Вас не вынудят к решительным и прямолинейным действиям, возможно, и неприемлемым для окружающих	Лк – Лп
Лп	IV. Представьте себе, что Вы находитесь в том состоянии, что можете изменить свою жизнь, обрести новый, более высокий социальный статус, заняться действительно интересным и перспективным делом, тогда...	
	1. Вы, наверное, сделаете все, чтобы достичь всего возможного, с чьей-то помощью или протекцией, возможно, даже скрывая что-то или обманывая ради дела	Лп – Ик
	2. Вы тщательно просчитаете все возможные риски, много раз подумаете, не проще ли оставить все, как есть, посоветуетесь с близкими и друзьями, может, они Вам помогут решить все как-нибудь попроще	Лп – Ип
	3. Вы тщательно продумаете стратегию своего поведения, возможные препятствия со стороны окружающих и способы их преодоления. Никто и ничто не должно Вам помешать, чего бы это ни стоило	Лп – Лк

Инструкция: В каждом из четырех пунктов (отмечены римскими цифрами) выберите только одно (из трех возможных) продолжение описанного состояния (отмечено арабскими цифрами), наиболее характерное для Вашего способа поведения в указанной ситуации. Выбранный вариант отметьте подчеркиванием (кружком, галочкой) кода в крайнем правом столбце. Если Вам понятна инструкция, то начинайте работать.

но исследовать и по его внутрисистемным личностным связям, как бы по следам его деструктивного воздействия.

Наибольшее сращивание криминального инфантилизма наблюдается со структурами индивидуального право-

сознания, для исследования которого нами была разработана соответствующая опросная методика (табл. 4), позволяющая получить оценки по четырем шкалам: «правовой нигилизм», «правовая безответственность», «правовая культура» и «правовой авантюризм».

Описание шкал. Шкала «Правовой нигилизм» (табл. 5) направлена на оценку того, насколько человек готов отрицать правовые нормы при принятии решений в различных ситуациях. В данном случае речь идет об нигилистической правовой установке на то, что правовые нормы и законность можно нарушать всегда, когда это не грозит большой опасностью. Такая установка ярко выражена при высоких оценках по шкале и отсутствует при низких. Средние оценки приведены в таблице 9.

Шкала «Правовая безответственность» оценивает готовность человека отвечать за свои (и ближайшего своего окружения) поступки. Высокие оценки по шкале характеризуют человека, которого мало интересует законность его действий, все необходимые решения нужно продавливать силой, не считаясь с законностью, знание законов и правовых норм совершенно не обязательно.

Шкала «Правовая культура» оценивает личностную установку не только на знание правовых норм, но и на стремление их правильно употреблять в своей жизни и работе. Высокие оценки характеризуют человека, имеющего хорошие правовые знания и настроенного на расширение своего правового кругозора, а также на следование в своем поведении правовым нормам. Низкие оценки говорят об отсутствии правовой культуры. Высокий уровень показателей по этой шкале, очевидно, свиде-

тельствует и о зрелости личности, преодолению криминально-правового инфантилизма.

Шкала «Правовой авантюризм». Высокие оценки по шкале свидетельствуют как об общем авантюризме личности, так и о «динамической тенденции» (говоря словами С. Л. Рубинштейна) поиграть с законом. Такие люди отличаются нарочитой небрежностью в работе, граничащей с правонарушением, манипулятивны в общении. Низкие оценки означают отсутствие правового авантюризма.

Анализируя представленные описания шкал методики «Структура индивидуального правосознания», можно убедиться в том, что этот метод как единый измерительный инструмент показывает степень зараженности индивидуального правосознания криминально-правовым инфантилизмом (КИ-зараженность). Высокая правовая культура при низких оценках по трем другим шкалам свидетельствует о низкой зараженности, обратная ситуация — о высокой. Исходя из этого, мы предлагаем дополнительную шкалу оценки криминально-инфантильной зараженности индивидуального правосознания, показатели по которой рассчитываются как частное от деления суммы показателей по шкалам «Правовой нигилизм», «Правовая безответственность» и «Правовой авантюризм» на показатель по шкале «Правовая культура».

В таблице 9 приведены средние оценки показателей по шкалам методики «Структура индивидуального правосознания» по общей матрице различных категорий граждан (студентов вузов, преподавателей, работников со-

Таблица 4

Опросник «Структура индивидуального правосознания» Сочивко — Симаковой

Инструкция: Просим Вас ответить на следующие 49 вопросов. Ответы «да» соответствует «+» перед вопросом, ответу нет «-».

1. + - Допустима ли небрежность при исполнении обязанностей по должности?
2.+ - Допускали ли ваши родственники высказывания о том, что можно брать все, что лежит без присмотра?
3.+ - Вы с уважением относитесь к любой форме собственности?
4.+ - Вы считаете правильным всегда придерживаться буквы закона при решении текущих вопросов?
5.+ - Как вы считаете, все законы являются правильными и обязательными для исполнения?
6.+ - Как вы считаете, допустимо ли использовать силовой метод для решения спорных семейных вопросов?
7.+ - Всегда ли вы контролируете выполнение подчиненными заданий?
8. + - Возникает ли у вас желание при распределении материальных ресурсов оформить большую их часть на себя?
9. + - Вы часто употребляете спиртные напитки?
10.+ - Ради получения повышения по службе могли бы вы закрыть глаза при подготовке документов на небольшие отклонения от правовых норм?
11. + - Вам случалось нарушать общественный порядок?
12. + - Как вы считаете, обеспечивает ли выполнение всех правовых норм независимость и свободу действий?
13. +- Способны ли вы, даже если это испортит отношения с вашим руководством, отказаться от выполнения распоряжений, противоречащих правовым нормам?
14. + - Необходимо ли, по вашему мнению, убеждать начальство следовать букве закона?
15. + - Склонны ли вы к авантюризму?
16. + - Вам нравится посещать в казино?
17. + - Вы считаете, что необходимо все конфликты решать силой?
18. + - Подчиненный, который ослушался руководителя, достоин крайних форм наказания?
19. +- Вы ознакомились со всеми нормативными документами, связанными с обеспечением ваших функциональных обязанностей?
20. + - Как вы считаете, учреждение, где вы работаете, предназначено прежде всего для обеспечения ваших потребностей?
21. +- Как вы считаете, допустимо ли привлекать подчиненных к выполнению заданий вне их функциональных обязанностей для решения личных проблем руководителя?
22. +- Допустимо ли давать поручения подчиненным сверх их функциональных обязанностей?
23. +- Допустимо ли давать подчиненным поручения, противоречащие Трудовому кодексу, которые, однако, принесут существенную прибыль и руководителю и подчиненным?
24. +- Допускаете ли вы возможность манипулирования своими коллегами с целью повышения своего благополучия?
25. + - Единственно возможным способом достать в кратчайшие сроки денежные средства для срочных семейных нужд может быть только правонарушение?

26. + – Небольшие правонарушения в профессиональной деятельности любого сотрудника допустимы (например, сокрытие доходов), если они не наносят вред здоровью людей?
27. + – Порой лучше осуществить незаконное увольнение работника, чем ожидать от него неприятностей по отношению к себе?
28. + – Сотруднику не обязательно обдумывать приказы и распоряжения начальства, не зависимо от их содержания и правовой ответственности?
29. + – Каждый человек должен отвечать сам за свои решения?
30. + – Для сотрудника среднего звена – начальство всегда право?
31. + – Бывало, что близкие и друзья вынуждали вас совершать мелкие, уголовно ненаказуемые правонарушения, для сохранения хороших отношений?
32. + – Человек, который достиг вашего уровня жизни, социального положения, может себе позволить некоторые правонарушения (употребление спиртного в рабочее время, парковка автомобиля в неположенном месте, нарушение ПДД и т. д.)?
33. + – Как вы думаете, испытывает ли чувство угрызения совести руководитель, когда заставляет подчиненных выполнять работу, не входящую в их функциональные обязанности?
34. + – В сложной жизненной ситуации необходимо действовать так, как вам удобно, допуская и некоторые правонарушения?
35. + – Иногда вы бываете так раздражены, что готовы накричать или даже ударить своего коллегу (подчиненного)?
36. + – Каждый человек, являясь лицом организации, должен оставаться честным во всем и всегда?
37. + – Человек не должен отступать от закона даже ради того, чтобы совершить благородный поступок в глазах своих близких?
38. + – Часто ли вы задумываетесь о том, соответствует ли ваше поведение правовым нормам?
39. + – Главным в жизни человека являются честность и благородство?
40. + – Вы стремитесь, прежде чем выполнять порученные задания, оценить их с правовой точки зрения?
41. + – Как вы считаете, можно ли при серьезной необходимости совершать какие-либо правонарушения?
42. + – Вы осуждаете сотрудников, выполняющих приказы начальства, связанные с правонарушениями?
43. + – Исполнение вами обязанностей по должности всегда основано на нормативных положениях о профессиональной деятельности (учебы)?
44. + – Назначение на высокооплачиваемую работу всегда сопряжено с совершением правонарушений?
45. + – Ради скорого включения в команду руководителя вы готовы выполнять все его распоряжения, независимо от их правовой оценки?
46. + – Каждый сотрудник должен уметь грамотно использовать правовые нормы при решении любых профессиональных задач?
47. + – Руководителю допустимо не придерживаться буквы закона, если это наносит ущерб делу?
48. + – Возможно ли для вас принятие решений, противоречащих духу закона?
49. + – Сотрудник обязан уметь рассматривать любую проблему с экономической, политической, социальной и правовой позиций?

Таблица 5

Шкала «Правовой нигилизм»

3.- Вы с уважением относитесь к любой форме собственности?
4. – Вы считаете правильным всегда придерживаться буквы закона при решении текущих вопросов?
5. – Как вы считаете, все ли законы являются правильными и обязательными для исполнения?
10.+ Ради получения повышения по службе могли бы вы закрыть глаза на небольшие отклонения от правовых норм при подготовке документов?
11.+ Вам случалось нарушать общественный порядок?
26.+ Небольшие правонарушения в профессиональной деятельности любого сотрудника допустимы (например, сокрытие доходов), если они не наносят вреда здоровью людей?
27.+ Иногда лучше осуществить незаконное увольнение работника, чем ожидать от него неприятностей по отношению к себе?
32.+ Человек, который достиг вашего уровня жизни, социального положения, может себе позволить некоторые правонарушения (употребление спиртного в рабочее время, парковка автомобиля в неположенном месте, нарушение ПДД и т.д.)?
34.+ В сложной жизненной ситуации необходимо действовать так, как вам удобно, допуская и некоторые правонарушения?
35.+ Иногда вы бываете так раздражены, что готовы накричать или даже ударить своего коллегу (подчиненного)?
41.+ Как вы считаете, можно ли при серьезной необходимости совершать какие-либо правонарушения?
43. – Исполнение вами обязанностей по должности всегда основано на нормативных положениях о профессиональной деятельности (учебы)?
45.+ Ради скорого включения в команду руководителя вы готовы выполнять все его распоряжения независимо от их правовой оценки?
48.+ Возможно ли для вас принятие решений, противоречащих духу закона?

На вопросы со знаком «минус» 1 балл начисляется в случае отрицательного ответа.

циальной сферы, менеджеров, юристов, курсантов и сотрудников, всего 424 человека) и по выборке сотрудников ФСИН России, включая курсантов (55 человек).

На рисунке 1 можно видеть, что все шкалы, кроме шкалы «Правовая культура», показывают более высокие оценки в общей группе испытуемых, где сотрудники представляют всего лишь восьмую часть (значимость различий дана в таблице 9).

Если рассчитать коэффициент инфантильной зараженности по груп-

пам, то он опять же выше в общей группе, и равен 13 баллам, у сотрудников — 10. Все это говорит о большей криминально-правовой инфантилизации среднестатистических граждан, работающих в сфере образования, и учащихся по сравнению с представителями Федеральной службы исполнения наказаний. Эти факты можно объяснить требованиями системы к своим сотрудникам, касающимися не только наличия правовых знаний, но и их применения на службе и в жизни. Оказывает влияние и роль первичной и вторич-

Таблица 6

Шкала «Правовая безответственность»

2. + Допускали ли ваши родственники высказывания о том, что можно брать все, что лежит без присмотра?
6. + Как вы считаете, допустимо ли использовать силовой метод для решения спорных семейных вопросов?
9. + Вы часто употребляете спиртные напитки?
17. + Вы считаете, что необходимо все конфликты решать силой?
18. + Подчиненный, который ослушался руководителя, достоин крайних форм наказания?
28. + Сотруднику необязательно обдумывать приказы и распоряжения начальства независимо от их содержания и правовой ответственности?
29. – Каждый человек должен отвечать сам за свои решения?
30. + Для сотрудника среднего звена начальство всегда право?
31. + Бывало, что близкие и друзья вынуждали вас совершать мелкие, уголовно не наказуемые правонарушения для сохранения хороших отношений?
44. + Назначение на высокооплачиваемую работу всегда сопряжено с совершением правонарушений?
46. – Каждый сотрудник должен уметь грамотно использовать правовые нормы при решении любых профессиональных задач?
47. + Для руководителя допустимо не придерживаться буквы закона, если это наносит ущерб делу?
49. – Сотрудник обязан уметь рассматривать любую проблему с экономической, политической, социальной и правовой позиций?

На вопросы со знаком «минус» 1 балл начисляется в случае отрицательного ответа.

ной профессионализации сотрудников и курсантов, которая, как будет подробнее раскрыто ниже, является основным социально-личностным фактором преодоления криминально-правового инфантилизма.

Факт более высоких оценок по шкалам, сопряженным с криминально-инфантильной зараженностью среди среднестатистических представителей образованной части населения России, говорит о недостаточном внимании гражданских вузов к воспитанию студентов в период первичной профессионализации. Об инфантильном развитии и существенной криминализации сознания существенной части современной российской молодежи мы

уже писали в своей работе [8].

В таблице 10 представлены интеркорреляции шкал опросника. Как можно видеть, статистическая проверка показывает их высокую согласованность.

Внутренняя консистентность опросника проверялась посредством расчета коэффициентов корреляций отдельных пунктов с суммарной оценкой по шкале. В таблице 11 приведены коэффициенты корреляции пунктов опросника со шкалами после исключения вопросов, не согласованных с конечным результатом, когда по этому критерию было отобрано именно 49 вопросов.

В таблице 12 представлены корреляции частоты встречаемости того

Таблица 7

Шкала «Правовая культура»

7. + Всегда ли вы контролируете выполнение подчиненными заданий?
14. + Необходимо ли, по вашему мнению, убеждать начальство следовать букве закона?
19. + Вы ознакомились со всеми нормативными документами, связанными с обеспечением ваших функциональных обязанностей?
20. + Как вы считаете, учреждение, где вы работаете, предназначено прежде всего для обеспечения ваших потребностей?
33. + Как вы думаете, испытывает ли чувство угрызения совести руководитель, когда заставляет подчиненных выполнять работу, не входящую в их функциональные обязанности?
36. + Каждый человек, являясь лицом организации, должен оставаться честным во всем и всегда?
37. + Человек не должен отступать от закона даже ради того, чтобы совершить благородный поступок в глазах своих близких?
38. + Часто ли вы задумываетесь о том, соответствует ли ваше поведение правовым нормам?
39. + Главным в жизни человека являются честность и благородство?
40. + Вы стремитесь прежде чем выполнять порученные задания оценить их с правовой точки зрения?
42. + Вы осуждаете сотрудников, выполняющих приказы начальства, связанные с правонарушением?

Один балл начисляется в случае положительного ответа.

Таблица 8

Шкала «Правовой авантюризм»

1. + Допустима ли небрежность при исполнении обязанностей по должности?
8. + Возникает ли у вас желание при распределении материальных ресурсов оформить большую их часть на себя?
12. – Как вы считаете, обеспечивает ли выполнение всех правовых норм независимость и свободу действий?
15. + Склонны ли вы к авантюризму?
16. + Вам нравится посещать в казино?
21. + Как вы считаете, допустимо ли привлекать подчиненных к выполнению заданий вне их функциональных обязанностей для решения личных проблем руководителя?
22. + Допустимо ли давать поручения подчиненным сверх их функциональных обязанностей?
23. + Допустимо ли давать подчиненным поручения, противоречащие трудовому кодексу, которые, однако, принесут существенную прибыль и руководителю и подчиненным?
24. + Допускаете ли вы возможность манипулирования своими коллегами с целью повышения своего благополучия?
25. + Единственно возможным способом достать в кратчайшие сроки денежные средства для срочных семейных нужд может быть только правонарушение?

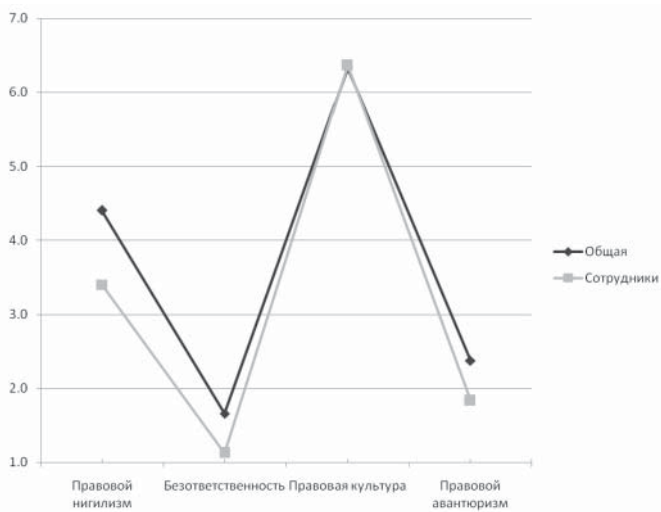
На вопрос со знаком «минус» 1 балл начисляется в случае отрицательного ответа

Таблица 9
Средние оценки по общей выборке и выборке сотрудников ФСИН России, включая курсантов Академии ФСИН России

Название шкалы	Средние показатели по шкалам		Стандартные отклонения		Статистические различия p≤
	Общая (424 человека)	Сотрудники	Общая (424 человека)	Сотрудники	
Правовой нигилизм	4,405	3,400	2,703	2,609	0,0129
Безответственность	1,660	1,127	1,883	1,368	0,0529
Правовая культура	6,325	6,363	2,428	2,075	нет
Правовой авантюризм	2,375	1,836	1,861	1,493	0,0492

или иного психодинамического типа криминально-правового инфантилизма с показателями по шкалам методики «Индивидуальная структура правосознания». Можно видеть, что высокие оценки по шкале «Правовая культура» статистически значимо реже сопряжены с такими типами инфантилизма, как

«формирующийся КИ» и «криминально-правовой инфантилизм», а также со статическими типами «правопослушный инфантил» и «КИ-зараженность». То, что у этих типов криминально-правового инфантилизма снижается правовая культура, достаточно понятно. Она просто мешает им в своей

Рис. 1. Средние показатели по шкалам методики «Структура индивидуального правосознания» в разных группах испытуемых

Таблица 10

Матрица интеркорреляций по общей группе испытуемых (424 человека)

Показатели	Правовой нигилизм	Безответственность	Правовая культура	Правовой авантюризм	КИ-зараженность
Правовой нигилизм	1,00	0,34	-0,42	0,55	0,67
Безответственность		1,00	-0,22	0,25	0,37
Правовая культура			1,00	-0,31	-0,56
Правовой авантюризм				1,00	0,57
КИ-зараженность					1,00

Жирным курсивом отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,01$).

Таблица 11

Коэффициенты корреляции отдельного пункта с суммарным баллом по шкале

Вопросы	Правовой нигилизм	вопросы	Безответственность	вопросы	Правовая культура	вопросы	Правовой авантюризм
3	0,27	2	0,46	7	0,38	1	0,46
4	0,50	6	0,52	14	0,45	8	0,50
5	0,46	9	0,40	19	0,45	12	0,42
43	0,31	17	0,47	20	0,25	15	0,56
10	0,59	18	0,38	33	0,38	16	0,38
11	0,57	28	0,41	36	0,51	21	0,50
26	0,55	30	0,38	37	0,54	22	0,50
27	0,38	31	0,53	38	0,49	23	0,57
32	0,50	44	0,49	39	0,51	24	0,52
34	0,61	47	0,47	40	0,56	25	0,42
35	0,42	29	0,47	42	0,49		
41	0,58	46	0,50				
43	-0,31	49	0,50				
45	0,40						
48	0,60						

Жирным курсивом отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,01$).

потребительски-инфантильной адаптации во взрослом социальном окружении. Понятна и положительная корреляция со статическим типом «Правопослушная личность».

Более интересными представляются факты отсутствия корреляций пра-

вовой культуры с частотой встречаемости таких психодинамических типов криминально-правового инфантилизма, как «Личностный КИ», «Подавляемый КИ», и таких статических типов, как «Правопослушный инфантилизм», «Постинфантильный тип личности», «Кри-

Таблица 12

**Корреляционные связи показателей по методикам
«Криминально-правовой инфантилизм»
и «Структура индивидуального правосознания»**

Типы	Правовой нигилизм	Безответ- ственность	Правовая культура	Правовой авантюризм
Формирующийся криминальный инфантилизм (КИ)	0,27	0,15	-0,20	0,19
Личностный КИ	-0,10	0,05	-0,03	-0,04
Подавляемый КИ	0,12	0,27	-0,13	0,02
Криминально- правовой инфантилизм	0,08	0,19	-0,29	-0,08
Правопослушный инфантилизм	-0,03	0,16	0,03	-0,05
Постинфантиль- ный тип личности	-0,09	-0,18	0,07	0,00
Криминальный инфантил	0,17	0,18	-0,12	0,23
Правопослушный инфантил	0,05	0,12	-0,25	0,01
Криминальная личность	0,02	-0,12	0,01	0,21
Правопослушная личность	-0,18	-0,20	0,33	-0,26
КИ-зараженность	0,68	0,37	-0,56	0,58

Жирным курсивом отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$).

минальный инфантил», «Криминальная личность». Считаем, что этот результат свидетельствует о роли личностного фактора как противостояния или закрепления каких-либо форм инфантильного развития.

Так, у сформировавшегося криминального инфантила («Личностный КИ») может быть как высокая, так и низкая правовая культура, она просто выводится за скобки и нивелируется в своем возможном влиянии на поведение. Этот тип вообще не имеет никаких значимых корреляций со шкалами индивидуального правосознания, он полно-

стью отделен от поведения. У типа «Подавляемый КИ» вмешательство личностного фактора, который, собственно, и направляет подавление инфантильных проявлений, блокируется безответственностью, что подтверждается значимой положительной корреляцией с соответствующей шкалой индивидуального правосознания. Аналогичные объяснения можно дать и относительно статических типов криминально-правового инфантилизма. Например, постинфантильная личность может иметь как высокую, так и низкую правовую культуру в зависимости от того,

насколько далеко она отошла от инфантильных проявлений в своем развитии. Криминальная личность также может иметь с равной вероятностью как высокую, так и низкую правовую культуру, которая перестает иметь для нее значение, так как выбран путь дальнейшего развития. Напротив, правопослушный инфантил («маменькино дитя») имеет низкую правовую культуру, ибо его личность заторможена в своем росте. Складывается парадоксальная ситуация: низкий уровень правовой культуры высвечивает потенциал возможного позитивного влияния на личность через ее развитие, а у сложившейся, например криминальной, личности этот рычаг уже невозможно использовать для позитивного личностного роста.

Таким образом, можно утверждать, что системные интрапсихические взаимосвязи психодинамических типов криминально-правового инфантилизма личности и индивидуального правосознания позволяют определять стратегические направления психологической поддержки индивидуально-психологического развития человека и коррекции различных его деструктивных отклонений, в первую очередь таких как инфантилизация и сопряженная с ней криминализация личности.

Литература

1. *Александрин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.
2. *Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф.* Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 118–121.
3. *Датий А.В., Воронин Р.М.* Некоторые особенности характеристик женщин-инвалидов, содер-

жащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 61–63.

4. *Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Взаимосвязи структурно-количественных показателей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 — «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.
5. *Симакова Т.А.* К вопросу о проблеме правового самосознания // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 32–37.
6. *Симакова Т.А.* Развитие правосознания в условиях вузовского образования // Антропологические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Научная книга, 2015. С. 106–108.
7. *Симакова Т.А.* Развитие духовного потенциала индивидуального правосознания в системе высшего профессионального образования // Духовно-нравственное воспитание молодежи: традиции и инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Изд. дом Воронеж. ун-та, 2015. С. 254–257.
8. *Сочивко Д.В.* Криминальный инфантилизм. М.; Рязань, 2014.
9. *Сочивко Д.В.* Психодинамика. М.: Изд-во МПСИ, 2007.
10. *Сочивко Д.В.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной системы и методологии ее изучения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 1. С. 34–43.
11. *Сочивко Д.В.* Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.
12. *Сочивко Д.В.* Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.
13. *Сочивко Д.В.* Проблема культурных и субкультурных ориентаций современного молодого человека в условиях усадки образовательной системы // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 12. С. 89–96.
14. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.
15. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
16. *Сочивко Д.В.* Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.

17. Сочивко Д.В. Психодинамика чувства юмора // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 14–19.

18. Сочивко Д.В. Субкульт психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 131–141.

19. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.

20. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.

21. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности — толе-

рантности курсантов // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

22. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.

23. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

24. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.

25. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–68.

ПСИХОЛОГИЯ ПОТЕРИ. ГЕНЕЗИС ПСИХОГЕННЫХ ПОТЕРЬ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ БОЕВЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В. И. Серов

Аннотация: в статье рассматривается проблема конфликта на межэтнической почве — пускового механизма военной конфронтации. Автор называет войну травматической эпидемией для психического состояния ее участников, дает понятие психологии потери как генезиса психогенных потерь или потери функциональности, а также разных типов психических реакций, вызывающих переход личности из нормального психического состояния в пограничное с изменением выполнения служебной деятельности, вплоть до отказа с выходом из правового поля. В статье приводятся данные Санкт-Петербургской военно-медицинской академии о том, что пребывание в экстремальных условиях боевых действий способно приводить к стойкому нарушению нормальной жизнедеятельности солдат-призывников; о психогенных потерях армии США в период военных действий в Корее и в последующие годы, выражающиеся в количестве самоубийств среди ветеранов этой войны, уже в 3 раза превысившем число погибших во время боевых действий, а также о психогенных потерях среди участников антитеррористической операции на юго-востоке Украины, достигая 80%. В статье приведены данные о том, что каждый пятый сотрудник отделов охраны УИС, несущий службу с оружием, входит в группу риска и нуждается в коррекции. Автор исследовал пограничное между нормой и патологи-

ей психическое состояние личности сотрудников УИС, военнослужащих, проходивших службу в Афганистане, Абхазии, Армении, Азербайджане, Грузии, России, предметно изучил динамику психогенных потерь в пограничном психическом состоянии трехуровневой структуры защиты личности сотрудников УИС, военнослужащих. Целью работы стало исследование в рамках правового поля психогенных потерь трехуровневой структуры защиты личности в пограничном состоянии сотрудника УИС и восстановление в пределы психической нормы.

Ключевые слова: психология потери, адаптивность, типы психологических защит, личность сотрудника УИС, защитные адаптивные реакции 1–8-й степени, сверхэкстремальные, экстремальные, дискомфортные внешние условия служебной деятельности.

Пусковым механизмом для возникновения военной конфронтации является конфликт на межэтнической почве, социальный и психологический протест против неблагоприятных условий жизни. Война — это травматическая эпидемия для психического состояния ее участников.

Психология потери — это исследование в правовом поле. Потери приводили к переходу личности из нормального психического состояния в пограничное с изменением выполнения слу-

жебной деятельности, вплоть до отказа с выходом из правового поля. Психология потери — это генезис психогенных потерь, или потеря функциональности. Генезис (греч. Γένεσις, Γένεση) — происхождение, возникновение, зарождение. Психогенные потери — это утрата на короткое или длительное время боеспособности людей вследствие воздействия боевых психогенных стресс-факторов [3]. Психогенные потери систематически стали изучаться в ходе Первой и особенно Второй мировой войны, в первую очередь — в армиях тех стран, в которых были психологические службы (США, Англия, Франция, Германия, СССР). «Психогенные потери», «психологические потери», «потери психиатрического профиля», «военный невроз», «психоневроз», «боевое утомление», «боевое истощение» — понятия собирательные для разных типов психических реакций, определяющие одно и то же явление с разных позиций. Они рассматривались как синонимы.

На возникновение психогенных потерь столетие назад указывалось в работах Г. Е. Шумкова [11, 12]: «Поражение психики бойца является для горячей боевой работы более ощутимой потерей, нежели одиночная смерть бойца,

не считая того, что нарушение психики немногих участников боя может расстроить и понизить психику многих других их сотоварищей, вызывая панику».

Проблема диагностики и коррекции негативных психологических последствий, возникающих в результате воздействия стрессогенных факторов, источниками которых являются различные травмирующие события (аварии, катастрофы, военные действия, насилие), относится к числу наиболее актуальных. Это заставило психологов вплотную заняться проблемами реабилитации пострадавших. В особом внимании нуждаются участники вооруженных конфликтов, так как во всем мире, в том числе в России, много очагов напряженности, сопровождающихся активными боевыми действиями. Все большее число военнослужащих вовлекается в решение этих конфликтов, участвует в боях. Опыт боевых действий свидетельствует о том, что войска наряду с физическими потерями несут ощутимые психогенные потери. Они связаны с получением военнослужащими боевых психических травм, которые, в свою очередь, приводят к расстройствам психической деятельности, полной или частичной потере

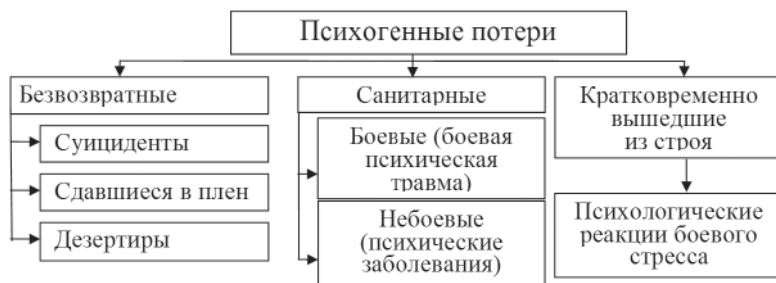

Рис. 1. Классификация психогенных потерь

боееспособности. Мировая статистика свидетельствует о растущей актуальности проблемы психологических потерь в процессе боевых операций. 62% опрошенных участников боевых действий в Чеченской Республике испытывали предельные психические нагрузки, 92% — перед началом боевых действий испытывали напряженность различной тяжести, 80% солдат, сержантов и 60% офицеров перенесли стрессовые ситуации, которые затрудняли эффективность их действий. В психологической реабилитации нуждается более 13 тысяч военнослужащих, проходящих службу в МВД России, и около 26 тысяч бывших военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, 25% из них необходимы длительные реабилитационные мероприятия.

Психогенные потери армии США в период военных действий в Корее (1950–1953 гг.) составили 24% от всего личного состава. До 1990 г. после войны во Вьетнаме около 100 000 американских солдат покончили жизнь самоубийством, в то время как число погибших на войне составило 58 000. В настоящее время количество самоубийств среди ветеранов этой войны уже в 3 раза больше числа погибших во время боевых действий. По результатам исследований боевых действий в Республике Афганистан, проведенных Санкт-Петербургской военно-медицинской академией, пребывание в экстремальных условиях до 6 месяцев у 36% солдат-призывников привело к стойкому нарушению их нормальной жизнедеятельности. Психогенные потери среди участников антитеррористической операции на юго-востоке Украины достигали 80%. Е. В. Овчарова [5] по

психическим состояниям сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, выявила четыре группы лиц с высоким (9% мужчины и 11% женщины), повышенным (38 и 35), пониженным (34 и 32), низким (19 и 22%) уровнем психической адаптации ($p < 0,05$). Сотрудники УИС последней группы находились в пограничном состоянии, то есть каждый пятый входил в группу риска и нуждался в коррекции.

Объект исследования — пограничное между нормой и патологией психическое состояние личности сотрудников УИС и обучающихся в Академии ФСИН России курсантов, военнослужащих, участвовавших в боевых действиях в Афганистане (Кандагар), отслуживших срочную службу в Абхазии (Сухум), Армении (Ванадзор), Азербайджане (Гянджа), Грузии (Караязы), России (Рязань). **Предмет исследования** — динамика психогенных потерь в пограничном психическом состоянии трехуровневой структуры защиты личности сотрудника УИС под влиянием краткосрочной коррекции.

Цель исследования — теоретическое обоснование в рамках правового поля концепции психогенных потерь трехуровневой структуры защиты личности в пограничном состоянии сотрудника УИС при осуществлении профессиональной деятельности, при чрезвычайных обстоятельствах и по восстановлению дисгармонии типов психологических защит от психогенных потерь в пределы психической нормы для поддержания уровня и продолжительности жизни.

Гипотеза. Появление типа психологической защиты или актуального психического состояния личности в погра-

ничном психическом состоянии личности есть проявление потери с развитием от дискомфортных к сверхэкстремальным условиям деятельности.

Задачи:

1. Проанализировать состояние теорий в отечественной и зарубежной психологии, выявить генезис происхождения и восстановления социогенных, психогенных, физиогенных потерь сотрудников УИС.

2. Исследовать генезис адаптивности, типов психологических защит личности сотрудника УИС, защитных адаптивных реакций 1–8-й степени в сверхэкстремальных, экстремальных, дискомфортных условиях.

3. Создать методику расчета и прогноза социогенных, психогенных, физиогенных потерь сотрудников УИС.

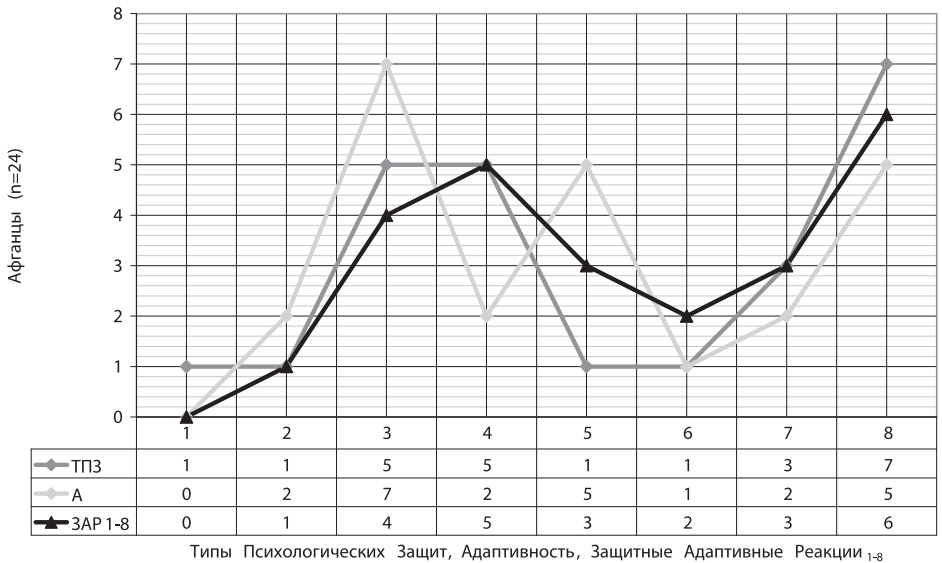
Потеря функциональности психического состояния и восстановление психического гомеостаза акупунктурой описаны при нахождении советников МВД, военнослужащих в сверхэкстремальных условиях Афганистана (Кандагар) при ведении боевых действий с угрозой для жизни, в экстремальных условиях в Абхазии (Сухум), Азербайджане (Гянджа), Армении (Ванадзор), Грузии (Караязы) после двухлетней военной службы, в дискомфортных условиях при поступлении кандидатов на учебу в военный вуз (Россия, Рязань).

Изучалась связь адаптивности (А — по 14-й шкале СМЛЛ-ММР) и семи типов психологических защит (ТПЗ — 1–4, 6–9-й шкалам СМЛЛ-ММР) в коррекционном типовом социопсихофизиологическом пространстве личности. Потери определяли по защитным адаптивным реакциям восьми степеней (ZAR_{1-8}) после совместного анализа адаптивности и ТПЗ. Статистиками М-Бартлетта, F-Фишера, t-Стьюдента, V-Уэлша подтверждено [2, 4, 6], что дисперсия в группе дезадаптированных личностей с ZAR_{4-8} была всегда выше и диапазон колебаний шкал больше, чем в группе лиц с высокими адаптивными способностями с ZAR_{1-2} .

Как видно на рисунке 2, максимальное количество военнослужащих по ТПЗ и ZAR_{1-8} приходилось на 8-ю группу, по адаптивности — на 3-ю. С 1-й по 3-ю группу по трем критериям количество военнослужащих составляло 1,38; 5,56; 22,22 % с минимальным их количеством в ZAR_1 . По ZAR_{4-8} количество военнослужащих составило — 16,67; 12,50; 5,56; 11,11; 25,00. В 8-й группе увеличивалось количество военнослужащих по ТПЗ, адаптивности, ZAR . Коэффициент корреляции $r = 0,839$ показывал сильную связь между А и ТПЗ. Она возрастала между ТПЗ и ZAR_{1-8} до 0,930 и А и ZAR_{1-8} до 0,919, что свидетельствовало о большем вкладе ТПЗ,

Психогенные потери. Афганистан

Рис. 2. Распределение по ЗАР₁₋₈ военнослужащих из Афганистана (Кандагар — южная провинция, город, аэропорт)

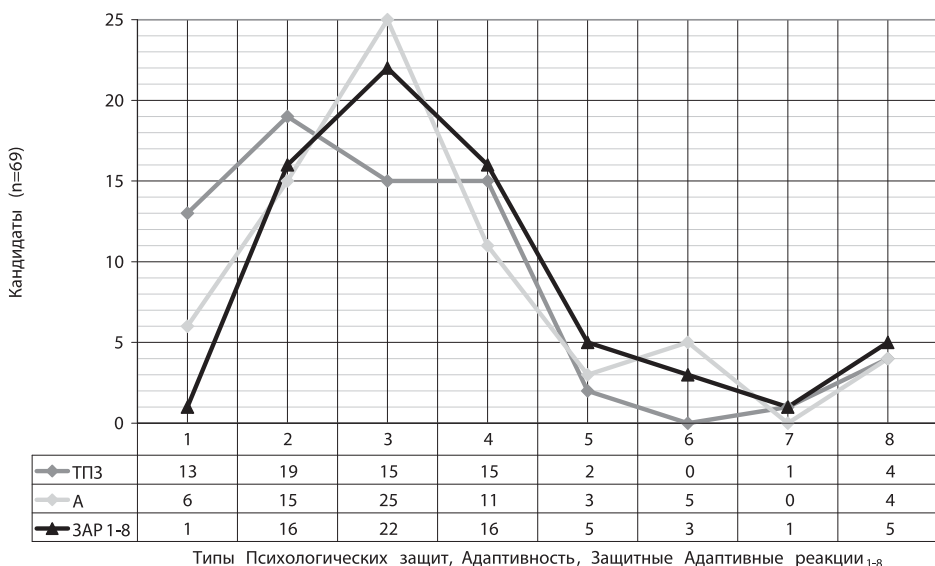
чем А, при формировании интегральной оценки ЗАР₁₋₈. При совмещении оценок по адаптивности и ТПЗ в ЗАР₁₋₈ принималась большая по величине группа. Апекс находился в 8-й группе при совпадении ТПЗ, А и ЗАР₈.

Как видно на рисунке 3, максимальное количество военнослужащих по адаптивности и ЗАР₁₋₈ приходилось на 2-ю группу, по ТПЗ — на 3-ю. С 1-й по 3-ю группу по трем показателям количество военнослужащих составляло 67,68, 56% с минимальным их количе-

ством с ЗАР₁. Из ЗАР₁₋₃ перешло 44% кандидата в ЗАР₄₋₈ с максимальной концентрацией в ЗАР₄. По ТПЗ, адаптивности, ЗАР наблюдалось повышение количества испытуемых в 8-й группе. Коэффициент корреляции $r = 0,685$ показывал сильную связь между А и ТПЗ. Она возрастала между ТПЗ и ЗАР₁₋₈ до 0,816 и еще больше между А и ЗАР₁₋₈ — до 0,937, что указывало на больший вклад А, чем ТПЗ, в интегральную оценку ЗАР₁₋₈. При оценке адаптивности и ТПЗ в ЗАР₁₋₈ включался больший по ве-

Психогенные потери. Абхазия

Рис. 3. Распределение по ЗАР₁₋₈ военнослужащих из Абхазии (Сухум)

личине показатель. Апекс находился в 3-й диагностической группе, а после ЗАР₇₋₈ совпадали с оценкой по ТПЗ и А. Расхождений между А и ТПЗ не наблюдалось. Как видно из приведенных данных, у военнослужащих, прошедших службу в Абхазии, имело место увеличение психогенных потерь.

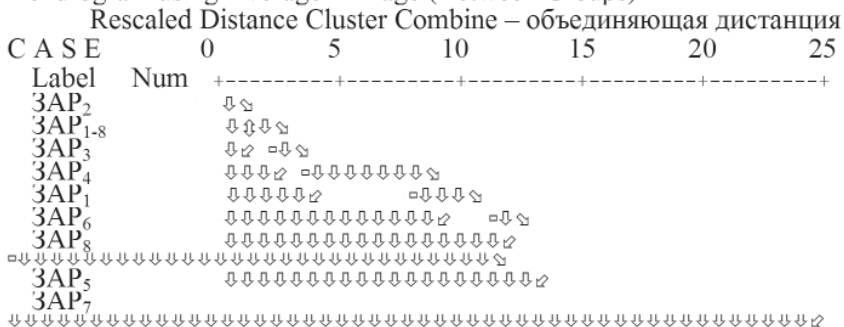
Россия (Рязань). Для поиска первопричины психогенных потерь, а также для разработки коррекции потерь в пограничном психическом состоянии личности из-за активизации типа психологической защиты или актуального психического состояния [1] проведено исследование психического состояния кандидатов на учебу, поскольку для курсантов от 1-го до 5-го курса отмечалось усиление напряженности учебной и служебной нагрузки, то есть «экстремальность условий жизнедеятельности, порожденная нормативными ограничениями в условиях правового поля и опре-

деляющая эмоциональное, волевое и когнитивное поведение» [9, 10].

Как изменения психологического уровня и переход на психофизиологический уровень нами рассматривались «нарушения психического гомеостаза» в виде появления, по данным СМИЛ в интерпретации Ф. Б. Березина с соавторами [1], депрессивных и гипоманиакальных тенденций, obsessions, фобий, бреда, галлюцинаций, иллюзий, садистических и мазохистских тенденций.

Переход индивида в пограничное психическое состояние приводил к образованию семи ТПЗ (В. И. Серов, 1996) как «продуктов» информационных перегрузок, для которых проводилась коррекция по их устранению или минимизации [7, 8]. Радикальный способ их устранения — исключение из конкурса лиц с выявленными ТПЗ на первом этапе профессионального психологического отбора. При обучении в вузе

***** HIERARCHICAL CLUSTER ANALYSIS *****
 Dendrogram using Average Linkage (Between Groups)

Рис. 4. Распределение кандидатов по двум кластерам ZAP₁₋₄ и ZAP₅₋₈ и разделяющей их ZAP₁₋₈

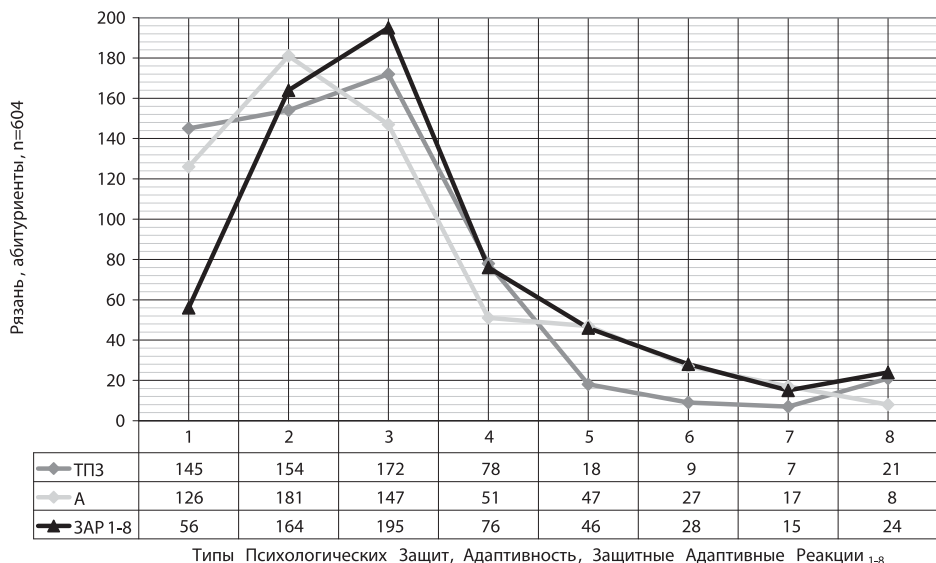
выявлять психогенные потери у курсантов трудно из-за нахождения ТПЗ в латентном (скрытом) состоянии. Для диагностики применялись стандартизованный метод исследования личности (СМИЛ) и шкала адаптивности. Лица с выявленными ТПЗ подвергались психологической коррекции, а в случае недостаточной ее эффективности воздействию акупунктурой подвергался физиологический уровень защиты. При этом контролировались психогенные потери, которые служили индикатором перехода между психологическим и психофизиологическим уровнями в сторону ухудшения психического состояния и в обратном направлении.

Иерархический кластерный анализ проведен на 604 кандидатах на учебу по результатам диагностики СМИЛ и ПФО88 (аппаратурное психофизиологическое обследование 1988 г.) для выявления психологической и физиологической защиты кандидата. Предварительно все 604 испытуемых по СМИЛ (ММР) с использованием ТПЗ и А были распределены по ZAP восьми степеней,

что определяло психологическую защиту кандидата.

Как видно на рисунке 4, кластерным анализом до коррекции выделено два пространства однородных признаков по четыре типа реакций — ZAP₁₋₄ и ZAP₅₋₈. Формирование ядра первого пространства однородных признаков заканчивалось на объединяющей дистанции 1 подключением ZAP₂ со 168 испытуемыми (28%), ZAP₃ со 186 испытуемыми (31%) и интегральной ZAP₁₋₈ с 604 испытуемыми (100%). Таким образом, ядро охватывало до 59% всех испытуемых. На дистанции 2 подключалась ZAP₄ с 80 испытуемыми (13%), на дистанции 3 — ZAP₁ с 60 испытуемыми (10%). Таким образом, ядро первого однородного пространства признаков состояло из 82% испытуемых.

Второе пространство признаков было более разрозненным и формировалось последовательным подключением к ядру первого кластера на дистанции 6,5 ZAP₆ с 27 испытуемыми (4%), на дистанции 8,5 ZAP₈ с 23 испытуемыми (4%), на дистанции 10,0 ZAP₅

Рис. 5. Распределение кандидатов по восьми группам ТПЗ, А, ЗАР₁₋₈

с 47 испытуемыми (8%), на дистанции 25,0 ЗАР₇ с 12 испытуемыми (2%). На этой дистанции все типы реакций объединялись, как это показано на рисунке 4. Таким образом, второе пространство признаков состояло из 18% испытуемых.

Следовательно, кластерным анализом по ТПЗ и адаптивности подтверждено разделение всех испытуемых по восьми типам ЗАР.

Как видно на рисунке 4, из 604 кандидатов на учебу максимальное их количество по адаптивности приходилось на 2-ю группу, по ТПЗ и ЗАР₁₋₈ — на 3-ю. С 1-й по 3-ю группу по трем показателям количество кандидатов составляло 75, 78, 69% с минимальным количеством испытуемых в 1-й группе, а с 1-й по 2-ю группу — 50, 51, 36%. Если по адаптивности наблюдается постепенное снижение количества лиц, вхо-

дящих с 4-й по 8-ю группу, то по ТПЗ наблюдается повышение количества испытуемых в 8-й группе. Коэффициент корреляции $r = 0,656$ показывает среднюю силу связи между адаптивностью и ТПЗ. При оценке по А и ТПЗ в ЗАР₁₋₈ включалась большая по величине. Апекс находился в 3-й диагностической группе, а после — ЗАР₅₋₈ совпала с оценкой по ТПЗ.

Таким образом, при совмещении данных ТПЗ и А количество годных по надежности к обучению кандидатов по ЗАР₁₋₂ составило всего 36%.

Следовательно, годных к обучению лиц недостаточно, поскольку 64% кандидатов имели ЗАР₃₋₈. При формировании ЗАР₁₋₈ установлено: если для отбора выводить средние арифметические значения и стандартные отклонения по самой выборке испытуемых, то во время отбора критерии надежности испы-

туемых в виде защитных адаптивных реакций снижаются и смещаются вправо по направлению к $ZAP_8 - ZAP_1$ занимает место ZAP_2 , $ZAP_2 - ZAP_3$ и так далее. Появляется еще более острый дефицит кандидатов на учебу или службу в УИС, поэтому необходимо соблюдать стандартный подбор $M \pm \sigma$ для вычисления T-баллов шкал СМИЛ.

Этот факт определял проблему надежности функционирования психики в дальнейшей службе. Показатели А, ТПЗ, ZAP_{1-8} при отборе кандидатов могут меняться, что снижает надежность функционирования психической деятельности кандидатов в последующей службе из-за появления психогенных потерь. При дефиците кандидатов на учебу или для службы в УИС эти критерии могут занижаться и в результате к несению службы с оружием могут допущены лица с нервно-психической неустойчивостью с ZAP_3 и ниже. Возникает необходимость разработки программ психологической коррекции потерь личности.

Выводы

Генезис психогенных потерь у военнослужащих заключался в том, что в обычных комфортных и дискомфортных учебных условиях вуза в России количество психогенных потерь было незначительным, они находились в латентном состоянии и их отражала адаптивность. В боевых экстремальных и сверхэкстремальных условиях Афганистана количество психогенных потерь возрастало, они переходили из латентного состояния в явное, образовывали типы психологических защит личности или актуальные психические состояния, которые дезорганизовывали

психическую деятельность, вплоть до отказа выполнять служебные обязанности с выходом военнослужащих из правового поля.

Мониторинг количества психогенных потерь показал, что психогенные потери функциональности психики у дезадаптированных лиц увеличивались в 2,7 раза с изменением внешних условий деятельности от дискомфортных (Россия — 26,05%) к экстремальным (Абхазия — 36,24%) и до боевых сверхэкстремальных (Афганистан — 70,84%).

Соотношение между количеством адаптированных лиц с защитными адаптивными реакциями 1–3-й степени («россияне» — 73,95%, «абхазцы» — 63,76%, «афганцы» — 29,16%) и количеством дезадаптированных лиц с защитными адаптивными реакциями 4–8-й степени («россияне» — 26,05%, «абхазцы» — 36,24%, «афганцы» — 70,84%) составило 2,84:1, 1,76:1 и 1:2,43. Эти данные свидетельствовали об изменении внешних условий деятельности. Каждый четвертый военнослужащий в России, третий — в Абхазии и уже два из каждых трех в Афганистане несли психогенные потери и были не готовы к решению задач боевого применения. Они входили в группу риска и нуждались в коррекции.

Выбор программы коррекции зависел от первопричины психогенных потерь. Для объективизации первопричины необходимо ориентироваться на доминирующую в данный момент адаптивность, а при ее срыве — на ведущий тип психологической защиты.

Литература

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). М.: Фолиум, 1994. 175 с.

2. Научно-методические рекомендации по применению стандартизированного личностного опросника для медико-психологического обследования кандидатов в вузы / В.М. Воробьев [и др.]; под ред. В.М. Воробьева. СПб., 1984. 32 с.

3. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб., 2006. 480 с.

4. Купцов М.И., Видов С.В. К вопросу о применении математических методов при проведении психологических исследований и анализе их результатов // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 131–136.

5. Овчарова Е.В. Экспериментальное изучение влияния краткосрочной коррекции на психические состояния сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 107–114.

6. Савченко Т.Н. Математическая психология в гуманитарных исследованиях // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 55–62.

7. Серов В.И. Психология потери. Типы психологических защит, адаптивность у юношей-психологов, обучающихся на пятом курсе Академии ФСИН России, до и после коррекции // Глобальный научный потенциал. 2014. № 12. С. 45–53.

8. Серов В.И. Психология потери. Типы психологических защит. Адаптивность у девушек-психологов, обучающихся на пятом курсе Академии ФСИН России, до и после коррекции // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 12. С. 28–37.

9. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

10. Сочивко Д.В. Теория и методология пенитенциарной психологии // Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1. С. 6–24.

11. Шумков Г.Е. Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям офицеров) // Военный сборник. 1913. № 5.

12. Шумков Г.Е. Душевное состояние воинов после боя // Военный сборник. 1914. № 11.

ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ, ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

И. С. Ганишина

Аннотация: в статье затронута тема отбывания наказания наркозависимыми осужденными, большое количество которых сегодня отбывают наказание в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России. В связи с этим передовой опыт зарубежных стран по реабилитации и профилактике наркотической зависимости обвиняемых, подозреваемых и осужденных представляет повышенный интерес для уголовно-исполнительной системы.

Автор рассматривает деятельность по профилактике наркотической зависимости за рубежом, в частности: в США, где в этих целях образованы специальные наркосуды и судья подбирает соответствующую программу лечения, назначает куратора из числа работников суда и прохождения наркозависимым курса реабилитации; в Великобритании, законодательство которой предусматривает применение к наркозависимым принудительного лечения и учитывает добровольное обра-

щение больного за медицинской помощью как смягчающее обстоятельство при рассмотрении дела о наркопреступлении; в Германии, оказывающей помощь осужденным за наркопреступления путем активных действий со стороны государства, общественных организаций и физических лиц; во Франции, также применяющей по отношению к социально опасным нарко- и алкоголезависимым лицам и токсикоманам, совершившим преступления, принудительное лечение и реабилитацию, альтернативные лишению свободы наказания (штраф, общественно полезные работы, поручительство, система залогов, условно-досрочное освобождение, перевод осужденных на полусвободный режим и др.); в Австрии, законы которой предусматривают назначение испытательного срока вместо лишения свободы больному наркоманией, если он желает добровольно пройти курс лечения от наркомании; в Польше, особое внимание уделяющей постпенитенциарной адаптации бывших осужденных; в Швеции, строящей работу в обозначенной области на принципе полного запрета употребления и распространения наркотических средств и применения таких мер, как принудительное тестирование, регистрация лица как потребителя наркотических веществ, штраф и лишение свободы, лечебные меры, в том числе и на принудительной основе; в Саудовской Аравии, где основной упор в профилактике наркотической зависимости сделан на эффективном лечении наркозависимых лиц; в Китае, законы которого предусматривают за совершение наркопреступлений штраф, арест, надзор, лишение свободы и даже смертную казнь;

в Республике Беларусь, осуществляющей принудительное лечение больных наркоманией и токсикоманией, совершивших административные правонарушения, в лечебно-трудовых профилакториях, включая медицинскую и психологическую помощь, профессиональную подготовку и переподготовку, повышение квалификации и т. д.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, пенитенциарные учреждения, передовой опыт, психологическая помощь, профилактика наркотической зависимости, реабилитация.

Проблема профилактики наркотической зависимости обвиняемых, подозреваемых и осужденных перед исправительными учреждениями и следственными изоляторами уголовно-исполнительной системы России стоит достаточно остро [2, 3, 4, 5, 10, 11]. В связи с этим будет полезно рассмотреть системы профилактических мероприятий, осуществляемых пенитенциарными учреждениями США, Великобритании, Франции, Польши, Швеции, Германии, Саудовской Аравии, Китая, Республики Беларусь с целью изучения перспектив внедрения передового зарубежного опыта в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации.

В США основными принципами осуществления профилактики наркотической зависимости населения являются: уменьшение потока наркотических веществ через границу, снижение спроса на наркотические средства среди молодежи, обеспечение доступности лечения наркоманов.

Законодательство США жестко регулирует прежние судимости за наркопреступления при вынесении судом нового приговора. Если лицо ранее привлекалось за наркопреступления и ему назначалось наказание на срок от 1 года и более, то в выносимом приговоре срок обязательно удваивается. Наркодельцы, распространяющие наркотические средства среди лиц, не достигших возраста 21 года, приговариваются к удвоенному сроку тюремного заключения. Для лиц, имеющих две предыдущие судимости за наркопреступления или отбывших десятилетнее заключение и совершивших новые наркопреступления, применяется наказание в виде пожизненного лишения свободы [12].

В США начиная с 80-х годов XX века были образованы специальные суды по делам, связанным с наркотическими средствами. С целью принятия дела в наркосуде изучается ряд обстоятельств: сведения полиции о личности виновного, обстоятельства совершения преступления, наличие наркотической зависимости, мнение потерпевших, мнение прокурора о степени общественной опасности обвиняемого. Прежде чем осуществляется передача дела в наркосуд, обвиняемый должен полностью признать свою вину. Здесь преступление не исследуется, определяется лишь потребность в лечении и выясняется возможность следования условиям программ профилактики и реабилитации.

После принятия дела наркосудом судья подбирает соответствующую программу лечения и назначает обвиняемому, подозреваемому, осужденному куратора из числа работников суда. Во

время прохождения программы на ее участников возлагаются следующие обязанности: не покидать пределы населенного пункта без разрешения судьи, посещать все предусмотренные программой тренинги, семинары, консультации, проходить обследование на предмет выявления фактов потребления наркотических средств, ежемесячно являться к наркосуду для мониторинга своего поведения и др. [12].

Участие в программе добровольное, обвиняемый может в любое время покинуть ее. Однако следует заметить, что профилактические программы применяются по отношению к наркозависимым лицам, совершившим административные правонарушения небольшой тяжести, в редких случаях – тяжкие преступления.

Помимо лечения, профилактическая программа предусматривает прохождение курса реабилитации. Реабилитационная программа включает в себя организацию процесса лечения, консультации наркозависимых по возможностям повышения квалификации или уровня образования, их трудоустройство, медицинское обслуживание, помощь в решении жилищных проблем.

Важно знать, что эффективность профилактической системы США очевидна: уровень рецидива среди успешно прошедших программу лиц составляет в среднем 15%, что более чем в три раза ниже уровня рецидива наркозависимых, подвергшихся уголовным наказаниям (48%).

Профилактическая система Великобритании имеет свои особенности. В стране применяются достаточно жесткие меры к лицам, совершившим наркопреступления. Согласно ст. 25 За-

кона от 27 мая 1971 г. «О злоупотреблении наркотиками» определены три класса наркотических средств: А, В, С. Класс А включает в себя около 100 наиболее опасных наркотических средств (опиум, героин, кокаин). Преступления с наркотическими средствами класса А наказываются достаточно строго, преимущественно лишением свободы на длительный срок, в том числе пожизненным лишением свободы. Преступления с наркотическими средствами класса В грозят лишением свободы до 14 лет и (или) штрафом в неограниченном размере. Незаконный оборот наркотических средств класса С предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет и (или) штраф в неограниченном размере.

По отношению к наркозависимым в Великобритании применяется принудительное лечение. Его срок составляет от шести месяцев до трех лет. Закон 1977 г. «О преступлении и ином нарушении порядка» позволяет суду направлять наркозависимых лиц, совершивших тяжкие преступления, на лечение с последующим установлением контроля за их поведением. Данная мера применяется в том случае, если суд признает лицо склонным к употреблению наркотических средств и находящимся в такой степени наркотической зависимости, которая допускает лечение.

Английский суд имеет право издавать приказы о контроле за лицом, проходящим лечение от наркомании, в соответствии с которым оно обязано периодически проходить проверку на содержание наркотических средств. В этом случае правонарушитель находится под надзором службы пробации, в обязанности которой входит ежемесяч-

ное извещение суда о состоянии здоровья наркозависимого и результатах его анализов. По итогам ежемесячной проверки и на основании полученных результатов суд может издать приказ о продолжении лечения или его досрочном прекращении. Важно отметить, что принудительное лечение применяется только с согласия правонарушителя, в противном случае преступник приговаривается к уголовному наказанию. Допускается также добровольное обращение больного за медицинской помощью. Успешное прохождение курса добровольного лечения от наркозависимости определяется судами как смягчающее обстоятельство при рассмотрении дел о наркопреступлениях.

В Великобритании существуют также профилактические программы ресоциализации лиц, отбывших лишение свободы, в которых особое внимание уделяется профессиональному обучению осужденных. Важным направлением в этой работе является подготовка осужденных к освобождению. С целью профилактики наркотической зависимости действует институт попечительского надзора. Его суть заключается в деятельности социальных работников (попечителей) по оказанию помощи освобожденным из мест лишения свободы и лицам, наказание которым отсрочено, в трудоустройстве, поиске жилья, развитии социальных навыков, а также в проведении социально-реабилитационной работы [6].

В Германии в соответствии с Законом 1992 г. «О наркотических средствах» в отношении лиц, страдающих наркозависимостью, совершивших преступление на этой почве и проходящих соответствующее лечение, суд

может отсрочить исполнение наказания, назначить условное осуждение или прекратить уголовное преследование. Одним из направлений предупреждения повторных наркопреступлений является применение обязательного лечения от наркомании. Лицо, склонное к употреблению наркотических средств и осужденное за совершение преступлений на этой почве, в соответствии с параграфом 64 Уголовного кодекса ФРГ помещается в лечебное учреждение для наркоманов на срок не более двух лет [9].

Вопросам профилактики наркотической зависимости и ресоциализации осужденных традиционно уделяется повышенное внимание. Опыт Германии по оказанию помощи осужденным за наркопреступления включает в себя активные действия со стороны государства, помощь общественных организаций и физических лиц. Существуют три большие общественные организации, оказывающие помощь осужденным и членам их семей: немецкие профсоюзы, католическая церковь, протестантская церковь. Во всех этих организациях занято большое число социальных работников, оказывающих профессиональные консультации по вопросам социальной адаптации наркозависимых осужденных.

Согласно параграфам 68, 68а, 68с, 56d Уголовного кодекса ФРГ и параграфам 21–26а Закона «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» за несовершеннолетними лицами, совершившими наркопреступления, в обязательном порядке осуществляется полицейский надзор. Законом предусмотрен перечень надзорных ограничений, которые устанавли-

ваются в зависимости от характера совершенных преступлений, личности виновного, дальнейшего прогноза его поведения. За нарушение запретов предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы до трех лет или денежный штраф.

Во Франции нормы Уголовного кодекса от 1 марта 1994 г. устанавливают жесткие наказания за совершение наркопреступлений, санкции за которые строго определены и представляют собой лишение свободы на длительный срок (от 5 лет до пожизненного лишения свободы) и штраф. Основной задачей правоохранительных органов и судебной системы по отношению к предупреждению наркопреступности является обеспечение неотвратимости наказания. В отношении рецидивной наркопреступности наказания достаточно суровые. Уголовный кодекс Франции в отношении рецидивистов по наркопреступлениям действует правило удвоения наказаний.

В рамках профилактики наркотической зависимости обвиняемых, подозреваемых, осужденных по отношению к социально опасным нарко- и алкоголезависимым лицам, токсикоманам, совершившим преступления, может быть назначено принудительное лечение и реабилитация. При этом наркозависимое лицо, признанное виновным в незаконном владении или употреблении наркотических веществ, преступления которого не представляют большой общественной опасности, может избежать уголовного преследования, если согласится пройти курс добровольного лечения. На основании Закона 1970 г. «О борьбе с токсикоманией» в отношении наркозависимого суд должен из-

дать приказ о назначении лечения, на основании которого необходимо пройти полный курс лечения. В случае отказа уголовное преследование в отношении наркозависимого лица возобновляется.

Пенитенциарная система Франции активно использует альтернативные лишению свободы наказания: штраф, общественно полезные работы, поручительство, систему залогов, условно-досрочное освобождение, перевод осужденных на полусвободный режим, предусматривающий нахождение в пенитенциарном учреждении только в ночное время, днем осужденные могут работать, учиться, проходить курс лечения и реабилитации. По отношению к проходящим курс лечения от наркотической зависимости осужденным применяется льготное сокращение срока наказания на 3 месяца ежегодно, если их поведение не вызывает нареканий, а также двухмесячное ежегодное сокращение срока наказания в случае первой судимости при примерном поведении.

В Австрии с 1998 г. действует Закон «О наркотических средствах», который определяет основы противодействия наркопреступности. Параграф 27 Закона допускает назначение двухгодичного испытательного срока вместо лишения свободы больному наркоманией, если он желает добровольно пройти курс лечения. Наиболее строгому наказанию подлежат участники и организаторы преступных сообществ, а также лица, совершившие наркопреступления. Например, для членов преступных сообществ, занимающихся наркобизнесом, предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 20 лет или пожизненное заключение.

Примечательно, что в структуре австрийской полиции существуют отдельные подразделения по профилактике и борьбе с уличной наркопреступностью. Их основной целью является пресечение незаконной торговли наркотическими средствами на городских улицах, площадях и в общественных местах. Сотрудники этих подразделений обладают правами на непосредственное задержание наркопреступника, возбуждение в отношении него уголовного дела, проведение необходимых следственных действий и направление завершеного уголовного дела прокурору.

Законодательство Польши дифференцированно относится к наркозависимым лицам, совершившим наркопреступления. Согласно ст. 93 Уголовного кодекса Польши суд может поместить обвиняемое, подозреваемое лицо в закрытое учреждение для наркоманов, чтобы предотвратить совершение им повторного преступления. Данная мера не назначается, если наркозависимое лицо приговорено к лишению свободы на срок более двух лет. С целью профилактики наркотической зависимости обвиняемых, подозреваемых, осужденных особое внимание уделяется адаптации бывших осужденных после отбытия наказания. Создан Фонд постпенитенциарной помощи, образуемый за счет 5% отчислений заработной платы всех осужденных. Для координации постпенитенциарных профилактических мероприятий создан специализированный орган – Всепольский совет.

В рамках профилактики наркотической зависимости важное значе-

ние имеет организация общественных постпенитенциарных советов, которые готовят осужденных к жизни на свободе, привлекают для этих целей членов их семей, содействуют трудоустройству и предоставлению медицинского обслуживания.

Профилактическая работа в Швеции строится на принципе полного запрета употребления и распространения наркотических средств. При этом по отношению к наркозависимому применяются следующие мероприятия: принудительное тестирование при подозрении на употребление наркотических средств в общественных местах, регистрация лица как потребителя наркотических веществ, штраф и лишение свободы в случае обнаружения наркотического средства в организме, лечебные меры, в том числе на принудительной основе.

Лечение от наркомании длится в среднем 6 месяцев и начинается с процесса детоксикации, затем больной направляется на терапию в трудовые коммуны, схожие с советскими лечебно-трудовыми профилакториями. Важное значение в пенитенциарных учреждениях Швеции имеет профилактика наркотической зависимости в специальных отделениях тюрем, куда осужденных перемещают за два года до освобождения. В соответствии с Законом 1980 г. «О социальных службах» у каждого осужденного должен быть свой специалист из службы probation и общественный опекун, который присутствует при освобождении, оказывает поддержку и контролирует осужденных после освобождения. По окончании срока в случае возникновения проблем опекун продолжает рабо-

тать с бывшим осужденным в качестве контактного лица, проводящего профилактические мероприятия.

В Саудовской Аравии основной упор в профилактике наркотической зависимости сделан на эффективном лечении наркозависимых лиц. Согласно королевскому указу 1982 г. № 2018 «О создании больниц, специализирующихся на лечении больных наркоманией» во всех крупных городах Саудовской Аравии были открыты поликлиники «Аль-амаль» (в переводе на русский язык «Надежда»), осуществляющих лечение наркозависимых на добровольной основе. В каждом здании поликлиники есть столовая, мечеть, спортивный и лекционный зал, конференц-зал и библиотека.

Примечательно, что в этой стране в отношении наркозависимого лица, обратившегося за помощью добровольно, не возбуждается уголовное дело и вся информация о ходе лечения является строго конфиденциальной [7].

Для эффективного лечения наркоманов проводятся следующие мероприятия:

- спортивные соревнования;
- лекции-семинары с участием преподавателей, врачей;
- показ видеофильмов религиозного и развлекательного характера, раскрывающих вредность потребления наркотических веществ;
- проведение медицинских конференций о негативных последствиях употребления наркотиков.

Лечение наркомании обвиняемых, подозреваемых, осужденных в Саудовской Аравии представляет собой последовательность пяти логично выстроенных этапов:

- на первом этапе производится прием и осмотр наркозависимых, назначение курса лечения;
- на втором этапе осуществляется детоксикация;
- на третьем этапе проводится работа психолога, изучение индивидуально-психологических проблем личности и акцентуаций характера наркозависимых;
- на четвертом этапе в отношении наркозависимого осуществляются реабилитационные мероприятия, ему предоставляется право учиться и приобрести специальность;
- на пятом этапе оказывается материальная помощь, а также решается вопрос трудоустройства.

Отметим также, что в Саудовской Аравии существует интересный способ реабилитации бывших наркоманов, который состоит в их привлечении на работу в больницы, где они проходили лечение. Этим лицам придается статус работника больницы и предоставляется возможность бесплатного получения образования и повышения квалификации в области обращения с наркозависимыми обвиняемыми, подозреваемыми, осужденными посредством прохождения курсов повышения квалификации.

Важно знать, что в Саудовской Аравии наряду с добровольной системой лечения наркозависимых существует принудительное лечение, причем его срок входит в общий срок отбывания наказания.

В Китае за совершение наркопреступлений согласно Уголовному кодексу КНР предусмотрены штраф, арест, надзор, лишение свободы и даже смертная казнь. В ст. 356 УК КНР ука-

зывается, что в случае, если лицо ранее привлекалось за наркопреступления и вновь его совершило, оно наказывается максимально суровым наказанием. Согласно ч. 2 ст. 81 УК КНР наркорцидивисты не имеют права на условно-досрочное освобождение от наказания. Лица, совершившие наркопреступления, осуждаются к длительным срокам тюремного заключения, а в ряде случаев — к смертной казни.

Законодательство Китая предусматривает обязанность лечения лиц, страдающих наркоманией. Существует два подхода к такому лечению: принудительный и обязательный. Принудительный подразумевает помещение наркозависимого в наркологический диспансер и оказание ему помощи общественными организациями. Если после принудительного лечения лицо продолжает употреблять наркотические вещества, оно направляется в исправительно-трудовое учреждение, где по отношению к нему осуществляется обязательный подход и привлечение к обязательному труду. Исправительно-трудовые учреждения Китая представляют собой специальные школы-лечебницы для наркозависимых. Всего в стране насчитывается около 180 исправительно-трудовых учреждений и 800 наркологических диспансеров.

Лечение наркозависимых в Китае включает в себя четыре обязательные стадии: избавление от абстинентного синдрома, восстановление здоровья, предупреждение рецидива, реабилитация. Примечательно, что, помимо лечения, больным наркоманией оказывается общеправовая и психологическая помощь, с ними проводятся спортивные соревнования и культмассовые меро-

приятия. В рамках профилактики наркотической зависимости в Китае распространено шефство общественных организаций над наркозависимыми осужденными.

В Республике Беларусь в лечебно-трудовых профилакториях осуществляется принудительное лечение больных наркоманией и токсикоманией, совершивших административные правонарушения. Закон от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условия нахождения в них» закрепляет институт принудительной изоляции и последующей медико-социальной реадaptации и предусматривает привлечение наркозависимых к труду [1, 8].

В лечебно-трудовых профилакториях наркозависимым оказывается медицинская и психологическая помощь, ведется профессиональная подготовка и переподготовка, повышение квалификации, осуществляется профессиональное ориентирование, восстановление и поддержание родственных связей обвиняемых, подозреваемых. В течение первых двух недель после поступления в профилакторий наркозависимые содержатся изолированно друг от друга, им оказывается первичная медицинская помощь, выверяется диагноз, вырабатываются рекомендации по их лечению, реабилитации и профилактическим мероприятиям.

Отметим, что особое место в системе профилактической работы с наркозависимыми обвиняемыми, подозреваемыми, осужденными в Республике Беларусь отводится труду и воспитательному воздействию. Сотрудники профилактория информируют граждан, прохо-

дящих курс лечения, о востребованности профессий на рынке труда и ориентируют на их получение во время проведения лечения. Важное значение в процессе профессиональной ориентации наркозависимых пациентов имеет участие органов по труду, занятости и социальной защите населения.

Таким образом, рассмотрев особенности реабилитации и профилактики наркотической зависимости в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран, можно констатировать, что они используют достаточно широкий диапазон мер в отношении наркозависимых обвиняемых, подозреваемых, осужденных, применение которых, на наш взгляд, представляет собой определенную перспективу для России, а именно:

- создание специальных наркосудов;
- дифференциация уголовной ответственности за наркопреступления в зависимости от тяжести совершенных деяний, наличия судимости;
- установление административного надзора в отношении лиц, судимых за наркопреступления;
- использование дополнительных административных ограничений в отношении поднадзорных лиц;
- эффективное лечение наркозависимых обвиняемых, подозреваемых, осужденных;
- применение различных мер социальной адаптации по отношению к обвиняемым, подозреваемым, осужденным, регламентация административного надзора в отношении лиц, судимых за наркопреступления;
- использование по отношению к наркозависимым обвиняемым, подо-

зреваемым, осужденным альтернативных лишению свободы наказаний: штраф, общественно полезные работы, поручительство, условно-досрочное освобождение, перевод на полусвободный режим и др.;

- организация на базе исправительных учреждений отделений для постпенитенциарного сопровождения осужденных с более мягким режимом;
- создание Фонда постпенитенциарной помощи бывшим осужденным;
- участие общественных организаций, церкви в осуществлении профилактических антинаркотических мероприятий;
- шефство общественных организаций над бывшими наркозависимыми осужденными;
- продолжение профилактической деятельности опекуна после освобождения наркозависимого обвиняемого, подозреваемого, осужденного;
- привлечение бывших наркозависимых в качестве работников, осуществляющих реабилитационные и профилактические мероприятия с обвиняемыми, подозреваемыми и осужденными.

Литература

1. Ганишина И.С., Жарких А.А. Психологические особенности наркозависимых осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 75–84.
2. Ганишина И.С. Программа психологического просвещения как средство профилактики наркотической зависимости осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 53–60.

3. Ганишина И.С. Программа психологического просвещения осужденных по профилактике наркотической зависимости : практ. рек. Рязань, 2014. 32 с.

4. Ганишина И.С., Ушатилов А.И. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних : учеб. пособие. М., 2006. 288 с.

5. Ганишина И.С., Жарких А.А. К вопросу о наркотической зависимости подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 66–73.

6. Датий А.В., Ганишина И.С. Характеристика больных наркоманией осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2014. № 2 (19). С. 68–76.

7. Датий А.В., Ганишина И.С., Кузнецова А.С. Характеристика больных наркоманией осужденных мужчин, обратившихся за психологической помощью // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 2 (13). С. 21–25.

8. Ушатилов А.И., Ганишина И.С. Аудиовизуальная психология как средство подготовки курсантов-психологов к диагностике индивидуально-личностных особенностей осужденных // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 176–180.

9. Ушатилов А.И., Ганишина И.С. Использование знаний по прикладной криминальной психологии в деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 104–108.

10. Воронин Р.М., Ганишина И.С., Датий А.В. Профилактика наркотической зависимости осужденных // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 205–209.

11. Ганишина И.С., Датий А.В. Медико-психологические аспекты реабилитации наркозависимых осужденных // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 295–299.

12. Воронин Р.М., Ганишина И.С., Датий А.В. Социальная адаптация больных наркоманией осужденных // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 187–190.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОКОРРЕКЦИИ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

О. М. Писарев

Аннотация: в статье на основе проведенного эмпирического исследования освещаются результаты психокоррекционных мероприятий, направленных на изменение смысловых установок личности осужденных в процессе отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Подчеркивается необходимость глубокого изучения фактов, механизмов и закономерностей функционирования личности в условиях социальной изоляции, учета психических состояний осужденных в процессе психокоррекционной и психотерапевтической работы в пенитенциарный период. Дается оценка эффективности проведенной психологической работы по результатам использования разработанной психокоррекционной программы, направленной на изменения в смысловых установках впервые и неоднократно судимых. Констатируется необходимость дальнейшего изучения смысловых образований осужденных в условиях социальной изоляции.

Ключевые слова: социальная изоляция, личность осужденного, смысловые установки, картина жизненного мира, психологическая коррекция, программа изучения личности.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года среди направлений, требующих кардинальных изменений, указано обеспечение социально-правовой и социально-психологической

защиты личности осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы [1]. Актуальность реализации указанного направления подтверждают как ученые-теоретики, так и специалисты-практики пенитенциарных структур. Многие исследователи говорят о необходимости глубокого изучения фактов, механизмов и закономерностей функционирования личности в условиях социальной изоляции, учета психических состояний осужденных в процессе психокоррекционной и психотерапевтической работы [3, 4, 5, 7, 12, 13, 16, 19, 22]. Подчеркивается, что сегодня основными целями уголовного наказания, связанного с лишением свободы, являются не только изоляция от общества преступников, но и изменение их личности, обеспечивающее готовность вести социально приемлемый образ жизни [18]. Осознание осужденным общественной опасности совершенного им преступления, формирование личной ответственности за совершенное преступление [17], принятие состава преступления и раскаяние (так называемая «внутренняя картина преступления» [9]) — с одной стороны, изучение мотивационно-смысловой сферы [6, 21], жизненных планов [14], ролевой идентичности [13], психодинамики особенностей межличностного взаимодействия [11], ценностных ориентаций [8] — с другой во многом определяют возможности оказания психологической помощи данным лицам в процессе

отбывания наказания с перспективой их успешной ресоциализации в пост-пенитенциарный период.

Психокоррекционная работа с осужденными требует глубокого изучения личности и составления программы для каждого осужденного в течение всего срока пребывания в местах лишения свободы [2]. В связи с этим мы рассматриваем психокоррекционную работу с человеком, отбывающим наказание в местах лишения свободы, в двух аспектах. Первый аспект — комплекс мер, проводимых с осужденными с первых дней пребывания в пенитенциарных учреждениях [10], направленных на сохранение и поддержание их «психологической открытости» как важнейшего качества сохранения себя как личности. Второй аспект — работа с конкретным человеком в период, непосредственно предшествующий его освобождению из пенитенциарного учреждения.

Как показывает пенитенциарная практика, психологи исправительных учреждений все чаще уделяют внимание непосредственному воздействию на правонарушителей методами психокоррекции [15]. В качестве основной формы психокоррекционной работы нами выбран групповой тренинг. Это обусловлено тем, что в процессе работы предполагается применение ролевых игр с отыгрыванием участниками тренинга социальных ролей с учетом специфики отношений «человек — среда» и получения обратной связи по итогам отыгрывания, а также применение активных дискуссионных методов обучения. Целью разработанной коррекционной программы является оказание помощи человеку, желающему справиться с

состоянием беспомощности в процессе отбывания наказания, преодолеть неуверенность в себе и построить свою внутреннюю программу самоподдержки в условиях социальной изоляции.

В процессе реализации коррекционной программы использовались такие методы, как групповая дискуссия, ролевая игра, подготовка и групповое обсуждение домашних заданий, техники неконфронтационного задавания вопросов, прием активного сообщения осужденного о своем преступлении, прием «горячий стул», прием проигрывания своего поведения (с нахождением эффективных моделей). Проводимые занятия носили комплексный характер, включающий в себя:

- диагностический блок (диагностика личностных особенностей осужденных, направленных на выявление доминирующих ценностей в смысловых установках, определение границ психологического пространства личности с уточнением программы психологической коррекции);

- установочный блок (формирование готовности взаимодействовать, снятие тревожности, повышение уверенности осужденного в себе, формирование желания сотрудничать с психологом и что-либо изменить в своей жизни);

- коррекционный блок (гармонизация и оптимизация развития осужденного, изменение картины жизненного мира, укрепление позитивной фазы развития, овладение способами взаимодействия с миром и самим собой определенными способами деятельности);

- блок оценки эффективности коррекционных действий (измерение пси-

хологического содержания и динамики реакций, способствование появлению позитивных жизненных смыслов и переживаний, стабилизация позитивной самооценки).

Важным моментом стала фиксация эмоционального состояния осужденных после каждого проведенного занятия. Участники тренинга вели дневники наблюдений, которые время от времени прочитывались психологом и служили основой индивидуально-профилактического консультирования в дальнейшем. В разработанной психокоррекционной программе были четко расписаны этапы коррекции, содержались необходимые материалы, требования, предъявляемые к участникам программы. В связи с особенностями межличностных отношений в группе были учтены законы неформального общения в условиях социальной изоляции, возможность нахождения осужденных, имеющих разный криминальный статус. Отмечая определенную специфику проводимой работы, участникам тренинговой группы предложили ряд условий: уважение к личности каждого члена группы, деятельное участие в тренингах, играх, дискуссиях, по возможности открытое общение друг с другом, неразглашение другим осужденным деталей занятий.

Эффективность коррекционного воздействия оценивали с точки зрения: а) разрешения реальных жизненных трудностей; б) целей и задач коррекционной программы. Необходимо помнить, что эффекты коррекционной работы проявляются на протяжении достаточного длительного временного интервала: в процессе работы, к моменту завершения и т. д. Так, коррекционная

программа может не претендовать на полное разрешение проблем жизненной самореализации личности в условиях социальной изоляции, а ставить более узкую цель в ограниченном временном интервале. В ходе проводимых коррекционных занятий осужденные учились: умению понимать себя; выстраивать межличностные отношения; реалистично оценивать поведение и поступки как свои, так и других, готовить себя к жизни на свободе. Во время занятий напряженная атмосфера постепенно сменялась желанием больше знать о себе и о людях, разрешить в процессе тренингов личные проблемы. Часто круг обсуждаемых тем касался адаптационного периода пребывания человека в местах лишения свободы; в ходе общения выяснялись проблемы трансформации жизненных смыслов, ценностей, ориентаций, а также определения границ психологического пространства при взаимодействии с другими представителями пенитенциарного социума. На первых занятиях осужденные стремились сохранять дистанцию, подчеркивая этим, что для них подобная работа представляет собой некий формальный аспект. Постепенно, привыкая к естественному добровольному общению, они переходили к обсуждению проблем своей дальнейшей жизненной перспективы, раскрывались как личности. Психокоррекционная программа состояла из 15 занятий, которые проходили один раз в неделю. Продолжительность одного занятия составляла 2,5–3 часа. Группа состояла из 12 человек (6 — неоднократно судимые, 6 — впервые судимые). В качестве диагностического инструментария использовали методики ММРІ в адаптации Л.Н. Собчик (2002), тест Кеттелла

16 PF (форма А), личностный опросник «Проявление тревожности» Дж. Тэйлора. Реализация программы позволила провести сравнительный анализ систем ценностей и смысловых установок впервые и неоднократно судимых до проведения занятий и после них.

Были получены следующие результаты. У впервые судимых отмечено достоверно значимое ($p < 0,05$) снижение уровня фрустрированности (с 5,45 до 4,94 по шкале Q, тест Кеттелла 16 PF); уровня тревожности (с 17,58 до 15,71, опросник Дж. Тейлора); уровня пессимистичности (с 59,39 до 56,48 по шкале 2, MMPI). У неоднократно судимых достоверно значимо ($p < 0,05$) снизился уровень фрустрированности (с 5,11 до 5,02); уровень тревожности (с 17,47 до 16,22); вырос уровень гипотимии (с 6,6 до 6,9 по шкале Q, тест Кеттелла 16 PF). Анализ проведенной психокоррекционной работы показывает, что это связано с наблюдающейся тенденцией к перестройке жизненных смыслов, ценностных слоев и ориентаций, связей человека с окружающим миром, пониманием и осознанием того, что в условиях несвободы саморазвитие, самосовершенствование человека находятся под угрозой.

Психокоррекционное воздействие изменило в сторону снижения при ($p < 0,05$) уровень подозрительности у неоднократно судимых (с 6,52 до 6,17 по шкале L, тест Кеттелла 16 PF). Одновременно у впервые судимых уровень подозрительности повысился (с 6,109 до 6,62 по шкале L, тест Кеттелла 16 PF). На это повлияло осознание ответственности и требовательности администрации к осужденным. Исследование показало понижение уровня социальной ин-

троверсии при ($p < 0,05$) как у неоднократно судимых (с 53,17 до 51,46), так и у впервые судимых (с 54,11 до 52,58). Важным показателем изменения границ психологического пространства в соответствии с формирующейся новой системой ценностно-смысловых координат явилось снижение уровня индивидуалистичности при ($p < 0,05$) у неоднократно судимых (с 61,63 до 59,53 по шкале 10, MMPI) и у впервые судимых (с 63,87 до 60,12 по шкале 10, MMPI). Трансформация системы жизненных смыслов, ценностей, ориентаций свидетельствует о попытках решения человеком проблемы связей с окружающим миром, преодоления разорванности, разрыва в условиях ограничений. Сегодня осужденные просят на занятиях не только помочь в восстановлении отношений с родными, но и обучить основам, нормам этики общения в различных ситуациях, имеющих важное социальное значение.

Стоит отметить изменение системы ценностей и их смыслового содержания — от криминальных в сторону общечеловеческих (у неоднократно судимых — от 33 до 48%, у впервые судимых — от 66 до 82%), повышается степень открытости жизни человека в условиях социальной изоляции (от 16 до 33% — неоднократно судимые, от 33 до 50% — впервые судимые). В ходе психокоррекционных занятий стал появляться интерес к своей жизненной самореализации, определению путей личностного движения (от 50 до 66% — у неоднократно судимых, от 33 до 50% — у впервые судимых). Семейный статус также претерпел изменения. Улучшились (либо возобновились) отношения с семьей и род-

ными от 16 до 33% — у неоднократно судимых, от 50 до 82% — у впервые судимых. Нами было отмечено, что неоднократно судимые постепенно меняли отношение к общечеловеческим ценностям, впервые судимые укрепляли социальные связи, готовясь к выходу на свободу.

Полученные показатели после психокоррекционной работы позволили сделать вывод о позитивных изменениях в смысловых установках впервые и неоднократно судимых. Впервые судимые стали более активны, самостоятельны, настойчивы в достижении цели, при этом критически подходили к осмысливанию и решению большинства вопросов, так или иначе касающихся дальнейших перспектив их жизни. Неоднократно судимые стали задумываться о своем внутреннем мире, приходило к мысли о необходимости осмысления своего поведения, действий и поступков. Часть из них восстановила социальные связи с близкими и родными, а несколько человек открыто заявили об изменении отрицательной направленности, отхода от криминальных воззрений.

Ниже приводится описание осужденного Олега К., находившегося в местах лишения свободы около 18 лет, неформального лидера, который подошел к кризисному периоду осмысления своего жизненного пути. Осужденный стал разочаровываться в господствующих в его круге общения криминальных ценностях и правилах, при этом стал достаточно реалистично оценивать свои поступки и задумываться о дальнейших жизненных перспективах. Многие годы он не поддерживал отношений с родными, поскольку длительное время нахо-

дился в местах лишения свободы, после освобождения из которых в течение нескольких месяцев (а то и недель) вновь совершал преступления. Физически крепкий, любящий риск и бравладу, он жил по нормам «воровской» этики и мало задумывался о будущем. К моменту первой встречи с психологом Олегом К. находился в конфликтных отношениях с большей частью осужденных моложе его. В колонию стала прибывать новая категория осужденных, которые отличались современным, рыночным подходом к жизни, решали через группу свои личностные интересы. Происходящие изменения в пенитенциарном социуме (а именно — ослабление влияния авторитетных осужденных отрицательной направленности на отбывающий наказание контингент) были болезненно восприняты Олегом К., он все чаще задумывался о собственной дальнейшей жизни. Первые беседы с психологом были сложными: осужденный проявлял подозрительность, изворотливость, демонстративность, иногда истеричность, предпринимал попытки использовать доверие консультанта, подавить его волю. В течение трех лет он привыкал к контакту с психологом, научился ему доверять, стал диалогизироваться, чтобы яснее определить свои проблемы. Совместно с администрацией была построена программа постепенного отхода от криминального окружения, переориентации направленности ролевой функции. В ходе индивидуального консультирования и групповой психокоррекционной работы наметились позитивные сдвиги: осужденный поставил новые ориентиры в своих целях, у него повысился уровень жизнедеятельности, появи-

лась терпимость к точке зрения других людей, уровень альтруизма стал выше. Осужденный начал оказывать помощь людям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, которая приносила ему моральное удовлетворение. Итогом психокоррекционной работы стало условно-досрочное освобождение в 2012 г. Олег К. в течение последующих полутора лет поддерживал контакт с психологом, консультируясь по вопросам профессиональной деятельности и семейных проблем. На свободе он практически прекратил контакты с криминальным миром, чем подтвердил свой отказ от возврата к старому образу жизни.

Таким образом, использование методов психокоррекционного воздействия на осужденных позволило определить позитивные изменения в смысловых установках личности. Изменение картины своего жизненного мира отражает процесс переживания ситуации «закрытости», поиска новых жизненных перспектив, открытие для себя новых смыслов и ценностей. У неоднократно судимых повысился интерес к профессиональному статусу, к общечеловеческим (создание семьи) и духовным (обращение к Богу, вера) ценностям. Часть из них обратили серьезное внимание на уровень своей культуры, занялись самоанализом и саморазвитием. Многие из числа впервые судимых укрепили свои ролевые функции за счет принятия новых формальных условий жизни в пенитенциарном социуме, тем самым закрепили свой социальный статус среди осужденных.

Анализ полученных результатов показал, что психокоррекционная работа с впервые и неоднократно судимы-

ми привела к определенным изменениям в смысловых установках осужденных. Полученные результаты показывают, что изменения в смысловых установках произошли у 67% неоднократно судимых и 82% впервые судимых. У 33% неоднократно судимых смысловые установки практически не изменились, восприятие жизни осталось по-прежнему насыщенным криминальными смыслами. Это указывает на необходимость дальнейшей работы с данной категорией осужденных. У 16% впервые судимых смысловые установки продолжили деформироваться, подстраиваясь под правила и ценности, доминирующие в закрытой среде. Приведенные данные позволяют считать разработанные психокоррекционные программы эффективными, способными изменять смысловые установки в общей картине жизненного мира человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 12 (103). С. 2–15.
2. Дебольский М.Г. Научно-методические предписания психокоррекционной работы с осужденными в исправительных учреждениях // Психологическое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России (теория и практика). М. ; Томск, 2004. С. 32.
3. Дебольский М.Г. Роль психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 59–67.
4. Основы психологии исполнения уголовных наказаний: учеб. пособие / В.Г. Деев [и др.]. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001. 347 с.
5. Диденко А.В. Когнитивно-поведенческая психотерапия в практике работы психологов ФСИН:

учеб. пособие. Томск : Том. ф-л Кузбас. ин-та ФСИН России, 2011. 111 с.

6. *Жарких А.А.* Особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в рамках теории ведущих тенденций // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 49–58.

7. Исправление осужденных: монография / под науч. ред. Ю.М. Антоняна, А.В. Быкова. Тверь: НИИ ФСИН России, 2014. С. 29–86.

8. *Истомин А.А.* Ценностные ориентации осужденных в контексте уголовно-правовой характеристики личности // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 119–128.

9. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М.: Высш. шк., 2000. С. 643.

10. *Маришин С.В.* Проведение коррекционно-адаптационных психологических мероприятий с вновь прибывшими осужденными в период их нахождения в карантинном отделении исправительного учреждения: метод. рек. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 32 с.

11. *Марчук О.А.* Психодинамика особенностей межличностного взаимодействия неоднократно судимых осужденных молодежного возраста. // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 75–83.

12. *Мокрецов А.И., Новиков В.В.* Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: учеб.-метод. пособие. Ч. 2. М.: НИИ ФСИН России, 2008. 150 с.

13. *Молчанова Е.П.* Ролевая идентичность формальных и неформальных лидеров осужденных: монография. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. 150 с.

14. *Наприс А.В.* Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997. 220 с.

15. *Пестриков Д.В., Сеник И.В., Зимаков В.А.* Арт-терапия как индивидуальная форма психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 72–79.

16. *Семке В.Я.* Превенция и повышение качества жизни осужденных // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2007. № 4. С. 7–11.

17. Сборник базовых типовых программ психологической коррекции личности осужденных за различные виды преступлений. М.: ФСИН России, 2012. С. 4.

18. *Соболев Н.Г., Погач В.Г.* Особенности переживаний у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, их психологическая коррекция // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 65–71.

19. Подсознание террориста / Д.В. Сочивко [и др.]; под ред. Д.В. Сочивко. М.: ПЕР СЭ, 2012. 192 с.

20. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах. // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 6–22.

21. *Щербаков Г.В.* Мотивационная сфера осужденных: понятие, диагностика, коррекция. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 112 с.

22. *Щербаков Г.В., Баранникова И.А., Степанова М.А.* Оптимизация социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербург. ин-т повышения квалификации работников ФСИН России, 2012. 235 с.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ

Н.А. Полянин

Аннотация: в статье приведены некоторые социальные, демографические и психологические характеристики осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Выявлены возрастные особенности обследованных лиц. Показана значимость семей-

ного положения осужденных, их отношений. Отмечено важное значение проблемы высокой рецидивной преступности в Российской Федерации. Проанализировано количество судимостей и составы совершенных преступлений. Рассмотрены «воровские» традиции и осо-

бенности субкультуры осужденных в колонии общего режима. Определены социальные связи осужденных и степень их исправления в период отбывания наказания в исправительном учреждении. Указано, что в последние годы все большее значение имеет материальное положение осужденных при отбывании наказания в местах лишения свободы.

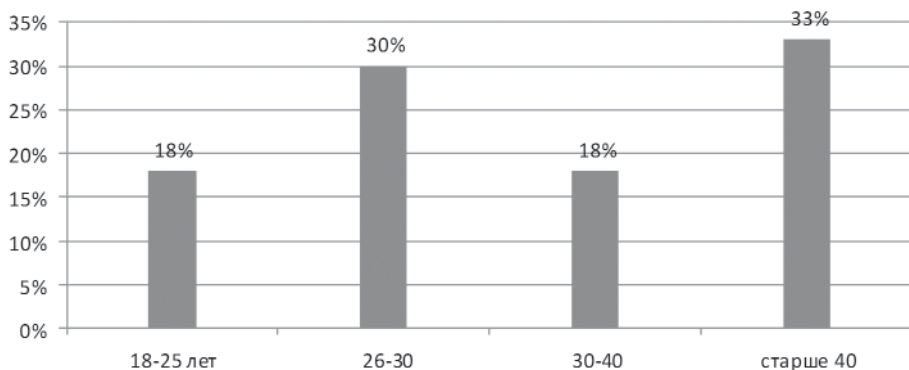
Ключевые слова: социальная характеристика, демографическая характеристика, осужденный, исправительное учреждение, возрастные особенности, семейное положение, преступность, количество судимостей, состав преступления, «воровские» традиции, субкультура осужденных, социальные связи, степень исправления, колония, материальное положение, места лишения свободы.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года в последнее время уделяется большое внимание совершенствованию социально-психологической работы с различными категориями осужденных [1, 2, 3, 4, 5].

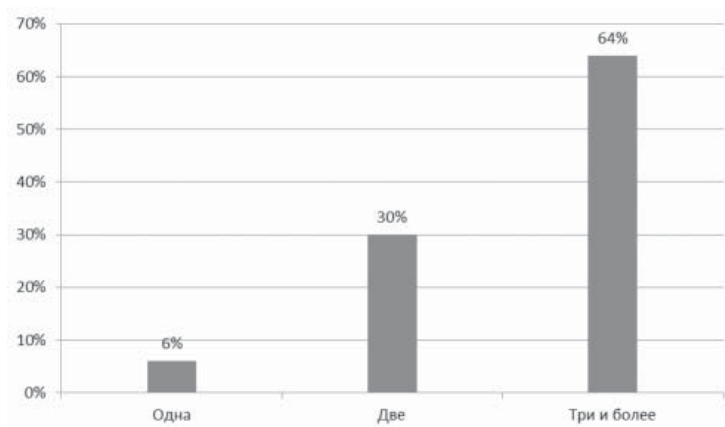
Многие авторы считают, что социально-психологические явления в среде осужденных в местах лишения свободы необходимо рассматривать в системе с другими факторами [6, 7, 8, 9, 10]. Исследование проводилось нами в исправительной колонии общего режима содержания. Группа испытуемых состояла из 50 лиц мужского пола различного возраста, социального положения, осужденных по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Для исследования социально-психологических явлений в среде осужденных мы разработали анкету, раскрывающую различные аспекты внутриколонийских взаимоотношений осужденных.

На рисунке 1 приведены данные, характеризующие распределение осужденных по возрастным группам.

Выделение данного социально-демографического признака при исследовании лиц, лишенных свободы, было продиктовано работами многих ученых, изучающих личность в социальном, биологическом и криминалистиче-

Рис. 1. Распределение лиц, лишенных свободы, по возрастным группам, количество человек, %

Рис. 2. Распределение лиц, лишенных свободы, по количеству судимостей

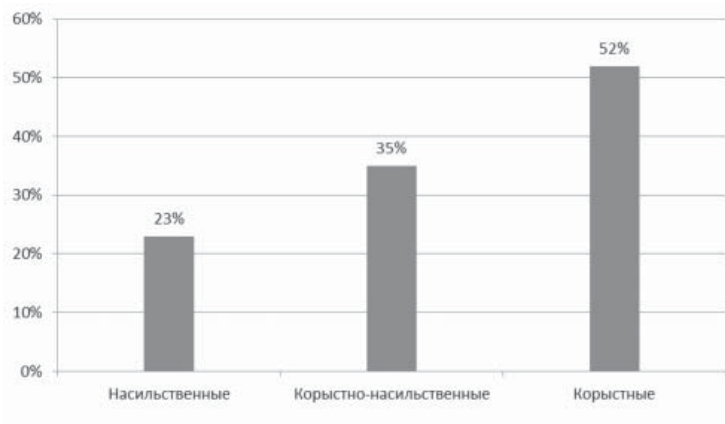
ском аспектах, которые со всей очевидностью доказали зависимость поведения субъектов от возраста.

Как видно из данных, приведенных на рисунке 1, наибольшее число осужденных, 33% от выборки, составили лица в возрасте старше 40 лет. Испытуемые, возраст которых находится в пределах 26–30 лет, составили примерно такое же количество, как и лица старше 40 лет. Осужденных молодеж-

ного возраста (18–25 лет) оказалось 18% от выборки, равно как и лиц в возрасте от 30 до 40 лет.

На рисунке 2 показано распределение лиц, лишенных свободы, по количеству судимостей.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что больше половины исследуемых осужденных, 64% от выборки, имеют три и более судимости. Следовательно, эти лица отличаются бо-

Рис. 3. Распределение лиц, лишенных свободы, по квалификации преступлений

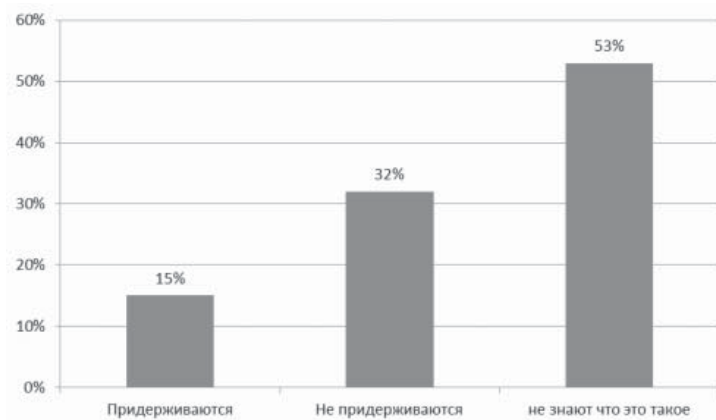
Рис. 4. Распределение лиц, лишенных свободы, в зависимости от семейного положения, %

лее сильной криминальной зараженностью из-за большого тюремного опыта. Как правило, они являются носителями тюремных традиций, знакомы со всеми атрибутами «воровской» субкультуры, ее обычаями, нормами и правилами поведения в колонийской среде. Такие осужденные отличаются правовым негативизмом, отрицательным отношением к законным требованиям администрации, поэтому они должны оказывать сильное негативное влияние на

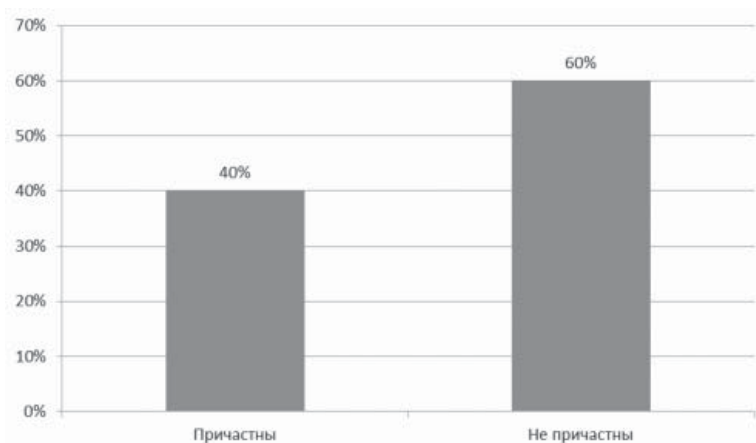
основную массу осужденных.

В уголовно-правовом аспекте важным признаком, выделенным при проведении исследования, является квалификация совершенного преступления, за которое осужденные отбывают наказание. На рисунке 3 показано распределение лиц, лишенных свободы, по квалификации преступлений.

При анализе данных о квалификации преступлений обращают на себя внимание следующие факты. Большин-

Рис. 5. Отношение осужденных к «воровским» традициям

Рис. 6. Причастность осужденных к субкультурным движениям

ство лиц были осуждены за корыстные преступления (52%). Осужденных за корыстно-насильственные преступления немного меньше, 35% от общего числа, и меньше всего испытуемых, 23% от выборки, лишены свободы за насильственные преступления. На основании этого можно сделать вывод о том, что у них на первом месте стоят материальные ценности, и они решили улучшить свое материальное положение противоправным способом.

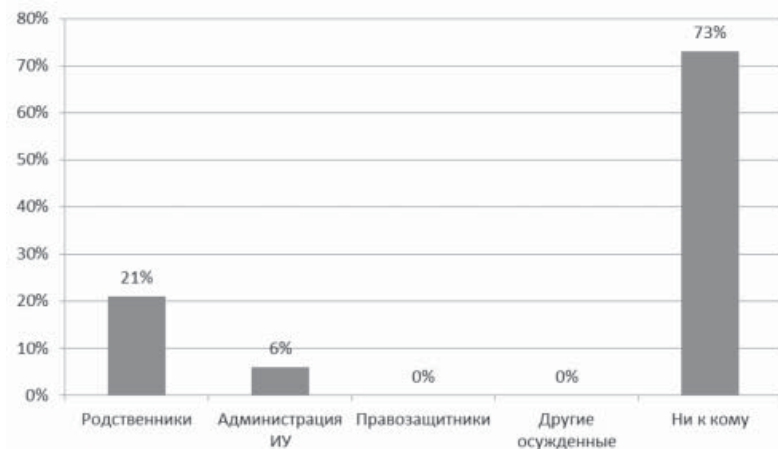
Выделение такого признака, как семейное положение, предоставляет возможность проанализировать социальные связи осужденных и дать оценку положительного влияния семьи на процесс исправления и ресоциализации.

Как мы видим из приведенного на рисунке 4 графика, лишь у 36% осужденных есть семья. Остальные либо никогда не были женаты, либо разведены, что свидетельствует о неустойчивых социальных связях в условиях свободы. Мы можем предположить, что эта выборка относится к лицам, имеющим

три и более судимости. Эта категория осужденных является наиболее криминализованной и представляет трудности при психолого-педагогическом воздействии.

Основой тюремной субкультуры являются «воровские» традиции, поэтому их исследование необходимо для более полной оценки социально-психологических явлений в среде осужденных. На рисунке 5 показано отношение осужденных к этим традициям.

Как видим, больше половины осужденных, а именно 53% от выборки, не имеют никакого понятия о том, что такое «воровские» традиции. 32% осужденных знают о них, но не придерживаются их в своем поведении в исправительном учреждении. Однако 15% осужденных все же придерживаются «воровских» традиций и стараются строить свое поведение и взаимоотношения на их основе. Эти показатели подтверждают тот факт, что давно зародившиеся тюремные традиции и

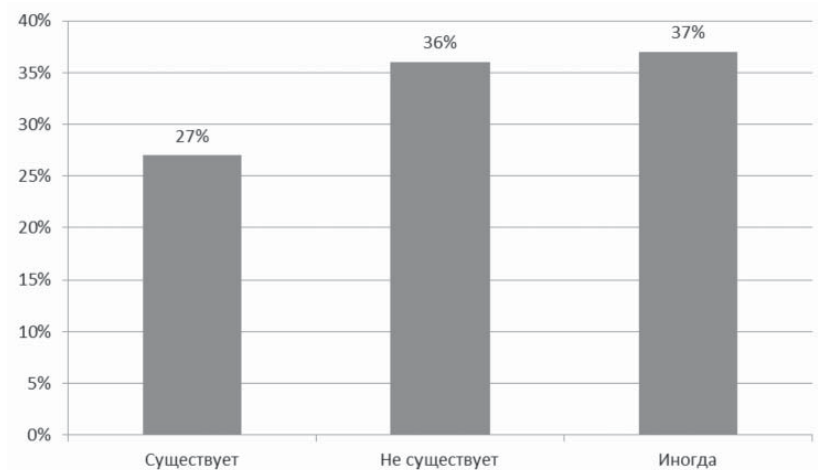
Рис. 7. Обращение осужденных за помощью

обычаи в настоящее время практически изжиты.

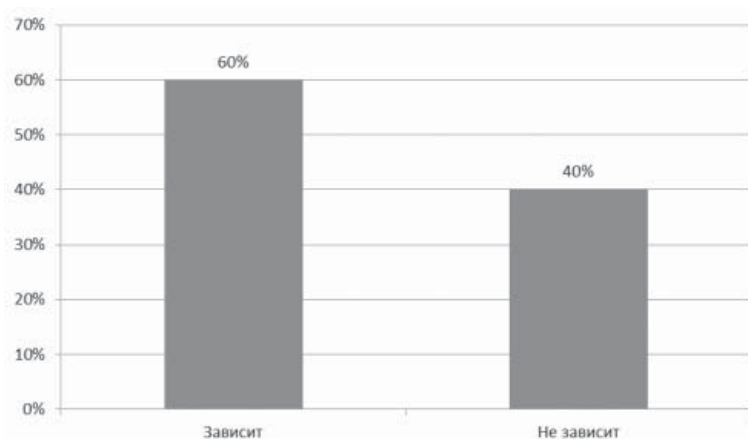
Еще одним показателем, характеризующим специфику взаимоотношений в среде осужденных, является их причастность к субкультурным движениям.

Можно констатировать, что больше половины опрошенных лиц, а именно

60%, не причастны к каким-либо субкультурным движениям. 40% осужденных подтверждают свою причастность к ним. Как видно из приведенного графика, практически половина всех осужденных причастна к тем или иным субкультурным движениям. Это еще раз свидетельствует о том, что тюремные

Рис. 8. Стратификация в среде осужденных

Рис. 9. Зависимость статуса осужденного от материального достатка

традиции, обычаи, мнения, настроения постепенно заменяются субкультурными отношениями, которые по своей сути, функциям и значению близки к криминальным. Спустя некоторое время молодежные субкультурные отношения, пройдя «тюремную школу», выйдут в гражданский социум и трансформируются в новую криминальную субкультуру, еще более жестокую, бесчеловечную и циничную, чем была раньше. Отдельные факты, подтверждающие этот вывод, мы наблюдаем уже сейчас.

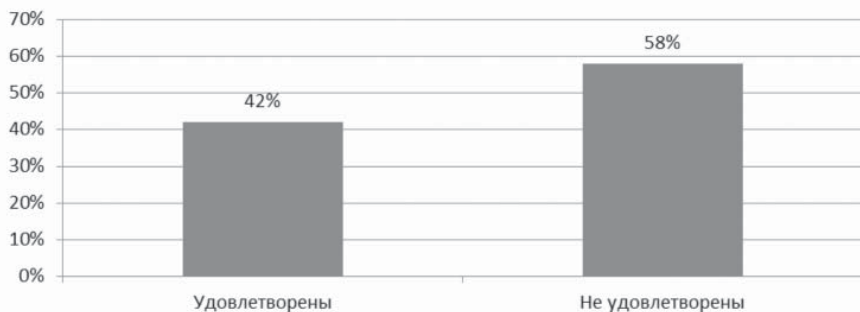
Следующим моментом, определяющим характер взаимоотношений в среде осужденных, является источник помощи осужденным, то есть те люди, к которым он смог бы обратиться за помощью при возникновении каких-либо трудностей.

В полученных в ходе исследования результатах прослеживается следующая закономерность. Большая часть осужденных, а именно 73%, предпочитают самостоятельно решать все свои проблемы и не обращаться за по-

мощью к кому-либо. У этих осужденных, как правило, нарушены социальные связи, и они не могут и не хотят обращаться за помощью к родственникам, в то время когда 21% обследуемых предпочитает обратиться за помощью к своим родственникам. И самый маленький показатель — это 6% осужденных, которые обратились бы за помощью к администрации исправительного учреждения. В эту группу входят осужденные с положительной направленностью, сотрудничающие с администрацией и рассчитывающие на взаимность отношений.

Одним из важных элементов тюремной субкультуры является стратификация в среде осужденных. В связи с этим был проведен опрос на предмет наличия разделения на классы осужденных.

Примерно равное количество осужденных (36 и 37% от выборки) указали на полное отсутствие разделения или проявляющееся в определенных ситуациях. Оставшаяся часть осужденных (27% от выборки) отрицают существо-

Рис. 10. Удовлетворенность осужденных условиями содержания

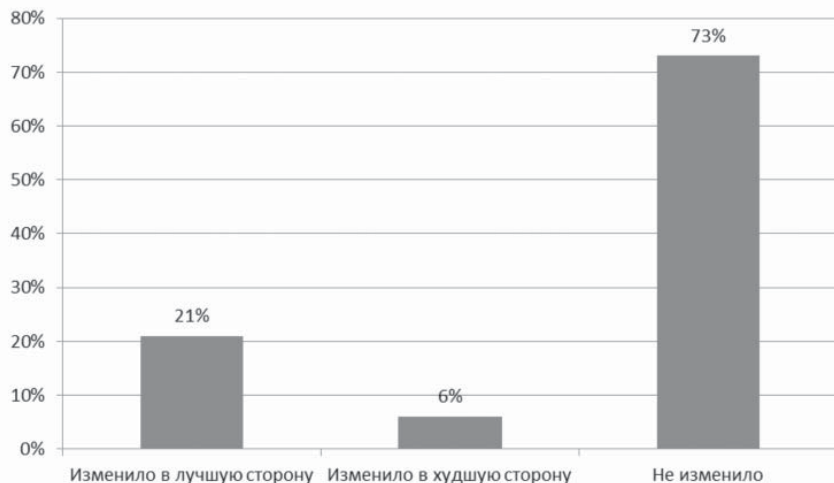
вание стратификации в их среде. Ссылаясь на небольшое различие мнений, можно предположить, что в отдельных случаях стратификация в среде осужденных все же имеет свое место.

Важным элементом в анализе взаимоотношений в среде осужденных является и роль материального достатка, в связи с чем был проведен опрос.

Результаты оказались следующими: 60% опрошенных осужденных утверждают, что их статус в исправительном учреждении напрямую зависит от их

материального достатка. Остальные 40% осужденных, напротив, отрицают существование данного явления. На основании полученных результатов можно заключить, что в современных исправительных учреждениях взаимоотношения строятся, в первую очередь, на материальной основе.

Одной из характеристик социально-психологических явлений в среде осужденных является степень удовлетворенности осужденных условиями отбывания наказания.

Рис. 11. Влияние отбывания наказания на осужденных

Результаты оказались следующими. 58% осужденных утверждают, что не удовлетворены условиями отбывания наказания. Это может быть связано с недостаточным уровнем их адаптации к условиям отбывания наказания или с несоответствием требованиям жилищно-коммунальных, бытовых, промышленно-хозяйственных условий и других. Однако 42% осужденных удовлетворены условиями содержания. Это свидетельствует о результативности процесса гуманизации отношений, который активно проходит в настоящее время. Но так как большая часть осужденных не удовлетворены условиями, это негативно влияет на их взаимоотношения, отягощенные отрицательным действием других факторов.

График на рисунке 11 показывает: 73% осужденных утверждают, что отбывание ими наказания не оказало на них никакого влияния. Однако 21% из выборки верят в свое исправление и ресоциализацию и считают, что время нахождения в исправительном учреждении изменило их в лучшую сторону. По мнению 6% осужденных, время отбывания наказания оказало на них негативное влияние и изменило в худшую сторону.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современные социально-психологические явления стали носить окраску неформальной субкультуры. Старые «воровские» традиции, обычаи стали изживать себя, утрачивать свое значение и функции. Им на смену приходят новые порядки и правила взаимоотношений в среде осужденных, основой которых является материальная составляющая.

Литература

1. *Александрин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.
2. *Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф.* Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 118–121.
3. *Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.
4. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 119–124.
5. *Датий А.В., Воронин Р.М.* Некоторые особенности характеристик женщин-инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 61–63.
6. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.
7. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.
8. *Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Взаимосвязи структурно-количественных показателей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 — «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.
9. *Полянин Н.А., Марков А.Ю.* Некоторые особенности личности осужденного-иностранца // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 101–106.
10. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н.* Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, СОСТОЯЩИХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧЕТЕ КАК ЛИЦА, ИЗУЧАЮЩИЕ, ПРОПАГАНДИРУЮЩИЕ, ИСПОВЕДУЮЩИЕ ЛИБО РАСПРОСТРАНЯЮЩИЕ ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ

Д. В. Пестриков, И. В. Сеник

Аннотация: в статье рассматриваются особенности психологического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию. Дана краткая правовая характеристика данной категории осужденных в местах лишения свободы и произведен анализ их индивидуально-психологических особенностей на основании тестовых методик и беседы. Проанализирована динамика развития преступности исходя из статистических данных представленных официальных лиц. Рассмотрены основные социально-психологические факторы, обуславливающие развитие особенностей в поведении указанной категории лиц. Рассмотрены проблемы аутентичности осужденных исходя из их национальности, при этом показано, что данное положение не является фактором экстремизма.

В статье представлены различные стратегии поведения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с ярко выраженной экстремистской направленностью. Установлено, что осужденные выбирают различные линии поведения, которые позволяют им постоянно актуализировать свои асоциальные убеждения. Как правило, такая активность личности находит отражение в различного рода поведении,

которое может быть диагностировано и свидетельствовать о его экстремистском характере.

Авторы отмечают, что осужденные за преступление экстремистской направленности представляют особую сложность для воспитательных воздействий в условиях исправительного учреждения. В связи с этим перед практическими сотрудниками, в частности перед психологами, встает вопрос о качественном осуществлении психологического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию с целью формирования положительной социальной направленности и профилактики деструктивных форм поведения.

Определены основные характерологические особенности данной категории осужденных, а именно: устойчивость интересов и ценностных ориентаций, средний уровень интеллектуальных способностей, хорошая адаптация в социуме, умеренно выраженные волевые качества, сложности в управлении своими эмоциями и настроениями, повышенная агрессивность, эгоцентризм, скрытость, недоверчивость, средний уровень контактности.

Авторы делают вывод о том, что процесс исправительного воздействия в от-

ношении осужденных за преступления экстремистской направленности должен носить комплексный характер.

Ключевые слова: осужденные, экстремистская направленность, экстремистская идеология, индивидуально-психологические особенности, исправительное учреждение, беседа, тестовые методики.

Уголовно-исполнительная система активно участвует в профилактике экстремистской деятельности и предусматривает работу по внедрению в исправительных учреждениях (ИУ) комплексных программ психологического сопровождения осужденных данной категории. Организация комплексной работы в их отношении требует отработки эффективности алгоритма их выявления в местах лишения свободы, в том числе психологического сопровождения. Решение этой задачи затрудняется тем, что во многих случаях вмененные фигурантам преступления носят общеуголовный характер, без отражения экстремистских мотивов их совершения.

Большинство осужденных данной категории отбывают наказание по статьям УК РФ: 105 (убийство) — 12,9%; 111 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) — 10%; 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества) — 6,5%; 209 (бандитизм) — 4,2%; 213 (хулиганство) — 11,1%, а также в редких случаях по (экстремистским) статьям УК РФ: 205 (террористический акт) — 2,3%; 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) — 12%; 282 ч. 1 (диверсия) — 20%; 282 ч. 2 (организация экстремистского сообщества) — 6,3% [5].

Согласно данным, представленным в докладе генерального прокурора Ю. Чайки, за последние десять лет в Российской Федерации произошел значительный рост числа данных преступлений (в 2004 г. — 130, в 2013 г. — 896). Количество выявленных преступлений экстремистской направленности увеличилось во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, а начиная с 2012 г. на первый план стали выходить преступления экстремистского характера, связанные с использованием сети Интернет. В 2013 г. по таким фактам возбуждено 375 уголовных дел (в 2012 г. — 231), причем наиболее распространены факты размещения экстремистских материалов в социальных сетях. Самыми распространенными преступлениями являются возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) [4].

За последние годы возросло количество преступлений, связанных с экстремистской направленностью. В настоящее время в местах лишения свободы количество осужденных данной категории увеличилось [1]. Находясь в местах лишения свободы, большинство этих лиц на путь исправления не встают, всячески пытаются продолжить противоправную деятельность, заключающуюся в пропаганде радикальных идей, вследствие чего с трудом поддаются психологической коррекции и психологическому сопровождению в процессе отбывания наказания.

Социально-демографические параметры личности осужденного данной категории могут быть самыми различными как по степени общности, значимости (начиная со статуса

гражданина и заканчивая статусом малой неформальной группы), так и по сфере их проявления (производственная сфера, быт, окружение). Такие, например, статусы или социально-демографические признаки, характеризующие роль и место личности в обществе, как неблагополучная семья, неуспеваемость в школе, паразитизм, совершение административных или иных правонарушений, преступлений, характерны для личности осужденного вообще. У экстремистов же указанные статусы развертываются в еще более неблагоприятном направлении. Личность осужденного за экстремистскую деятельность, ее особенности, специфика главным образом раскрываются через такие социально-демографические и правовые признаки, как тяжесть преступлений, рецидив, неоднократное отбывание наказания, отрицательное поведение в ИУ [2, 3].

Как показывает практика, в исправительном учреждении осужденные с ярко выраженной экстремистской направленностью выбирают различные линии поведения, которые позволяют им постоянно актуализировать свои асоциальные убеждения. Как правило, данная активность личности находит отражение в различного рода поведении, которое может быть диагностировано и свидетельствовать о его экстремистском характере:

1) наличие определенной символики, бравадование своими взглядами, нанесение различного рода татуировок экстремистского характера, стиль общения и т. д.;

2) проведение пропаганды своих взглядов, при этом происходит зара-

жение окружающих асоциальной идеологией.

Отдельной категорией осужденных, характеризующихся экстремистской направленностью, являются так называемые националисты. Отличительными признаками лиц, причастных к деятельности праворадикальных структур, могут являться:

1) наличие на теле соответствующих татуировок (свастика в различных сочетаниях, изображение Адольфа Гитлера, цифры 1488, футбольная и языческая символика, подписи: «АСАВ», «Слава РУСИ»), особенностей устойчивых отношений с лицами, разделяющими подобного рода асоциальные взгляды, и др.;

2) особенности приветствия (рукопожатие за предплечья или вскидывание руки вверх), ношения одежды, прически и т. д.;

3) распространение в местах лишения свободы экстремистских материалов, вольная интерпретация, искажение исторических фактов;

4) специфическое общение с окружающими, выражающееся в навязывании собеседникам идей расового и национального превосходства;

5) использование характерных для националистов кличек, поздравление друг друга с «праздником» 20 апреля (день рождения А. Гитлера) и т. п.;

6) в ходе общения неонацисты возможное позиционирование себя как «скинхедов», «национал-социалистов», «НС»; «патриотов», «правых» и др.

Необходимо сказать об аутентичности осужденных с учетом их национальности. Пропаганда культуры народа России исходя из этнической принадлежности не должна трактоваться

как экстремистская, быть объективной, не ущемляющей интересов других этносов.

Как показывает практика, при осуществлении психологического сопровождения данной категории осужденных особое внимание необходимо уделять не только наличию татуировок, определяющих их ценностные ориентации, взгляды, направленность, но и особенностям общения. Общение осужденных данной категории является средством самоактуализации, что раскрывает индивидуально-психологические особенности личности.

Осужденные за преступление экстремистской направленности представляют особую сложность для воспитательного воздействия в условиях ИУ. В связи с этим перед практическими сотрудниками, в частности перед психологами, встает вопрос о качественном осуществлении психологического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, с целью формирования у них положительной социальной направленности и профилактики деструктивных форм поведения.

Для решения задач подобного рода необходимо проводить глубинное изучение личности осужденных, что является обязательным условием для планирования профилактики рассматриваемого противоправного поведения в условиях ИУ. В деятельности пенитенциарного психолога особое внимание уделяется углубленному психодиагностическому обследованию с целью изучения индивидуально-психологических

особенностей, последующего составления психологической характеристики и предоставления рекомендаций различным отделам и службам, работающим с данной категорией осужденных. Такие осужденные чаще всего отказываются от участия в мероприятиях психологического характера. При всем многообразии тестовых и проективных методик приоритетное место в процедуре обследования осужденных принадлежит психологической беседе, наблюдению, анализу личного дела, элементам аудиовизуальной психодиагностики как наиболее эффективным методам, с помощью которых представляется возможным получать данные о личности и особенностях поведения лиц, отказывающихся от участия в психологических мероприятиях.

Беседа должна носить характер простого непринужденного разговора, вестись в спокойном тоне. Такт и сдержанность со стороны психолога — обязательные условия проведения беседы, даже при наличии негативных и циничных эмоциональных проявлений со стороны осужденных, порождаемых условиями ограничения свободы и прошлым социальным опытом общения.

Психологической беседе обязательно предшествует подготовительный период, включающий в себя: изучение материалов личного дела осужденного, составление плана беседы, тщательного продумывания вопросов.

Анализ личного дела позволяет представить общую картину жизни осужденного, выявить неблагоприятные условия. Опираясь на это знание, психолог готовит вопросы для уяснения противоречивых данных. Очень важно, чтобы осужденный почувство-

вал, что психолог хорошо разбирается в обсуждаемых вопросах, поэтому при изучении материалов личного дела осужденного необходимо уделить внимание следующим моментам:

1. Образовательный уровень: сколько лет осужденный учился в школе, какое образование получил?

2. Трудовая деятельность: где и кем работал, как характеризовался на работе; как относился к коллективу, в котором работал?

3. Мотивы криминального поведения.

4. Преобладающие черты характера.

5. Отношение к алкоголю и наркотикам.

6. Имело ли место антисоциальное и криминальное поведение до ареста?

Анализ этих данных позволяет создать картину формирования личности. В то же время высвечивается значительное количество моментов, требующих уточнения и проверки. Для правильной организации беседы целесообразно установить психологический контакт с осужденным путем проявления особого интереса и внимания к его склонностям и профессиональной деятельности, не связанной с криминальным прошлым. Начав разговор о профессии или семье, следует перейти к обсуждению нравственно-эстетических вопросов. Это дает возможность для более глубокого изучения личности осужденного. Однако следует помнить, что такой контакт не гарантирует получения достоверной информации об его жизненном пути.

Беседа не может носить характер нотации и морализации, а должна стать началом самостоятельного осмысле-

ния осужденным своего нравственно-го падения. С помощью психолога, который умело и правильно интерпретирует факты, показывает их влияние на личность, осужденный анализирует свой жизненный путь, соглашается или опровергает доводы собеседника. В ходе беседы идет процесс детального изучения жизненного пути, с помощью которого можно выработать механизмы воздействия на осужденного.

Существенным моментом организации беседы является методика фиксирования получаемой информации. Принимать решение об осуществлении записи необходимо в зависимости от личности осужденного и конкретной ситуации. Лучше сразу объяснить, с какой целью делаются записи (это поможет снять напряжение). Принято делать в ходе беседы короткие записи, кодированные по определенным вопросам, незаметно для собеседника. Запись по памяти приводит к потере информации, значительно искажает ответы, но при острых конфликтах и неустойчивом поведении осужденного этот способ вполне может себя оправдать. Беседу следует закончить так, чтобы у осужденного оставалась возможность вновь обратиться к психологу за помощью и советом.

Анализ психологической работы, проводимой с осужденными, состоящими на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, позволяет сделать определенные выводы.

Изучив психологические особенности личности осужденных за преступления экстремистской направленности, мы можем подбирать и разрабаты-

Рис. 1

вать соответствующие психокоррекционные мероприятия с целью исправления осужденных и предотвращения рецидива преступлений.

В экспериментальном исследовании принимали участие осужденные за преступления экстремистской направленности и осужденные по ст. 105 УК РФ (Убийство). Для проведения сравнительного анализа мы применили математический аппарат программного статистического комплекса Statistika 6.0. Высчитали значение по двум группам осужденным и составили графики различия личностных шкал по трем опросникам.

Так, по методике исследования акцентуаций характера Шмишека для осужденных с экстремистской направленностью характерны: эмоциональная нестабильность, эгоцентризм, низкий уровень социального контроля. При этом они легко идут на общение, даже с малознакомыми людьми, обладают хорошо развитыми речевыми навыками, легко вступают в спор, когда речь идет

о вещах, затрагивающих личные интересы (рис. 1). Низкий уровень тревожности и высокий уровень аффективно-экзальтированных черт характера свидетельствуют о том, что поведение экстремиста сопровождается изменчивыми состояниями от восторга до печали, он ищет воодушевления, восторга от того, что он делает или чьи взгляды разделяет. При этом психодинамика данного процесса характеризуется стремлением получать удовольствие.

Осужденные по ст. 105 УК РФ характеризуются эмоциональной устойчивостью, осмотрительностью в поступках и действиях, дистанцированностью. Поведение в целом носит последовательный, продуманный характер.

По методике КИЛО (комплексное исследование личности осужденного) было установлено: указанные осужденные достаточно реалистичны в отношении к жизни, могут переносить стрессовые ситуации без значительного ущерба для деятельности, имеют четкий круг интересов. У них есть сложности

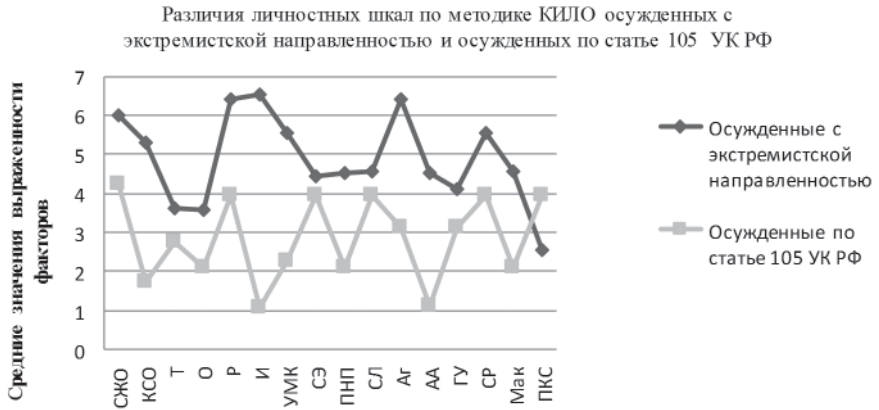

Рис. 2

в управлении своими эмоциями и настроениями, но они могут находить им адекватное объяснение и реалистичное выражение. У этих лиц средний уровень принятия криминальной субкультуры, есть стремление к вхождению в асоциальную группу, они принимают криминальную среду и являются ее последователями (рис. 2).

Осужденные по ст. 105 УК РФ: в целом для них не характерны вспыльчивость и грубость, но в напряженной ситуации возможно временное снижение самообладания; умеренно выражены волевые качества на пути к достижению цели. Низкий уровень принятия криминальной субкультуры.

По методике УСК (уровень субъективного контроля) выявлены: высокий уровень субъективного контроля над значимыми ситуациями, проявление активности в достижении поставленных целей. Поведение, как правило, эти осужденные строят с учетом прежнего опыта, своих ошибок и успехов, способны ориентироваться в неопределенной ситуации. Они склоны приписывать бо-

лее важное значение в отношениях обстоятельствам, случаю или окружающим их людям, что объясняет их излишнюю экзальтированность.

Осужденные по ст. 105 УК РФ имеют средний уровень активности в достижении поставленных целей, проявляют большую активность в поисках информации, умеют ориентироваться в неопределенной ситуации.

Таким образом, на основании полученных данных мы можем сделать наброски психологического портрета личности осужденного экстремистской направленности и осужденных по ст. 105 УК РФ (Убийство).

Для первой группы осужденных характерны: устойчивость интересов и ценностных ориентаций, средний уровень интеллектуальных способностей, умеренно выраженные волевые качества, стремление к получению эмоционального подкрепления в поведении. При этом имеются сложности в управлении своими эмоциями и настроениями, повышенная агрессивность, эгоцентризм, скрытость, недоверчивость,

средний уровень контактности. Причиной проблем кроется не в личности осужденного, а в его окружении.

Для другой группы осужденных характерна ситуативная обусловленность поведения и в целом не характерны вспыльчивость и напряженность, хотя в стрессовой ситуации возможно временное снижение самообладания. Выражена тенденция избегания неудач и низкий уровень принятия криминальной субкультуры, что говорит о стремлении к положительной социальной направленности.

Таким образом, индивидуальная психокоррекционная работа с осужденными за экстремистские действия направлена на выявление глубинных мотивов совершения преступления, детальное изучение образа «Я» и ценностно-смысловых ориентиров личности. Необходимо сформировать осознание вины в совершенном преступлении и установку на правопослушный образ жизни, развитие социальных умений правопослушного поведения. Последующая работа направлена на коррекцию их ценностей, убеждений и жизненных целей.

Среди множества направлений психологической работы с данной категорией осужденных особое внимание, как свидетельствует практика, уделяется когнитивно-поведенческой терапии и символдраме. При этом большое значение имеет развитие способностей к регулированию импульсивности и самоконтроля. При коррекции направленности личности данной категории осужденных необходимо применять пошаговый анализ ситуаций, условий, мотивов, личностных качеств, способствовавших формированию противоправ-

ных действий, а также реконструкцию поведения и переживаний [6].

Необходимо отметить, что попытки выработки эффективных методик воздействия на психику осужденных-экстремистов в условиях изоляции с целью модификации их поведения предпринимаются во многих странах мира. В пример можно привести программу психологического сопровождения процесса отбывания наказания исламскими экстремистами, которая реализуется специалистами тюремной службы Великобритании, где используются методы перепрограммирования поведения. При этом таких лиц максимально изолируют от других осужденных в целях недопущения распространения идей экстремизма [5].

Процесс исправительного воздействия на осужденных за преступления экстремистской направленности должен носить комплексный характер и включать в себя как меры режимного и оперативного сопровождения данных лиц, так и психологические мероприятия, направленные на устранение криминогенных личностных деформаций в целях недопущения рецидива, формирования социально полезных связей и отношений, которые бы способствовали закреплению позитивных стереотипов поведения.

Литература

1. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму // Прикладная юридическая психология. 2015 № 1. С. 21–23.
2. Датий А.В., Воронин Р.М. Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2014 № 2. С. 155–157.
3. Организация работы психологической службы пенитенциарных учреждений ФРГ : учеб. посо-

бие / В.М. Морозов [и др.]. Владимир: Владимир. юрид. ин-т Минюста России, 2000.

4. Магда С.Н. О некоторых проблемах организации профилактики экстремизма терроризма среди осужденных // Вестник центра исследования проблем терроризма. 2009. № 1 (19).

5. «Перепрограммированные» шахиды // За решеткой. 2008. № 12.

6. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 51–57.

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕДАГОГА-ПЕНИТЕНЦИАРИСТА Н. А. ДЕЕВОЙ)

Т. В. Калашникова, М. М. Калашникова

Аннотация: в статье рассматриваются научные исследования, направленные на изучение социально значимых перспектив и смысложизненных ориентаций несовершеннолетних осужденных женского пола. Значительный вклад в исследование подструктуры жизненных планов, перспектив и целей деятельности несовершеннолетних осужденных женского пола внесла Н. А. Деева, которая не просто изучила жизненные перспективы несовершеннолетних осужденных женского пола, но и разработала технологию их формирования. В дальнейшем работа Н. А. Деевой по изучению психологических особенностей личности несовершеннолетних осужденных была продолжена Т. В. Калашниковой, которая основным акцент сделала на психологическое исследование установок воспитанниц на поведение в колонии. Позже, в рамках исследования ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола, проведенного М. М. Калашниковой, были изучены смысложизнен-

ные ориентации несовершеннолетних осужденных женского пола с применением опросника Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации». Значимость этих исследований не вызывает сомнений и при их правильном учете позволит эффективно организовывать работу, направленную на просоциальное изменение личности воспитанниц.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные женского пола, жизненные планы, система перспектив, направленность личности, смысложизненные ориентации, педагогическая технология, воспитательно-трудовая колония, психолого-педагогическая технология, установка, агрессивность несовершеннолетних, ответственность личности.

В современной отечественной пенитенциарной психологии несовершеннолетние осужденные женского пола нечасто становятся объектом исследования, что обусловлено их небольшой численностью. По данным ФСИН России, с 2013 г. в уголовно-исполнительной си-

стеме функционирует всего два воспитательных учреждения, в которых содержится 110 осужденных женского пола [1]. В аналитических материалах, подготовленных в НИИ ФСИН России по итогам эксперимента по преобразованию воспитательных колоний (ВК) в воспитательные центры для несовершеннолетних осужденных, указано, что «в ближайшее время показатели, связанные с гендерными различиями осужденных, вряд ли существенно изменятся. В ВК будут находиться 92–94% осужденных мужского пола и 6–8% осужденных женского пола» [2, с. 20].

Следовательно, для пенитенциарных психологов и педагогов большой интерес должны представлять все научные исследования, направленные на изучение психологии данной категории осужденных. Историкографический анализ психолого-педагогических исследований несовершеннолетних осужденных женского пола показал, что большая их часть проведена на базе воспитательной колонии УФСИН России по Рязанской области. За все время своего существования благодаря пониманию со стороны руководства учреждения (М. Кукушкин, Г. З. Цибульская, О. Г. Ананьев, Т. Б. Кутакова) и научно-методическим контактам с Академией ФСИН России это воспитательное учреждение было негласной психолого-педагогической лабораторией по изучению проблем исправления и ресоциализации осужденных данной категории. В последние годы большой вклад в организацию подобных исследований внесла психологическая служба УФСИН России по Рязанской области во главе с кандида-

том психологических наук О. В. Самофаловой.

Первые научные исследования были проведены в конце 70-х годов XX века Н. А. Деевой, которая в качестве предмета избрала жизненные планы и перспективы осужденных девушек. Н. А. Деева родилась 18 февраля 1935 г. в с. Воронцовка Тамбовской области. В этом году ей исполнилось бы 80 лет. Ее мать, Мария Михайловна Фролова, вела домашнее хозяйство и работала в колхозе. Отец, Андриан Поликарпович Фролов, был председателем колхоза, секретарем парторганизации. Во время Великой Отечественной войны был минометчиком, награжден орденами и медалями за боевые заслуги, демобилизовался из Венгрии в 1945 г. Родители создали все необходимые условия, чтобы дети, а их было трое, получили высшее образование. Нина Андриановна окончила Тамбовский педагогический институт по специальности «учитель математики». Работала учителем в сельской школе, в профессионально-техническом училище, с 1969–1971 гг. преподавателем в Стерлитамакском педагогическом институте. Когда в 1970 г. в Рязани была учреждена Рязанская высшая школа (РВШ) МВД СССР, то Нина Андриановна вместе с мужем В. Г. Деевым переехала в Рязань. С 1971 г. жизнь семьи связана с Рязанью. В. Г. Деев, тогда кандидат психологических наук, работал сотрудником лаборатории по исследованию проблем перевоспитания осужденных в РВШ МВД СССР, с 1983 г. был ее начальником. В 1985 г. в Академии МВД СССР В. Г. Деев одним из первых в стране и первым в нашем вузе защитил докторскую диссертацию по юриди-

ческой психологии на тему «Психология направленности личности осужденных, отбывающих наказание в ИТУ». В начале 90-х годов XX века он стал одним из организаторов психологического факультета вуза, был первым начальником факультета [3, с. 143–148].

В 1972 г. приказом МВД СССР была создана воспитательно-трудовая колония при УВД Рязоблисполкома (Рязанская воспитательно-трудовая колония), и Нина Андриановна начала работать в ней сначала учителем, а затем и директором вечерней сменной школы. Для нее всегда была характерна активная жизненная позиция, ее отличали творческое отношение к делу, инициативность, ответственность, душевность. Она была не просто учителем, она была педагогом. Цель ее педагогической деятельности сводилась к формированию у воспитанниц не только знаний по учебным дисциплинам математического цикла, но и в целом их как личностей с положительной направленностью. Размышления о причинах выбора воспитанницами преступного пути, аморального поведения, нежелания работать над собой привели ее к необходимости поиска новых средств исправления. Нина Андриановна старалась установить контакты с родителями, близкими родственниками воспитанниц для того, чтобы наладить, гармонизировать их отношения с детьми; пыталась показать воспитанницам лучшие стороны их характера с целью поднятия их самооценки и формирования веры в хорошее будущее. Она продолжала вести воспитанниц по жизни даже после их освобождения из воспитательной колонии, подерживая с ними переписку. Получае-

мые положительные результаты привели ее к необходимости их оформления в научный труд. Этому, в частности, способствовал и ее муж В. Г. Деев, который активно занимался в этот период исследованием направленности личности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Им была предложена структура направленности личности осужденного, включающая в себя три подструктуры: генерализованная подструктура (влечения, желания, интересов, стремления, идеалы, мировоззрения и убеждения) — содержание направленности личности; подструктура отношений — индикатор содержательной стороны направленности личности; подструктура жизненных планов, перспектив и целей деятельности личности.

Исследование подструктуры жизненных планов, перспектив и целей деятельности несовершеннолетних осужденных женского пола и стало целью научной деятельности Н. А. Деевой. Необходимо было не просто изучить жизненные перспективы несовершеннолетних осужденных женского пола, но и разработать технологию их формирования. Опытнo-экспериментальная работа, которая проводилась в воспитательной колонии с 1973 по 1981 год (по ее итогам была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук), позволила определить содержание системы социальных перспектив воспитанниц. Близкая перспектива — хорошая учеба в школе, ПТУ, соблюдение требований режима отбывания наказания, нормальные взаимоотношения с коллективом. Средняя перспектива — активное участие в жизни колонии, положительное отношение

к учебе и труду с целью приближения условно-досрочного освобождения, перевода в льготные условия содержания. Дальняя перспектива — подготовка воспитанниц к жизни на свободе, формирование положительных жизненных планов на будущее.

Используя методы беседы, наблюдения, анкетирования как воспитанниц, так и их родителей, близких родственников, изучения личного дела, Н. А. Деева классифицировала несовершеннолетних осужденных женского пола на группы по критерию содержания сформированных ранее жизненно значимых перспектив. Так, к первой группе отнесены воспитанницы с положительными жизненно значимыми перспективами. Это немногочисленная группа осужденных, признающих свою вину в совершенном преступлении, стремящиеся ее искупить, осознанно соблюдающие все требования режима отбывания наказания. Ко второй группе отнесены осужденные, «имеющие социально значимые перспективы, превышающие индивидуальные возможности» [4, с. 39]. Эти осужденные мечтательны, с завышенной самооценкой, безвольны, противоречиво относятся к наказанию. В третью группу, самую многочисленную, вошли осужденные, у которых наблюдалась деформация социально значимых перспектив. Содержание деформации настолько различно, что Н. А. Деева в рамках этой группы выделила пять подгрупп: имеют далекую перспективу, но не имеют средней перспективы; не имеют далекой перспективы, ориентированы на ложную среднюю перспективу; не имеют перспектив; имеют только близкую перспективу; имеют отрицательную далекую пер-

спективу. Перед исследователем встала задача разработки такой педагогической технологии, которая позволила бы сформировать систему перспективных линий, особенно у осужденных третьей группы. Н. А. Деевой была организована в условиях ВК экспериментальная работа, которая включала в себя ряд ситуаций: выполнение общественных заданий, организация коллективного воздействия на воспитанницу через собрания, диспуты, трудового соревнования между звеньями в отделениях отряда. Для проведения экспериментальной работы активно использовались уроки по физике и математике. Было доказано, что переориентация отрицательного отношения воспитанниц к обучению на положительное способствует формированию позитивных жизненных перспектив. Кроме этого, Н. А. Деева вела работу по формированию положительных идеалов у воспитанниц как необходимого условия наличия у них положительных перспективных линий. Так, в конце 70-х годов под ее руководством как директора вечерней сменной школы на базе колонии был создан музей военной летчицы Антонины Зубковой, участвовавшей в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны с 1943 г. и, к сожалению, трагически погибшей в 1950 г. Музей был мощным источником духовно-нравственного, патриотического воспитания осужденных.

В процессе проведения опытно-экспериментальной работы Н. А. Деева предложила следующие критерии для оценки стойкости формирования перспектив у несовершеннолетних осужденных женского пола в условиях воспитательной колонии: результаты реа-

лизации далеких перспектив в повседневном труде, учебе, общественной работе; наличие критичности в оценке собственного поведения в прошлом; системность в организации самовоспитания с целью искоренения в характере отрицательных черт; сформированность положительного стиля деятельности на основе позитивных идеалов; наличие чувства совести [4, с. 71–72].

Реализуя на практике в течение 10 лет свою психолого-педагогическую технологию, направленную на формирование положительных перспективных линий у несовершеннолетних осужденных женского пола, Н. А. Деева добивалась реальных результатов. Она указывала, что «90% освободившихся, с которыми проводилась исследовательская работа... честно трудятся, учатся в общеобразовательных школах и среднетехнических учебных заведениях» [4, с. 79]. Профессиональная деятельность Н.А. Деевой была отмечена Почетной грамотой министра МВД СССР.

К сожалению, после ухода Нины Андриановны из воспитательной колонии ее методика оказалась невостребованной, так как сочетать простую учительскую работу с творческой психолого-педагогической деятельностью оказалось не всем под силу. Не сохранился в колонии и музей летчицы Антонины Зубковой, однако элементы положительного опыта работы Н. А. Деевой использовались воспитателями. Прежде всего это были анкеты, разработанные ею для родителей, близких родственников, классных руководителей воспитанниц с целью получения более подробной информации об осужденных; анкеты для карантинного отделе-

ния для получения первичной информации о вновь прибывших в воспитательную колонию воспитанницах.

Н. А. Деева прошла уникальный жизненный путь. Она умела ставить перед собой цели, формировать свои перспективные линии и обязательно достигать жизненно значимого результата. При этом главным для нее было оказывать помощь людям — советом, консультацией, идеями, опытом. Ее вклад в развитие отечественной пенитенциарной психолого-педагогической науки по достоинству еще не оценен, написанные ею научные работы требуют внимательного прочтения, а практический опыт в деле перевоспитания несовершеннолетних осужденных женского пола — изучения. Ее идеи о необходимости проведения целенаправленной, системной исследовательской и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными женского пола на основе психолого-педагогической теории нашли свое продолжение, превратившись в семейную традицию.

В начале 80-х годов XX века в воспитательной колонии был проведен эксперимент под руководством воспитателя Т. В. Калашниковой по привлечению студентов Рязанского государственного педагогического института к процессу воспитательной работы с осужденными, помощи им в трудоустройстве и жизни после освобождения. Была разработана методика организации подобной помощи, включавшая в себя проведение концертов, викторин, читательских конференций со всеми воспитанницами отряда в выходные дни, а также индивидуальную работу студентов с закрепленными за ними воспитанницами (беседы, переписка). Т. В. Калаш-

никовой было проведено и психологическое исследование установок воспитанниц на поведение в колонии [5].

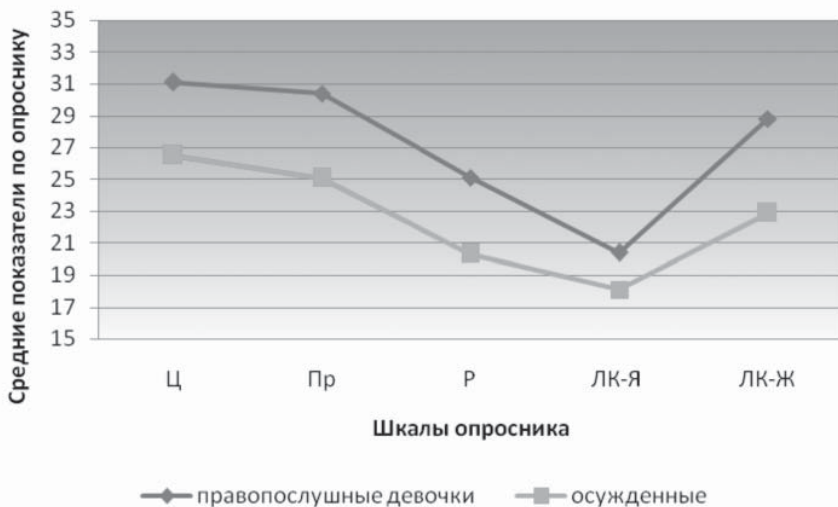
В начале 90-х годов XX века на базе воспитательной колонии сотрудниками кафедры общей психологии РВШ МВД СССР И. Б. Бойко и Т. В. Калашниковой проводилось исследование агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола, результатом работы стала адаптация к условиям ВК теста-опросника А. Басса — А. Дарки, теста руки Э. Вагнера и теста С. Розенцвейга [6].

Исследование ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола проведено М.М. Калашниковой в 2012 г. Ею апробирована в условиях воспитательной колонии методика «Ответственность» (В. П. Прядеин), позволяющая диагностировать все компоненты ответственности личности. Сделан вывод о том, что у воспитанниц более выражены: эгоцентрическая мотивация ответственности личности, астенические эмоции при выполнении ответственных дел, поручений; когнитивная неосведомленность, свидетельствующая о поверхностном понимании ими ответственности. Реализация поведения, требующего проявления ответственности как личностного свойства, у воспитанниц зависит от ситуации. Полученные результаты свидетельствуют о низком уровне развития ответственности личности у данной категории осужденных [7]. Кроме того, М.М. Калашниковой проведено исследование смысложизненных ориентаций несовершеннолетних осужденных женского пола с применением опросника Д.А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации». В эмпирическом исследовании

приняли участие 130 несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях УФСИН России по Рязанской и Белгородской областям, в возрасте от 14 до 17 лет, 75 правопослушных девочек, обучающихся в муниципальных общеобразовательных школах г. Рязани, в возрасте от 14 до 17 лет.

Опросник «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) создан в результате адаптации методики «Цель в жизни» (PIL — Purpose in Life) Дж.Крамбо и Л. Махوليки, в основу которой авторы положили теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла. На русском языке тест PIL впервые был адаптирован К. Муздыбаевым (1981). На основе его версии Д.А. Леонтьев разработал и адаптировал еще один отечественный вариант PIL — «Тест осмысленности жизни», который был преобразован в опросник «Смысложизненные ориентации» (СЖО). Данный опросник позволил исследовать представления несовершеннолетних осужденных женского пола о своей жизни благодаря пяти шкалам: цели, процесс, результат, локус контроля — Я, локус контроля — жизнь и, таким образом, оценить «источник» смысла жизни в будущем (цели), в настоящем (процесс) или прошлом (результат).

Сравнительный анализ данных воспитанниц и правопослушных девочек, полученных при применении опросника «Смысложизненные ориентации», показал, что имеются значимые различия ($p \leq 0,01$) в ценностно-смысловой сфере осужденных и правопослушных девочек по всем пяти субшкалам: цели, процесс, результат, локус контроля — Я, локус контроля — жизнь (рис.).

Средние значения показателей по субшкалам опросника «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева осужденных и правопослушных девочек

Примечание: Ц (цель), Пр (процесс), Р (результат), ЛК-Я (локус контроля — Я), ЛК-Ж (локус контроля — жизнь)

На рисунке видно, что осужденные, в отличие от правопослушных девочек, не имеют четких целей, направленных на жизнь в будущем. Современные воспитанницы убеждены, что бессмысленно что-либо загадывать, так как сомневаются в том, что могут самостоятельно управлять своей жизнью, по крайней мере, пока находятся в условиях изоляции. Считают, что им не всегда дано контролировать свою жизнь (шкала «локус контроля — жизнь»), хотя при необходимости они способны принимать решения и реализовывать их. Осужденные испытывают неудовлетворенность своей жизнью в настоящий момент, считают ее неинтересной, эмоционально не насыщенной. Это может быть объяснено тем, что большинство несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывая наказание в воспитательных колониях, находятся в состоя-

нии фрустрации. Его возникновение обусловлено лишением постоянного общения с близкими, друзьями. У осужденных блокирована реализация своих интересов, стремлений, целей, права действовать, как им захочется, так как они должны соблюдать определенные правила поведения, регламентированные действующими в условиях ВК нормативно-правовыми актами. Из-за того что процесс отбывания наказания протекает в воспитательных колониях монотонно, день за днем осужденные следуют установленному распорядку дня, для них типичны и другие астенические психологические состояния (И. П. Башкатов, В. Ф. Пирожков и др.), а многие из них начинают испытывать потребность в эмоционально насыщенной жизни. Жизнь до ареста и осуждения воспитанницы удовлетворены частично. В связи с недостаточно

развитым «люкусом контроля — Я» они не верят в свои силы, возможности что-то изменить в своей жизни. Индивидуальные беседы показывают, что воспитанницы не очень огорчаются по этому поводу, считают, что жить надо одним днем. Вследствие того что в условиях воспитательной колонии жизнь осужденных находится под постоянным надзором со стороны сотрудников различных отделов и служб воспитательной колонии, осужденные считают, что они не могут контролировать свою жизнь и не стоит этого делать. Наличие такой фаталистичности у несовершеннолетних осужденных требует целенаправленной воспитательной работы, так как без нее может происходить уклонение осужденных от ответственности за свое поведение. Это не способствует процессу их исправления, формированию ответственности за свою жизнь.

Полученные данные согласуются с результатами исследований Н. А. Девой жизненных планов и перспектив несовершеннолетних осужденных женского пола как в период отбывания ими наказания в воспитательной колонии, так и после освобождения. Она отмечала, что для данной категории осужденных характерным является безразличие к своей будущей жизни (более половины из них имеют негативные близкие и далекие жизненные планы), безответственное отношение к жизни в условиях воспитательной колонии.

По мнению А. С. Макаренко, «воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути» [8, с. 75]. Н. А. Деева указывала, что «формирование социально значимых перспектив и целей деятельности личности позволит приостановить ее нравственное па-

дение, изменить жизненную позицию, нормализовать отношения с окружающей средой» [4, с. 5]. Значит, результаты исследований социально значимых перспектив, смысловых ориентаций несовершеннолетних осужденных женского пола должны быть востребованы пенитенциарными психологами и педагогами (особенно практиками) для проведения эффективной воспитательной работы с данной категорией осужденных. Особенно важно это сейчас, когда согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в нашей стране проводятся эксперименты по преобразованию воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных в воспитательные центры.

Литература

1. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL : <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (дата обращения : 09.02.2015).
2. Аналитические материалы работы по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А. В. Быкова. М., 2013. 130 с.
3. Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Научно-педагогическая деятельность профессора психологии В. Г. Деева // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 143–148.
4. Деева Н. А. Формирование социально значимых перспектив у несовершеннолетних осужденных женского пола как средство их перевоспитания : учеб. пособие. Рязань, 1981. 96 с.
5. Калашникова Т. В. Психологические аспекты исправления и перевоспитания несовершеннолетних осужденных женского пола в условиях ВТК : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 24 с.
6. Бойко И. Б., Калашникова Т. В. Применение стандартизированного личностного опросника А. Басса — А. Дарки в практике ВТК. Рязань: РВШ МВД РФ, 1993. 29 с.; Применение теста Э. Вагнера в практике ВТК. Рязань: РВШ МВД РФ, 1993. 28 с.
7. Калашникова М. М. Психология ответственности личности несовершеннолетних осужденных

женского пола, отбывающих наказание в воспитательной колонии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань. 2012. 28 с.

8. Калашникова М.М. К вопросу изучения ответственности личности в пенитенциарной психологии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2 (73).

9. Калашникова М.М. Психологическая характеристика личности и ответственности в поведении несовершеннолетних осужденных женского пола при нахождении их в воспитательных колониях // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2.

10. Макаренко А.С. Соч. М., 1960. Т. 5.

11. Поздняков В.М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 15–37.

12. Аксенова Г.И., Кожевникова Е.Н. Теоретические подходы к проблеме жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 39–47.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНЫХ РАССТРОЙСТВ (ПСИХОПАТИИ) ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА

О. И. Сочивко

Аннотация: в статье рассматривается проблема личностных расстройств (психопатии) женщин, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России, проявляющаяся при организации с ними психопрофилактической, просветительской и психокоррекционной работы, и указывается, что знание персоналом психологических особенностей этих лиц имеет важное значение. Выявление психологических особенностей осужденных женского пола осуществлялось автором в исправительных учреждениях УФСИН России по Московской области и УФСИН России по Краснодарскому краю путем сравнения экспериментальной и контрольной групп осужденных женщин. В данной статье сосредоточено внимание в первую очередь на различиях трех групп испытуемых осужденных женского пола: 1) не состоящих ни на одном из видов учета; 2) состоящих на профилактическом учете; 3) со-

стоящих на учете в медицинской части исправительного учреждения с диагнозом личностного расстройства (психопатия). В качестве экспериментальной группы выступают осужденные женского пола с расстройствами личности (психопатия), состоящие на медицинском учете (выборка в количестве 100 человек) с диагнозом в амбулаторных картах F60.0–F61 по Международной классификации болезней десятого пересмотра (специфические и смешанные расстройства личности). Для проведения исследования применялся следующий психодиагностический инструментарий: наблюдение, беседа, анализ личных дел, анкета, направленная на получение социально-демографических сведений (внешний фактор) о личности осужденных женского пола, математико-статистическая компьютерная программа Statistica 10.0. Метод анкетирования позволяет создать объективное представление о психологиче-

ских особенностях осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатиями). Полученные нами результаты показали, что осужденные женского пола с расстройствами личности (психопатиями) имеют ряд психологических особенностей: высокая вероятность состояния в браке, низкий уровень образования, высокая вероятность того, что воспитывались кем-то одним из родителей, низкая вероятность поддержания отношений с близкими и дальними родственниками.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, персонал исправительного учреждения, расстройства личности, осужденные женщины.

Личностные расстройства (ранее называвшиеся психопатиями) относят к пограничным психическим расстройствам, это патологические состояния, характеризующиеся дисгармоничностью психического склада личности.

По словам П. Б. Ганнушкина, подобная аномалия характера определяет психический облик, накладывая властный отпечаток на весь душевный склад, в течение жизни не подвергается резким изменениям и мешает приспособиться к окружающей среде. О. В. Кербиковым эти признаки были положены в основу диагностических критериев психопатии: 1) тотальность патологических черт характера, проявляющихся везде — дома и на работе, в труде и на отдыхе, в обыденных условиях и при эмоциональных стрессах; 2) стабильность патологических черт характера: они сохраняются на протяжении всей жизни, хотя впервые выявляются в разном возрасте, чаще всего в подростковом, ино-

гда с детства, даже при повзрослении; 3) социальная дезадаптация является средством именно патологических черт характера, а не обусловлена неблагоприятной средой.

В современном определении психического здоровья подчеркивается, что для него характерна индивидуальная динамическая совокупность психических свойств конкретного человека, которая позволяет последнему адекватно своему возрасту, полу, социальному положению познавать окружающую действительность, адаптироваться к ней и выполнять свои биологические и социальные функции в соответствии с возникающими личными и общественными интересами, потребностями, общепринятой моралью [3].

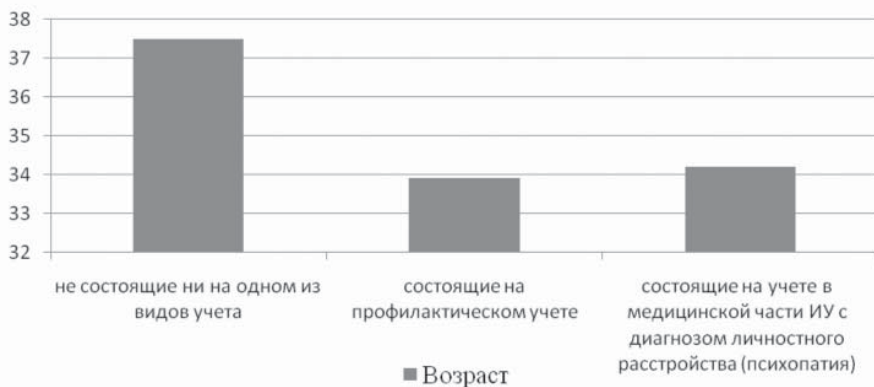
Общий план нашего эмпирического исследования включал в себя определение целей и задач исследования, выбор способа организации исследования и испытуемых, методов сбора эмпирических данных, их обработки и анализа, разработку процедуры организации исследования, осуществление исследования в соответствии с выбранными методами и процедурой, описание его результатов. Основной задачей, которая стояла перед нами, было проведение исследования в отношении осужденных женского пола с личностными расстройствами (психопатиями). Одним из гипотетических предположений выступало существование значимых различий в психологических особенностях осужденных женского пола в период отбывания наказания. Чтобы составить социально-психологический портрет осужденных женского пола с личностными расстройствами (психопатиями), целесообразно рассмотреть резуль-

таты исследования индивидуально-психологических особенностей осужденных женского пола в период отбывания наказания. Мы сосредоточили свое внимание в первую очередь на различиях трех групп испытуемых осужденных женского пола: 1) не состоящих ни на одном из видов учета; 2) состоящих на профилактическом учете; 3) состоящих на учете в медицинской части исправительного учреждения (ИУ) с личностными расстройствами (психопатиями) с диагнозом в амбулаторных картах F60.0–F61 по Международной классификации болезней десятого пересмотра (специфические и смешанные расстройства личности) [3]. Указанные на приведенных ниже рисунках группы осужденных женского пола будут обозначены соответственно перечисленным номерам групп.

Исследование осужденных женского пола проводилось на базе УФСИН России по Московской области и УФСИН России по Краснодарскому краю.

Для проведения исследования осужденных женского пола с диагнозом личностного расстройства (психопатией) применялись: анкетирование, направленное на получение социально-демографических сведений (внешний фактор) о личности осужденных женского пола, батарея методов исследования осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатиями), математико-статистическая компьютерная программа Statistica 10.0. Будем называть их ниже по мере необходимости. Обратимся к сравнительному анализу данных осужденных женского пола трех обозначенных групп.

Метод анкетирования осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатия) позволяет создать объективное представление об исследуемых группах осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатия), их психологических особенностях. В анкете, направленной на изучение социально-демографических данных, в одном из поставленных вопросов

Рис. 1. Показатели возраста осужденных женского пола в разных группах испытуемых, лет

осужденным женского пола предлагалось указать возраст, поскольку психические заболевания часто проявляются именно с возрастом.

Показатели возраста осужденных женского пола в разных группах испытуемых приведены на рисунке 1.

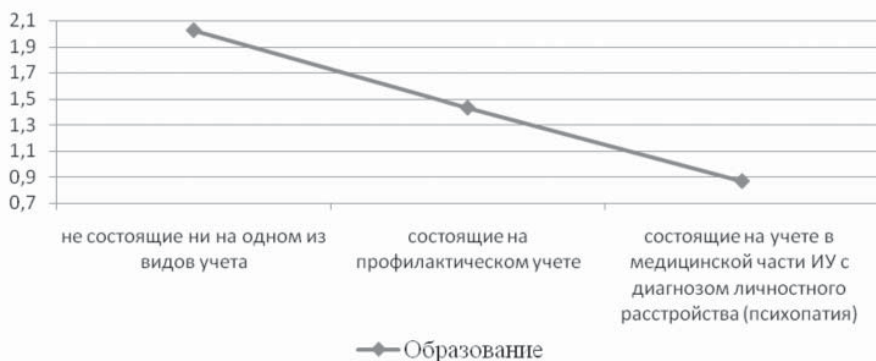
На рисунке 1 видно, что самый старший возраст имеют осужденные женского пола (группа № 1), не состоящие ни на одном из видов учета (37 лет). Существенной разницы по средним показателям возраста среди осужденных женского пола групп № 2 и 3 не имеется (на момент обследования им было 33–34 года). Следует отметить, что с возрастом у осужденных женского пола появляется риск обострения расстройств личности, в связи с чем требуется особый подход со стороны сотрудников психологической службы и воспитательного звена при проведении психолого-социальной работы. Кроме того, с возрастом осужденные женщины могут либо наращивать, либо терять криминальный авторитет. С этой точки зрения психопатоподобное demonstra-

тивное поведение может выглядеть и как последняя попытка утвердиться в преступной среде, что также влияет на выбор методов психологической и воспитательной работы с ними.

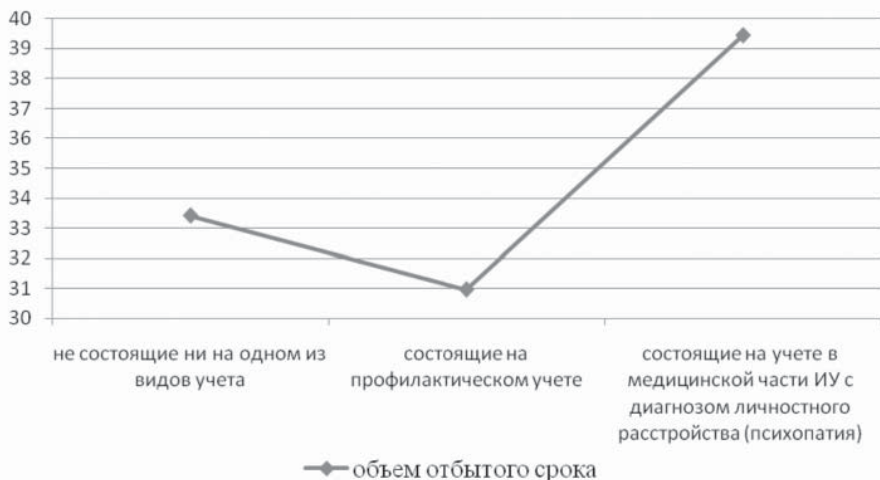
В свете рассматриваемой нами проблемы важным представляется исследование уровня образования осужденных женского пола, которое показало, что в основном представители всех групп имеют неполное среднее, среднее и среднее специальное образование. Незаконченное высшее и высшее образование встречается крайне редко.

На рисунке 2 представлены средние показатели уровня образования осужденных женского пола в разных группах испытуемых.

На рисунке 2 видно, что уровень образования у осужденных женского пола (группа № 3), состоящих на учете в медицинской части ИУ с диагнозом личностного расстройства (психопатии), самый низкий. Наши данные подтверждают мнение о том, что психопатическая личность дезадаптирована и показывает выраженность не-

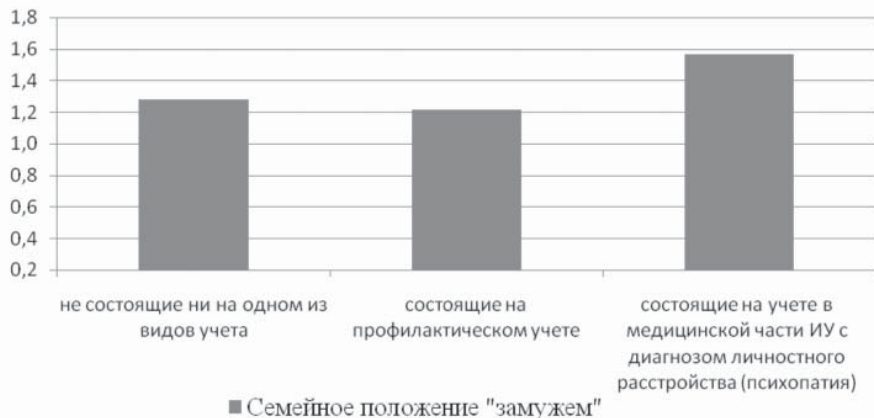
Рис. 2. Показатели уровня образования осужденных женского пола разных сравнительных группах (средние значения)

Рис. 3. Показатели объема отбытого срока наказания осужденными женского пола в разных группах испытуемых, %

устойчивости поведения с уклонением от повышения образования, что приводит к относительно интеллектуальной недостаточности [4]. Уровень образования осужденных женского пола (группа № 2), состоящих на профилак-

тическом учете, является средним. Им свойственны такие черты, как демонстративность, что нередко сочетается у них со снижением контроля над поведением, спонтанность и необдуманность своего поведения, плохое прогно-

Рис. 4. Показатели частоты встречаемости семейного положения «замужем» осужденных женского пола в разных группах испытуемых (средние значения)

зирование последствий своих поступков. Все перечисленные элементы говорят о социально-педагогической запущенности осужденных указанной группы. Уровень образования осужденных женского пола (группа № 1), не состоящих ни на одном из видов учета, самый высокий, кроме того, они положительно характеризуются и соответственно имеют более высокий уровень образования.

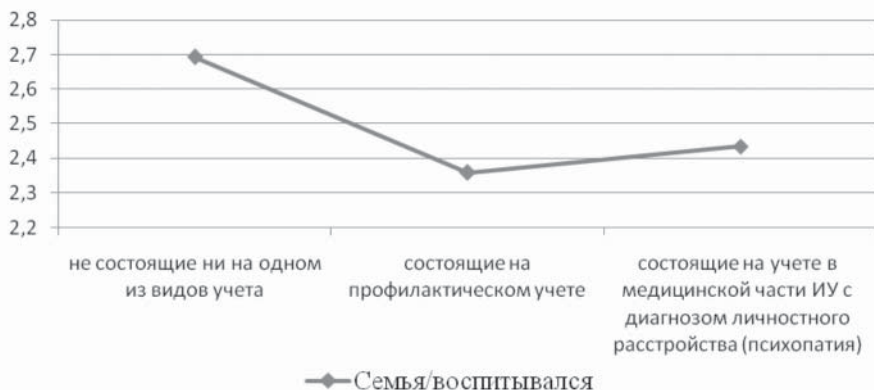
На рисунке 3 представлены средние показатели уровня объема отбытого срока у осужденных женского пола в разных группах испытуемых.

На рисунке 3 видно, что осужденные женского пола (группа № 3), состоящие на учете в медицинской части ИУ с диагнозом личностного расстройства (психопатии), имеют в среднем 1–2 судимости и демонстрируют тенденцию к тому, что в среднем они отбыли большую часть срока уголовного наказания. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, осуждены 1–2 раза и имеют минимальные сроки уголовного наказания. Во-вторых, многие из них заинтересованы в досрочном освобождении и стараются не нарушать режим, вести себя примерно, хорошо работать. Осужденные женского пола (группа № 1), не состоящие ни на одном из видов учета, имеют средние показатели по уровню отбытого срока. Это говорит том, что у них обычные, распространенные в общей массе осужденных женского пола установки и направленность на соблюдение режима ИУ. Осужденные женского пола (группа № 2), состоящие на профилактическом учете, имеют наиболее выраженную криминальную направленность и низкую мотивацию к исправлению.

На рисунке 4 представлены средние показатели частоты встречаемости семейного положения «замужем» осужденных женского пола в разных группах испытуемых.

Рисунок 4 представляет нам семейное положение «замужем» осужденных женского пола в разных группах испытуемых. Так, осужденные, состоящие на профилактическом учете в медицинской части (группа № 2), имеют самые низкие показатели, то есть меньше всего находятся в брачных отношениях. В данном факте проявляется взаимосвязь двух психологических механизмов: с одной стороны, психологической неспособности устраивать свою личную жизнь, а с другой — отказа от общения с ними противоположного пола. Осужденные женского пола (группа № 3), состоящие на учете в медицинской части ИУ с диагнозом личностного расстройства (психопатии), имеют высокую вероятность состоять в браке. Данный факт выглядит парадоксальным, так как именно эта группа отличается наиболее непредсказуемым (чаще всего агрессивным) поведением. Это говорит о том, что именно непредсказуемость и открытость в разнообразных эмоциональных проявлениях и привлекает мужской пол в период совместного проживания. Осужденные женского пола (группа № 1), не состоящие ни на одном из видов учета, имеют средние показатели.

Перейдем к анализу типов семейного воспитания осужденных женского пола в разных группах по показателю наличия полной семьи, неполной, или же внесемейного воспитания близкими или не самыми близкими родственниками, в детских домах.

Рис. 5. Показатели частоты встречаемости различных типов семейного и внесемейного воспитания осужденных женского пола в разных группах испытуемых (средние значения)

На рисунке 5 представлена частота встречаемости различных типов семейного воспитания осужденных женского пола разных групп испытуемых.

Осужденные женского пола (группа № 1), не состоящие ни на одном из видов учета, чаще всего воспитываются в полной семье. Осужденные женского пола (группа № 2), состоящие на профилактическом учете (демонстранты, нарушители), реже всего воспитывались кем-то одним из родителей. Осужденные женского пола (группа № 3), состоящие на учете в медицинской части ИУ с диагнозом личностного расстройства (психопатии), воспитывались кем-то одним из родителей. Приведенные данные показывают, что осужденные из группы № 3 имеют высокую вероятность того, что воспитывались кем-то одним из родителей, что подтверждает высказывание о том, что воспитанные в неполных семьях имеют более высокий риск формирования психопатических черт личности и, как следствие,

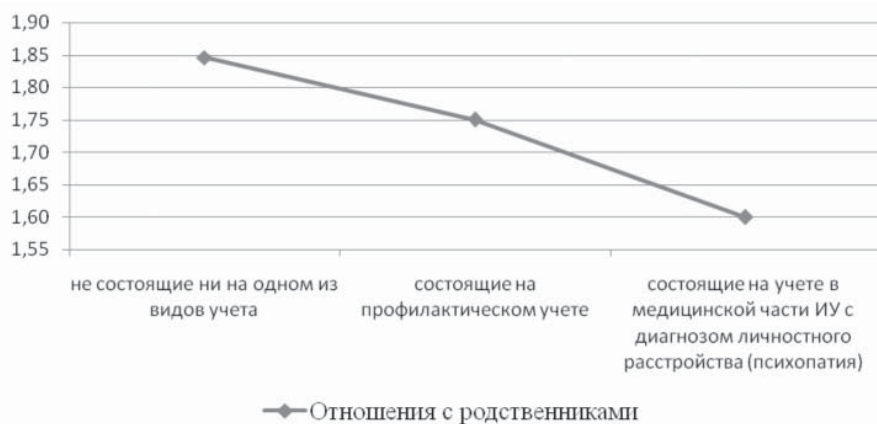
снижение адаптационных возможностей в условиях изоляции от общества.

Обратимся к анализу отношений с родственниками осужденных женского пола. Можно видеть, что негативное отношение к близким людям, нередко впоследствии приводящие к невозможности создать семью, о чем мы писали выше, закладывается уже в детстве таким способом, как лишение ребенка внимания.

Рисунок 6 иллюстрирует степень поддержания контактов с родственниками осужденных женского пола (согласно анкетным данным).

Отношения с близкими родственниками поддерживают все три группы осужденных женского пола, но существенно выше показатели у осужденных из группы № 1, не состоящих ни на одном из видов учета, у которых самые высокие показатели. Напомним, что осужденные именно этой группы отличаются повышенной общительностью, легко устанавливают контак-

Рис. 6. Показатели поддержания семейных отношений осужденных женского пола в разных группах испытуемых (средние значения)

ты, хорошо приспосабливаются к среде мест лишения свободы. Осужденные женского пола (группа № 2), состоящие на профилактическом учете, имеют средний показатель по отношениям с близкими родственниками. Осужденные женского пола (группа № 3), состоящие на учете в медицинской части ИУ с диагнозом личностного расстройства (психопатия), имеют низкую вероятность поддержания отношений с близкими и дальними родственниками. Наши данные подтверждают высказывание о том, что избегание общения вызвано не болезненной застенчивостью и стеснительностью, а неумением строить отношения с людьми и отсутствием внутренней потребности к общению [4].

Таким образом, наиболее активны в отношениях с родственниками осужденные женского пола (группа № 1), не состоящие ни на одном из видов учета. Это говорит об их большей ориентации на ресоциализацию.

В данной статье мы представили социально-демографическую харак-

теристику личности осужденных женского пола с расстройствами личности (психопатиями). Представленные результаты исследования, проведенного в трех группах осужденных женского пола, показывают следующее.

1. С возрастом у осужденных женского пола (группа № 3) с личностными расстройствами (психопатиями) появляется риск обострения расстройств личности, и поэтому к ним требуется особый подход со стороны сотрудников медицинской части, психологической службы и воспитательного звена при проведении психолого-социальной работы. Кроме того, с возрастом эти осужденные могут либо наращивать, либо терять криминальный авторитет. С этой точки зрения психопатоподобное демонстративное поведение может выглядеть и как последняя попытка утвердиться в преступной среде, что также влияет на выбор методов психологической и воспитательной работы с ними.

2. Самый низкий уровень образования установлен у осужденных жен-

ского пола (группа № 3) с личностными расстройствами (психопатиями). Наши данные подтверждают мнение о том, что психопатическая личность уклоняется от повышения уровня образования, что может свидетельствовать об общей социально-педагогической дезадаптированности (запущенности).

3. Полагаем, что авторитетные осужденные женского пола находятся среди обычных осужденных (группа № 1), не состоящих ни на одном из видов учета.

4. Осужденные женского пола (группа № 3) с личностными расстройствами, проявляющие демонстративное поведение, являются сложным объектом для психологической коррекции, поскольку могут проявить и психопатоподобные черты, и черты криминальной деструктивности [7].

Таким образом, специфические психологические особенности личности осужденных женского пола (группа № 3), состоящих на медицинском учете ИУ по поводу личностных расстройств, имеют ярко выраженный характер, в связи с чем персоналу исправительного учреждения следует их учитывать при организации психопрофилактической, просветительной, психокоррекционной работы с этими лицами.

Литература

1. Блиникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.

2. Головина Г.М., Крылов В.Ю., Савченко Т.Н. Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение. М.: Ин-т психологии РАН, 1995.

3. Классификация болезней в психиатрии и наркологии : пособие для врачей / под ред. М.М. Милевского. М.: Триада-Х, 2003. 184 с.

4. Лисняк М.А. Курс судебной психиатрии для юристов: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 216 с.

5. Савченко Т.Н. Структура и описание эмпирических исследований // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 89–97.

6. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

7. Сочивко Д.В. Криминальный инфантилизм. Рязань : РГМУ им. И. П. Павлова, 2014. 122 с.

8. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.

9. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема патологизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1.

10. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

11. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

А. В. Цопанова

Аннотация: статья посвящена рассмотрению психологии экстремистской деятельности. Кратко приводится авторская теория формирования экстремистского поведения, согласно которой склонность к экстремизму зарождается в недрах юношеского максимализма в том случае, когда цели, ожидания, стремления максималиста не реализуются и не находят отклика в обществе.

Анализируются причины возникновения религиозно-политического экстремизма. Уделяется особое внимание причинам возникновения экстремизма на территории Российской Федерации, таким как межэтнические и межрелигиозные конфликты, этнополитическая напряженность, неконтролируемые процессы миграции, коррупция, высокий уровень безработицы, социально-экономическое расслоение общества.

Описываются законодательные, экономические и социально-политические меры противодействия религиозно-политическому экстремизму. В рамках социально-политических мероприятий особо отмечается значимость гармоничного развития личности.

Разработка системы раннего предупреждения экстремизма на основе понимания глубинных причин его возникновения рассматривается как одна из приоритетных задач современной психологической науки.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, юношеский максимализм, социально-экономическое неблагополучие, гармоничное развитие личности.

На протяжении вот уже 75 лет на территории Европы не велось войн. Однако несомненно, что все это время возникали периоды напряженности. Существующие основополагающие документы о равенстве прав человека, а также международное сообщество, пережившее Вторую мировую войну, казались бы, решили проблему различного рода радикальных, экстремистских течений. Но события, происходившие в нашей стране в конце XX — в начале XXI века, а также во всем мире в настоящее время, показывают, что это не так. И сегодня существуют явления, которые уносят жизни все большего числа ни в чем неповинных людей, среди которых женщины, дети, старики, а именно экстремизм и терроризм.

Огромное количество исследований, книг и периодических изданий посвящено проблеме экстремизма и терроризма [3, 7, 8, 10, 12, 13 и др.]. Ясно одно: экстремизм и терроризм — это не проблема изолированных и спорадических актов, а хроническое заболевание самого общества, в чем-то ставшего неотделимым от них.

Проводя исследования в рамках научной работы [10], мы большее внимание уделяли терроризму в целом и политическому терроризму в частности. Рассмотрим феномен религиозно-политического экстремизма. Его религиозная составляющая отражает активно используемые экстремистами постулаты и положения религии (например, исламских доктрин) в создании

своей идеологии. Следует учитывать, что религиозный экстремизм не может быть только религиозным, в него, безусловно, входят социальные, экономические и политические составляющие.

Ранее нами была предложена система формирования террористического поведения, которая включает в себя: а) экстремистское; б) максималистское; в) минималистское; г) террористическое поведение. На основе этой системы можно предположить, что экстремизм становится терроризмом в момент, когда переходит от простого неприятия сложившейся картины мира к реальным действиям по изменению целей, ценностей и смыслов в рамках этой картины мира [11].

Итак, что же такое экстремизм с точки зрения указанной теории? Это проецируемый вовне юношеский максимализм в том случае, когда цели, ожидания, стремления максималиста не реализуются и не находят отклика в обществе, а мир вокруг него оказывается не таким открытым и располагающим к осуществлению мечты [11].

Понятие «экстремизм» означает приверженность крайним, преимущественно насильственным методам и средствам достижения целей. В политике экстремизм проявляется в стремлении подорвать стабильность существующих общественных структур и политических институтов [13].

Существуют целые экстремистские сообщества, идеологию и политическую практику которых можно отнести к классу экстремальных явлений. Картина мира таких сообществ всегда содержит реальную угрозу потери жизни или идентичности (личностной, культурной, цивилизационной и т. д.) в зави-

симости от того, кто является главным действующим лицом в экстремальном явлении — человек, этнос или цивилизация).

Можно сказать, что питает экстремизм такая картина мира, в которой решающее значение имеют война, катастрофа, революция, экстремистские действия, преследующие нелегитимные цели и использующие для этого нелегитимные средства, технологии, разрушающие прежнюю социальную структуру, и многое другое, чреватое разрывом социального развития [11].

Максимализм, перетекая в экстремизм, теряет свою главную составляющую — любовь к миру, но при этом он еще не терроризм — носитель ненависти ко всему существующему. Важно понять, когда и при каких условиях максимализм переходит в экстремизм и далее в терроризм.

В период первой, латентной, фазы склонность уходить в крайности не видна для окружающих и, возможно, неочевидна и для самого человека. На этом этапе еще можно предпринять психокорректирующие меры, защищающие человека от опасности для него самого и окружающих.

Во второй фазе развития склонности к экстремизму — фазе *наблюдаемых отклонений* — уже трудно что-либо предпринять, хотя возможно. Окружающим людям уже откровенно видны начальные, бытовые проявления экстремизма [11].

Третья фаза — уже *предъявленного поведения*. На этой фазе обвинители имеют дело с деформированной картиной мира человека. В этом и состоит, на наш взгляд, трудность предот-

вращения формирования экстремистских сообществ.

Главной причиной религиозно-политического экстремизма нередко называют социально-экономическую ситуацию, которая может быть охарактеризована бедностью населения, высоким уровнем безработицы, отсутствием возможности реализации социальных прав населения.

В качестве базы для формирования религиозно-политических экстремистских организаций выступают граждане юношеского возраста. В этот период легко происходит переход от максималистской картины мира к экстремистской. Малообразованные, не имеющие рабочих мест и социальной защиты они находят психологическую защиту в крайних взглядах и мнениях. Экстремизм, особенно имеющий религиозные корни, может представлять собой способ разрешения социально-идеологических противоречий, сложившихся в обществе.

В России наибольшее распространение религиозно-политический экстремизм получил на Северном Кавказе. Причинами выступили:

- вооруженные межэтнические и региональные конфликты (например, на территории Чечни и Северной Осетии);

- имеющаяся потенциальная этнополитическая напряженность, характерная для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, южных районов Краснодарского и Ставропольского краев;

- Северный Кавказ стал основным центром притяжения для внутренних и внешних вынужденных мигрантов, в том числе спасающихся от межнаци-

ональных конфликтов, при этом с середины 90-х годов в республиках Северного Кавказа происходило сокращение численности русского населения [6, 10];

- высокий уровень безработицы. В конце 90-х безработных было 64 % от трудоспособного населения, наиболее высокие показатели отмечены в республиках Ингушетия (86 %), Дагестан (66%) и т. д.

Меры противодействия религиозно-политическому экстремизму можно условно разделить на три большие группы: 1) законодательные; 2) экономические; 3) социально-политические.

Законодательные меры представлены в форме федеральных законов:

- от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

- от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Правовой базовой основой противодействия терроризму и экстремизму выступает Конституция Российской Федерации, в которой запрещена пропаганда или любые формы агитации, возбуждающие религиозную, национальную, расовую или социальную вражду. Также запрещается создавать общественные организации, действия которых ориентированы на нарушение целостности РФ, изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства и т. д. (ст. 13, 29).

К психологическим аспектам законодательных мер противодействия религиозно-политическому экстремизму относятся: психология восприятия закона, вопросы нравственности личности, моральной нормативности и др.

Экономические меры противодействия, безусловно, должны включать в себя задачи развития производства (и соответственно увеличение количества рабочих мест), укрепление финансовой системы, снижение уровня инфляции и т. д. Экономическая безопасность государства тесно связана с психологическим ощущением безопасности его граждан. Исследователи в рамках экономической психологии отмечают глубокую «психологизированность» финансовой системы [1, 2].

Социально-политические меры должны включать в себя развитие российской государственности, снижение уровня социального расслоения общества, укрепление семейных устоев и т. д. [4, 5].

В рамках социально-политических мероприятий мы хотим отметить важность гармоничного развития личности как результата грамотного взаимодействия семьи, социальных институтов и общества в целом. Гармоничное развитие предполагает согласованное физическое, интеллектуальное, эмоциональное, нравственное развитие личности [4, 6].

Для российского общества актуальны проблемы сокращения численности населения, алкоголизации и наркотизации молодежи, снижения уровня и качества образования, в результате чего возрастает количество безграмотного населения, и т. д. Все это в совокупности с нестабильностью в экономической и политической системах становится питательной основой для возникновения различного рода религиозно-политических экстремистских организаций.

На сегодняшний день, к сожалению, не существует системы раннего предупреждения экстремизма. Остается открытым вопрос о том, является ли возможным создание государственной системы, направленной на выявление и разрешение проблемы экстремизма на ранней стадии. Даже если современный уровень развития государства и науки не позволяет этого сделать, важно, чтобы само общество осознало степень опасности экстремизма и выработало негативное отношение к этому явлению.

Литература

1. *Дейнека О.С.* Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал. 2002. № 2. С. 36.
2. *Журавлев А.Л., Соснин В.А.* Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8.
3. *Емелин В.А.* Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 36–43.
4. *Зимичев А.М., Забарин А.В.* К проблеме толерантности — интолерантности этносов // Вестник политической психологии. 2008. № 1. С. 41.
5. *Канукова З.В., Федосова Е.В.* Этнокультурное пространство Северной Осетии: историко-социологический анализ. Владикавказ: ИПО СО-ИГСИ, 2011. 380 с.
6. *Синанов Б.А.* Духовное образование в поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе: история и перспективы // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. Т. 3. С. 207–213.
7. *Соснин В.А.* Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 43–50.
8. *Соснин В.А.* Аналитические комментарии к книге Ф. Мохаддама «Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают и почему обращаются к насилию» // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 134–147.
9. *Туаева Б.В.* Вопросы сохранения этнокультурного разнообразия России: Северокавказский регион // Известия Российского государственного

го педагогического университета им. А.И. Герцена. *Общественные и гуманитарные науки*. 2008. № 12 (84). С. 218–225.

10. Цопанова А.В. Психология политического терроризма. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН И РСО-А, 2013. 156 с.

11. Цопанова А.В. К проблеме анализа феномена современного терроризма // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 303–307.

12. *Этнорелигиозный терроризм* / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2006. 318 с.

13. Юрьев А.И., Коновалова М.А. Психология постчеловека // *Постчеловек. От неандертальца к киборгу* / под ред. Т. Чесноковой. М., 2008. С. 273–308.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

И. М. Ильичева

Аннотация: в статье раскрываются причины асоциального поведения, даны его различные определения, описаны теоретико-методологические и организационные вопросы духовно-нравственного воспитания школьников, направленные на профилактику отклоняющегося поведения, подробно раскрываются смысл и содержание духовности как психологического явления, представлены критерии духовности. Дается теоретический анализ основных моделей духовно-нравственного воспитания в России: биологическая (определяющая стадии развития человека); социогенетическая (социализация индивида); персонологическая (связывающая развитие с сознанием и самосознанием человека); антропологическая (трансформация человека через смену форм Со-бытия). Антропологическая модель духовности основана на представлении о развитии, в основе которого лежит приобщение человека к формам культуры и фор-

мирование причастности и специфического отношения к миру. Предлагается собственная оригинальная модель духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. В качестве методологического основания духовно-нравственного воспитания в образовательной организации выступает положение отечественной психологии о духовной стороне бытия человека как особой форме отражения объективного мира и важнейшего средства ориентации и взаимодействия с ним, а также наличия у человека особых потребностей в духовной жизни. Дается авторское определение духовности, под которым понимается сущностно-потенциальное, системно-динамическое свойство человека, проявляющееся в отражении идеального в контексте собственной жизнедеятельности. Критериями духовности выступают приоритетный интерес к основам человеческого бытия, потребность в самопознании, активная жизненная пози-

ция, оптимистическое восприятие действительности и ряд других. Кратко описаны основные этапы и методы работы по духовно-нравственному воспитанию, а также результаты работы по стимулированию самопознания и саморазвития учащихся 8–10-х классов.

Ключевые слова: *отклоняющееся поведение, духовность, духовно-нравственное воспитание, самопознание, саморазвитие, эмпатия, ценности.*

Многообразие подходов к анализу факторов, лежащих в основе асоциального поведения детей и подростков, и программ, направленных на его коррекцию, нередко препятствует пониманию подлинной сущности и обстоятельств различных девиаций, которые часто имеют одну причину – духовную нищету и ряд общих черт, среди которых можно в первую очередь отметить искажение ценностно-смысловой сферы личности и ее ментальности, доминирование примитивных материальных потребностей и целей, экстернальный локус контроля, неадекватную самооценку, отсутствие социальных чувств (например, эмпатии), переживание одиночества и агрессии. Асоциальное поведение в современной психолого-педагогической науке (субъективно-индивидуальное и групповое) обычно определяется как отклоняющееся от нравственных ценностей, общественных норм и правил поведение, результатом которого становится закрепление опыта дезадаптации, десоциализации, деморализации личности (И. А. Епифанова). При этом ценности рассматриваются как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира (предметов или явлений культуры, мо-

рали, нравственности и т. п.) для человека, социальной группы или общества в целом. Личностные ценности выступают источниками и одновременно носителями значимых для человека смыслов (Д. А. Леонтьев). Ценности воплощают общественные идеалы, выступают как эталон должного. Высшие ценности задают параметры понимания и освоения других ценностей. К ним можно отнести понятия о добре и зле, смысле жизни, жизни и смерти. Именно несформированность указанных понятий наряду со слабостью волевой регуляции поведения, неадекватная самооценка чаще всего лежат в основе асоциального поведения. Закономерно возникают вопросы: каким образом можно противостоять вредным соблазнам, как повысить жизненную стойкость, укрепить иммунитет к духовной деградации, воспитать ответственного человека, обладающего психологической культурой и полноценным смыслом жизни? С нашей точки зрения, это можно сделать только при условии духовно-нравственного воспитания «растущих людей» (Д. Фельдштейн) с первых дней жизни, на разных этапах онтогенеза, опираясь как на психологические особенности возраста, так и на социально-педагогические цели и задачи развития детей и подростков на каждом этапе. Кратко остановимся на сущности и содержании духовно нравственного воспитания и связанных с ним понятий.

Методологическим основанием духовно-нравственного воспитания является положение о духовной стороне бытия человека как особой форме отражения объективного мира и важнейшего средства ориентации и взаимодействия с ним, а также наличия у че-

ловека особых потребностей в духовной жизни. Под духовностью мы понимаем сущностно-потенциальное, системно-динамическое свойство человека, проявляющееся в отражении идеального в контексте собственной жизнедеятельности. Термин «духовность» употребляется при этом как:

- выражение сущности человека;
- принцип человеческой жизнедеятельности;
- психологическое качество субъекта, проявляющееся в поисках смысла жизни, самоактуализации, ответственности за себя и других людей;
- специфическая целенаправленная активность, побуждаемая потребностями самопознания, самосовершенствования, саморазвития;
- состояния, переживаемые человеком (вдохновение, озарение, переживание мистического опыта и т. п.).

Безусловно, главными в контексте духовно-нравственного воспитания являются формируемая в специально организованных условиях способность человека к различению добра и зла и целенаправленные усилия, направленные на самосовершенствование и саморазвитие в соответствии с нравственными ценностями, формирование отношения к другим людям на основе «золотого правила нравственности».

В настоящее время можно говорить о существовании, как минимум, четырех теоретических моделей развития духовности:

- биологической, определяющей стадии и свойства «человеческого» в индивиде;
- социогенетической, рассматривающей духовное развитие как социализацию;

защиту;

- персонологической, связывающей развитие духовности с сознанием и самосознанием человека;
- антропологической, описывающей духовную трансформацию человека через смену одних форм Со-бытия другими.

В социогенетической модели развития, которая делает акцент на социализацию, большое внимание уделяется освоению личностью различных форм социального опыта, а также институтам и агентам социализации. Безусловно, указанная модель не может не рассматривать и вопросы, связанные с освоением человеком социально-культурных норм и ценностей, которые по мере освоения культурного наследия становятся ценностями человека, осуществляют связь между объективированным социальным и индивидуально-психологическим и из внешнего фактора превращаются во внутренний субъективный фактор социализации. Именно таким образом они становятся личностными ценностями, оказывая влияние на процесс самовоспитания.

Однако не совсем ясно, как внешнее становится внутренним, что обеспечивает присвоение человеком социальных ценностей, которые становятся основанием его собственной жизнедеятельности. С нашей точки зрения, отчасти преодолевает ограниченность социогенетического подхода персонологический, акцентирующий внимание на развитии сознания и самосознания субъекта духовно-нравственного воспитания. Но данный подход в большей степени ориентирован не столько на духовно-нравственное воспитание, сколько на выявление проблем само-

познания, связанных с определением источников и потребности в нем, представлением человека о самом себе, вопросами социального сравнения и т. п. В современных условиях нам представляется наиболее полной концепция духовно-нравственного воспитания в контексте антропологической парадигмы, основные положения которой разработаны В. И. Слободчиковым и представляют собой следующее:

- Каждый ребенок рождается в культурно-историческом поле наличной социальности. С момента рождения его жизнь вплетена в ткань общества и жизнь окружающих людей — Со-бытие.

- Развитие духовности есть смена одних форм Со-бытия другими.

- Весь ход бытия задается живым противоречием между стремлением к обособлению и одновременным стремлением к отождествлению.

- В ходе обособления происходит преобразование связей в отношения, что является условием становления индивидуальности, а в процессе отождествления — восстановление и порождение связей, что лежит в основе приобщения к общечеловеческим формам культуры.

- Фундаментальным механизмом становления субъективного мира является подражание, которое всегда удваивает любую жизненную форму на другом материале: эти формы не совпадают, но обнаруживают тождество структур, что и обеспечивает связь участников события. Это сдвоенное содержание — интериндивидуальное.

- Формы духовной жизни человека включают в себя несколько стадий, каждая из которых формирует причастность и специфическое отношение че-

ловека к миру, а также установки, схемы, формы поведения. Динамика духовной трансформации человека (В. Слободчиков выделяет 7 стадий) возможна благодаря посреднику, который связывает историческое и конкретно-жизненное время. На каждой стадии последовательно реализуется духовно-нравственная составляющая личности — от витально-физической адаптации к миру до единства с ним через последовательное развитие ответственности, веры, любви, самореализацию.

- Процесс духовно-нравственного воспитания невозможен без выделения критериев духовности, которые позволяют в той или иной мере оценить его эффективность.

В качестве наиболее важных критериев можно, с нашей точки зрения, выделить следующие:

- приоритетный интерес к основам человеческого бытия (сущность жизни, смерти, добро, зло и т. п.);

- потребность в осмыслении этих проблем;

- интерес и любовь к людям;

- активное целенаправленное поведение, ориентированное на саморазвитие, самопознание и самосовершенствование;

- потребность в познании окружающего мира, интерес к искусству и т. д.;

- развитая ответственность;

- стремление познать и реализовать свой жизненный потенциал;

- наличие и поиски смысла жизни;

- наличие осознанных представлений о духовности;

- оптимистическое восприятие действительности, активная жизненная позиция; открытость опыту, толерантность;

– стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов;

– умение использовать любые возможности для саморазвития и самосовершенствования;

– психологическая культура и умение преодолевать различные трудности.

Мы считаем, что психологическая культура является важной составляющей в профилактике асоциального поведения, так как предполагает эффективное взаимодействие с окружающими, знание своих сильных и слабых сторон, терпеливость, видение жизненной перспективы, равнодушие, способности сосредоточиться на ближнем, переживать не только свои радости, но и горести ближних.

Достижение указанных целей невозможно без специально организованных занятий, сочетающих овладение и работу с этическими понятиями, формирование навыков самопознания, расширения культурного кругозора, приобщения к чтению хорошей литературы, бесед психолога, регулярных уроков по психологии, изучения истории религии, религиозной и светской этики, деятельности, направленной на оказание различной помощи нуждающимся, экологической, волонтерской работы.

Работа по духовно-нравственному воспитанию, проводившаяся студентами-психологами в рамках практики с учащимися 8–10-х классов, показала ее необходимость и эффективность, что было подтверждено учителями и родителями, а также самими юношами и девушками. Работа шла на протяжении 8 недель и состояла из трех

этапов, для каждого из которых были определены задачи и соответствующие методы работы. Выбор методов для каждого этапа происходил в соответствии с принципом кумуляции, то есть каждая последующая методика вбирала в себя содержание предыдущей, уточняя и обогащая деятельность учащихся по самопознанию и саморазвитию. Начиная со второго этапа осуществлялась регулярная работа с этическими понятиями. На третьем этапе продолжалась работа по стимулированию самопознания и саморазвития.

Кратко остановимся на содержании и результатах каждого этапа. На первом этапе, который продолжался 2 недели и ставил своей целью знакомство с методами самопознания, были использованы тест 20 суждений, проективная методика Высоцкого — Рожковой, вариант биографического метода Б. Г. Ананьева. Качественный анализ материалов показал, что чаще всего школьники отмечают у себя такие качества, как целеустремленность, ответственность, затем — самостоятельность и инициативность. По отношению к деятельности школьники прежде всего отмечают у себя такие качества, как исполнительность, аккуратность и педантичность. Среди особенностей поведения называются лень, неуравновешенность, неусидчивость. Анализ отношения школьников к трудностям (методика Высоцкого — Рожковой) показал три его типа: положительное отношение к трудностям и готовность к их преодолению; положительное отношение к трудностям и проблемы, связанные с контролем поведения ситуации затруднения; отрицательное отношение к трудностям и страх в критических ситуациях. По результатам

биографического метода («Значительное событие в моей жизни») были получены следующие результаты: наиболее значительными событиями для школьников являются переезд в другой город, смерть близких людей, переход в другую школу. Опрошенные отмечали, что указанные события служили им некоторым переходным рубежом, после которого начинался качественно иной отсчет времени. Преподаватели, работавшие со школьниками, отметили возросшую активность учащихся, общий эмоциональный подъем, преобладание позитивных чувств.

На втором этапе, который длился 4 недели, студенты работали со школьниками над этическими понятиями, предлагали им творческие письменные работы (творческая автобиография, методики «Круг общения», «Контрасты Вашей судьбы»). Этап завершился циклом бесед, в ходе которых обсуждались вопросы смысла жизни, взаимоотношений с другими людьми, проблемы жизненных и профессиональных целей, саморазвития и самосовершенствования, морали и нравственности.

На заключительном, третьем, этапе обсуждались вопросы добра и зла, жизни и смерти в ходе написания сочинений, работали с опросником В. Д. Обориной, посвященным исследованию отношения юношества к актуальным проблемам современности. Полученные результаты стали предметом обсуждения в индивидуальных и коллективных беседах, на классных часах.

Наибольший интерес у школьников вызвала работа с этическими понятиями. Следует отметить, что их осмысление является важным шагом к духовному развитию, осознанию и преобра-

зованию смыслов жизни, переоценке ее целей, расширению словарного запаса, повышению культурного уровня. Работа проводилась с такими понятиями как *альtruизм, бескорыстие, величие души, благодать, вероломство, выдержка, воля* и др. Данный вид деятельности был связан с необходимостью работать со словарем, обращаться к высказываниям мыслителей, что было очень важно и с академической точки зрения. Работа с этическими понятиями, как показали наши наблюдения, а также мнения экспертов, позволяет школьникам осознать целостность человеческой жизни, ее диалектику, необходимость постоянного нравственного поиска и выбора.

Таким образом, работа по духовно-нравственному воспитанию, проводимая со школьниками, способствует расширению представлений юношей и девушек о самих себе, одновременно сообщая им различные методы самопознания, формирует позитивные переживания, расширяет их представления о смысле и целях жизни, позволяет задуматься о подлинных ценностях, что, в свою очередь, является профилактикой отклоняющегося поведения в будущем. Совершенно очевидно, что целенаправленная работа по духовно-нравственному воспитанию, организованная на всех этапах школьного обучения как в форме передачи специальных — духовных знаний, так и в полезных делах на благо общества, наполнит жизнь детей и подростков смыслом, целью, планами и надеждами, совместными переживаниями глубин бытия и радости от пользы Другому. Детство и отрочество, лишенные высоких нравственных идеалов, наполненные

только обилием игрушек, сладостей и удовольствий, лишают наших детей главного — Любви и Смысла. Что придет вместо этого, догадаться нетрудно. Очень хочется верить, что наши девочки будут ответственными и любящими матерями, а мальчики — надежными и мужественными защитниками Отечества. А это во многом зависит от нас и того наполнения образования и воспитания, которое мы предлагаем сегодня. Мы

глубоко уверены в том, что нравственность — это фундаментальная экономическая категория (А. Смит «Теория нравственных чувств»), «прививка» от различных девиаций, список которых непрерывно растет.

Литература

1. *Ильичева И.М.* Введение в психологию духовности. М., 2007. 305 с.
2. *Ильичева И.М.* Духовный рост личности. Коломна, 2003. 71 с.

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

С. В. Горностаев

Аннотация: в статье автор рассматривает одно из требований к личности государственного служащего — служебную лояльность, которая может пониматься как характеристика поведения и как личностное качество, детерминирующее это поведение. Служебная лояльность как поведение представляет собой практическое соблюдение правовых норм, регламентирующих поведение и деятельность служащего. Служебная лояльность как личное качество, по существу, является отношением служащего к служебному долгу в целом и отдельным обязательствам, связанным с его служебным статусом. Сторонами данного отношения выступают: 1) осознание содержания служебного долга и способов его исполнения; 2) эмоциональное отношение служащего к необходимости выполнения служебного долга; 3) мотивационно-волевая готовность к выполнению служебного долга в ситуациях конфликта интересов.

Диагностика служебной лояльности как личного качества должна опираться на диагностику служебного поведения, но не может сводиться к только к ней, ведь правомерное служебное поведение может быть вызвано не только развитостью у сотрудника служебной лояльности. В то же время неправомерное поведение может проявляться и у сотрудников с высоким уровнем выраженности компонентов служебной лояльности как личного качества.

Необходимо диагностировать как поведение, так и личностные характеристики служебной лояльности. Нужно от-

дельно диагностировать когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты служебной лояльности как отношения. Инструментарий для диагностики служебной лояльности практически отсутствует или мало пригоден для объективного исследования.

Другой важной проблемой диагностики является отсутствие четкого понимания или ложное понимание служебной лояльности заказчиками исследований. Из-за сложившихся традиций государственной службы многие руководители ошибочно отождествляют служебную лояльность с личной лояльностью руководителю, ошибочно понимают лояльность как конформизм или безразличие и так далее., в то время как служебная лояльность государственных служащих имеет в своей основе именно соблюдение нормативно закрепленных требований к служащему.

Основу подбора средств диагностики должно составить формирование четкого представления о служебной лояльности как о способе поведения служащего и личном качестве, способствующем данному способу поведения.

Ключевые слова: лояльность, служба, государственные служащие, служебная лояльность, служебное поведение, отношение, служебный долг, служебный статус, диагностика, обязанности.

Одним из требований к сотруднику уголовно-исполнительной системы, так же как и к другим лицам, состоящим на государственной службе, является их служебная лояльность, то есть вы-

полнение сотрудником обязательств, определяемых его служебным статусом, желательно осуществляемое на основе их осознания и позитивного отношения к ним.

Такое понимание служебной лояльности проистекает из определяющих понятий «лояльность» и «служба», а также из специфики государственной службы.

В профессионально-служебной сфере в смысловом наполнении слова «лояльность» определяющее значение имеет поведение, но вместе с тем подразумевается позитивное эмоциональное отношение к объекту лояльности, осознание субъектом своей связи с ним. Служба чаще всего понимается как деятельность в пользу объекта службы, связанная со специальным социальным статусом субъекта службы или принятием на себя субъектом неких обязательств перед объектом службы.

Традиционно объектом лояльности выступает некое лицо или же узкая, однородная по какому-либо существенно признаку группа лиц, либо объект лояльности персонифицируется (например, коммерческое предприятие ассоциируется с его директором или владельцем). Однако в случае с государственными служащими, которые, поступая на службу, включаются не в частно-правовые, а публично-правовые отношения, понимание объекта лояльности несколько трансформируется.

Основным объектом лояльности государственных служащих в демократических государствах теоретически выступает закон, о чем свидетельствуют, например, тексты присяги, присносимые различными категориями государственных служащих, в том числе со-

трудниками уголовно-исполнительной системы. Статус госслужащего сразу подразумевает лояльность обществу и государству. Лояльность к общественным интересам у госслужащих должна проявляться через соблюдение законов, принятых делегированными обществом представителями и выступающих механизмом согласования, систематизации и иерархизации интересов потенциальных объектов лояльности государственных служащих — общества, государства в лице правящих политиков и конкретных руководителей сотрудников правоохранительных органов. Однако закон в данном случае — это абстрактное понятие, деперсонифицированный институт, поэтому ему нельзя служить в классическом понимании этого слова. Служение закону может проявляться лишь в исполнении его положений, в связи с чем центральным элементом служебной лояльности государственных служащих, видимо, является соблюдение положений документов, регулирующих их правовой статус и деятельность, а ключевым элементом регламентации деятельности служащих, в свою очередь, — их обязанности. Из этого можно заключить, что служебная лояльность государственных служащих, по сути, представляет собой характеристику их отношения к служебным обязательствам.

Принимая обязательства, сопутствующие служебному статусу, служащий тем самым заявляет о своих возможностях их исполнить, соглашается с их необходимостью для себя. Тем не менее принятые обязательства не всегда реализуются в реальной деятельности в силу как объективных обстоятельств, так и субъективных индивидуально-

психологических причин, поэтому с точки зрения психологии нас интересует не только поведение служащего как конечный наблюдаемый результат, но и его личные особенности как причины и факторы этого поведения.

Таким образом, можно говорить о различной степени служебной лояльности того или иного сотрудника с точки зрения и практического исполнения служебного долга, и психологических предпосылок для этого. Значит, служебная лояльность может пониматься: 1) как характеристика психологического отношения сотрудника к служебному долгу, включающего в себя понимание его содержания и способов выполнения, позитивное эмоциональное отношение к необходимости выполнения служебных обязательств и мотивационно-волевою готовность к их исполнению; 2) как характеристика служебного поведения с точки зрения его соответствия служебному долгу. С практической точки зрения наибольший интерес эти явления представляют именно в их взаимосвязи, поэтому для диагностики служебной лояльности необходим комплекс методик, способных оценить и соотнести как ее внутренний, так и внешний компоненты, что само по себе составляет отдельную проблему.

Нельзя сказать, что в практике работы с личным составом до настоящего времени не возникали и не решались задачи диагностики служебной лояльности в том понимании, которое было нами обозначено выше. Однако решение их до сих пор носит научно не обоснованный, умозрительный, субъективный характер. Унифицированных процедур диагностики служебной лояльности не существует. Мнение о служеб-

ной лояльности того или иного сотрудника чаще всего формируется субъективно и единолично. В лучшем случае лица, принимающие решения, берут во внимание экспертные оценки (как правило, заинтересованных лиц) и материалы дисциплинарной практики, которые изучаются чаще всего поверхностно и не всегда отражают реальные характеристики служебной лояльности сотрудника. Предпринимаются попытки использовать для определения служебной лояльности сотрудников специальные проверки и обследования с использованием полиграфа, однако применение этих методов для диагностики служебной лояльности имеет еще большие ограничения.

Даже использование комплекса всех перечисленных выше методов, которое само по себе редкость, не может гарантировать объективной диагностики именно служебной лояльности. Экспертные оценки могут быть предвзятыми или даже намеренно вводящими в заблуждение. Негативная дисциплинарная практика могла быть результатом той же предвзятости или результатом стечения неблагоприятных обстоятельств, позитивная же — результатом протекционизма, везением правонарушителя или его умением маскировать правонарушения либо избегать ответственности за невыполнение служебного долга. Проверки на полиграфе могут с высокой вероятностью выявить интересующие биографические факты из жизни проверяемого, связанные с выполнением тех или иных служебных обязательств, но не могут осветить субъективную сторону, причины и условия тех или иных выявленных проступков. Спецпроверки могут выявить в

основном поступки лишь определенно-го рода и определенной степени общественной опасности, они не способны охватить множества важных аспектов выполнения сотрудником своего служебного долга.

Создание специальных психодиагностических методик, направленных на диагностику служебной лояльности как характеристики поведения служащего и как личностной характеристики, до настоящего времени было затруднено из-за отсутствия ее четкого понятия и критериев, а также структуры и признаков.

В свою очередь, проблемы с критериями и признаками вызваны отсутствием в документах, регламентирующих статус и деятельность государственных служащих, четкого и однозначного описания содержания служебного долга, соотношения его отдельных компонентов, форм и условий выполнения в неоднозначных и противоречивых ситуациях практической деятельности. Как следствие, методика диагностики служебной лояльности может быть разработана только на основании анализа отрывочных элементов отдельных законов и нормативно-правовых актов, регламентирующих службу, в том числе сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Важной методологической проблемой диагностики служебной лояльности является и то, что она включает в себя как скрытые категории (познавательный, эмоциональный и конативный компоненты отношения к служебным обязательствам), так и наблюдаемые признаки в виде служебного поведения и решений, принимаемых в тех или иных ситуациях, предполагающих борьбу мотивов служащего. При этом дан-

ные компоненты имеют самостоятельное значение, но могут и рассматриваться как взаимоопределяющие факторы в структуре служебной лояльности. В связи с этим комплексный диагностический вывод как переход от наблюдаемых признаков к уровню скрытых категорий в данном случае не всегда будет формироваться по одному и тому же алгоритму. Трудность психологической диагностики в данном случае будет заключаться и в том, что между внешними диагностируемыми признаками и исследуемыми категориями не существует строгих однозначных связей. Например, один и тот же служебный поступок бывает обусловлен как лояльностью, так и нелояльностью служащего. Например, повышение подчиненного сотрудника в должности может быть как следствием внимательного и объективного подхода к оценке его деловых качеств, направленного на повышение эффективности службы и реализацию законного права сотрудника на служебный рост, так и результатом отношений коррупционного характера.

В процессе диагностики служебной лояльности интерпретация внешне наблюдаемых признаков должна проводиться только с учетом субъективной картины служебного поведения, складывающейся в сознании исследуемого лица. Таким образом, при исследовании служебной лояльности внешние признаки могут иметь самостоятельное диагностическое значение, но интерпретироваться в сочетании со скрытыми психическими явлениями, требующими отдельной диагностики. Значит, одного-единственного наблюдаемого критерия для однозначного вывода в вопросах диагностики служеб-

ной лояльности, как правило, окажется недостаточно. Несмотря на то что главным критерием комплексной оценки служебной лояльности является все же деятельность, в данном случае недостаточно ограничиваться изучением характеристик деятельности также потому, что проявление психологических предпосылок вовне в значительной мере опосредуется внешними обстоятельствами. К условиям служебной деятельности вполне можно применить слова В.Н. Мясищева [9] о том, что в условиях свободного взаимодействия могут проявляться истинные отношения, но в условиях, тормозящих или подавляющих, в условиях несвободы и зависимости истинные отношения во взаимодействии не проявляются, а скрываются и маскируются. Несмотря на то что в поведении все же проявляются истинные отношения, его характер сильно зависит от внешних обстоятельств и хотя существует тесная связь между процессом взаимодействия людей и их взаимоотношениями, оба эти понятия не идентичны и не заменяют друг друга. Взаимоотношение является внутренней личностной основой взаимодействия, а последнее — реализацией или следствием и выражением первого.

Кроме того, служебная лояльность, на наш взгляд, слишком сложная и многокомпонентная психологическая характеристика, чтобы деятельность выступала как ее функция. Важно понимать: существуют различные варианты индивидуального развития и проявления служебной лояльности, и, как правило, не все ее компоненты развиты и проявляются равномерно. Это обстоятельство способно в значительной мере затруднить итоговую оценку слу-

жебной лояльности и в большинстве случаев сводит диагностику целостного по сути явления к диагностике уровней развития ее отдельных составляющих.

Помимо чисто методологических проблем, в диагностике служебной лояльности сотрудников УИС можно выделить проблемы организационного характера. Часто заказчики подобных исследований сами имеют весьма расплывчатое, нечеткое или даже искаженное представление о служебной лояльности, которая может ошибочно ассоциироваться у них с различными другими явлениями, начиная от личной преданности и круговой поруки, заканчивая конформизмом и безразличием. Эта проблема обусловлена в том числе устойчивыми традициями государственной службы в России. Один из основных принципов деятельности государственного служащего — служения государству и обществу — имеет свою специфику, обусловленную историческими традициями, менталитетом, политическими, культурными, социально-экономическими и иными факторами в нашей стране. Понятие «служба» уходит своими корнями в старину, в эпоху формирования Московского централизованного государства, то есть в тот период в истории нашей страны, когда государственная служба понималась как «государева служба», как служение государю. Непубличность, придание государственной службе характера служения первому лицу государства, но не самому государству и тем более не обществу были и пока остаются одной из существенных особенностей нашей государственной службы [12].

В такой системе государственной службы «служилые люди» не могли

иметь другого статуса, кроме статуса «государевых слуг». Этот статус характеризовался полной зависимостью от государя, службой «по приказу», то есть по распоряжению начальства, что означало беспрекословное принятие поручения (приказа), готовность взять на себя обязанности по той или иной должности в указанной отрасли государственного управления и в указанном месте страны: отсутствием строго определенной управленческой специализации ввиду вхождения гражданской, военной и других видов служб в единую «государеву службу» [7, с. 49]. Все это порождало нестабильность служебного положения, приводило к резкой смене уровня и профиля службы, увеличивало возможность оказаться в немилости у государя или непосредственного начальника со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос служения государству и обществу были поставлены в России с большим опозданием от стран Западной Европы. Даже в советский период, когда формировался культ служения партии и государству, служение обществу нередко только декларировалось. В постсоветский период в ст. 3 Конституции РФ было закреплено положение о том, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Это обязывает государство и его представителей служить обществу, как это декларируется и в западных странах, однако традиции такого служения в России малозначительны. В большей степени присутствует постсоветская традиция служения прежде всего государству. Это прослеживается уже в самом термине «государ-

ственный служащий», то есть служащий государству, в отличие, например, от широко распространенного в западных странах термина «общественный служащий» (англ. public servant). Кроме того, именно государство, а не общество нанимает гражданина на государственную службу. Государственная служба по своему определению предназначена прежде всего для обеспечения исполнения задач и функций государства. И при этом, как отмечает Н.М. Казанцев [3], по действующему законодательству государственные служащие находятся в отношениях трудового найма, в которых стороне государства представляет руководитель государственного органа исполнения службы. Этим Россия отличается коренным образом от западных стран, в которых государственные служащие находятся не в трудовых, а в административно-юрисдикционных, расторгаемых исключительно административным судом, отношениях, обеспечивающих госслужащим публично-правовой статус, доставляющий им фактически пожизненное и независимое от усмотрения начальства правовое положение, конечно, в случае, если их правоприменительная деятельность будет носить законный характер. Здесь и коренятся социально-психологические особенности госслужащих развитых стран, служащих государству по закону, даже подчас противодействуя возглавляющему государственный орган политику, если тот будет допускать или требовать правонарушающих деяний от госслужащих его ведомства. Наемные российские госслужащие находятся в фактическом (хотя и не юридическом) положе-

нии личной зависимости от своих руководителей, обладающих усмотрительными полномочиями в отношении периодичности и размера премиальных, которые иногда превосходят размеры должностного оклада, в отношении полномочий на ликвидацию или реорганизацию подразделения, исполняемой должности, присвоения квалификационной категории или звания, по сути, всех правовых форм, определяющих индивидуальное правовое положение российского государственного служащего. Как отмечалось выше, при этом государственный служащий, исходя из положений конституции, должен служить не своему начальнику, а государству и народу как первоисточнику власти в обществе.

Таким образом, традиции государственной службы в России во многом не соотносятся с акцентами государственной службы, расставленными в конституции и ряде основополагающих федеральных законов, поэтому диагностика служебной лояльности даже при всем совершенстве методологического аппарата не может быть успешной без четкого понимания не только диагностами, но и заказчиками сущности диагностируемого явления и без их установки руководствоваться именно данной характеристикой служащего при принятии в его отношении административных решений.

Важнейшую проблему для диагностики представляет научно-методологическая неразработанность феномена служебной лояльности. Иногда практиками и даже отдельными учеными предпринимаются попытки применения в диагностике лояльности государственных служащих методологи-

ческого аппарата, применяемого в исследованиях организационной лояльности, что является неправомерным по ряду причин, некоторые из них были описаны выше.

Безусловно, решение всех обозначенных проблем будет невозможно без единого понимания содержания термина «служебная лояльность».

Литература

1. Гаврина Е.Е. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование должностной позиции сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 27–39.
2. Горностаев С.В. Служебная лояльность сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 172–176.
3. Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы. [Электронный ресурс] : институционно-функциональный анализ. М., 1999 // Национальная энциклопедическая служба : сайт. URL: <http://determiner.ru/dictionary/993/word/psihologija-gosudarstvenno-sluzhby> (дата обращения: 15.06.2014).
4. Кряклин К.В. Отношение сотрудников ФСИН России к служебной деятельности на различных этапах профессиональной адаптации // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 54–65.
5. Купцов И.И., Карпова Г.С. Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 20–30.
6. Мальцева Т.В. Подходы к урегулированию внутриллических конфликтов у сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 72–76.
7. Мельников В.П. Государственная служба в России: исторический опыт : учеб. пособие. М. : РАГС, 2005. 448 с.
8. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1960. 426 с.
9. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / под общ. ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж: Ин-т практ. Психологии; МОДЭК, 1995. 365 с.
10. Свинаярева О.В., Горностаев С.В. Служебный долг: значение для служебной деятельности, сущность, формирование // Закон и право. 2014. № 9. С. 37–40.

11. Цолцаева Р.С.М. Феномен ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 156–160.

12. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебник. М.: ЮНИТИ, 2012. 679 с.

13. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators. Journal of Public Administration Research and Theory, 2011, 21(2), 285–306.

14. Emerson D.M., Helfeld T.I. Loyalty among government employees. The Yale law journal, 1948, 58(1), 1–143.

15. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. Annales. Etyka w życiu gospodarczym, 2010, 13(1), 139–146.

16. Twijnstra A., de Graaf, G. Young Loyalties: Loyalty Conceptions and Loyalty Conflicts of Young Dutch and English Public Administrators. Operant Subjectivity, 2013, 36(2), 73–92.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ И ГРАНИЦАХ ПОНЯТИЯ «МАНИПУЛЯЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕМ»*

О. С. Посыпанова, О. С. Воробьева

Аннотация: авторы статьи рассматривают проблему, возникающую в результате индивидуального подхода к покупателю в магазинах, приводящего не только к реализации его мотивов, но и к тонкой манипуляции им. Наряду с мотивационно-потребностной сферой покупателя уже можно говорить о манипуляционно-потребностной сфере, когда потребности формируются торговыми манипуляциями. На основе анкетирования потребителей, глубинного интервью, нарративного интервью, экспертного опроса, теоретического сопоставления манипуляция потребителем определена авторами как незаметное влияние на потребителя для необдуманного совершения им ранее не запланированной покупки товара, осуществляемое в рекламе, диалоге с продавцом, а также с помощью организации про-

странства и событий в торговом зале. Манипуляционными техниками продаж авторы предлагают называть далеко не все, а только соответствующие трем критериям: 1) неявные, 2) ненавязчивые, 3) направляющие волю покупателя в сторону необдуманной покупки заранее не запланированной разновидности товара. Результатом манипуляций становятся беспричинные полузапланированные и импульсивные покупки. Все манипуляции потребителем в магазинах подразделены авторами на вербальные (применяемые в диалоге с продавцом), мерчендайзинговые (применяемые при выкладке товаров на витрине и расположении витрин в магазине), маркетинговые, которые, в свою очередь, подразделяются на ценовые, рекламные и имиджевые. Самые действенные вербальные манипуляции потребителем по итогам

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области. Грант 14-16-40003 а(р) «Я-концепция потребителя как условие реакции на манипуляционные техники продаж (на примере молодежи г. Калуги)».

исследования: лесть (комплименты), недостаточное информирование (указываются только достоинства товара, причем одни и те же разными словами, о недостатках умалчивается), научные понятия и специальная терминология (к примеру, «карбамид» вместо «мочевая кислота»), ссылка на авторитет и кумиров, ссылка на «всех», сравнение с заведомо проигрывающим товаром, метод «ложный стыд» («всем уже давно известно, что ... вы отстаете от прогресса»), метод «у меня в семье такой же». К самым действенным мерчендайзинговым приемам манипуляции относятся: выкладка нужных товаров на «золотых полках», то есть на уровне глаз, выкладка спрособразующих товаров в глубине зала, чтобы по пути к ним возникло желание купить еще несколько товаров, пьедестал дорогих элитных товаров, на фоне которых остальные товары кажутся недорогими, в продуктовых магазинах выкладка свежих товаров в глубине полки, а с истекающим сроком годности — ближе к краю. Из маркетинговых манипуляций покупатель более податлив к следующим: большие тележки в супермаркетах, создающие ощущение, что ничего не куплено, стикер «Хит продаж», вывешенный на непродаваемые товары, большие коробки, в которых лежит мало товара, что создает ощущение, что продуктов много, желтый ценник, вывешиваемый не только на товар со скидкой, но и на любой товар, который надо продать, уменьшение упаковки или порции вместо поднятия цены на товар, продажа гарантийного обслуживания, создание искусственного дефицита, «вторая вещь бесплатно» (хотя ее стоимость уже включена в стоимость первой, или это неликий видный товар), ложная благотворитель-

ность, скидки ДО X%, ложные скидки, прием «99 рублей».

Ключевые слова: психология продаж, манипуляции потребителями, манипулятивные техники продаж, манипулятивные приемы в торговых залах.

Огромная маркетинговая машина работает на то, чтобы заставить, уговорить человека купить, причем не всегда объективно нужный и полезный товар. Если раньше промо-акции и реклама были массовыми, то теперь на любом тренинге для продавцов говорят об индивидуальном подходе и персонализации потребителя: выявить потребности и эмоции данного конкретного человека. Но зачем? Для их актуализации по Э. Шострому, А. Маслоу или К. Роджерсу? Нет, затем, чтобы следующим шагом стала продажа реализации именно этих потребностей и эмоций в данном товаре. «Товар — это не просто предмет. Это заключенный в упаковку способ решения твоей проблемы» — правильный девиз продаж в некоторых торговых сетях воспринимается как девиз дальнейшей талантливой манипуляции потребителем. Оставив вопросы морали, этики и нравственности, скажем только, что в покупательском поведении наряду с мотивационно-потребностной сферой, то есть наличием мотивов и потребностей разных уровней, уже можно говорить о манипуляционно-потребностной сфере — возникновением потребности в товаре не на основе глубинных мотивов, а на основе того, что человек ситуативно поддастся торговой манипуляции. И это не актуализация мотивов, а именно манипуляция, то есть использование скрытых техник

для того, чтобы потребитель совершил покупку, ранее не запланированную.

Считаем, что маркетинг во многих сетях — это не более чем прикладные социология и психология потребителя. Но если продавцы и маркетологи действуют интуитивно или опираясь на житейский опыт, то только психологи могут детально объяснить этот механизм. Так, **целью** части исследования, описанной в данной статье, стало изучение манипуляционных техник в торговых залах с последующим определением критериев и границ категории «манипуляции потребителем» (синонимично: манипуляционные, манипулятивные техники продаж). Мы ограничились торговыми залами розничной торговли, а именно супермаркетами и магазинами в торгово-развлекательных центрах. Указанные ниже манипуляции характерны для продажи как продуктов питания, так и одежды, обуви, техники для дома. Мы не рассматривали манипуляции в рекламе и оптовых продажах, а также стратегические манипуляции — управление массовыми потоками клиентов на уровне страны.

Выборкой потребителей стала молодежь г. Калуги в возрасте от 18 до 35 лет различного социального и экономического положения, не имеющая опыта работы в торговле (N = 112). **Выборкой экспертов** стали менеджеры по продажам, бизнес-тренеры, директора (генеральные, исполнительные, коммерческие) и владельцы торговых точек, имеющие стаж работы в торговле от 1 года (N = 16).

Использовались следующие методы исследования: анкетирование, экспертный опрос, нарративное интервью, глубинное интервью.

Ход эмпирического исследования включал несколько этапов: 1) анализ литературных источников; 2) описание экспертами наиболее часто встречающихся манипулятивных техник продаж и сопоставление их с литературными данными; 3) составление анкеты для потребителей, в которую вошли техники, подпадающие под определение манипуляций (см. ниже) и встречающиеся в трех и более калужских магазинах; проведение анкетирования потребителей для выявления наиболее сильных манипуляций; 4) анализ результатов и предоставление рекомендаций потребителям.

Манипуляционные техники в продажах, к сожалению, слабо представлены в психологии. Психологию манипуляции (и, как синоним, психологию влияния, психологию воздействия, психологию убеждения) изучали как отечественные (Е. Л. Доценко [4], С. Г. Кара-Мурза [6], М. Ю. Лихобабин [8] и др.), так и зарубежные ученые (Х. Брейкер, Г. Саймон, Э. Шостром и др.). Ее затрагивают в рамках и психологии безопасности [5], и психологии лояльности [11]. По определению классика отечественной психологии манипуляции Е. Л. Доценко [4], *манипуляция* — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями.

Манипуляционные техники с позиции торговцев декларируют западные менеджеры и аналитики П. Андерхил, Б. Вансинк, Д. Джоббер, Дж. Ланкастер, Э. Зилар, Р. Киосаки, Ф. Котлер, М. Макгалли, Д. Норман, Т. Снайдер, а также российские практики А. А. Белогород-

ский, А. А. Деревницкий, М. Н. Дымшиц, Е. В. Мачнев, С. Ребрик, В. П. Шейнов. Данные работы в большинстве своем являются практическими руководствами для продавцов, обучающими повышению продаж. Авторы редко называют эти техники манипуляционными, предпочитая термины «техники убеждения», «техники работы с возражениями», «техники стимулирования сбыта», но смысл от этого не меняется — потребитель трактуется как марионетка, а продавец — как искусный кукловод. Отметим, не любые техники, используемые в промоушне, личных продажах, маркетинге и торговом менеджменте, можно назвать манипуляционными.

Термин «манипуляции покупателем» до сих пор не определен. Взяв за концепт определение Е. Л. Доценко [4], мы дали следующее: «*Манипуляция потребителем* — незаметное влияние на потребителя для необдуманного совершения им ранее не запланированной покупки товара, осуществляемое в диалоге с продавцом, а также с помощью организации пространства и событий в торговом зале». В данной работе мы не рассматривали манипуляции массами потребителей: в рекламе, на федеральном уровне. По результатам исследования считаем, что покупка определяется как совершенная под действием манипуляции, если соблюдены два критерия: необдуманность и незапланированность. Условно покупки под действием манипулятивных техник продаж — это *неосознанные, беспричинные* покупки. Грубо говоря, манипуляция в продажах, — это когда покупатель говорит «да» объективно ненужному ему товару.

Манипулятивными техниками продаж можно назвать далеко не все приемы продаж, а только те, которые воздействуют *на подсознание, а не на сознание*. Осознанная покупка никогда не сможет отвечать этим двум критериям: необдуманности и незапланированности. Многие приемы продаж не являются манипулятивными и стимулируют покупки, которые имеют осознанную причину.

Все покупки делятся на запланированные (человек четко знает, что конкретно, какой торговой марки, по какой цене и в каком объеме ему нужно), полузапланированные (человек знает тип товара, примерную цену и примерное количество, но не слишком лоялен к маркам и решение принимает, узнав все нюансы в торговом зале) и импульсивные (ситуативные, незапланированные). Никакие манипулятивные техники не могут подействовать на четко запланированные покупки, но стимулируют полузапланированные и импульсивные покупки, причем только ту их часть, когда человек не может назвать, осознать причину этой покупки. Итак, если покупка сделана без осознаваемой причины, «рука сама потянулась», «ой, какой миленький», «вау, какая скидка», то в абсолютном большинстве случаев эта покупка — результат манипулятивных техник. Если покупка не запланирована или полузапланирована, но при этом обдумана, имеет свою осознанную причину, давнее желание и т. п. — она не может считаться совершенной под действием манипуляции. Некоторые утверждают, что результатом манипуляции являются все импульсивные покупки, но это не так. Импульсивные покупки — случайные, незаплани-

рованные — условно разделим на обдуманнные (имеющие осознанную причину) и беспричинные. Можно их назвать иначе: когнитивные и эмоциональные. К примеру, девушка пошла в магазин за одеждой, но случайно увидела сапоги, которые ей очень понравились, а сапоги ей объективно нужны — старые непригодны для носки. Она давно планировала купить новые, но пока не предпринимала активных действий. И тут, случайно их увидев, покупает — это обдуманная импульсивная покупка с осознанной причиной, или когнитивная импульсивная покупка. Но если эта девушка не имеет объективной витальной необходимости в новых сапогах, поскольку в шкафу уже пылятся 2 пары, и тем не менее покупает их, потому что не может субъективно устоять, — это беспричинная импульсивная покупка, или эмоциональная импульсивная покупка, поскольку разум при ее совершении был вторичен и главенствовали эмоции. Отбросив вариант психического нездоровья покупателей (неврозов, истероидности, повышенной эмоциональной возбудимости и т. п.), получаем, что когнитивные импульсивные покупки обычно не являются результатом торговых манипуляций и лишь слегка стимулируются внешними торговыми приемами, а беспричинные покупки как раз можно назвать следствием реакции на манипулятивные техники. При полузапланированных покупках, когда, например, человек идет за колбасой, но ему не принципиально, товар какого производителя приобрести, манипулятивные приемы продаж тонко направляют его выбор в сторону товара, нужного продавцу или поставщику.

Запланированные покупки товаров повседневного спроса, при совершении которых потребитель четко знает, что ему нужно и в каком количестве, крайне редки. Манипулятивные техники продаж, пожалуй, не действуют только на них — «все маркетологи мира бесцельны против мужчины со списком покупок».

Итак, не любое воздействие на покупателя в торговом зале является манипулятивным, а лишь то, которое вызывает *беспричинную* покупку, то есть покупку, причину которой покупатель не может здраво вербализовать.

Тонкая манипуляция совершенна не видна покупателю. Отрезвление чаще всего приходит потом (не приходит лишь в совсем немногих случаях), поэтому если покупка, совершенная без манипуляции, в разговорах потом упоминается как «Я купил...», то покупки, сделанные под давлением манипулятора, упоминаются как «Мне всучили...», «Мне впарили...», «Меня обманули...». Тем не менее великий парадокс провинциальной ментальности состоит в том, что человек еще вновь и вновь приходит в этот магазин, где его обманули. В надежде на лучшее.

Манипуляциями в продажах мы считаем лишь те техники, которые соответствуют критериям: 1) неявные, 2) ненавязчивые, 3) направляющие волю покупателя в сторону необдуманной покупки заранее не запланированной разновидности товара.

С. В. Кара-Мурза говорит, что манипуляция — это «ложь, в которую хотят верить» [6]. Добавим, что в случае продаж затем в сознании потребителя она становится правдой, поскольку признаться самому себе в том, что

он совершил глупую покупку, мало кто в силах.

Обозначим принципиальные особенности манипуляции потребителем, определенные нами на основе работ об общих характеристиках манипуляции в социуме (Е. Л. Доценко [4], С. В. Кара-Мурза [6]), в рамках психологии рекламы, PR и потребления (Е. Н. Богданов [1], А. А. Белгородский [3], Н. А. Опарина и Г. С. Цветкова [10]), работ маркетологов (Ф. Котлер [7], П. Андерхил [2], Е. В. Мачнев [9]), менеджеров-прикладников и самое главное — наших более чем десятилетних наблюдений за поведением и отношениями потребителей.

1. Синонимом манипуляции потребителем является управление потребителем, влияние на потребителя, воздействие на потребителя, а также торговая манипуляция, манипуляция в торговом зале — в зависимости от эмоционального акцента. Но считаем неправомерным ставить в один ряд управление персоналом и управление потребителем, поскольку первое регламентируется Трудовым кодексом РФ, нормативными документами организации и ее структурой, и, подписывая трудовой договор, сотрудник дает согласие на то, чтобы вышестоящие менеджеры им управляли. Управление потребителем не регламентируется юридически и не согласовано с ним как с субъектом.

2. Манипуляция потребителем — это *не мошенничество, не обман*. Манипулируя потребителем, коммерсант или производитель не нарушает его прав и свобод покупателя как гражданина, именно поэтому тему манипуляции должны изучать психологи. Например, изменить дату срока годности на просроченном продукте — это мошенничество, а вы-

ставить вперед товар с истекающим сроком годности, спрятав вглубь более свежие товары — это манипуляция. Поставить на «золотую полку» — на уровне глаз и максимального потока потребителей — товар с самой большой накруткой или тот, который по другим причинам надо продать быстрее, а товар, который купят и без уловок, — на нижние или верхние полки — это манипуляция.

3. Манипуляция — это стимулирование потребителя действовать не против воли, а *направление воли* покупателя в сторону покупки не совсем нужного ему товара. Например, человек пришел в супермаркет за стандартным набором еды, но на самом видном месте увидел сок с высокой скидкой. Он не любитель сока, и эта торговая марка ему незнакома, но он его купил, поддавшись на заманчивую цену. После проведения еще двух-трех подобных промо-акций при адекватном качестве товара он уже станет лояльным потребителем. Значит, манипуляция — это не насилие, это соблазн!

4. Реакции на манипуляции *не беспричинны*. У человека были латентные нереализованные мотивы, которые он реализовал сиюминутно, купив данный товар. Если у человека не было таких забытых, неосознанных мотивов, он на манипуляции не поддастся!

5. Манипуляции провоцируют *импульсивную* или *полузапланированную* покупку, но не могут потом заставить покупателя делать повторные покупки. Да, в большинстве случаев итог таких манипуляций — это радость от выгодного приобретения, которому всегда найдется место в доме. Давно известно, что если в холодильник попала лишняя, импульсивно купленная еда,

то она все равно будет съедена. Человек съест больше, чем ему необходимо, и при этом будет рад. Аналогично и с одеждой — феномен перепотребления хорошо известен. Но иногда возникает и другой итог — «отрезвление» при приходе домой или через несколько дней, уход первых эмоций. И то, с какими эмоциями будет относиться покупатель к товару в дальнейшем, зависит от его характеристик, а не от манипуляций, проведенных в торговом зале. Следовательно, *на грамотно проведенную манипуляцию человек всегда реагирует позитивно*, но на продаваемый товар — в зависимости от его свойств. Покупатели, исходя из наших ранее проведенных глубинных интервью, описывают подобные покупки так: «Я, наверное, был в коме, когда это покупал», «Я устал, и поэтому приобрел эту не совсем нужную вещь», «Я сгруппировал», «Я поддался привлекательным надписям», «Мне хотелось себя порадовать». Но в войне магазинов побеждают только самые талантливые манипуляторы.

6. Манипуляция в торговом зале всегда имеет заранее продуманную *цель — повышение продаж*. Повышение продаж и только! О морали, этике предпочитают даже не говорить вслух. Личность покупателя нужна только для того, чтобы найти в ней «зеленую кнопку» — эмоции, желания, страхи, комплексы — что угодно, запускающее процесс покупки. Как правило, манипуляции продумывают, организуют и контролируют целые команды бренд-менеджеров.

7. Удивительно, но в большинстве магазинов наблюдается визуальное и аудиальное дублирование — манипуляции в разных магазинах идентичны, схе-

мы одинаковые. Разный лишь товар. Однако многие потребители не рефлексируют этих манипуляций, принимая все за чистую монету. Таким образом, манипуляция — это не любое влияние на потребителя, а скрытое, неочевидное и ненавязчивое.

8. Манипуляционное влияние ведет к *импульсивным* или *полузапланированным действиям* респондента, но *не меняет* его глубинных установок, ценностей, мотивов, потребностей.

9. Человек поддается манипуляции в торговых залах, поскольку у него нет ни времени, ни желания *рефлектировать* на эту тему.

10. Магазин — это своеобразный театр, где продажа — спектакль, ритуал, психологическая игра с клиентом. Только продавец — актер, великолепно знающий свой текст, написанный группой талантливых психологов, социологов, маркетологов, а покупатель сам добровольно вышел из зрительного зала и его талантливо ведут к совершению покупки — одной, второй, третьей...

Все манипуляции, совершаемые в торговом зале для повышения продаж, можно разделить на три типа.

Манипуляции вербальные (синонимично: разговорные, коммуникационные, лингвистические) — хитрости, используемые продавцом-консультантом при диалоге с покупателем. Большинство этих техник пришли в продажи из нейролингвистического программирования. Представим самые распространенные и самые действенные из них: лесть (78%, здесь и далее указано количество респондентов, хотя бы один раз совершивших покупку под действием этой манипуляции), ответ в вопросе (71%), недостаточное информирование

ние (66%), управляемая свобода выбора (например, «Вы можете хоть раз в жизни себя побаловать — купите товар X», 64%), научные понятия и специальная терминология (62%), ссылка на авторитет (61%), систематическое повторение достоинств товара (49%), ссылка на «всех» (46%), сравнение с заведомо проигрывающим товаром (44%), метод «чтение мыслей» (43%), метод «ложный стыд» («всем уже давно известно, что... вы отстаете от прогресса», 42%), метод «у меня в семье такой же» (41%), метод трех «да» (ответив на три вопроса «да», на четвертый, о покупке, человек машинально ответит «да», 41%) и трех повторов (34%), нагнетание срочности и ажиотажа (40%), рефрейминг (переосмысление отрицательного в положительное, 38%), альтернативные, или хвостатые, вопросы, в которых уже содержится два выгодных продавцу варианта ответов (33%), недосказанность с намеком на особые мотивы (33%), имплицатура (30%).

Манипуляции мерчендайзинговые — хитрости, используемые при выкладке товаров на витринах и расположении витрин в торговом зале, целью которых является совершение потребителем незапланированной покупки. Больше всего воздействуют на покупателя следующие приемы: выкладка нужных товаров на «золотых полках», то есть полках на уровне глаз (77%), выкладка в продуктовых магазинах свежих товаров в глубине полки, а с истекающим сроком годности — ближе к краю (74%), выкладка спросообразующих товаров в глубине зала, чтобы по пути к ним возникло желание купить еще несколько товаров (69%), пьедестал дорогих элитных товаров, на фоне которых остальные то-

вары кажутся недорогими (43%), подсветка непродávшегося товара (38%), детские уголки (17%), музыка, заставляющая двигаться в такт ей и совершать покупки, не столь долго выбирая (15%), яркое освещение, создающее атмосферу жаркого лета и отдыха (12%).

Манипуляции маркетинговые — хитрости, используемые в программах лояльности, при рекламе в торговых залах, организации промо — и PR-акций. Покупатели наиболее податливы к следующим из них: большие тележки в супермаркетах, создающие ощущение, что ничего не куплено (78%); стикер «Хит продаж», вывешенный на непродávаемые товары (75%), большие коробки, в которых лежит мало товара, что создает ощущение, что продуктов много (66%), желтый ценник, вывешиваемый не только на товар со скидкой, но и на любой товар, который надо продать (53%), уменьшение упаковки или порции вместо поднятия цены на товар (48%), продажа гарантийного обслуживания (42%), использование значимых дат (33%), использование образа кумира (32%), создание искусственного дефицита (19%), «вторая вещь бесплатно» (хотя ее стоимость уже включена в стоимость первой, или это неликвидный товар, 11%), ложная благотворительность (10%), «товар дня» (10%).

Отдельным направлением маркетинга являются ценовые игры. В этом векторе используются следующие манипуляции: скидки ДО 70% («до» — понятие весьма неоднозначное, но реагируют 77%), ложные скидки (56%), цена на «раздетый» товар, то есть товар без необходимых аксессуаров и комплектующих (42%), прием «99 рублей» (31%), «один доллар в день» (к приме-

ру, на ценнике пишут, что телефон стоит не 10 тысяч, а всего 1 тысячу в месяц, если взять кредит, и реагируют на это 28%), «сначала купите, а заплатите потом!» — классическая манипуляция для стимулирования кредитного поведения (24%).

Выводы:

1. Манипуляция потребителем — это незаметное влияние на потребителя для необдуманного совершения им ранее не запланированной покупки товара, осуществляемое в рекламе, диалоге с продавцом, а также с помощью организации пространства и событий в торговом зале.

2. Не все техники продаж являются манипуляционными. Покупка совершена под действием манипуляции, если она не обдумана, не запланирована, и покупатель не может вербализовать никакой другой ее причины, кроме манипуляции. Не все импульсивные (спонтанные) покупки являются результатом манипуляции, поскольку большинство из них имеет осознаваемую личную причину.

3. По субъективному ретроспективному анализу респондентов установлено, что почти пятая часть покупок совершена под действием манипулятивных техник продаж. И, рефлексировав это, потребители продолжают реагировать на манипуляции.

4. Все манипуляции потребителем в магазинах можно разделить на вербальные (применяемые в диалоге с продавцом), мерчендайзинговые (применяемые при выкладке товаров на витрине и расположении витрин в магазине), маркетинговые, которые, в свою очередь, подразделяются на ценовые, рекламные и имиджевые.

Литература

1. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психологические основы Паблик рилейшнз. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 208 с.

2. Андерхил П. Почему мы покупаем. Как заставить покупать. Минск: Попурри, 2003. 368 с.

3. Белогородский А.А. Манипулятивные методы в рекламе // Маркетинг в России и за рубежом. 2005. № 6. С. 42–53.

4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. 3-е изд. М.: Речь, 2003. 304 с.

5. Зотова О.Ю. Научно-практические трактовки проблемы безопасности личности // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 128–156.

6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 832 с.

7. Котлер Ф., Картаджайа Х., Сетиван А. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее — к человеческой душе. М.: Эксмо, 2011. 669 с.

8. Лихобабин М.Ю. Технологии манипулирования в рекламе. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 13–17.

9. Мачнев Е.В. Развлекупки. Креатив в розничной торговле. СПб.: Питер, 2005. 208 с.

10. Опарина Н.А., Цветкова Г.С. Множественность факторов демонстративного потребления: эволюция исследования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 435–440.

11. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. Ю. Стрижов

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, касающиеся резкого роста преступности в современном российском обществе, появления бездомных и беспризорных, отказа от высших идеалов своего бытия в пользу личной выгоды и других негативных социальных явлений, которые заставили ведущих психологов России обратиться к проблеме нравственного сознания общества. А. Л. Журавлёв, А. В. Юревич, М. И. Воловикова, В. Е. Семёнов, А. А. Гостев и другие считают криминализацию нравственного сознания общества одним из психологических факторов его функционирования.

Статья посвящена психологическому анализу этого фактора. В ней дан обстоятельный анализ нравственных ценностей, представленных в сознании различных групп общества. Показано значение и влияние на поведение людей традиционных нравственных ценностей нашего общества, универсальных (общечеловеческих) ценностей, ценностей протестантизма. Показаны различия между этими этическими системами, как религиозными, так и светскими.

Автором установлена связь криминального поведения личности с нравственными ценностями, особенно с ценностями индивидуализма, прагматизма и утилитаризма. Показана их противоположность традиционным нравственным ценностям русского общества.

Статья содержит большой статистический материал о доминирующих нравственных ценностях в гендерных, воз-

растных, профессиональных, образовательных группах. Приведены данные об особенностях нравственного сознания преступников-рецидивистов (мошенников), отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы. Эти данные подтверждают теоретические положения статьи. Приведены результаты психологического исследования нравственного и правового сознания современной российской молодежи, а также теоретического анализа современных трудов в области психологии нравственности.

Доказано влияние ценностей прагматизма, индивидуализма и потребительства на криминализацию морального сознания современной молодежи. Проведен сравнительный анализ отношения к криминальным ценностям социальных групп молодежи, отличающихся по возрасту, образованию, полу и профессиональной принадлежности.

Ключевые слова: традиционные нравственные ценности, ценности протестантизма, универсальные и общечеловеческие ценности, криминальные ценности, экономическая преступность.

Современные исследования нравственности обычно проходят в пределах сложившихся этических парадигм: деонтологии, аретологии, фелицитологии и аксиологии. Недостатком многих исследований на эту тему было изучение «идеальных» этических систем, в которых этические ценности, нормы и принципы сочетаются друг с другом, образуя безупречное, с точки зрения ло-

гики, иерархическое дерево. Применение выводов и положений психологической антропологии и этики человеческого бытия С. Л. Рубинштейна позволяет нам уйти от абстрактных рассуждений о добре и зле, применить положения принципа детерминизма к человеку в системе морально-правовых отношений как носителю нравственных ценностей.

Современное духовно-нравственное направление отечественной психологии построено на изучении роли нравственных ценностей в нашей культуре. Психологами, работающими в этом направлении, сделано несколько важных выводов об особенностях нравственного сознания современного российского общества. В систему его ценностей наряду с традиционными ценностями русского общества входят и другие ценности, заимствованные из иностранных религиозных и светских этических систем.

Наиболее широко в сознании нашего общества представлены религиозные **ценности русского православия**. Совесть образует сердцевину личной и соборной жизни русского православного христианина. Православный человек относится к смыслам христианской истины как к свету, идущему из глубины собственной совести. Нравственное совершенство для него — это непрерывный и бесконечный процесс приобщения к божественному идеалу. Загробная жизнь для православного христианина зависит только от его нравственного совершенства, безгрешности или греховности. В православии спасение человека понимается не как избавление от вечных наказаний благодаря наличию заслуг, а как процесс

духовного освящения и преображения человеческой личности. И. Ильин считал, что православие сводится к этике, личному пути и подвигу, описанию способов достижения духовного совершенства, а западное — к правилам, регламентациям, объяснениям. Исследования К. А. Абульхановой, М. И. Володиной, Л. Л. Дикевич, О. П. Николаевой, В. Е. Семенова, О. К. Серовой свидетельствуют о том, что наши граждане сохраняют свои исконные ценности и психологические черты.

Менее значительную, но более агрессивную группу составляют **ценности протестантизма**. Деньги и частная собственность считаются священными, то есть высшими ценностями. Труд также является высшей ценностью, которая освящает прибыль и выгоду. Прибыль, полученная не честным и производительным трудом, а с помощью обмана и мошенничества, в протестантизме считается греховной. Однако грех можно искупить, выполнив «минимум добрых дел», то есть определенные заповеди. Выполняя так называемые евангельские советы, человек получает «сверхдолжные заслуги». Протестантизм подчеркивает ценность собственных достоинств личности и долгом человека перед самим собой.

Ценности протестантизма [3, 4] легли в основу современных светских этических систем, утверждая нормы **утилитарно-рационалистической морали**. Если отойти от религиозного толкования нравственных норм, то можно увидеть, что в светских этических системах отсутствует понятие греха и вместе с тем утверждается незыблемость трех главных ценностей: свободы (прав человека), ненасилия, гума-

низма. Полноценное завершение религиозные нравственные нормы протестантизма нашли в либеральных этических системах.

Протестантская этика связывала успех человека в мирских делах с перспективой его спасения после смерти, и эта перспектива тем самым выступала мощным стимулом к упорному труду, бережливости, вкладыванию накопленного богатства в развитие своего дела. Производная от нее светская этика лишена идеи спасения души посредством труда, но ее носители по-прежнему считают труд главным смыслом своей жизни. Они убеждены, что упорный труд всегда вознаграждается, осуждают праздность и лень. Протестантизм составляет основу американского образа жизни, носителями и проводниками которого являются граждане США — белые англосаксонские протестанты (*WASP*). Особое место представители данной культуры отводят индивидуализму. К числу фундаментальных ценностей относится «личный успех».

Психологи давно стремились представить ценности общества в виде организованной, взаимосвязанной, поддающейся объяснению системы социальных норм. Некоторые из них включали в свои теоретические конструкции и нравственные нормы, стремясь обосновать их психологическую, а не только этическую основу. Так, Л. Колберг в своей стадийной теории морального развития обосновал универсальный характер следующих одиннадцати ценностей: законы и нормы; совесть; способность выразить свои чувства; авторитет; гражданские права; договор, доверие и справедливость в обмене; наказа-

ние и справедливость; ценность жизни; ценность и права собственности; правда или истина; любовь и секс [6, 7].

В настоящее время активно применяется методика для психодиагностики универсальных ценностей Ш. Шварца и У. Билски (Schwartz & Bilsky, 1987) [5]. Она используется в кросс-культурных исследованиях, имеет достаточно разработанную теоретическую основу и считается эффективной для изучения ценностей групп и отдельных индивидов. Универсальными, общечеловеческими, присущими все людям, авторы теории и методики считают 10 ценностей, некоторые из них имеют нравственную нагрузку.

Как видно из списка шкал, они построены на ценностях индивидуализма и прагматизма. Другие методики, построенные по такому же принципу, диагностируют нравственное сознание человека с точки зрения его утилитаризма, рационализма, но никак не с точки зрения традиционных нравственных ценностей русского общества. К ним относятся зарубежные методики на самоактуализацию личности, ее социальную компетентность, отношение к социальным нормам, к себе и другим людям. Вполне объяснимо, что полученные результаты не могут объяснить ни добросовестного отношения российской молодежи к своему труду, ни к совершенному ими обману или мошенничеству.

О своеобразном отношении молодых людей к нормам протестантской трудовой этики свидетельствуют исследования М. И. Магуры и В. С. Магуна [4]. Суммарный индекс протестантской этики не дал значимых корреляций с экспертными оценками реального труда. Нравственное сознание мо-

лодежи содержит ценности, заимствованные из различных этических систем, как светских, так и религиозных. У современных молодых людей, как показывают наши исследования, нет стройной, осмысленной системы нравственных ценностей. Вместо нее сложился конгломерат нравственных представлений, невербализованных смыслов, стереотипов, в котором доминируют ценности индивидуализма, прагматизма и личного успеха, заимствованные из американской этической системы. В ней проявляются общечеловеческие ценности гуманизма и свободы. В ней обнаруживаются также ценности гедонизма и «вечной жизни», взятые из индуистской религии. В ней явно просматриваются ценности криминального мира с его «понятиями» о справедливости. И в то же время в ней представлены традиционные ценности доброты, любви, милосердия. Соотношение этих противоречивых ценностей, как показывают результаты наших исследований, определяется жизненным опытом, возрастом, содержанием трудовой деятельности.

Выявлены гендерные, возрастные, образовательные и профессиональные особенности нравственных ценностей у экономически активного населения. При обследовании 989 мужчин и 1478 женщин установлено, что женщины превосходят мужчин по составу и структуре этих ценностей ($p < 0,012$), отрицательному отношению к эгоизму ($p < 0,0001$), расчетливости и прагматизму ($p < 0,001$). Они чаще используют нравственные альтернативы и опираются на нравственные смыслы при принятии решений о способе получения материальных благ.

Выявлено, что высокий уровень образования связан с более высокой долей традиционных нравственных ценностей (ответственности, добросовестности, трудолюбия) в сознании людей. Так, группа с высшим образованием (1073 чел.) превосходит группу со средним специальным (858 чел.) и средним образованием (536 чел.), причем это превосходство имеет абсолютную статистическую значимость ($p < 0,0001$).

Структура нравственных ценностей тесно связана с возрастом. Она проявляется на каждом возрастном периоде, но её максимальные показатели проявляются к 40 годам. Наше исследование возрастных групп показало, что группы в возрасте до 20 лет (191 чел.), от 20 до 30 лет (1202 чел.), и от 30 до 40 лет (704 чел.) не отличаются по составу ценностей. Однако все они уступают более старшим возрастным группам от 40 до 50 лет (270 чел.) и старше 50 лет (100 чел.) тем сильнее, чем выше возрастные различия ($p < 0,0001$).

Установлена профессиональная обусловленность содержания нравственной сферы сложностью и ответственностью выполняемой деятельности. Эта закономерность проявилась при обследовании 10 профессиональных групп. Наивысшие показатели — 29,22 и 26,76 балла — зафиксированы у сотрудников милиции (51 чел.) и военнослужащих (172 чел.), чья служебная деятельность подчинена интересам воинского и служебного долга, строго регламентирована и сопровождается регулярным воспитательным воздействием в системе профессиональной подготовки. Отличия в надежности этих двух групп от остальных статистически значимы ($p < 0,001$). Торговые ра-

Таблица 1

Распределение средних значений нравственных и универсальных ценностей у надежных граждан и мошенников (N = 2457)

Универсальные ценности по Ш. Шварцу и нравственные ценности по ЛО НН	Средние значения по уровням нравственно-правовой надежности			
	Высокий 81 чел.	Средний 1012 чел.	Мошенники 1344 чел.	2457 чел.
Доля нравственных ценностей – честности, добросовестности, справедливости, ответственности	,778	,533	,153	,403
Ценности саморегуляции – независимость от социальных норм	20,38	31,34	37,92	31,70
Ценности стимулирования – конкуренция	12,73	23,14	27,54	23,03
Ценности гедонизма – стремление к чувственным удовольствиям	14,18	24,67	27,15	22,86
Ценности власти над людьми	15,99	28,51	32,07	26,68
Ценности достижения – личный успех	21,28	32,22	35,30	32,42
Индекс нравственно-правовой надежности	70,15	39,16	-26,77	19,33

ботники (282 чел.) и рабочие торговли (391 чел.) имеют значимые отличия от остальных групп, но не различаются между собой. Группа осужденных мошенников-рецидивистов (257 чел.) имеет абсолютно значимые различия со всеми профессиональными группами.

Можно утверждать, что в современном российском обществе активно утверждаются ценности индивидуализма, прагматизма, рационализма, которые при отсутствии национальной идеи, неэффективной борьбы с коррупцией наряду с несовершенством экономических отношений прогрессируют в сторону эгоизма, корысти и отрицания моральной ответственности человека. Выявить эти негативные тенденции существующими западными методика-

ми невозможно. На виду оказываются лишь последствия изменения нравственных ценностей общества. Растет количество не только детей, брошенных своими родителями, но и стариков, брошенных своими детьми. Количество случаев мошенничества выросло за 10 лет втрое (1995–2005 гг.) с 67824 до 201941 и имеет тенденцию к ежегодному росту в 15%.

Картина истинного нравственного состояния общества проясняется, когда психологи применяют традиционные нравственные ценности для оценки личности и социальной группы. Об этом свидетельствуют результаты исследования нравственной сферы осужденных, проведенные И. А. Кудрявцевым, который оценил моральное развитие преступников с помощью

семи смертных грехов и добродетелей, содержащихся в священных писаниях мировых религий. Он получил данные о тесных связях преступления с нравственными ценностями личности. Аналогичные выводы были получены и нами. Наши исследования показали интересное соотношение традиционных и универсальных нравственных ценностей у людей, имеющих разный уровень нравственно-правовой надежности. Традиционные нравственные ценности (честность, трудолюбие, справедливость, ответственность) и универсальные ценности индивидуализма находятся в состоянии конфликта, и по мере усиления одной из сторон происходит выбор человеком способа получения материальных благ. Как видно из таблицы, по мере усиления универсальных ценностей — эгоистических ценностей самовозвышения над людьми (по Ш. Шварцу) — в сознании снижаются доля и роль традиционных ценностей. Характерно, что максимальные показатели по эгоистическим ценностям и минимальные — по традиционным нравственным ценностям имеют мошенники, образующие низкий уровень нравственно-правовой надежности. Основания для такого вывода приведены в таблице 1.

На аморально-криминальной стадии (мошенники-рецидивисты) традиционные нравственные ценности вообще отсутствуют, в то время как универсальные ценности имеют максимальные значения, превышающие средние данные по всей выборке. Именно эта группа, имеющая отрицательные показатели нравственной надежности, совершила 100% преступлений из числа всей выборки (2457 чел.).

Ориентация на «общечеловеческие», эгоистические и прагматические универсальные ценности, не свойственные нашей культуре, ослабляет нравственно-смысловую детерминацию поведения в ее позитивном значении, следствием чего могут быть хищения имущества, финансовых активов, баз данных, предательство, мошенничество, продажа коммерческих секретов конкурентам.

Результаты корреляционного анализа (табл. 2) свидетельствуют о том, что традиционные нравственные ценности имеют сильные отрицательные связи с ценностно-смысловыми детерминантами мошенничества (универсальными ценностями). Судя по модальности и знаку коэффициента (-0,592), они определяют резко отрицательное отношение к мошенничеству и обману. Нравственные ценности трудолюбия, добросовестности, честности, справедливости, сострадания к ближнему не согласуются с ценностями власти, самовыражения, эгоизма, чувственных удовольствий, независимости от других людей. Универсальные ценности находятся в оппозиции к традиционным нравственным ценностям.

Чем менее надежен человек, чем более он склонен к недобросовестному труду, лени, обману и мошенничеству, тем меньшую роль в регуляции его поведения играют традиционные нравственные ценности и тем выше роль в его сознании ценностей саморегуляции (независимости и автономности), самостимулирования (конкуренции), гедонизма, власти и достижения личного успеха. Ценности альтруизма у мошенников (0,687 балла) в 10 раз ниже, чем средние значения этого показателя по

Таблица 2

**Корреляции ценностей и отношения социальных групп
к мошенничеству (N = 2457)**

Личностные ценности	ТНЦ	ОМ	ЦН	ЦК	ЦГ	ЦВ	ЦД
Традиционные нравственные ценности (ТНЦ)	1	-,592**	-,100*	-,062	-,260**	-,338**	-,031
Одобрение мошенничества (ОМ)	-,592**	1	,257**	,250**	,399**	,339**	,233**
Ценности независимости (ЦН)	-,100*	,257**	1	,530**	,410**	,489**	,531**
Ценности конкуренции (ЦК)	-,062	,250**	,530**	1	,553**	,512**	,620**
Ценности гедонизма (ЦГ)	-,260**	,399**	,410**	,553**	1	,466**	,527**
Ценности власти (ЦВ)	-,338**	,339**	,489**	,512**	,466**	1	,584**
Ценности достижения (ЦД)	-,031	,233**	,531**	,620**	,527**	,584**	1

* Корреляция на уровне $p < 0.05$; **корреляция на уровне $p < 0.01$.

выборке 2467 человек (7,270 балла), а ценности труда — в 5 раз (2,031 балла против 9,583).

В таблице 3 показаны различия в структуре личностных смыслов у двух противоположных групп: нравственно надежных лиц и осужденных мошенников-рецидивистов.

Традиционные нравственные ценности для мошенников не имеют смысла и практически отсутствуют в их сознании. Более половины смыслов их поведения (0,508) составляют смыслы корысти в различных вариантах объяснений, а остальную часть занимают невербализованные смыслы («так принято», «все воруют», «не обманешь — не продашь»).

45% мошенников совершенно не учитывают нравственные ценности в своем поведении. Правовые ценности мошенники также отрицают. 30% осужденных мошенников оправдывали уголовное преступление личной выгодой и получением удовольствия, 52% — слабостью наказания, а 48% намеревались уклониться от уголовной ответственности с помощью подкупа сотрудников МВД.

Вывод. Противодействие нравственным ценностям индивидуализма, прагматизма, нормам («понятиям») криминального мира является важной и нерешенной научной и практической проблемой. В целях противодействия

Таблица 3

**Доминирующие личностные смыслы поступков
нравственно надежных лиц и мошенников-рецидивистов**

Контрастные группы	Распределение частот по смыслам поступка			
	Традиционные нравственные ценности	Ценности личной выгоды	Правовые ценности	Невербализованные смыслы
Нравственно надёжные лица 81 человек	В пределах 0,633–0,723	В пределах 0,00–0,021	В пределах 0,15–0,528	В пределах 0,00–0,08
Осужденные мошенники 257 человек	0,02	0,508	Отрицаются	0,453

ценностно-смысловым детерминантам преступности необходимо проводить дальнейшие теоретические исследования в рамках нравственно-психологического подхода, критически относиться к теории и методам зарубежной психологии. Следует учитывать состав и динамику развития ценностей в сознании социальных групп, противодействовать нормам эгоистической и прагматической морали, противопоставляя им традиционные нравственные ценности нашего общества.

Литература

1. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлёв и А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 413 с.
2. Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / отв. ред. М.И. Волвикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 320 с.

3. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 480 с.

4. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

5. Сажин А. В. Психологические факторы нравственной устойчивости личности: дис. ... канд. психол. наук. М.: СГА, 2014.

6. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2008.

7. Стрижов Е.Ю. Личность мошенника: нравственно-психологический анализ : монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 374 с.

8. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества : дис. ... д-ра психол. наук. М.: Академия управления МВД России, 2011. 400 с.

9. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологический подход — новая тенденция развития юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 67–82.

10. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надёжность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 40–55.

11. Юревич А.В. Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 3–13.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Н. Н. Авраменко

Аннотация: в статье рассматривается процесс профессионального становления в условиях образовательной среды вуза. Особый акцент сделан на профессиональную направленность и карьерные ориентации будущего психолога. Отмечена реальная необходимость изучения карьерных ориентаций студентов, которые можно использовать в практике психологического прогноза профессиональной самореализации с учётом доминирующих ценностей в структуре личности. Приведены результаты теоретического и практического исследования карьерных ориентаций выпускников факультета психологии и их взаимосвязи с особенностями мотивации.

Автор утверждает, что для всех студентов карьера имеет большое значение, а ведущими карьерными ориентациями являются: автономия, стабильность места жительства, вызов, предпринимательство и профессиональная компетентность. Мотивы построения карьеры могут быть следующими: поддержание жизнеобеспечения, комфорта, социального статуса, необходимость общения, общей и творческой активности, которые у большинства учащихся удовлетворены. Студенты считают свои условия обучения комфортными и чувствуют себя в полной безопасности; имеют влияние среди сверстников; довольны уровнем общения в университете; проявляют свою энергичность, выносливость, упорство и свои умения в учебной сфере; имеют творческие ре-

зультаты. Однако 54% студентов хотели бы проявлять меньшую активность, чем они проявляют в настоящий момент, а у 43% наблюдается пресыщение своей творческой активностью. 70% испытуемых не стремятся принести пользу обществу, что, безусловно, является барьером на пути профессионального и личностного развития будущих психологов.

В ходе исследования определен мотивационный профиль студентов и рассмотрены конкретные мотивы (поддерживающие или развивающие) и вид мотивации (внешняя и внутренняя).

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, ценностные ориентации, ценности, мотивы, профессиональная направленность, личность, профессиональное развитие, самореализация, профессия психолога.

Профессиональную направленность рассматривают как относительно устойчивое образование личности, которое входит в структуру общей направленности, и как динамический многоступенчатый процесс. Для студентов вуза профессиональная направленность — это психологическая готовность к будущей деятельности, которая представляет собой систему потребностей и преобладающих мотивов, ценностных ориентаций и воплощается в профессиональных целях, установках и активности личности по их достижению [9].

Успешность развития профессиональной направленности зависит от ме-

ста, которое она занимает в структуре общей направленности личности, от адекватных мотивов, профессиональных потребностей и ценностных ориентаций, в том числе карьерных ориентаций.

Карьерные ориентации складываются у студентов в ходе обучения и включают в себя ценностные ориентации, социальные установки, интересы и другие социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определенного человека. Эдгар Шейн выделил восемь основных карьерных ориентаций: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия (независимость), стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство [10]. В. Б. Рябов включает эти ориентации в перечень стратегий трудовой жизни [11].

Карьера дает человеку возможность занять достойное место в современном обществе. Под карьерой, как правило, подразумевают достижение определенного социального статуса в профессиональной деятельности, замещение определенной должности. Более широкое понимание этого феномена связано с профессиональным продвижением и ростом, этапами восхождения человека к профессионализму, процессом профессионализации (от выбора профессии к овладению профессией, затем упрочнение профессиональных позиций, овладение мастерством, занятие творчеством) [6, с. 123].

Карьера — это длительный процесс. Она проходит ряд последовательных этапов, которые выделены в результате исследований [12, 13, 14]. Обучение в средней школе и в университете мож-

но рассматривать как предварительный этап карьеры. Обычно он длится до возраста 25 лет. В этот период человек ищет тот вид деятельности, который наиболее полно удовлетворит его потребности и будет соответствовать его возможностям. Если такой вид деятельности найден, начинается процесс самоутверждения человека как личности.

Однако этап карьеры не всегда связан с этапом профессионального развития, поэтому важно разделять фазы карьеры (временной период развития личности) и развития профессионала (периоды овладения деятельностью) [14]. Профессиональная подготовка студентов может включать следующие фазы: *оптации* (студент сомневается в выборе профессии, рассматривает возможности перемены профессии и делает выбор); *адепта* (это человек, уже вставший на путь приверженности профессии и осваивающий ее); *адаптации*, или привыкания молодого специалиста к работе (если студент начинает совмещать учебу с работой по специальности).

Цели карьеры обусловлены причинами, в связи с которыми человек хотел бы иметь конкретную работу, занимать определенную ступеньку на иерархической лестнице должностей. Они меняются с возрастом, по мере развития личности, с ростом квалификации и т. д. [3, 6, 12, 13].

Главным механизмом карьерного развития является соединение интересов работника (удовлетворение потребностей в жизнеобеспечении, социальном признании, самореализации) и организации (эффективное решение служебных задач), поэтому решения человека в области карьеры практически

всегда являются компромиссом между желаниями и реальностью, между его интересами и интересами организации [7]. Люди отличаются друг от друга по способностям, уровню образования, квалификации, поэтому не каждый сможет занять наиболее высокие должности, реализовать профессиональные амбиции.

К психологическим предпосылкам карьерного роста относятся следующие факторы: самооффективность, мотивация достижения, активность и нонконформизм, организационная социализация и профессиональная адаптация.

Решающим причинным фактором результативности деятельности людей является их мотивация. Для мотивации сотрудников нет какого-то одного лучшего способа, поэтому необходимо учитывать тип мотивации, то есть преимущественную направленность деятельности индивида на удовлетворение определенных групп потребностей. Выделяют три основных типа мотивации работников [8, 15]: ориентированных преимущественно на содержательность и общественную значимость труда; ориентированных по большей части на оплату труда и другие материальные ценности; у которых значимость разных ценностей сбалансирована.

Человек может управлять карьерой, осознавая свои потребности и иерархию мотивов. В результате он сам себя мотивирует, выделяя внутренние, значимые лично для него стимулы к труду. Это могут быть интерес к работе, удовольствие от творчества, признание своей деятельности нужной для общества, желание помочь клиенту решить его проблемы и др.

От управления личной карьерой зависят достижение профессиональной цели и реализация профессионального потенциала студента начиная с периода обучения в вузе.

Цель проведения данной работы заключалась в теоретическом и практическом исследовании карьерных ориентаций выпускников факультета психологии и их взаимосвязи с особенностями мотивации. Мы предполагали, что студенты, у которых доминирующими являются мотивы поддержания, предпочитают работу в организации, обеспечивающей стабильность и возможность интеграции разных стилей жизни, а испытуемые, в мотивационном профиле которых преобладают развивающие мотивы, стремятся к профессиональной компетентности, руководству и ответственности, служению человечеству, преодолению препятствий.

В эмпирическом исследовании была использована выборка, которая состояла из 92 студентов факультета психологии Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, из них 46 человек — выпускники 2011 г. (2 юноши и 44 девушки) и 46 человек — выпускники 2012 г. (девушки).

В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: методика оценки карьерных ориентаций Э. Шейна «Якоря карьеры»; методика изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир (модификация А. Ренана); тест-опросник А. Мехрабиана, направленный на измерение мотивации достижения (модификация М. Ш. Магомед-Эминова); методика «Мотивационный профиль личности» В.Э. Мильмана.

Таблица 1

Представления студентов о карьере (данные анкетного опроса)

№ вопроса	Вопрос	Ответ, % от общего числа опрошенных
1	Карьера – это...	продвижение по службе (43) самореализация (33) возможность зарабатывать деньги (24)
2	Когда начинает формироваться карьера?	с момента трудоустройства (46) в университете (30) в школе (20) с момента появления интереса, связанного с будущей профессией (4)
3	Какие личные качества способствуют развитию карьеры?	целеустремленность (33) инициативность и трудолюбие (15) ответственность (11) коммуникабельность (8) выносливость и лидерство (7) хитрость (4)
4	Что могло бы побудить Вас к карьерному росту?	возможность самореализации (33) интересное содержание работы (24) хорошая оплата труда (17) признание проделанной работы (15) благоприятные взаимоотношения с коллективом и руководством (11)
5	Какой Вы видите в будущем свою карьеру?	квалификационной (44) монетарной (28) статусной (24) властной (4)

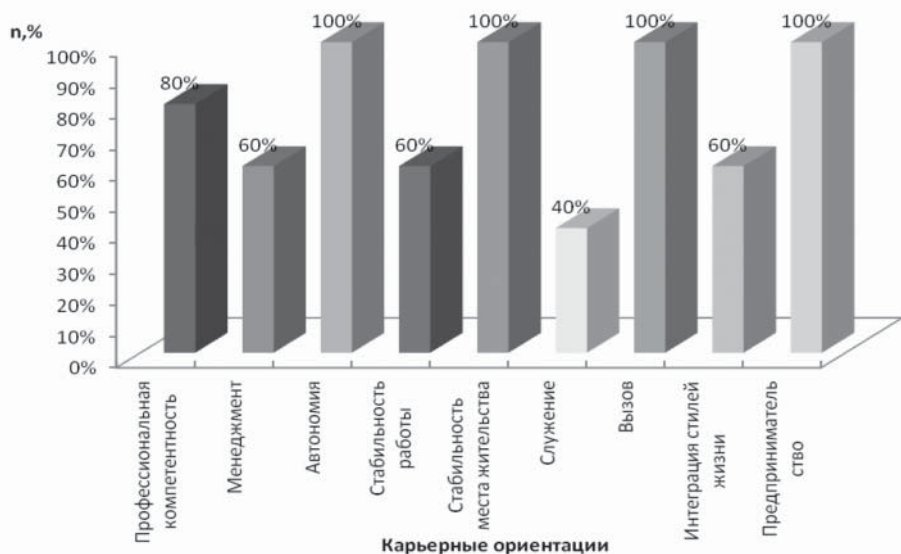
Сбор данных осуществлялся в 2011 и 2012 гг. Данные были подвергнуты корреляционному виду математического анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), который осуществлялся с помощью применения компьютерного математического пакета SPSS.

В начале исследования с помощью составленной нами анкеты для изучения представлений студентов о карьере были получены результаты, которые представлены в таблице 1.

Таким образом, для большинства студентов карьера — это продвижение по службе и возможность самореализации, которая начинается с момента трудоустройства и зависит от целого ряда личностных качеств: целеустрем-

лённости, инициативности и трудолюбия, ответственности, коммуникабельности. Многие студенты стремятся к самореализации, их привлекают интересное содержание работы, хорошая оплата труда, признание проделанной работы, благоприятные взаимоотношения с коллективом и руководством.

В процессе карьерного движения будущие психологи ожидают следующих изменений: профессиональный рост, движение по разрядам тарифной сетки профессии (квалификационная карьера); повышение уровня вознаграждения (монетарная карьера); увеличение статуса в организации, выражаемое либо присвоением очередного ранга за выслугу лет, либо почетного зва-

Рис. 1. Карьерные ориентации студентов-психологов

ния за выдающийся вклад в развитие фирмы (статусная карьера).

Полученные нами данные согласуются с данными анкетного опроса студентов юридического факультета, проведенного В. В. Котовским с целью изучения представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе [4]. Для большинства будущих юристов карьера является признаком профессиональной успешности. В отличие от студентов-психологов для них более важен социальный статус и высокое вознаграждение за работу.

С помощью методики оценки карьерных ориентаций Э. Шейна «Якоря карьеры» нами были получены данные о карьерных ориентациях студентов, которые представлены на рисунке 1.

По полученным данным можно сделать вывод, что для всех студентов карьера имеет большое значение. Ведущими карьерными ориентациями яв-

ляются: автономия, стабильность места жительства, вызов, предпринимательство и профессиональная компетентность.

Первичная забота личности с карьерной ориентацией «Автономия» — освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. Ярко выражена потребность все делать по-своему: самому решать, когда, над чем и сколько работать. Сотрудники с карьерной ориентацией «Стабильность места жительства» связывают себя с географическим регионом, пускают корни в определенном месте, вкладывая сбережения в свой дом, и меняют работу или организацию только тогда, когда это предотвращает его «срывание с места». Основными ценностями карьерной ориентации «Вызов» являются: конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человек ориентирован

на то, чтобы бросать вызов. Социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции «выигрыша — проигрыша». Процесс борьбы и победа более важны для него, чем конкретная область деятельности или квалификация. Люди с карьерной ориентацией «Предпринимательство» стремятся создавать что-то новое, преодолевать препятствия, готовы к риску, не желают работать на других, а хотят иметь свою марку, свое дело, свое финансовое богатство.

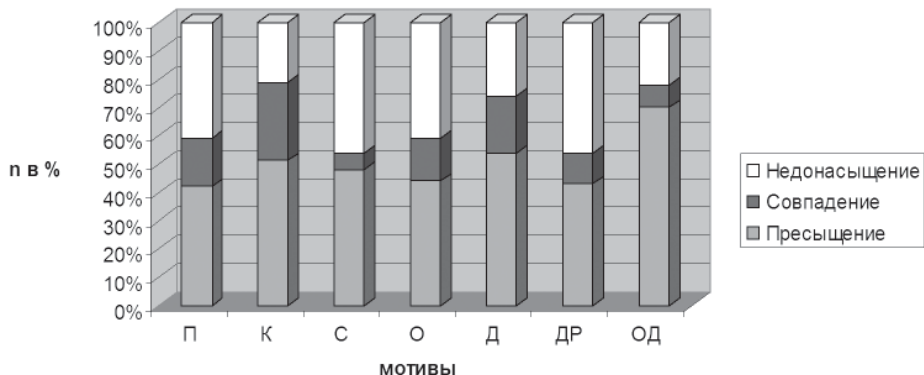
Для 80% опрошенных характерна карьерная ориентация «Профессиональная компетентность», связанная с наличием способностей и талантов в определенной области. Люди с такой ориентацией хотят быть мастерами своего дела, они бывают особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать свои способности.

Карьерную ориентацию «Служение» выбрали для себя только 40% опрошенных. Работа с людьми и помощь им — это неоспоримые ценности, которые лежат в основе профессиональной деятельности психолога. При разработке модели практического психолога Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов и Л. Н. Митюхина учитывали, что профессионал должен иметь непритворную любовь к людям, интерес к жизни людей и искреннее желание им помочь [1].

На основании полученных результатов мы предположили, что менее 50% студентов, участвовавших в исследовании, займут должностные позиции, непосредственно связанные с полученным психологическим образованием. Наше предположение было подтверждено данными интернет-опроса, кото-

рый был проведен в 2013 г. под руководством декана факультета психологии Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского И. П. Краснощеченко для оценки деятельности факультета за последние 20 лет работы [5]. Опрос позволил получить сведения о профессиональной самореализации около 25% выпускников факультета, принявших в нем участие (из них самая многочисленная группа — выпускники 2008–2012 гг.). По данным интернет-опроса, только 43,9% бывших студентов трудоустроились и самореализовались в сфере психологической деятельности.

С помощью методики изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир (модификация А. Реана) нами были получены данные о соотношении внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации у студентов-психологов. У 71% испытуемых преобладает оптимальный мотивационный комплекс, то есть внутренняя мотивация выражена у них сильнее, чем внешняя положительная и внешняя отрицательная. Это свидетельствует о том, что данные испытуемые положительно относятся к выполняемой деятельности, трудятся с удовольствием, без каких-либо внешних воздействий. 21% студентов имеют допустимый мотивационный комплекс. Преобладающим типом мотивации у них является внешняя положительная мотивация. Для таких студентов важны внешние стимулы, ради которых стоит прилагать усилия в работе. 9% студентов обладают неоптимальным мотивационным комплексом. У них преобладает внешняя отрицательная мо-

Рис. 2. Степень удовлетворения мотивов у студентов-психологов

тивация, они стремятся избегать наказаний, осуждений и т. д.

С помощью теста-опросника А. Мехрабиана, направленного на измерение мотивации достижения (модификация М. Ш. Магомед-Эминова), нами были получены данные о мотивации достижения у студентов-психологов. У 83% из них в мотивации достижения успеха доминирует стремление к успеху. Люди, мотивированные на успех, обычно ставят перед собой в деятельности определенную положительную цель, достижение которой может быть равнозначно расценено как успех. Индивиды, ориентированные на достижение успеха, способны правильнее оценивать свои возможности, успехи и неудачи и обычно выбирают для себя профессии, соответствующие имеющимся у них знаниям, умениям и навыкам. У 17% испытуемых доминирует стремление избегать неудачи. Они проявляют неуверенность в себе, не верят в возможность добиться успеха, боятся критики. Люди, ориентированные на неудачу, нередко характеризуются неадекватностью профессионального самоопределения.

С помощью методики «Мотивационный профиль личности» В. Э. Мильмана нами были получены данные выраженности степени удовлетворения мотивов (в учебной сфере): «Поддержание жизнеобеспечения» (П); «Комфорт» (К); «Социальный статус» (С); «Общение» (О); «Общая активность» (Д); «Творческая активность» (ДР); «Общественная полезность» (ОД), которые представлены на рисунке 2.

Мотивы, входящие в мотивационный профиль личности, у большинства учащихся удовлетворены. Это говорит о том, что студенты: считают свои условия обучения комфортными и чувствуют себя в полной безопасности; имеют влияние на сверстников; довольны уровнем общения в университете; проявляют свою энергичность, выносливость, упорство и умения в учебной сфере; имеют творческие результаты. Однако среди испытуемых есть те, у кого наблюдается пресыщение по этим мотивам, особенно по шкале «Общественная полезность» (70%). Такие студенты не стремятся принести пользу обществу, что яв-

Таблица 2

Взаимосвязь карьерных ориентаций и особенностей мотивации

№ п/п	Карьерные ориентации	Особенности мотивации	
1	«Профессиональная компетентность»	Развивающие мотивы Мотивация достижения	$p \leq 0,01$ $p \leq 0,01$
2	«Менеджмент»	Развивающие мотивы Мотивация достижения Внешняя положительная мотивация	$p \leq 0,05$ $p \leq 0,01$ $p \leq 0,01$
3	«Служение»	Развивающие мотивы Мотивация достижения Внутренняя мотивация	$p \leq 0,05$ $p \leq 0,01$ $p \leq 0,01$
4	«Предпринимательство»	Развивающие мотивы Мотивация достижения Внешняя положительная мотивация	$p \leq 0,05$ $p \leq 0,05$ $p \leq 0,01$
5	«Автономия»	Мотивация достижения	$p \leq 0,01$
6	«Вызов»	Внешняя положительная мотивация	$p \leq 0,01$
7	«Интеграция стилей жизни»	Мотивы поддержания	$p \leq 0,01$
8	«Стабильность места жительства»	Мотивы поддержания	$p \leq 0,01$

ляется барьером на пути профессионального и личностного развития будущих психологов.

У испытуемых заметно превышение уровня мотивов поддержания (76%) над развивающими мотивами (24%). Это свидетельствует о том, что большинство испытуемых — субъекты, стремящиеся к удовольствиям, склонные к лени, эгоистичные, равнодушные к общественным интересам. Это определенная жизненная позиция.

В ходе корреляционного анализа были установлены следующие взаимосвязи (табл. 2).

Студенты, в мотивационном профиле которых преобладают мотивы поддержания, будут искать работу в организации, обеспечивающей определённый срок службы, с хорошей репутацией, надёжной и будут больше ценить жизнь в целом, чем конкретную профессию, карьеру или семью.

Испытуемые, в мотивационном профиле которых преобладают развивающие мотивы, стремятся к профессиональной компетентности, развитию своих способностей; руководству и ответственности; служению человечеству; преодолению препятствий, риску, созданию нового.

Для студентов с внешней положительной мотивацией характерны следующие карьерные ориентации: «Менеджмент», «Предпринимательство» и «Вызов». Следовательно, у них доминируют ценности: конкуренция, победа над другими, решение трудных задач, руководство и ответственность, риск, финансовое богатство.

Для испытуемых с внутренней мотивацией основными ценностями являются: работа с людьми, помощь им, желание сделать мир лучше. Они не будут работать в организации, которая враждебна их целям и ценностям.

Литература

1. Богданов Е.Н., Иванов Г.П., Митюхина Л.Н. Построение модели будущего специалиста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 84–99.
2. Богданов Е.Н., Иванов Г.П., Шишкина Е.А. К вопросу о динамике ценностных ориентаций молодежи в системе высшего образования // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 73–78.
3. Зайцева Т.В., Зуб А.Т. Управление персоналом. М.: Форум; ИНФРА-М, 2008. 335 с.
4. Котовский В.В. Социально-психологические особенности представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 91–97.
5. Краснощеченко И.П., Тарамакин Р.Б. Профессиональная самореализация выпускников факультета психологии и их ретроспективные оценки полученного образования // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 96–107.
6. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.
7. Молл Е.Г. Управленческая карьера в России // Проблема теории и практики управления. 1996. № 6. С. 117–120.
8. Мордовин С.К. Управление человеческими ресурсами: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». М.: ИНФРА-М, 2000.
9. Полещук Ю.А. Динамика профессиональной направленности студентов социэкономических профессий в процессе обучения // Психология в вузе. 2012. № 3. С. 74–77.
10. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000. 297 с.
11. Рябов В.Б. Стратегия трудовой жизни как характеристика самореализации человека в труде // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 113–118.
12. Травин В.В., Дятлов В.А. Менеджмент персонала предприятия. М.: Дело, 2003. 270 с.
13. Управление персоналом организации / под ред. А. Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2003. 295 с.
14. Управление персоналом / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2005. 554 с.
15. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. 223 с.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНО-ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. Калаков, О. В. Старикова, Е. Н. Хрыканов

Аннотация: в статье в рамках Концепции военно-кадровой политики в Вооруженных Силах Российской Федерации на период до 2016 года рассматриваются вопросы развития творчества преподавателя военных образовательных организаций высшего образования в условиях компетентно-прогностической деятельности. Компонентами прогностической компетентности являются: аксиологический, деятельностный, когнитивный, прогностическая грамотность, прогностическая образованность, прогностическая компетентность преподавателя.

Педагогическая прогностическая компетентность представлена в виде структуры с показателями. Выделена совокупность качеств и структура творческой личности преподавателя в сфере прогнозирования. Разработана индивидуальная программа по самосовершенствованию и саморазвитию собственного творческого прогностического потенциала. В программе отражены цели, задачи, содержание поэтапного развития собственного творческого потенциала в педагогической прогностической деятельности. Методологи-

чески обоснованы базовые принципы саморазвития личности: системности, саморазвития, детерминизма, научности и единства теории и практики. Индивидуальная программа саморазвития представляет собой совокупность ряда частей, имеющих определенную форму и содержание, педагогического творчества в сфере планирования и прогностической деятельности. Раскрыты основные условия для эффективной педагогической прогностической деятельности и технологическое обеспечение процесса поэтапного развития творческого прогностического потенциала личности. Психологическая структура педагогического прогностического творчества представлена в виде схемы. По содержанию педагогическое прогностическое творчество представляет собой определенную совокупность совместных опережающих действий преподавателей и обучаемых, направленных на формирование и развитие личности будущего специалиста. Педагогическое прогностическое творчество развивается под воздействием личностных и социальных факторов.

Ключевые слова: компетентность, структура, компоненты, прогностика, деятельность, творчество, педагогическое творчество, программа, саморазвитие, самосовершенствование, творческая личность, культура, мастерство, опыт.

В Министерстве обороны РФ разработана Концепция военно-кадровой политики в Вооруженных Силах Российской Федерации на период до 2016 года. Основная ее цель состоит в создании системы кадрового обеспечения, направленной на прогнозирование и рациональное планиро-

вание подготовки и использования военных кадров, применение современных образовательных технологий и эффективных мотивационных механизмов, позволяющих обеспечить Вооруженные Силы военными кадрами, способными на высоком профессиональном уровне решать задачи по предназначению.

В блоке Концепции «Подготовка военных кадров, совершенствование военного образования» ставится задача повысить уровень профессионализма военных кадров за счет дальнейшего развития системы непрерывного военного образования. С этой целью следует продолжать подготовку офицеров в вузах Министерства обороны с высшим образованием и последующим обучением их в военных академиях (военных университетах) и Академии Генерального штаба.

В своем педагогическом становлении преподаватель идет от накопления педагогических системно-научных знаний и фактов собственной педагогической работы к их глубокому теоретическому осмыслению в целях самостоятельного использования всего арсенала педагогических средств [9, с. 87]. Умение преподавателя предчувствовать, предвидеть и анализировать, оценивать факты приближает педагогический труд к научному исследованию в сфере прогнозирования и планирования. Оценивая достижения науки и образования, преподавателю надо уметь разрабатывать пути дальнейшего развития образовательного процесса. Педагогу в сфере прогностической деятельности должны быть свойственны грамотность, образованность, культура и компетентность [8, с. 96].

Рис. 1. Структура педагогической прогностической компетентности

Компонентами прогностической компетентности являются: *аксиологический компонент* прогностической компетентности преподавателя образовательной организации высшего образования — отражает комплекс ценностей, особенно ценности прогностического труда на современном этапе развития общества; *деятельностный компонент* — раскрывает деятельностный характер, способы и технологии прогностического труда, получения и применения нового теоретико-методологического прогностического знания; *когнитивный компонент* — опирается на развитое опережающее мышление личности преподавателя, его умение производить операции синтеза, анализа, обобщения, дедукции и индукции, его способности к творческой и исследовательской прогностической деятельности. Выделим иерархические уровни прогностиче-

ской компетентности преподавателя, определенные согласно философской теории образования Б. С. Гершунского [2]: *прогностическая грамотность преподавателя* — достаточная теоретическая и практическая подготовка в области естественнонаучных, математических и социально-гуманитарных наук, понимание фундаментальных законов развития личности и общества во взаимосвязи законами природы как основы прогностической деятельности, умение разобраться в принципах прогностической деятельности и прогностическом инструментарии; *прогностическая образованность преподавателя* — максимальный уровень прогностической грамотности, при котором обучающийся овладевает знаниями в области глобалистической науки; *прогностическая компетентность преподавателя* — интегративное качество его личности, позволяющее ему осваивать и эффектив-

но использовать современные подходы, методы и технологии прогнозирования в своей профессиональной деятельности. Педагогическая прогностическая компетентность может быть представлена в виде структуры (рис. 1).

Такая схема позволяет наглядно отобразить компоненты педагогической прогностической компетентности и подвергнуть анализу педагогическую деятельность в сфере прогнозирования для определения путей ее совершенствования.

Педагогическая прогностическая компетентность — это базовая качественная характеристика преподавателя военного института. Ее показателями выступают:

- четкое видение ориентиров прогностического обучения (эталон военного специалиста-прогнозиста, задачи его достижения, профессиограмма, психограмма, акмеограмма, последовательность формирования профессиональных знаний, умений, навыков в сфере прогнозирования и др.);

- проявление образца профессионализма в прогностической деятельности;
- мотивировка и организация эффективной прогностической деятельности курсантов;

- системно-научные знания и применение новых технологий прогностического обучения, максимально адаптируемых к своему опыту и специфике предмета;

- ориентация на связь теории и практики в интересах развития активной профессиональной позиции и опережающего мышления у будущих офицеров;

- обеспечение обратной связи в прогностическом обучении через различные виды контроля и самоконтроля.

В педагогической прогностической деятельности таким показателем является *педагогическая культура преподавателя*. Она выступает средством достижения профессионализма и высокой результативности педагогического прогностического труда и самосовершенствования.

Таким образом, педагогическая прогностическая деятельность как органическая, сознательная и целенаправленная часть образовательного процесса — одна из важнейших функций развития личности и общества.

Ее структуру составляют следующие компоненты:

1. Системно-научные прогностические знания относительно тенденций, закономерностей и механизмов общественного развития, основных требований, предъявляемых к человеку.

2. Многообразные научные знания, умения и навыки, основы опыта, накопленного человеком в области производства, техники, науки, культуры, общественных отношений, которые в обобщенном виде на междисциплинарной основе передаются обучаемым.

3. Собственно педагогические знания, учебный, воспитательный и исследовательский опыт, мастерство.

4. Высокая духовно-нравственная, эстетическая, информационная, правовая, политическая, экономическая и профессиональная культура педагога.

Эффективность педагогической прогностической деятельности, кроме этих компонентов, требует налаживания обратных связей, организованного получения информации о ходе образовательного процесса и его результатах. Педагогическая диагностика и прогноз позволяют педагогу быть осведомлен-

ным относительно того, что и как реально влияет на прогностическое обучение, формирование личностных и профессионально важных качеств курсантов.

Структура творческой личности преподавателя в сфере прогнозирования включает в себя:

1) психические познавательные процессы: педагогический склад опережающего мышления; педагогическую наблюдательность и пронизательность; педагогическое представление, воображение; педагогически выраженное общение на доброжелательной основе;

2) психические состояния: эмоционально-волевые; интуицию и чувство предвидения;

3) психические образования: системно-научные, прогностические знания, умения, навыки и опыт;

4) акмеологические инварианты: активность, инициативу; способность прогнозирования, предвидения и предсказания; пронизательность; включенность в процесс принятия прогностических решений, развитую интуицию и саморегуляцию;

5) социально-психологические характеристики: авторитет, статусно-ролевое положение на кафедре, среди обучаемых, коммуникабельность, конформность и автономность, конфликтостойчивость, толератность.

В совокупности все эти характеристики образуют облик субъекта педагогической прогностической деятельности, определяющий уровень творческого профессионализма в сфере планирования и прогнозирования.

Для прогностической деятельности педагогу нужна *совокупность качеств* (И. А. Алехин, А. В. Петровский, Т. С. Сливин, С. В. Тенилилов и др.) [1]: способность

к эмпатии, сензитивность к интересам и потребностям слушателей (курсантам); умение придать личностную окраску преподаванию; установка на создание позитивных подкреплений для развития положительной Я-концепции у обучаемых; умение управлять собой и обучаемыми; владение разными стилями формального и неформального общения с курсантами; эмоциональная уравновешенность, самообладание, уверенность в себе, жизнерадостность; умение регулировать конфликты ненасильственным путём; уважительное отношение к чужим традициям и верованиям; креативность; способность к рефлексии; умение передавать знания курсантам в наиболее доступной форме и т. п.

Педагогу необходимо знать и уметь реализовать *принципы*, раскрывающие духовно-нравственный и социально-психологический образ человека: доброжелательность, вежливость и тактичность, скромность и искренность, целесообразность, обязательность, высокая нравственность, общая культура и интеллигентность, деловитость, строгое соблюдение правил при проведении публичных служебных мероприятий (совещаний, заседаний, собраний и т. п.).

Потребность в профессиональном самосовершенствовании — неотъемлемая характеристика человека культуры, науки, служителя своего дела, профессионала высшего уровня. Преподаватель должен успевать за быстро текущим временем, соизмерять свою прогностическую деятельность с развитием глобалистической науки. Процесс освоения преподавателем выработанных педагогических ценностей происходит на личностно-творческом уровне. При этом личность должна быть

способна преобразовывать, интерпретировать их, что определяется как личностными особенностями преподавателя, так и характером его научно-педагогической деятельности [1]. Педагогическая культура выступает сферой творческого приложения и реализации педагогических способностей личности. В педагогических ценностях личность опредмечивает свои индивидуальные силы и опосредует процесс освоения нравственных, эстетических, правовых и других отношений.

В педагогической прогностической деятельности преподавателю необходимо направить свои усилия на *самосовершенствование и саморазвитие* в системе непрерывного образования. С этой целью преподавателю надо разработать индивидуальную программу по саморазвитию собственного творческого прогностического потенциала. Она может включать в себя несколько этапов, представленных на рисунке 2 [5]. Основной целью программы является самосовершенствование и саморазвитие собственного творческого прогностического потенциала личности молодого преподавателя. Первая задача — самоактуализация когнитивного компонента прогностического потенциала, а также личностно-профессиональных качеств, связанных с ними. Вторая задача — формирование собственного педагогического навыка построения прогнозов в учебной, методической и научно-исследовательской деятельности. Третья — поэтапное развитие собственного творческого потенциала в педагогической прогностической деятельности.

Изучение и развитие собственного

творческого прогностического потенциала методологически обоснованно, так как существует с опорой на основные методологические принципы психофизиологии, психологии и акмеологии.

Базовым принципом является принцип системности, или системный подход, сформулированный в трудах таких авторов, как Б.Г. Ананьев (1969), Л. С. Выготский (1931), А. А. Дергач (2000), Б. Ф. Ломов (1975) и другие. Творческий прогностический потенциал рассматривается как интегративное личностное образование, система связанных между собой компонентов, что позволяет дать всестороннюю его оценку и самооценку. Последовательная реализация системно-структурного принципа предусматривает необходимость саморазвития не только творческого прогностического потенциала личности, но и взаимосвязанных с ним психологических, психофизиологических и социальных процессов и явлений. Методологические аспекты системности — целостность системы и принцип развития системы, ибо если каждый элемент или подсистема имеет оптимальные и конструктивные или функциональные характеристики, то результирующее поведение системы может оказаться лишь следствием взаимодействий между отдельными частями.

Второй принцип создания индивидуальной программы — это принцип саморазвития, который подразумевает, что такое явление, как творческий прогностический потенциал, может и должно развиваться, совершенствоваться и актуализироваться в педагогической деятельности преподавателя. Источником

Рис. 2. Индивидуальная психологическая программа по самосовершенствованию и саморазвитию прогностического потенциала личности

развития должна стать работа человека над собой, самосовершенствование и саморазвитие. Л. С. Выготский считал, что определяющее значение для развития может иметь то обучение, которое ориентировано не на уже завершённые циклы развития, а на процессы, которые только начинают зарождаться и формироваться. Принцип активности предусматривает, по мнению Л. И. Анцыферовой, роль личности в произвольном выборе траектории своего развития.

Ещё одним принципом создания индивидуальной программы является принцип детерминизма. Он подразумевает наличие связей между различными составляющими творческого прогностического потенциала преподавателя и позволяет исследовать факторы, влияющие и обуславливающие его самосовершенствование и саморазвитие. Различают типы проявления принципа детерминизма в жизни. Системный детерминизм выступает как зависимость отдельных компонентов системы от свойств целого. Целевой детерминизм отражает то, что предваряющая результат цель определяет процесс его достижения.

Психологическая индивидуальная программа саморазвития творческого прогностического потенциала личности опирается на научную теоретико-экспериментальную базу. Все понятия и методы научно обоснованы и отражают объективную реальность, это обстоятельство находит свое проявление в принципах научности и единстве теории и практики. В основу программы заложены принципы систематичности и индивидуализации обучения. Систематичность обучения, по мнению И. П. Под-

ласова, подразумевает не однократное воздействие на личность, а систематизированную программу занятий, в которых одно занятие логически связано с остальными.

Индивидуальная программа саморазвития представляет собой совокупность ряда частей, имеющих определённую форму и содержание. Каждый компонент этой системы решает свои задачи: в ходе самостоятельной поисково-аналитической и исследовательской прогностической работы преподаватель получает необходимую информацию и практически закрепляет полученные дополнительные обобщённые знания и навыки прогнозирования. При реализации принципа систематичности и последовательности все части индивидуальной программы находятся во взаимодействии. Оптимальное слаженное функционирование всего комплекса системы обеспечивает целенаправленное приобретение преподавателем дополнительных обобщённых знаний и совершенствование навыков, развитие у него профессионально важных компетентностей, а также творческое и профессиональное развитие [10, с. 55].

Принцип индивидуализации обучения рассматривался в работах А. В. Хуторского. Этот принцип предполагает отношение к самому себе и человеку как к неповторимой индивидуальности, создание благоприятных условий для развития его личности, самоопределения и самореализации [7]. Как известно, в процессе самообучения взаимодействуют две стороны — преподаватель и информационная среда с учётом влияющих факторов. В условиях реализации индивидуальной програм-

мы взаимодействие между преподавателем и информационной средой способствует тому, что в жизненной практике проявляются и реализуются личностные качества, обуславливающие осознание и понимание преподавателем собственной учебной, методической, исследовательской прогностической деятельности.

Технологическое обеспечение процесса развития творческого прогностического потенциала личности включает в себя следующие этапы: мотивационный, самодиагностический, поисково-аналитический и информационный, самокоррекционно-развивающий, общающий, самоанализ, самооценку и этап психологической разгрузки.

Целью первого этапа — мотивационного — является самоактуализация преподавателя к собственной проблеме, самосовершенствование и саморазвитие общекультурных и профессиональных прогностических компетенций. Данные компетенции включены в требования к результатам освоения должности в сфере профессорско-преподавательской деятельности. У профессорско-преподавательского состава должны быть сформированы такие компетенции, как: прогнозировать развитие различных систем в соответствии со спецификой своей специальности, моделировать различные ситуации, решать нестандартные педагогические задачи или находить новые методы решения традиционных задач.

Основная задача мотивационного этапа — сформировать у молодых преподавателей готовность к самосовершенствованию и саморазвитию, а формы ее формы различны — самостоятельная работа, общение и групповая

дискуссия. Цель общения и дискуссии — указать на необходимость развития у человека описанных выше компетенций не только в рамках преподаваемых предметов, но и в ходе специально организованной работы по самосовершенствованию. Ожидаемый результат после прохождения первого этапа — мотивационная готовность к саморазвитию творческого прогностического потенциала личности.

Второй этап — самодиагностический. В ходе его реализации проходит самодиагностика в рамках индивидуальной программы. Она проводится с помощью известных методик для диагностики когнитивного компонента прогностического потенциала.

Третий этап — поисково-аналитический и информационный, его основная цель — поисково-аналитическая и информационная работа, обеспечивающая устранение дефицита системно-научных знаний и навыков, необходимых для успешного осуществления деятельности по прогнозированию. Результатом успеха на данном этапе является понимание преподавателем сущности, структуры творческого прогностического потенциала и осознание важности его саморазвития.

Четвертый этап — самокоррекционно-развивающий, его цель — саморазвитие основных компонентов творческого прогностического потенциала личности в условиях самостоятельной работы. В современной психологии термин «аутотренинг» используют для обозначения форм самостоятельной психологической работы. Воздействие в ходе аутотренинга направляется на достижение человеком позитивных изменений в себе и своей жиз-

ни. Наиболее существенной характеристикой аутотренинга является его программно-целевая направленность, ориентированность аутотренинга как системы самообучения на воссоздание целостного феномена профессионального мастерства, характерного для конкретного вида профессиональной деятельности.

На самокоррекционно-развивающем этапе в ходе самореализации индивидуальной программы необходимо дополнительно консультироваться с опытными преподавателями и заниматься игрой в шашки, шахматы, дозированными движениями и т. п.

Пятый этап индивидуальной программы — обобщающий. В ходе его проведения происходят повторная самодиагностика, самооценка и самоанализ. Преподаватель сравнивает свою самооценку с самооценками, данными ими ранее, происходит самоанализ достигнутых собственных результатов и намечается направление дальнейшей работы.

Шестой этап — психологическая разгрузка преподавателя в специально оборудованном кабинете.

При разработке собственной индивидуальной программы по саморазвитию творческого прогностического потенциала преподаватель должен: знать о сущности, структуре и способах саморазвития творческого прогностического потенциала личности; применять свои индивидуально-личностные особенности в ситуациях, требующих построения прогноза; уметь строить гипотезы и прогнозы в отношении саморазвития, а также решать задачи, требующие построения прогноза; приобрести навыки рефлексии собственных

индивидуальных психологических особенностей и мотивов поведения; иметь опыт составления жизненного плана.

Основными условиями для эффективной педагогической прогностической деятельности являются:

- оптимальность (необходимость, последовательность и достаточность) затрачиваемых усилий, средств и времени для достижения поставленных прогностических целей;

- рациональность системно-структурных подходов, способов и приемов прогностической деятельности субъекта и объекта в ее органическом единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности;

- планомерность и конкретность как соответствие всех опережающих операций (действий) характеру целенаправленности субъекта менеджмента, обусловленной его целевой программной установкой и системой прогностических управленческих воздействий и взаимодействий;

- перспективность как исключение возможности малозначимого итога проводимой прогностической работы;

- целеустремленность, активность и самостоятельность прогностической деятельности курсантов в учебно-познавательном, исследовательском процессе как основная цель и показатель эффективности образовательной прогностической деятельности преподавателя.

Педагогическая прогностическая деятельность как общественное явление реализуется в образовательном процессе диалектически, в противоречиях. Именно противоречия являются движущей силой её развития, возникновения передового прогностического

опыта, стимулирования педагогической опережающей мысли.

Социально-экономическое, политическое и правовое развитие общества, накопление новых знаний, технический прогресс — все это требует совершенствования организации и содержания педагогических прогностических функций. Между устаревшим содержанием традиционно-го обучения, способами и формами педагогической прогностической деятельности, с одной стороны, и новыми требованиями жизни личности и общества, с другой стороны, и возникает противоречие. Оно разрешается на основе анализа и оценки всех сфер жизни общества, выявления новых условий и требований к человеку, данных глобалистической и психолого-педагогической науки, необходимых для пересмотра содержания и организации образовательного процесса, совершенствования прогностических средств, форм и методов педагогической деятельности в сфере планирования и комплексного прогнозирования. В этих условиях большая роль принадлежит педагогическому творчеству.

К пониманию педагогического творчества в сфере планирования и прогностической деятельности есть различные подходы. Один из них — создание объективно новых средств и технологий прогнозирования, воспитания и развития личности. Приведем некоторые толкования этого понятия.

1. Творчество — это деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью.

2. Творчеством называют и продукт творческой деятельности, то есть создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей.

3. Творчество — это способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, нацеленность на открытие нового и склонность к глубокому осознанию своего опыта.

Вся педагогическая прогностическая деятельность носит творческий характер. Любое занятие, на котором оптимально комбинируются известные методы и методики прогнозирования, в определенной мере является результатом прогностического творчества. Это подтверждается тем, что создание новой прогностической системы из известных элементов — уже проявление прогностического творчества. Само построение и проведение каждого занятия требуют творческого прогностического подхода, ибо любое занятие включает в себя не только те или иные схемы его проведения, но всегда разное состояние группы и наличие индивидуальности каждого обучаемого.

Педагогическая прогностическая деятельность является не индивидуальной, а совместной. Она предполагает формирование и развитие личности обучаемого, его прогностических способностей, опережающего мышления и компетентности, а поскольку каждый обучаемый объективно неповторим как личность, результативная педагогическая прогностическая деятельность будет творческой.

Таким образом, в процессе прогностической деятельности рождается творчество. Если разложить определения на составляющие, то творчество

в прогностической деятельности — это:

- прогностическая деятельность, порождающая нечто качественно новое;
- прогностическая способность удивляться и познавать;
- умение находить оптимальное решения в нестандартных ситуациях;
- нацеленность на открытие нового;
- склонность к глубокому осознанию своего опыта.

Прогностический подход к проблеме творчества с позиций теории познания означает попытку понять умственные механизмы, представления, воображение и процессы, лежащие в основе творческой мысли, понять структуру и сущность научного творчества.

Педагогическое прогностическое творчество преподавателя определяется возрастающим объемом научной информации при сохранении сроков прогностического обучения и требует внедрения в образовательный процесс инновационных технологий в системе профессионального образования.

Педагогическое прогностическое творчество есть высший уровень опережающей деятельности человека, его психологическую структуру можно представить схемой:

- мотивы, потребности и прогностические способности к опережающей деятельности;
- стратегическая и тактическая цель прогностического творчества;
- субъект (или предмет творчества) в прогностической сфере;
- подходы, способы, средства в прогностической деятельности;
- педагогические условия, обстановка, среда и влияющие факторы;

– результат прогностического труда в образовательном процессе.

Педагогическое прогностическое творчество — индивидуально своеобразный процесс теоретической и практической опережающей деятельности преподавателя, направленный на поиск и осуществление оригинальных решений педагогических ситуационно-прогностических задач, способствующих повышению эффективности и качества профессиональной прогностической подготовки курсантов, слушателей образовательной организации высшего образования, осуществляющей образовательные программы в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка [3, 4, 5].

Научное прогностическое творчество в теории предполагает открытие, выявление ранее не познанных законов, закономерностей, механизмов прогностического обучения и воспитания, разработку высокоэффективных теорий и методик в сфере прогнозирования.

Творчество в практической опережающей деятельности может проявляться: в прогностических подходах к решению педагогических ситуационно-прогностических задач на междисциплинарной основе; разработке новых форм, методов, приемов проведения занятий; эффективном применении имеющегося опыта в новых условиях; умении предвидеть множество вариантов решения одной проблемы и т. д.

Творчество в научно-практической прогностической деятельности предусматривает разработку инновационных моделей, программ, планов и апробацию психолого-акмеологического

воздействия и даже психолого-акмеологического сопровождения для слушателей (курсантов) различных учебных заведений с целью развития и коррекции образа будущего Я, способствующего мотивации личности к саморазвитию, исследование образа будущего Я у будущих представителей различных профессий, а также соответствующих гендерных и возрастных различий, разработку программ развития прогностического потенциала личности и т. п. [3, 4, 5].

В плане психологии развития актуально выяснение закономерностей формирования и функционирования образа будущего Я и его компонентов. В педагогике высшей и средней школы необходимо исследовать и создавать оптимальные условия для формирования образа будущего Я в процессе обучения и воспитания, а также способов его совершенствования в различные периоды профессионального и семейного развития личности. Для акмеологии перспективны исследование и реализация методов развития образа будущего Я профессионалов в различных сферах деятельности с целью дальнейшего продвижения к профессиональному, личностному и духовному акме. Все это имеет важное теоретическое и практическое значение для научно-методического обеспечения развития личности в системе образования.

По содержанию педагогическое прогностическое творчество представляет собой определенную совокупность совместных опережающих действий преподавателей и обучаемых, направленных на формирование и развитие личности будущего специалиста.

Со стороны педагога педагогическое прогностическое творчество выражается:

- в создании организационно-педагогических условий и системы педагогического сотрудничества со своими учениками;

- постоянном совершенствовании образовательного процесса на основе научного предвидения, самооценке педагогической прогностической деятельности;

- оптимальном использовании многообразных средств педагогического воздействия на основе взаимопонимания и взаимоуважения;

- исследовательской прогностической работе по развитию наиболее актуальных проблем педагогического процесса в системе непрерывного образования;

- разносторонних увлечениях педагога, используемых в прогностическом обучении и воспитании;

- самосовершенствовании, саморазвитии себя как педагога.

Педагогическое прогностическое творчество имеет особенности:

- 1) с одной стороны, это творение (прогностическое обучение, воспитание, развитие) человека, с другой — это поиск и осуществление новых решений педагогических ситуационно-прогностических задач на междисциплинарной основе;

- 2) творчество педагога — это со-творчество с обучаемым в прогностической деятельности;

- 3) преподаватель совместно с учеником творит на живом человеческом материале;

- 4) оно ограничено во времени;

- 5) отличается повторяемостью, цикличностью;

6) имеет двойственный и относительный характер получаемых результатов;

7) в нем органически сочетаются различные виды прогностического творчества (проектирование, моделирование, планирование на основе прогноза).

Педагогическое прогностическое творчество необходимо отличать от оригинальничания, надуманности, прожектерства (проект — несбыточный проект).

Научное творчество как высший уровень деятельности человека также имеет свои особенности, которые в определенной мере раскрывают его сущность. Особенностью научного творчества в прогностической педагогической деятельности является то, что в нем преобладают в основном потребности: социальные, уважения и самоуважения, самовыражения, самореализации, личностного совершенствования. Кроме того, эти уровневые потребности имеют следующие особенности:

- специфическая жизненная потребность заниматься научным творчеством в сфере планирования и прогнозирования (например, для преподавателя это совершенствование процесса обучения и воспитания);

- особая социальная потребность в творчестве (для преподавателя это творение человека, подготовка кадров для страны);

- потребности научного творчества, проявляющиеся в особенностях психики личности, ее направленности, складе характера, ведь для многих людей важен не результат, а сам процесс творчества.

Научное творчество требует развитого мышления (опережающего мышления). Наряду с логическим и диалектическим мышлением в процессе творчества всегда участвует интуиция — подсознательная психическая деятельность, преобладающая на первом этапе творчества. Интуитивное мышление связывается с такими формами психической деятельности, для которых существенное значение имеет известная непроизводительность: воображение, творческая фантазия, догадка, предвидение. Такое системно-прогностическое мышление носит непосредственный, наглядный характер и обходится без определенных отчетливых понятий.

В научном творчестве учитывают и присущий исследователю стиль опережающего мышления при решении теоретических и ситуационно-прогностических задач. Это один из наиболее обобщенных показателей поведения человека, определяющий не что человек делает, а как он это делает.

Р. М. Грановская, Ю. С. Крижанская разработали несколько классификаций стилей мышления. Наиболее обобщенная из них — деление на теоретиков и эмпириков. Эмпириков отличают большая наблюдательность, любознательность, виртуозное использование сравнительного анализа. Сильная сторона теоретиков — аналитичность, рациональность опережающего мышления, меньшая эмоциональность. Они менее наблюдательны, чем эмпирики, но не столь доверчивы, устремляются в прорыв, обозначенный усилиями первых, и делают результат доказательным и убедительным для других.

Эти индивидуальные различия организации мышления в творческом процессе помогают направить внимание руководителей на соблюдение взаимодействия и распределения ролей при совместном решении задач творческими личностями.

В. С. Саблин, В. Г. Орышич, И. Н. Караваев считают, что решение научной проблемы распадается на ее осознание, анализ, кристаллизацию и выдвижение идей, их проверку и выбор. Все эти схемы решения научной прогностической проблемы имеют одинаковую психологическую структуру. Ее можно представить в виде условных шести этапов:

1) постановка цели;

2) накопление знаний, умений, навыков, необходимых для четкого уяснения цели и формулирования задач, направленных на ее достижение;

3) сосредоточение интеллектуальных и эмоционально-волевых усилий на поиск дополнительной информации для решения поставленной задачи. Если она не поддается решению, наступает следующий этап;

4) блокировка не решаемой на данном этапе проблемы и переключение на решение других задач (период инкубации);

5) озарение, или инсайт, который не всегда представляет гениальную идею, иногда являясь лишь догадкой, имеющей потенциал для перерастания в эвристическую идею. Внешне озарение выглядит как логический прорыв, скачок в творческом мышлении, знаменующий выход на другой качественный уровень;

6) экспериментальное подтверждение или опровержение.

Сущность творческой личности раскроем через показ ее психологических особенностей и творческих прогностических способностей.

К психологическим особенностям в условиях прогностической деятельности можно отнести [6]:

– перцептивные особенности (напряженность внимания, огромная впечатлительность, восприимчивость, зоркость в поисках проблем в опережающей деятельности, способности к переносу опыта в процессе прогностической деятельности, свертыванию мысленных операций и предвидению);

– интеллектуальные особенности (интуиция, фантазия, выдумка, дар предвидения, обширность знаний, независимость мнений и оценок, раскованность мышления);

– характерологические особенности (уклонение от шаблона, оригинальность, инициативность, упорство, высокая самоорганизованность, работоспособность, готовность к риску).

Преподаватели с более опережающим мышлением имеют больше шансов натолкнуться на верную идею при решении ситуационно-прогностической задачи.

Стремление заглянуть в будущее и мысленно вообразить его обусловлено природой мыслительного процесса, оно издревле присуще человеку, ведь с давних пор предсказание будущего выделилось в профессию прорицателя.

Человек моделирует в мозгу цепь событий, объединенных причинной связью. При этом он использует прошлый ответ, ибо закономерности могут быть обнаружены лишь в повторяющихся явлениях. Таким путем предугадывается

заключительное звено моделируемой цепи событий.

Индивидуально-психологические особенности человека, определяемые как творческие способности, не могут быть врожденными. Врожденными могут быть лишь анатомо-физиологические задатки, лежащие в основе способностей, последние же — результат развития. Они создаются в действительности в определенных условиях.

Некоторыми психологическими **условиями** развития научного творчества педагога в образовательном процессе выступают:

1) мотивация творчества, которая бывает внутренней и внешней. В современной психологии различают понятия интеллекта и способности к творчеству. Последняя, кроме интеллекта, включает в себя мотивационную направленность, стремление к успеху, достижению конкретной цели, ориентацию на приобретение новых знаний;

2) направляющее воздействие на руководителя, актуализацию творческих возможностей соискателя или исполнителя какой-то работы;

3) увеличение объема теоретических знаний, накопление интересной информации с развитием творческого мышления;

4) стремление научиться схематизировать поставленную задачу для стимуляции творческого подхода важно, как утверждал известный психолог М. Гарднер [4];

5) использование метода «синтетика», который предполагает расположенность к импровизации и направлен на активизацию базовых операций подсознания.

Наряду с научным творчеством преподаватель в своей деятельности занимается педагогическим творчеством.

Педагогическое прогностическое творчество развивается под воздействием личностных и социальных (экономических, политических, правовых, педагогических, психологических, научных) факторов.

К личностным факторам относятся:

- содержание и уровень мотивации в сфере прогнозирования;
- стремление преподавателя к поиску новых, эффективных форм и методов педагогической прогностической деятельности;
- интеллектуальные и прогностические способности, уровень опережающего мышления;
- профессиональные знания, умения, навыки в прогнозировании;
- личностные качества преподавателя: увлеченность педагогической профессией, самостоятельность, инициативность, работоспособность, целеустремленность, коммуникабельность.

К социальным факторам можно отнести:

- недопущение перегрузок в педагогической прогностической деятельности;
- предоставление преподавателям времени на самостоятельную работу;
- содержание и характер требований, предъявляемых в военном институте к личности и прогностической деятельности преподавателя;
- уровень и качество организации педагогического прогностического труда;
- отношение курсантов к учебе, к творческой прогностической деятельности преподавателя;

- морально-психологический климат в педагогических коллективах;
- грамотно организованная научная и методическая работа в военном институте и на кафедрах, создание условий для развития научных школ;
- материально-техническая обеспеченность педагогического процесса.

В становлении и развитии педагогического прогностического творчества встречается ряд противоречий внутреннего и внешнего плана.

К внутренним противоречиям в развитии педагогического прогностического творчества относятся следующие:

- между стремлением педагога к творческой прогностической деятельности и наличием у него соответствующих системно-научных знаний, умений, навыков, личностных прогностических качеств;

- между высокими творческими способностями преподавателя и отсутствием мотивации творческого решения педагогических системных задач на междисциплинарной основе;

- между творческими устремлениями педагога и недостаточной активностью, инертностью курсантов;

- между сложившимся традиционным подходом к осуществлению учебно-воспитательной деятельности и его недостаточной эффективностью или несоответствием изменившимся условиям педагогического прогностического труда.

Внешние противоречия:

- между современными требованиями к творческой стороне педагогической прогностической деятельности и подготовленностью к ней преподавательского состава;

- между расширением прав преподавателей и чрезмерной, а иногда и ненужной регламентацией педагогической деятельности;

- между значимостью педагогического прогностического труда и его неадекватной оценкой, стимулированием со стороны руководства военного института;

- между накопленным отдельными преподавателями опытом педагогического прогностического творчества и его недостаточным использованием, внедрением в образовательный процесс в силу различных причин.

Анализируя изложенное, можно сказать, что развитию педагогического прогностического творчества способствуют:

- 1) формирование прогностического потенциала и устойчивой мотивации творчества в прогнозировании у преподавателей;

- 2) совершенствование профессиональной подготовки преподавателей к творческому труду в сфере планирования и комплексного прогнозирования;

- 3) создание в военной образовательной организации и на кафедрах оптимальных условий для педагогического прогностического творчества;

- 4) системное самообразование и саморазвития преподавателя;

- 5) участие преподавателей и обучаемых в научно-исследовательской работе в сфере стратегического планирования и комплексного прогнозирования.

Реализация условий роста прогностического творчества преподавателя, которые в той или иной мере существуют в конкретных военных академиях, университетах и военных институтах,

тах, зависит не столько от администрации, научной и учебной части, сколько от того, как активно сам преподаватель — мастер, профессионал в сфере планирования и прогнозирования использует имеющиеся условия.

Таким образом, вычлняются основные объекты научного анализа учебной, методической и научно-исследовательской прогностической деятельности преподавателя, которые реально охватывают всю объемную совокупность требований к специалисту и как к члену общества, и как к ученому, и как к профессионалу, обучающему курсантов, и как к творцу нового в своем деле.

Литература

1. *Алехин И.А., Сливин Т.С., Тенитилов С.В.* Теоретические основы педагогики высшей военной школы в логических схемах и таблицах. М.: Военный университет, 2003.
2. *Гершунский Б.С.* Образовательно-педагогическая прогностика: теория, методология, практика. М.: Флинта, 2003. 765 с.
3. *Калаков Н.И.* Глобалистическая прогностика как междисциплинарная наука: методологические основы : монография. Ульяновск: Вектор-С, 2008. — 100 с.
4. *Калаков Н.И.* Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов). М. : Академический Проект, 2010. 747 с.
5. *Калаков Н.И., Жаркова Г.А., Скотникова А.В.* Развитие прогностического образования в России в условиях обеспечения безопасности страны : монография / под науч. ред. Н.И. Калакова. М.: Рос. гос. ун-т физической культуры, спорта и туризма, 2014. 160 с.
6. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
7. *Хутарский А.В.* Практикум по дидактике и современным методикам обучения. СПб.: Питер, 2004. 544 с.
8. *Краснощеченко И.П., Тарамакин Р.Б.* Профессиональная самореализация выпускников факультета психологии и их ретроспективные оценки полученного образования (по материалам интернет-опроса, проведенного в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3.
9. *Семянищева П.А., Кузнецова А.С.* Саморегуляция функционального состояния у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью работой в условиях длительного военного реформирования // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4.
10. *Старикова О.В.* О совершенствовании процесса профессиональной адаптации сотрудников пенитенциарной системы // Высшее образование сегодня. 2007. № 5.
11. *Старикова О.В., Хрушкова К.А.* Психологические особенности «Я-концепции» осужденных за преступления против близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИЗМЕНЕНИЙ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗА «Я» В РОЛЕВЫХ ИГРАХ С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ МОЛОДЕЖИ

О. И. Олькина, Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье описываются результаты исследования характера изменений когнитивного компонента образа «Я» в ситуационно-ролевых играх, а также взаимосвязь данных изменений с личностными характеристиками молодежи. Зафиксировано наличие значимых различий образа «Я» по параметрам оценки и силы до и после проведения ролевой игры.

Ролевая игра рассматривается в качестве занятия с неформальной группой. В данном исследовании приняли участие две группы респондентов: подростки — участники детской программы «Книга Героев»; юноши и девушки — студенты психологического факультета МосГУ, принимавшие участие в ситуационно-ролевых играх «Яхта» и «Пересадочная станция».

Проанализированы изменения в когнитивном компоненте образа «Я», проведена их интерпретация. Зафиксировано наличие отрицательных изменений по фактору «оценки»: в целом у игроков снижаются уровень самоуважения и склонность оценивать себя как носителя социально желательных характеристик. Кроме того, отмечены изменения образа «Я» по параметру оценки. Игроки после игры оценивают себя как «неискренних», «черствых», «несправедливых». При этом изменения по параметру силы происходят в сторону повышения, отмечается сдвиг в таких характеристиках, как «решительный», «сильный», «независи-

мый», «самостоятельный», а также «напряженный».

Следовательно, изменения образа «Я» в ситуационно-ролевой игре нельзя охарактеризовать как исключительно положительные. Можно предположить, что у людей, склонных к самобичеванию, чувствительных к реакциям окружающих, боязливых сила будет повышаться в том случае, когда роль для них ресурсна и они чувствуют совпадение своего образа «Я» с характеристиками своего персонажа. Это повысит их уверенность в собственных силах и возможность влиять на исход событий. Данным изменениям когнитивного компонента образа «Я» сопутствуют такие личностные черты, как «чувствительность» и «тревожность» игроков. Остается открытым вопрос безопасности ролевого движения, поэтому предметом дальнейших психологических исследований феномена ролевой игры должна стать проблема обеспечения безопасности и сохранности личности, принимающей участие в ролевых играх.

Ключевые слова: молодежь, субкультуры, неформальные объединения, ролевое движение, толкиенизм, эскапизм, ролевые игры, ситуационно-ролевая игра, образ «Я», личностные характеристики.

Правонарушения различного характера среди подростков и молодежи всегда вызывают наиболее острую реакцию СМИ и порождают многочислен-

ные дискуссии в научном сообществе. По официальным данным Генеральной прокуратуры РФ за 2013 г., число преступлений среди несовершеннолетних увеличилось на 4,6 % (с 64 270 до 67 225) [1]. В целом масштабы организованной преступности в России таковы, что они фактически составляют параллельную реальность мира современной молодежи, а процесс криминализации субкультур носит общесоциальный характер [8].

Асоциальный тип объединений характеризуется размытостью моральных норм, криминальными ценностями и установками. В таких объединениях могут оказаться панки, гопники, наркоманы, представители профашистских сообществ и т. п. [9] В то же время, учитывая разнородность характера и содержания деятельности, а также степень и структуру сформированности, следует понимать, что молодежные субкультуры могут поддерживать просоциальные (например, хиппи) либо противоречивые установки. В частности, наиболее дискуссионным в настоящее время стал вопрос о так называемом ролевом движении. Число его участников достаточно велико: в официальной группе сообщества ролевых игр одной из самых популярных российских социальных сетей «ВКонтакте» на данный момент зарегистрировано более 20 тыс. человек [17], при этом эксцентричность ряда его участников и необычность их деятельности позволяют СМИ использовать различные события в ролевом движении (в частности, масштабные полигонные игры) в качестве повода для медиа-паники. Так, Т. Хмельник пишет о том, что Городской центр профилактики безнадзорности и нар-

козависимости несовершеннолетних Комитета по молодежной политике администрации Санкт-Петербурга относит движение ролевых игр к «опасным и криминальным формированиям, в котором состоят около 7,5 тысячи человек» [15]. Таким образом, в обществе формируется представление о том, что участие в ролевых играх способствует социальной дезадаптации и порождает у молодежи склонность к девиантному поведению.

Тем не менее ученые склонны считать, что участники ролевого движения не представляют криминальной угрозы. Российский социолог С. А. Сергеев говорит о том, что ролевое движение «во многом стало продолжением российской романтико-эскапистской традиции, ухода из «основного» социума в альтернативные социальные группы ввиду невозможности реализовать себя «в большой жизни» и рассогласования системы ценностей человека с ценностями, пропагандирующимися в современном мире» [14]. В. А. Луков утверждает, что мифологизация в рамках этого объединения выстроена по конфигурации романтизированного и более яркого мира, чем тот, который окружает молодых россиян, и отражает стремление молодежи к обновлению, приключениям, испытанию себя в необычных условиях, поиску смысла жизни и т. д. [7]. Американский исследователь С. Л. Боуман утверждает, что западные СМИ в корне неверно интерпретируют ролевое движение. Результаты ее пилотажного исследования свидетельствуют о многочисленных преимуществах ролевой игропрактики для развития социальных навыков и личностной идентичности [16]. В ее книге пробле-

ма потенциальной опасности данной субкультуры для общества приобретает индивидуальный характер: ставит вопрос о пользе участия в ролевой игре для личности самого игрока, перетекая, таким образом, в поле психологии.

Психологи говорят о том, что ролевая игра не оказывает негативного воздействия на адаптированность и поведение взрослого человека в социуме. Отмечается, что в процессе игры появляется ощущение активности, энергии, чувство сопричастности общему и полезности окружающим, ответственность, желание познавать новое [10]. Игра позволяет человеку решать различные психологические, социальные и практические проблемы. [3] В то же время исследователи подчеркивают, что ролевые игры предполагают «отключение» от всего, что не является игровым материалом, а игры глубокого вживания подчеркивают необходимость изучения реальности эскапизма вследствие его привлекательности для молодежи [6].

По словам самих игроков, одной из главных привлекательных черт для них является «возможность на некоторое время почувствовать себя кем-то еще, не обязательно могущественным героем, ведь проникновение в тайны любого персонажа в приключенческом сюжете может доставить немало приятных моментов» [18]. Иными словами, с помощью погружения в игру в определенной роли молодые люди получают возможность осознанно изменить собственный образ «Я». Именно поэтому в качестве **объекта** данного исследования выбраны подростки и юноши 12–20 лет, участники ролевых игр (всего 40 чел.), которые проводились

в летнем лагере «Книга героев», а также на базе факультета психологии и социальной работы Московского гуманитарного университета. **Предметом исследования** стали особенности изменения образа когнитивного компонента «Я» в ситуационно-ролевых играх. Все они принимали участие в ситуационно-ролевых играх «Яхта» и «Пересадочная станция».

Процедура исследования предполагала проведение ролевой игры с последующим выявлением различий характеристик образа «Я» у подростков и юношей в жизни и ролевой игре, а также проведение диагностики по определению личностных свойств. Для реализации исследования использованы методики: личностный дифференциал (ЛД), взрослый и юношеский варианты опросника Кеттелла (14 и 16 PF).

Следует отметить, что ролевая игра может рассматриваться в качестве занятия с неформальной группой либо как элемент образовательного процесса [4]. Тем не менее идея всех ролевых игр заключается в том, что данный вид деятельности представляет собой моделирование системы определенной эпохи в соответствии с замыслом автора игры. Игроки действуют в моделируемом пространстве как участники событий реконструируемого периода (исторического или вымышленного). Так, Л.С. Ручко рассматривает феномен эскапизма в русле теории когнитивного диссонанса и говорит о том, что в качестве ключевого психологического механизма, обеспечивающего привлекательность участия в ролевой игре, выступает изменение когниции социальной ситуации на более привлекательную когницию ситуационно-ролевой

Рис. 1. Структура игры

игры. Это снижает исходный конфликт между представлением личности о себе и восприятием окружающего мира как трудной жизненной ситуации [11].

Ситуационно-ролевая игра — специально организованное соревнование для решения коммуникативных задач и имитации предметно-практических действий участников, исполняющих строго заданные роли в условиях вымышленной ситуации, регламентированное правилами игры [6]

Анализ структуры ситуационно-ролевой игры, предложенный Е. А. Салиной [13], очерчивает пирамидальную модель, состоящую из четырех основных компонентов (рис. 1).

1. Контекст — система значений и смыслов, которые придаются объектам и явлениям и с которыми взаимодействует субъект. Характеризуется героизмом и романтикой, соревновательностью в решении игровых задач. С одной стороны, каждому участнику дается шанс почувствовать себя героем. Для

игрока он сам — главное лицо взаимодействия, привлекающее внимание, совершающее поступки. Ярко проявляется таинственность и романтичность обстановки. Это повышает привлекательность участия в игре. С другой стороны, принцип соревновательности подразумевает, что в основе игры лежат противоречия, заложенные в ролевых предписаниях, и их разрешение возможно только в интересах одной стороны — в ущерб другой, поэтому участник игры переживает радость успеха или горечь поражения. Конкуренция нелинейна, действия одного игрока всегда оказывают влияние на других.

2. Правила обеспечивают усвоение коммуникативных норм и способы взаимодействия игроков и их воздействия друг на друга. При моделировании игры закладывается дефицитность средств, которая переживается игроком, описание игрового образа также включает жесткие рамки применения инструментов воздействия на других игроков.

3. **Роль** — характеризуется статусной и функциональной стороной. Структура роли включает в себя формулировку игровой задачи, образа, регламентирующего отношения к другим ролям и предметам взаимодействия, информацию, правила осуществления манипуляций с игровыми средствами.

4. **Воображаемая ситуация** — ограниченная во времени и месте совокупность отношений субъекта с элементами окружающей среды. Характеризуется разделенностью пространства и времени на моделируемое и реальное. Но, несмотря на существенность имитационности, следует подчеркнуть реальность переживаний и размышлений участников игр [5].

Процедура исследования включает в себя письменное анкетирование участников с применением личностного дифференциала (адаптированного сотрудниками психоневрологического института имени В. М. Бехтерева) и опросника Кеттелла до и после участия в игре.

Личностный дифференциал является компактным и валидным инструментом для изучения самосознания личности, в данном исследовании он был применен для фиксации изменений в когнитивной компоненте образа «Я» у игроков до и после игры, а также исследования их характера. Личностный

дифференциал сформирован путем репрезентативной выборки слов современного русского языка, описывающих черты личности, с последующим изучением внутренней факторной структуры, существующей в культуре и развивающейся у каждого человека в результате усвоения социального и языкового опыта. Из толкового словаря русского языка С. И. Ожегова были взяты 120 слов, обозначающих черты личности. Из этого исходного набора отобрана 21 черта, характеризующая полюса трех классических факторов семантического дифференциала: *оценка* (самоуважение, склонность оценивать себя как носителя социально желательных характеристик), *сила* (осознание волевых сторон своей личности), *активность* (экстравертированность) [12]. Соответственно сначала было проведено сравнение когнитивного компонента образа «Я» по факторам оценки, силы, активности до и после игры.

До игры в данной выборке наблюдались средний уровень оценки (12,6), заниженные показатели силы и активности (<7). После игры можно проследить значимые изменения по факторам оценки и силы. Значения по фактору оценки значимо снижаются (табл. 1).

Анализ отдельных черт личностного дифференциала показывает, что основная разница в образе «Я» до и после

Таблица 1
Изменения в когнитивной компоненте образа «Я» по параметрам оценки, силы до и после игры

Тест Вилкоксона для связанных выборок, уровень значимости $p < ,05$	Valid - N	T	Z	p-level
Оценка до и после игры	39	165,000	2,456871	0,014016
Сила до и после игры	39	157,000	2,587905	0,009657

Таблица 2

Анализ на значимость различий по отдельным характеристикам личности

Тест Вилкоксона для связанных выборок, уровень значимости $p < 0,05000$	Valid - N	T	Z	p-level
«Отзывчивый» до и после игры	39	30,5000	1,939079	0,052493
«Справедливый» до и после игры	39	23,5000	1,820518	0,068681
«Честный» до и после игры	39	16,0000	2,863955	0,004184

игры возникает в чертах «честный — неискренний», по итогам игры ни один участник не охарактеризовал себя как более «честного». Кроме того, на уровне тенденции ($p = 0,05-0,06$) присутствуют значимые различия в чертах «отзывчивый — черствый»; «справедливый — несправедливый» (табл. 2). Большинство участников отмечает, что по итогам игры они воспринимают себя менее «искренними», более «черствыми», «несправедливыми». Таким образом, после окончания игры когнитивный ком-

понент образа «Я» участников значительно изменяется, причем по фактору оценки в целом сдвиг происходит в сторону «социально нежелательных черт», проявление которых обычно носит отрицательную оценку со стороны социума и противоречит традиционным представлениям об этике и морали.

Исследование фактора силы показывает, что у большинства участников после игры наблюдается его глобальное значимое повышение по всем чертам (рис. 2). Сдвиг происходит в сто-

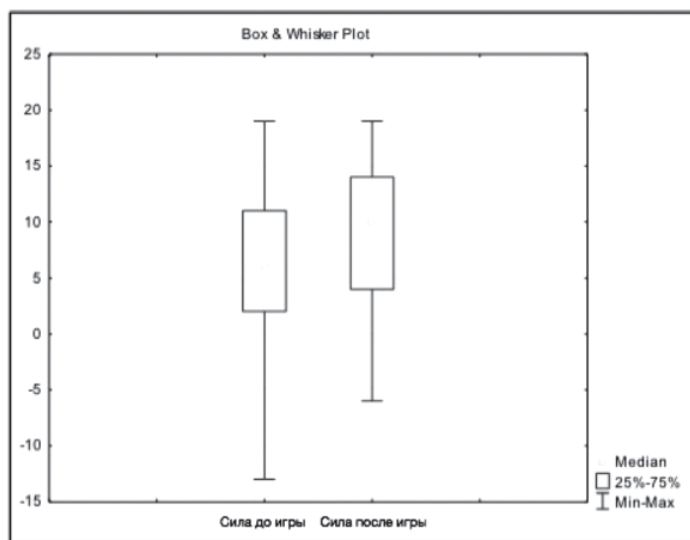

Рис. 2. Изменение показателя силы в процессе игры

Таблица 3

**Анализ на значимость различий двух групп по параметру оценка
(критерий Манна — Уитни)**

Mann-Whitney U Test. By variable Ocenka (Delta) Marked tests are significant at $p < .05000$										
	Rank Sum - Group 1	Rank Sum - Group 2	U	Z	p-level	Z-adjusted	p-level	Valid N - Group 1	Valid N - Group 2	2*1sided - exact p
1	336,500	293,500	83,5000	-2,0313	0,0422	-2,0702	0,0384	22	13	0,0410

рону положительного полюса к таким чертам, как «решительный», «сильный», «независимый», «самостоятельный», «напряженный». Таким образом, по итогам игры участники ощущают большую уверенность в себе, возрастает их осознание себя в качестве личности, способной влиять на исход событий. Если использовать термины социально-когнитивной теории А. Бандуры, то можно сказать, что повышается их самооэффективность, то есть вера в эффективность собственных действий и ожидания успеха от их реализации.

Мы предположили, что участники игры, у которых было зафиксировано разное смещение по параметрам оценки и силы, вероятнее всего, также различаются по выраженности устойчивых личностных характеристик и могут быть детерминированы различными компонентами ситуационно-ролевой игры. Для измерения личностных характеристик был использован опросник Кеттелла. Выборку испытуемых разбили на две группы согласно характеру изменений по факторам оценки и силы в когнитивном компоненте образа «Я». В результате в первой группе оказались испытуемые, у которых значения по фактору оценки повышались (то есть разница фактора оказалась положительной), во второй — снижались (разница фактора оказалась отрицательной). Эк-

вивалентная процедура была проведена для фактора силы.

Было выяснено, что испытуемые, которые различаются по характеру изменения фактора оценки, также различны по степени выраженности таких черт, как «жесткость — чувствительность» (в тесте Кеттелла соответствует фактору I). Анализ на значимость различий двух групп испытуемых по параметру оценки (группа 1 — 22 чел. — оценка понизилась, группа 2 — 13 чел. — после игры оценка повысилась).

Настроенные романтически, любящие новые эмоции и эстетические впечатления, эмоционально утонченные люди, которым свойственны чувствительность и склонность к сопереживанию, по итогам игры отмечают снижение когнитивной компоненты образа «Я» по фактору оценки. Вероятно, это может объясняться тем, что любовь к эстетике обуславливает большую вовлеченность игроков с такими личностными чертами в ролевую игру. Поскольку игровой контекст, как правило, характеризуется романтизмом и торжественностью обстановки, особой атмосферой реконструируемой эпохи, таинственностью, субъективная значимость участия в ролевой игре для людей, восприимчивых к красоте и романтике, предположительно, будет значительно выше, а происходящие в игре

Таблица 4

**Анализ на значимость различий двух групп по параметру сила
(критерий Манна – Уитни)**

Mann – Whitney U Test. By variable Raznica sila Marked tests are significant at p < 0,05										
	Rank Sum - Group 1	Rank Sum - Group 2	U	Z	p-level	Z - adjusted	p-level	Valid N - Group 1	Valid N - Group 2	2*1sided -exact p
0	174,0	456,0	83,0	-2,048	0,041	-2,07	0,038	13	22	0,041

события надолго останутся в памяти. Одновременно с этим необходимо учитывать, что вторым аспектом контекста любой ролевой игры является соревновательность в решении игровых задач, которая предполагает неминуемое поражение ряда игроков при достижении собственного выигрыша. Высокая степень вовлеченности данной категории участников в ролевую игру будет закономерно обуславливать стремление к победе, которая чаще всего невозможна без одновременного поражения ряда других участников. Кроме того, правила большинства ролевых игр достаточно условны и регламентируют лишь общие виды взаимодействия игроков и их воздействие друг на друга, оставляя, таким образом, выбор стратегии и тактики игры за самим игроком.

Приемы воздействия, которые в повседневной жизни считаются асоциальными и осуждаются (например, игрокам не воспрещается дезинформировать других игроков, заключать альянсы против других игровых групп, использовать приемы шантажа, подкупа и прочее в рамках частных игровых ситуаций, применять игровое оружие и иные средства воздействия, невозможные в реальной жизни), в ролевой игре разрешены. В итоге игроки, склонные к эмпатии и сопереживанию и одновременно с этим вовлеченные в

процесс игры, мотивированные на победу, вынуждены действовать в ущерб интересам других игроков и применять социально осуждаемые приемы для достижения своих целей. Возможно, поэтому по итогам игры они оценивают самих себя как менее «искренних», более «черствых» и «несправедливых», общее значение по фактору оценки снижается в сторону меньшего самоуважения и самопринятия.

Результаты анализа также свидетельствуют о том, что группы игроков, различающиеся по характеру изменений в когнитивной компоненте образа «Я» по фактору силы, одновременно имеют различие в степени выраженности личностной черты «спокойствие — тревожность» (соответствует фактору O теста Кеттелла). В таблице 4 приведен анализ на значимость различий двух групп испытуемых по параметру силы (группа 1 — 13 чел. — после игры сила понизилась, группа 2 — 22 чел. — сила повысилась).

У людей, для которых в повседневной жизни характерны беспокойство, озабоченность, ранимость, подверженность настроению, страх, неуверенность, склонность к предчувствиям, самобичеванию, недовольство собой, значения по фактору силы после игры увеличиваются. Они чувствуют себя более уверенно, повышается их

уровень представлений о себе как о человеке, способном быстро и правильно действовать в трудных ситуациях. Вероятно, это может быть обусловлено тем, что игровые средства, являясь обязательным компонентом ролевой игры, обладают специфическим свойством — ресурсностью. Оно предполагает наличие у игроков таких возможностей для игрового взаимодействия с другими игроками и воздействия на них, которые невозможны в реальной жизни (например, магические способности или доступ к ценной информации). Присутствие у игрока, который в жизни не осознает наличия у себя ресурсов для достижения целей, уникальных возможностей, необходимых другим игрокам для достижения целей, закономерно повлечет за собой интенсификацию общения, интерес к нему со стороны других участников игр, увеличение количества коммуникативных ситуаций, в которых неуверенным в себе участникам предоставляется шанс проявить себя, ощутить свою значимость и возможность влиять на исход событий. Видимо, поэтому такие игроки отмечают положительный сдвиг когнитивного компонента образа «Я» по фактору силы по итогам игры.

В данном исследовании были проанализированы изменения в когнитивном компоненте образа «Я», которые отмечают участники ролевых игр после ее окончания, сделана попытка их интерпретации с учетом специфических компонентов такого вида деятельности, как ситуационно-ролевая игра. Зафиксировано наличие отрицательных изменений по фактору оценки: в целом у игроков снижается уровень самоуважения и склонность оценивать себя как носи-

теля социально желательных характеристик. В то же время образ «Я» в качестве личности, способной влиять на исход событий, в сознании игроков укрепляется. Обнаружено, что данным изменениям когнитивного компонента образа «Я» сопутствуют такие личностные черты, как «чувствительность» и «тревожность» игроков.

По итогам исследования невозможно сделать прогноз того, будут ли данные изменения образа «Я» оказывать влияние на дальнейшее поведение каждого отдельного игрока в реальной жизни и ролевого сообщества как субкультурного объединения в целом. И, безусловно, необходимо исследование данной проблемы на уровне субкультуры (социология и социальная педагогика), поскольку мало изучены ценности современного ролевого движения, предлагаемая сегодняшней молодежи идеология, опасность и социальный контекст ролевого эскапизма [6]. И все же для психологии более интересным представляется индивидуальное измерение данного феномена. Возникает необходимость исследования воздействия различных компонентов ролевой игры на представления ее участников о себе (с помощью эксперимента) с учетом специфики различных видов ролевых игр (малых, больших, игр на местности, игр глубокого вживания, компьютерных, настольных, деловых и т. д.). Следует отметить, что ролевые игры для данного исследования были проведены в специально организованных условиях профессиональными психологами, при этом изменения образа «Я» были весьма разнообразны и не могут считаться однозначно положительными. Однако на на-

стоящий момент в ролевой игропрактике процесс ведения игр нередко осуществляется стихийно, без учета особенностей игроков и соблюдения базовых требований экологичности психологического и психотерапевтического процесса. Б. М. Бим-Бад в одном из интервью заявляет о необходимости профилактики эскапизма как бегства от жизни, поскольку «ценимый и принятый ребенок редко-редко предпочитает видимость действительности» [2], словно отвечая на вопрос о мотивах, которые приводят личность в ролевое движение. Как и другие исследователи ролевой игры, он также упоминает об «эскапистской» тенденции ухода от реальности и погружения в виртуальную среду, столь привлекательную для молодежи. Оставляя открытым вопрос о том, насколько безопасно функционирование ролевого движения для общества в целом, мы, в свою очередь, считаем необходимым заявить о том, что приоритетом дальнейших психологических исследований феномена ролевой игры должна стать проблема обеспечения безопасности и сохранности личности, принимающей участие в ролевых играх [19, 20, 21].

Литература

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 г. // Аналитический отчет Генеральной прокуратуры РФ. М.: Главное организационно-аналитическое управление правовой статистики, 2013. С. 29.

2. Бим-Бад Б.М. Образование по-прежнему остается искусством // Дети в информационном обществе. 2012. № 12: Осторожно: секстинг. С. 23.

3. Давыдова М.В. Социально-психологические аспекты феномена ролевых игр на местности // Психология сегодня: материалы Всероссийской заочной науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 2001 г.). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2001. С. 32–36.

4. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Логопсихология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 320 с.

5. Куприянов Б.В., Миновская О.В. Ситуационно-ролевая игра как средство развития у подростков субъектности во взаимодействии: монография / под ред. И. И. Фришман. Кострома: Костром. ун-т имени Н. А. Некрасова, 2002. 62 с.

6. Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. Кострома: Костром. ун-т имени Н. А. Некрасова, 2003. 49 с.

7. Луков В.А. Молодежные субкультуры в современной России // Знание. Понимание. Умение. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/4/ (дата обращения: 19.10.2014).

8. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социолог. исследования. 2002. № 10. С. 79–87.

9. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь: Приз, 1994. 81 с.

10. Писаревская Д.Б. Ролевые игры: пример «социализации» субкультуры // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 8–18.

11. Ручко Л.С. Эскапизм в ситуационно-ролевой игре. Социальные технологии в сфере культуры и досуга. // Опыт. Проблемы. Инновации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тамбов, 2001 г.). Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 112–115.

12. Савченко Т.Н., Картавцева М.Н., Головина Г.М. Качество жизни и образ «Я» экзистенциального психотерапевта // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 131–143.

13. Салина Е.А. Игра как метод экологического воспитания подростков в многопрофильном учреждении дополнительного образования : дис. канд. пед. наук. Кострома: Костром. ун-т имени Н.А. Некрасова, 2002.

14. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в Республике Татарстан // Социолог. исследования. 1998. № 11. С. 25–30.

15. Хмельник Т. Эльфы с погаными грибами // Аргументы и факты. 2004. № 8.

16. Bowman S.L. The functions of Role-Playing Games. How participants create community, solve problems and explore identity. USA, North Carolina, McFarland & Company, Inc., Publishers, 2010. 217 p.

17. Официальное сообщество участников ролевых игр ВКонтакте. URL: https://vk.com/rpg_ru (дата обращения: 10.10.2014).

18. Пегасов Н. Что такое ролевая игра. URL: <http://old.rolemancer.ru/rolemancer/chto-takoe-rolevaaya-igra> (дата обращения: 19.10.2014).

19. Воронин Р.М., Савченко Т.Н. 9-й научно-практический семинар «Прикладная юридиче-

ская психология» // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 145–147.

20. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

21. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

В. А. Соснин

Аннотация: в статье рассмотрена проблема социально-политической и духовно-нравственной консолидации России с учетом развития геополитических тенденций и стратегической безопасности на современном этапе, включая влияние идеологии космополитизма на развитие российского общества и противодействие этому влиянию. Возрастание роли консолидации определяется усилением процесса глобализации мира по западному образцу, одними из следствий которого являются унификация культур, нивелирование их специфики, самобытности, снижения уровня национальной самооценки.

Обострение этой проблемы в современной России связано с переходом от социалистической экономики к экономике, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. Этому процессу противоречат не только ценностные ориентации, социальные установки и стереотипы коллективистских отношений, но и народная общинная культура России, не приемлющая многие нормы, ценности и идеалы

рационально-прагматического индивидуалистического общества.

Представлен обобщенный концептуально-понятийный язык описания проблемы безопасности и социально-политической и духовно-нравственной консолидации современной России. Даны современные трактовки понятиям консолидации, исторического сознания, исторической памяти и их функциям. Историческое сознание выполняет важные функции, главные среди них — обретение национальной идентичности и сплочение представителей различных социальных слоев в целостную социально-историческую общность, обладающую сходным типом оценки своего исторического прошлого. Показана связь феномена консолидации с формированием исторического мышления и патриотизма. Важно восстановить связь духовного развития современного общества с историей страны. Разрыв между разными историческими эпохами в развитии России, созданный в сознании людей искусственно, обуславливает частичную идентификацию личности лишь с одним из фрагментов

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-18-03271).

истории, с тем или иным сегментом отечественной культуры.

Проанализировано влияние средств массовой информации и коммуникации, а также системы образования на разные стороны консолидации общества. Предложены некоторые направления практического решения проблемы через воспитание патриотизма современной молодежи, подготовку адекватных учебников истории, формирование моральных установок и др.

Ключевые слова: геополитика, космополитизм, безопасность, глобализация, консолидация, историческое сознание, историческая память, патриотизм, функции, средства массовой коммуникации, система образования.

Проблема безопасности и социально-политическая и духовно-нравственная консолидация современной России. Кризис национально-культурной идентичности является одной из наиболее значимых и тревожных характеристик современной России. А. С. Артюхина и С. Ф. Снигирев подчеркивают, что геополитический анализ истории России закономерно ведется вокруг линии «Запад — Восток» с явной концентрацией внимания на обсуждении проблемы ее культурно-цивилизационной самобытности, которая фактически и определяет исторические перспективы Российского государства [2].

Анализ воззрений отечественных мыслителей по поводу русской геополитической традиции, ее культурно-цивилизационного направления (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский и др.) однозначно показывает, что они рассма-

тривают Россию как особый культурно-исторический тип, уникальный социокультурный мир и считают, что главной опасностью для России является отрыв от национальных истоков — так называемая концепция космополитизма. В связи с этим встает задача социально-политической и духовно-нравственной консолидации российского общества, которая, как представляется, имеет прямое отношение к проблеме его безопасности в современных условиях [19, 25], в том числе ин-формационной, психологической и т. д. [15, 22, 23]. Обострение этой проблемы в России связано с переходом от государственно-социалистической экономики к экономике, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. Этому процессу противоречат не только ценностные ориентации, психологические установки и стереотипы коллективистских отношений, но и народная общинно-солидарная культура России, не приемлющая многие нормы, ценности и идеалы рационально-прагматического индивидуалистического общества и хозяйствования [7, 8]. До последнего времени российское общество перестраивалось прежде всего по западным моделям государственного устройства, ориентированного на культуру прагматизма и индивидуализма, включая идеологию космополитизма. При этом во многом игнорировались вековые культурно-национальные особенности России как самостоятельной и уникальной цивилизации — коллективность, солидарность, ориентация на высокую социальную комфортность и религиозно-духовные ценности православия и ислама. Как показыва-

ет исторический опыт, слом и разрушение социо-культурного ценностного ядра любой цивилизации (его культурного архетипа) ведет либо к ее гибели, либо к глобальным катастрофическим последствиям огромного масштаба.

В связи с изложенным особую актуальность приобретают анализ и формирование *исторического сознания и исторической памяти народа*, то есть знания, понимания и отношения субъектов к историческому прошлому в его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня. Все это оказывает огромное влияние на формирование личности современного человека, особенно подрастающего поколения. Роль исторической памяти значительна в процессе формирования *патриотического сознания*, когда в российском обществе происходит трансформация социальных институтов и нравственных регуляторов поведения [10, 11].

Важно восстановить связь духовно-го развития современного общества с историей страны. Разрыв между разными историческими эпохами в развитии России — досоветской, советской, постсоветской, созданный в сознании людей искусственно, прежде всего усилиями идеологов, обуславливает частичную идентификацию личности лишь с одним из фрагментов истории, с тем или иным сегментом отечественной культуры. Однако невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная других.

Крушение идеалов социализма для многих людей стало почвой для «разочарования» в своем Отечестве. Не только молодые люди, но и представители старшего поколения оказались кров-

но не связанными с историческим бытием своей страны. В настоящее время многие граждане России дезориентированы в духовно-ценностном аспекте, что выражается в размытости и неопределенности национального самосознания и национальной самоидентификации; складываются настроения и мнения, фиксирующие «нецивилизованность» и «некультурность» России, необходимость учиться у Запада, внушается идея о связи исторических перспектив развития России только с ее вступлением в «цивилизованный западный мир». Важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность культурных традиций, их безусловную ценность для современного развития культурной и общественно-государственной жизни страны.

Понятия консолидации, исторического сознания и исторической памяти. Термин «консолидация» определяется как «упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп и организаций для усиления борьбы за общие цели» [21]. В нашем случае феномен консолидации понимается как *степень общности ценностных духовно-нравственных и социально-политических ориентаций различных социокультурных и профессиональных групп в обществе*, которая необходима и достаточна для обеспечения его суверенитета, безопасности существования и функционирования как субъекта исторического процесса.

Основной составляющей процесса консолидации общества является формирование представлений об истори-

ческой памяти и патриотизме в общественном сознании народа как базовых факторах интеграции социума [10, 24].

В 1980-е годы феномен исторического сознания привлек внимание обществоведов, социологов и философов. К настоящему времени сложился концептуально-понятийный язык описания этого феномена [3, 18, 26 и др.].

Историческое сознание — это одна из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания коллективного «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации. Оно представляет собой сложное, многофункциональное образование в духовной жизни коллективного и индивидуального субъектов.

Историческая память — это способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях и деятелях ушедших эпох, национальных героях и вероотступниках, традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, которые прошел тот или иной народ в своем развитии. Ее неотъемлемыми элементами являются чувства, переживания, оценки, возникающие у индивидуальных и коллективных субъектов в процессе эмоционально-чувственного освоения социального и природного мира.

Историческое сознание выполняет ряд важных функций. Главными среди них являются *обретение национальной идентичности* и *консолидация* представителей различных социальных слоев и групп в целостную социально-историческую общность, обладающую

сходным типом восприятия и оценки своего исторического прошлого.

Роль средств массовой коммуникации и системы образования в консолидации общества и формировании представлений об истории своей страны. Основными каналами формирования консолидации и исторического сознания народа в настоящее время являются средства массовой коммуникации (СМК) и система образования [16, 17].

Значительные возможности СМК по воздействию на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что они располагают всем спектром психологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения и убеждения до манипуляции. Молодое поколение, мировосприятие которого складывается в изменившейся информационной среде, часто не способно приобрести верные ориентиры в потоке нередко искаженной информации, передаваемой разными каналами средств массовой информации (СМИ). При сохраняющемся идеологическом вакууме необъективность и противоречивость информационных потоков приводят к тому, что мировоззрение простых людей становится все менее цельным, подвергается манипуляции, воздействию пропаганды ложных ценностей и идеалов жизни [1, 5, 9, 14].

С одной стороны, молодой человек в современной России находится в более или менее нравственной обстановке семьи, школы, вуза, а с другой — на улице, в сфере развлечений и досуга он оказывается в совершенно другой атмосфере. Его окружает навязчивая, двусмысленная реклама, нередко игнорирующая нормы элементарной этики

[12]. Пропагандируется безнравственный образ жизни, потребление алкоголя, сигарет и т. п. Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу, показывающие паразитизм, безответственность и т. д. [4].

В настоящее время СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности [16, 17]. Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации и познания окружающей действительности. По данным специалистов, в одной среднестатистической семье телевизор включен до 7 часов в сутки [6].

Социологические исследования однозначно фиксируют, что число читающей молодежи значительно сократилось в последние годы. Книгу все чаще заменяют телевизор и компьютер. За нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей. 59% из них считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию нравственных качеств гражданина и патриота. По их мнению, они в первую очередь пропагандируют ценность денег (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) — в последнюю очередь [20, с. 56].

Специалисты, опираясь на исследовательские данные, утверждают, что ни школа, ни вуз в полной мере не решают проблем формирования исторического мышления. Исторический процесс предстает перед школьниками нередко как набор дат, имен и событий [18].

Необходимо изменить подход к данной проблеме, превратив ее в объект

внимания государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию развития исторического сознания молодежи и противодействия идеологии космополитизма.

Исследователи, опираясь на данные контент-анализа учебников истории, утверждают, что большинство из них не соответствует современным требованиям. Часть учебников страдает алогичным изложением материала, другие содержат огромное количество фактических ошибок и недостоверных сведений. Большинству присуща идеологическая заданность, из-за чего события и факты подаются под определенным углом зрения. Существенным недостатком является и то, что они не дают возможности составить представление о логике исторического процесса, движущих силах истории, то есть не способны сформировать у школьников историческое мышление.

Говоря о тенденциях развития российского общества в контексте современных цивилизационных процессов, необходимо выделить те трудности, которые возникают на пути консолидации и патриотического воспитания.

Опыт показывает, что право определять содержание *национализма* и *патриотизма* оспаривается различными группами [13]. В республиках постсоветского пространства этноэлиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание консолидации и патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным. В России на федеральном уровне ситуация противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и личности формируется *образ многополюсной фрагмен-*

тированной нации. Такие понятия, как «титовская нация», «государственно-образующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы», исключены из политического лексикона. Само понятие «русские» либо вообще не употребляется (его нет в Конституции РФ), либо используется с оглядкой, либо заменяется «этнонейтральным» определением — «русскоязычные», а фактически поддерживается, к сожалению, идеология космополитизма.

Заключение. Возрастание роли консолидации и формирования исторического сознания определяется усилением процесса глобализации мира по западному образцу, одним из следствий которого является унификация культур, нивелирование их специфики, самобытности, снижение уровня национального самосознания.

На формирование представлений об историческом прошлом влияют традиции, доминирующие идеологические установки, культивируемые формы и способы сохранения и передачи культурных достижений. Историческое сознание — важное условие самоидентификации личности, интеграции и консолидации социума, обеспечения преемственности в развитии культуры и сохранения национальных традиций [10].

В переломные периоды истории, когда осуществляются парадигмальные изменения в социально-экономической и политико-идеологической сферах общества, система ценностей претерпевает качественные преобразования [7, 8], роль исторического сознания как фактора интеграции макросоциума, со-

хранения духовной целостности народа возрастает. В этих условиях формирование исторического сознания приобретает характер общегосударственной задачи, в частности противодействия идеологии космополитизма.

В современной России основным вектором воспитательной работы должно стать формирование чувства исторического единства со своим народом, уважения истории и культуры своей страны. Необходимо ориентировать систему образования и воспитания, средства массовой информации, пропагандистский аппарат государства на заинтересованность российских граждан в обогащении знаний о героических страницах истории и культурных традициях России, самоотверженной борьбе народа за сохранение суверенитета и государственной независимости страны, подвигах наших соотечественников и др.

Литература

1. Андрианов М.С. Правовая коммуникация с позиций дискурсивной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 8–13.
2. Артюхин А.С., Смигирев С.Ф. Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4(8). С. 56–67.
3. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85–89.
4. Брик Л.В. Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование социально-позитивных ориентаций молодежи // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 175–178.
5. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
6. Дроздов А.Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–64.
7. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических изменений : дис ... канд. психол. наук. М.: Ин-т психологии РАН, 2002.

8. Журавлева Н.А., Журавлев А.Л. Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика, 2004. № 2. С. 20–39.
9. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
10. Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
11. Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог : учеб. пособие. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2011.
12. Купрейченко А.Б. Проблемы нравственно-психологической регуляции экономической активности // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. С. 17–65.
13. Орлова И. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 8. С. 163–176.
14. Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. С. 6–11.
15. Проблемы психологической безопасности. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
16. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
17. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Ин-т психологии РАН, 2014.
18. Путькина Т.П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества : дис ... канд. социол. наук. М., 2007.
19. Рошин С.К., Соснин В.А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности личности, общества и государства // Российский мониторинг. 1995. № 6. С. 133–146.
20. Семенов В.Е. СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1.
21. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
22. Смолина И.А., Нестик Т.А. Обсуждение последствий терактов в интернете: состояние и перспективы исследования // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 137–147.
23. Соснин В.А. Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиль // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 125–139.
24. Соснин В.А. Феномен патриотизма: основные понятия, функции и особенности воспитания в современных российских условиях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 12–19.
25. Тарабрина Н.В., Журавлев А.Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 5–21.
26. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ*

М. И. Воловикова, М. Н. Комарова

Аннотация: статья посвящена результатам эмпирической проверки идеи А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко (2010) о совокупности необходимых признаков, указывающих на принадлежность к нравственной элите. Задачей исследования было выявление специфики имплицитных представлений о нравственном («порядочном») че-

ловеке в среде тех лиц, которых можно отнести к элите нашего общества. Выборка из 71 человека (средний возраст 39 лет, 45% — мужчины) состояла из людей, достигших заметного успеха в жизни. Среди них были врачи, экономисты, юристы, музыканты, художники и психологи, руководители лабораторий, институтов и творческих коллек-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-18-03271).

тивов, главные редакторы изданий, директора компаний. Использовалась авторская анкета, основанная на работах японских психологов Х. Азумы и К. Кошиваги (1987) и понимании С. Л. Рубинштейном (1976) поступка как имплицитного суждения. Для обработки результатов применялись количественные (частотный и факторный анализ) и качественные методы (контент-анализ и микросемантический анализ). Показано, что характерный для российского менталитета приоритет нравственного закона над житейским успехом отличает в целом представления данной выборки реализовавшихся и успешных людей. Выявлен также противоречивый характер нравственных представлений современной российской элиты.

В целом прошла эмпирическую проверку и получила свое подтверждение выделенная А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко совокупность признаков, соответствие которым может свидетельствовать о принадлежности к нравственной элите: строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам; участие в общественно полезной деятельности; способность к решению нравственных задач и проблем; способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере; оказание безвозмездной помощи другим людям.

Ключевые слова: нравственная элита, признаки, имплицитные представления, российский менталитет, нравственные нормы, дескрипторы, факторный анализ.

Постановка проблемы и состояние исследований. В социологии и политологии со времен В. Парето [14]

закрепился термин «элита», традиционно используемый для обозначения принадлежности к правящему классу общества. Психологами сделана смелая попытка расширить значение этого термина и перенести его на всех лиц, достигших самых высоких результатов в той или иной сфере деятельности. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко в своей проблемно-постановочной статье пишут: «Под элитой понимается социальная категория людей, характеризующаяся наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и успешно проявляющая их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных видах элиты» [7, с. 6]. Среди различных видов элиты авторы приводят политическую и управленческую, экономическую и бизнес-элиты, интеллектуальную и научную, творческую и художественную, культурную и духовную. Но они идут дальше и ставят проблему выделения нравственной элиты.

Нравственная элита — это вклад А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко в отечественную элитологию [7–9, 26], поскольку нравственная детерминанта всегда была определяющей в российской гуманитарной традиции [15–18, 24]. Авторы заявляют тему нравственной элиты и при этом ставят актуальную проблему дальнейшего психологического изучения данного феномена. В необходимые характеристики, отличающие лиц, принадлежащих к такой элите, они включают следующие:

- участие в общественно полезной деятельности;
- строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам;

- способность к решению нравственных задач и проблем;
- способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере;
- оказание безвозмездной помощи другим людям.

Подчеркивается также, что такие люди служат примерами для подражания [7, с. 8–9].

Особенно интересен и, казалось бы, необъясним вывод авторов о низкой житейской адаптивности представителей нравственной элиты. Мог человек по занимаемому им положению приворовывать, хитрить, лукавить, но не делает этого, исходя из своих нравственных принципов, которым следует, а в результате проигрывает своим более изворотливым и ловким конкурентам. Более того, он часто готов и последним поделиться, и денег за проделанную работу не попросить.

А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко в своих работах, открывающих и развивающих в психологии тему нравственной элиты [7–9, 26 и др.], подчеркивают важнейшую проблему, отличающую отечественный подход к вопросам нравственности и житейской успешности. В отличие от западного, основанного на протестантской этике [1], в нем утверждается несоответствие этих понятий: высоконравственный человек может быть неуспешным в жизни, и наоборот — успешных может не отличать образцовое нравственное поведение.

Авторы предлагают для решения поставленных проблем провести специальные эмпирические исследования. С нашей точки зрения, интересные результаты могут быть получены, если применить при анализируемой теме ме-

тодический аппарат, которым мы пользовались в исследованиях представлений о нравственном образце, выполненных еще в 1990-х годах. В это время традиционный интерес отечественной психологии к исследованию нравственных проблем заметно ослаб. В стране происходили процессы, которые позднее позволили назвать эти годы лихими. Особенно востребованным в этот период стало изучение склонности к лжи, мошенничеству, макиавеллизму и т. п. Но именно тогда М. И. Воловиковой совместно с Л. Л. Гренковой (Дикевич) было начато исследование представлений о нравственном («порядочном») человеке [3].

Мы исходили из идеи С. Л. Рубинштейна о «переломных периодах» общественного развития, когда происходит переоценка нравственных норм и перед человеком открываются два пути: либо сознательного принятия новых норм, либо осознанного их отрицания [20]. Автор известной книги «Человек и мир» подчеркивал, что в переломные эпохи естественная, не признанная сознанием нравственность становится затруднительной, и для ее сохранения от человека требуется *активная работа сознания*. И только так он становится *субъектом* своих жизненных выборов, а не пассивным объектом воздействия изменившихся обстоятельств.

Разработка методики исследования представлений о нравственном человеке. Метод исследования был отчасти заимствован нами у японских психологов Х. Азумы и К. Кашиваги [25], адаптирован к нашей теме и дополнен заданием, основанном на идее С. Л. Рубинштейна о *поступке как им-*

плицитном суждении [20]. Как правило, поступок производит впечатление на окружающих и запоминается надолго.

Исследование было начато как совместное в 1996 г., а затем самостоятельно продолжено каждым из участников [2–5]. Работа Х. Азумы и К. Кашиваги, взятая нами за основу при составлении методики исследования современных представлений о нравственном образце, была посвящена изучению «имплицитных концепций интеллектуальности» (*обыденным представлениям об умном человеке*) [25]. Первый этап исследования состоял в задании вспомнить и описать человека, которого респондент знает лично и считает умным, на втором этапе из полученных описаний (дескрипторов) исследователи с помощью частотного анализа отбирали наиболее употребимые качества «умного человека», из которых затем и составляли анкету, включавшую в себя вопросы закрытого типа и построенную по принципу одномерной шкалы. Японские психологи подчеркивали: «Таким образом, мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему респонденту подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает, и знает как интеллектуальную, и думает, что эти личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности» [25, с. 18]. Факторизация данных, полученных на основном этапе исследования с помощью стандартизированной анкеты, позволяет выделить несколько личностных типов (сочетаний качеств) умного (с точки зрения респондентов) человека. Такая процедура разработки методики сбора первичных данных полностью соответству-

ет требованиям, сложившимся как в общей [19], так и социальной психологии [12, 13, 22], хотя при этом она не является универсальной и не может использоваться для выявления, например, реально одаренной личности [21], ограничиваясь изучением обыденных представлений о тех или иных свойствах, состояниях и других явлениях [10, 11].

Мы распространили принципы построения анкеты на наше исследование имплицитных представлений об *образцово нравственной личности* («порядочном человеке»). На предварительном этапе было собрано более 200 дескрипторов, с помощью которых респонденты описывали конкретного человека, о котором они могли сказать: «Это действительно порядочный человек!» Затем для включения в анкету были отобраны наиболее часто встречающиеся дескрипторы. На основном этапе исследования респондентам предлагалось напротив каждого из качеств (дескрипторов) отметить, есть ли оно у описываемого конкретного человека, которого они считали порядочным. При этом применялись три варианта оценки: «есть», «нет» и «не уверен». Кроме того, в анкету был добавлен вопрос о конкретном поступке, доказывающем, что описываемый человек действительно является нравственным образцом.

После отбора в основную анкету вошли следующие дескрипторы: скромный, пунктуальный, тактичный, уважающий других людей, не предаст друга, добросовестный, любит Родину, образованный, смелый, не выдаст чужую тайну, не нарушает закон, бережливый, верит в Бога, гордый, воспитанный, не нарушает данное им слово, тру-

долюбивый, умный, справедливый, ответственный, не курит, может дать совет, хорошо одевается, волевой, не воруется, честный, культурный, аккуратный, не сквернословит, добрый, соблюдает правила этикета, общительный, щедрый, начитанный, рассудительный, с чувством юмора, не сплетничает, уважает старших, не врет, безотказный, интеллигентный.

Приведенный перечень качеств нравственной личности, очевидно, не является исчерпывающим. В него не вошла такая важная, по нашему мнению, характеристика, как порядочность в супружеских отношениях, но она не вошла в описание образцовой нравственной личности. Deskрипторы «верит в Бога» и «любит Родину» мы включили в анкету исходя не столько из результатов частотного анализа (рейтинг этих качеств в середине 1990-х годов был очень высок), сколько из особенностей исторически сложившегося российско-го менталитета, в котором вера и патриотизм издавна выступали как основа нравственности человека.

В список вошли качества, которые относятся к внешнему виду и поведению (хорошо одевается, соблюдает правила этикета), к когнитивным характеристикам (умный, начитанный, рассудительный), к соблюдению норм доверительного общения (не врет, не нарушает данное им слово, тактичный, не предаст друга, может дать совет, не сплетничает), к чертам характера (волевой, общительный, гордый, безотказный, щедрый, скромный, пунктуальный, с чувством юмора). По результатам проведенных эмпирических исследований во всех выборках середины 1990-х годов лидировало качество «добрый». Особое

место занял дескриптор «интеллигентный» — сам по себе достойный отдельного исследования из-за его расширенного понимания в российском обществе. Из вредных привычек (вернее, их отсутствия) в анкету вошли относительно безобидные «не курит» и «не сквернословит», и здесь мы исходили из результатов частотного анализа.

В целом на разных выборках конца 1990-х годов сложилась картина позитивного отношения к порядочности при понимании редкости проявления этого качества в реальной жизни. Исследование было продолжено в 2000-х, что позволило изучить динамику представлений, в основном позитивную. Однако выборка состояла преимущественно из учащейся молодежи: старшеклассников и студентов из разных российских регионов [4].

Исследование представлений российской элиты о нравственном человеке. Задачей нового исследования было выявление специфики имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке в среде тех лиц, которые относятся к элите нашего общества. Выборка из 71 человека (средний возраст 39 лет, 45% — мужчины) включала в себя людей, достигших заметного успеха в жизни. Среди них были врачи, экономисты, юристы, психологи, музыканты, художники, руководители лабораторий, институтов и творческих коллективов, главные редакторы издательств, директора компаний.

Предъявляя задание с просьбой описать конкретного, лично знакомого человека, которого, с точки зрения отвечающего, можно назвать порядочным, а также описать его поступок, до-

казывающий порядочность, мы могли составить впечатление о нравственных представлениях самого респондента в большей степени, чем если бы напрямую спрашивали о нравственных предпочтениях. Рассказывая о другом, оценивая его человеческие качества, отвечающий невольно раскрывался сам. Возможность сравнить его ответы с ответами в других выборках позволяет выявить специфику представлений этой элитной выборки о нравственном человеке.

Частотный анализ заполненных анкет показал, что «безотказный» является наиболее отвергаемым качеством для человека, которого можно назвать нравственным, а лидирующие качества (в порядке убывания частоты) — «не предаст друга», «ответственный», «добросовестный». В ожидаемых аутсайдерах — «верит в Бога», «хорошо одевается» и «гордый».

Ограничения частотного анализа связаны с тем, что с его помощью нельзя выявить связи между дескрипторами, то есть приблизиться к выделению тех типов порядочного человека, которые присутствуют в представлениях данной выборки. Выявить такие типы обычно помогает факторный анализ, но в случае, когда выборка не позволяет провести факторизацию, какие-то тенденции можно увидеть и с помощью частотного анализа.

Для сравнения приведем результаты частотного анализа по другим выборкам [4]. Так, в «профиле» московских студентов светских вузов максимальное значение оказалось у дескриптора «не предаст друга»; затем идут (в порядке убывания частоты): «уважает старших», «воспитанный», «может дать со-

вет», «умный», «добросовестный», «добрый». Минимальное значение — у качества «не курит». По хабаровской выборке максимальное значение оказалось у дескриптора «уважает старших». Далее (в порядке убывания) идут: «уважает других людей», «не ворует», «воспитанный», «добрый». Минимальное значение по этой выборке у качества «верит в Бога».

Как и следовало ожидать, на небольшой выборке верующих молодых людей (14 студентов православного вуза) максимальные значения обнаружены у дескрипторов «может дать совет», «честный» и «верит в Бога», далее идут: «добрый», «уважает других людей», «не нарушает данное им слово», а минимальное значение — у качества «гордый». Интересно заметить, что последний дескриптор имеет одно из минимальных значений также выборке элиты, что может объясняться высоким профессионализмом таких участников исследования, обычно сочетающимся со скромностью и адекватной оценкой своих возможностей.

Факторный анализ показал, что первым, с самым большим «весом» стал когнитивный фактор («умный», «образованный», «начитанный», «может дать совет»), затем идет фактор отрицания антиобщественного поведения («не сквернословит», «не врет», «не сплетничает», «не ворует»), а далее — факторы: волевой («смелый», «волевой»), коммуникативный («щедрый», «с чувством юмора», «общительный»), интеллигентности («уважает старших», «тактичный», «уважает других людей», «интеллигентный»), ответственности («ответственный», «не нарушает данное им слово») и фактор, который требует сво-

его объяснения и проверки. Мы его назвали «фактором предательства», в который вошли со значимым *отрицательным* весом: «не предаст друга» и «не выдаст чужую тайну», а с положительным — «не курит». Но можно предположить, что случаи предательства в опыте работы директоров и руководителей различных творческих коллективов не являются такими уж редкими.

Анализ описаний *поступков* нравственного человека отчасти подтвердил результаты факторного анализа, а именно: обнаружен значимый фактор *отрицания* безнравственного (антиобщественного) поведения.

Лидирующей в описаниях поступка (43,6% всех примеров) оказалась тема, которую мы назвали «никогда не...»: «никогда не предаст», «никогда не подведет, не обманет» и т. п. Второе место (26,8%) заняла обычно лидирующая на других выборках тема помощи: «помог», «выручил», «понял», «подсказал». Третье место (8,5%) пришлось на тему «смирение»: «проявил смирение», «простил», «не возмущился». И лишь 2,8% рассказов были посвящены историям о найденных и возвращенных деньгах, хотя, по нашим наблюдениям, таких историй в студенческих выборках с годами становится больше, что мы связываем со снижением уровня поступка (например, вернул вещь или деньги после напоминания или прямого вопроса). В данной выборке примеры не свидетельствуют о снижении уровня поступка, так как ни о каком напоминании не говорится. Кроме того, 5,6% респондентов ответили в самых общих чертах: «для меня образец — все поведение этого человека», а 12,7% — примера не привели.

Обратимся вновь к «совокупности необходимых признаков», соответствие которым, в представлениях А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко [7, 8, 25], позволяет говорить о принадлежности к нравственной элите. В нашем случае обнаружение такого соответствия могло бы свидетельствовать о сопряжении нравственных образцов для данной элитной выборки и критериев нравственной элиты.

Об участии в общественно полезной деятельности говорит и статус конкретного персонажа, о котором шла речь: «это мой начальник, он в меня поверил...»; «мой коллега, зав. кафедрой...»; «при публикации научных трудов отражал имена сотрудников, включая аспирантов»; «она была моей начальницей...»; «мой коллега — ученый физик, пользуется международным авторитетом»; «...зам. директора НИИ... профессионально честный...». Есть и более определенные примеры общественной активности: «человек, описанный в анкете, помог разобраться с мощной наехавшей бандитской организацией легкого, эффективно и совершенно безвозмездно, не обращаясь к услугам структуры, в которой занимал руководящую должность».

О строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам говорит каждый из 43,6% сюжетов на тему «никогда не...»: «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и строго следует им»; «честно выполняет свои обязательства в биз-

несе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе в целях наживы» и др.

Способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере доказывается не только приводимыми примерами, но и тем фактом, что эти лица названы нравственным образцом — «порядочным человеком».

Оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения доказывается в 26,7% примеров, отнесенных нами к теме «помощь»: «в трудной ситуации очень сильно помог, подставил плечо»; «помогал малознакомым людям в сложных ситуациях выступить посредником в близкородственных отношениях»; «несмотря на свою болезненность, готова помогать всем и вся»; «когда у подруги был серьезно болен ребенок и отсутствовали финансовые средства на лечение, моя знакомая приютила их с ребенком у себя, наняла врача и безвозмездно оплатила лечение»; «на фирме начались финансовые проблемы, и она была закрыта; последнюю зарплату мне не выплатили; позже начальница выплатила причитающуюся мне зарплату из своих денег».

Теперь приведем примеры о *неприспособленности нравственной элиты* к социальным реалиям современной жизни: «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива»; «ему неоднократно предлагали прекрасную высокооплачиваемую работу в США, но он отка-

зывался — лучше я буду приезжать к вам в штаты на конференции, а жить хочу у себя, любоваться российскими березками»; «пожертвовала своей работой ради женщины, которая одна воспитывает детей»; «отказался от материальной выгоды в пользу принципов». Таких примеров много, и они пополняются теми, которые мы наблюдали и в 1990-е, и в последующие годы на разных выборах респондентов.

Можно сказать, что тема запомнившегося поступка нравственного образца тесно связана с независимостью от обстоятельств, подталкивающих к комфортному устройству в жизни. Анализ приводимых респондентами поступков нравственного человека побуждает к использованию результатов данного исследования в работе практических психологов [6, 23].

Заключение. Намеченная А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко совокупность необходимых признаков, соответствие которым указывает на принадлежность нравственной элите, в целом прошла своеобразную эмпирическую проверку и получила свое подтверждение. Своеобразие проверки заключается в том, что это исследование не было непосредственным изучением лиц, принадлежащих к нравственной элите, а состояло в анализе *имплицитных представлений о нравственном образце* у лиц, достигших в жизни высокого социального статуса.

Показано, что характерный для российского менталитета приоритет нравственного закона по отношению к житейскому успеху отличает в целом представления о нравственном человеке и у данной элитной выборки — реализовавшихся и успешных людей.

Выявлен также противоречивый характер представлений современной российской элиты о нравственном человеке. Так, у некоторых респондентов отсутствие в списке качества «любовь к Родине» сочетается с рассказами о явном отказе покинуть нашу страну, чтобы жить в более благоприятных в житейском отношении условиях, а не привидимое ими качество «вера в Бога» сочетается с доминированием в рассказах православного идеала служения и непривязанности к славе, деньгам и власти.

Литература

1. *Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 45–96.
2. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Институт психологии РАН, 2005.
3. *Воловикова М.И., Гренкова Л.Л.* Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 93–111.
4. *Воловикова М.И., Дикевич Л.Л.* Динамика представлений русских о нравственном идеале // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 298–318.
5. *Дикевич Л.Л.* Обыденные представления о порядочном человеке: автореф. дис ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1999.
6. *Журавлев А.Л.* Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 8–13.
7. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
8. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010. № 2. С. 42–49.
9. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 97–99.
10. *Котовский В.В.* Социально-психологические особенности представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 91–96.
11. *Красненкова С.А., Маркова И.И.* Особенности представлений осужденных молодежного возраста о брачно-семейных отношениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 72–79.
12. *Методики социально-психологического исследования личности и малых групп.* М.: Институт психологии РАН, 1995.
13. *Методики социально-психологической диагностики личности и группы.* М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
14. *Парето В.* Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011.
15. *Психологические исследования духовно-нравственных проблем.* М.: Институт психологии РАН, 2011.
16. *Психологические исследования нравственности.* М.: Институт психологии РАН, 2013.
17. *Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества.* М.: Институт психологии РАН, 2014.
18. *Психология нравственности.* М.: Институт психологии РАН, 2010.
19. *Психология XXI века: учеб. вузов / под ред. В.Н. Дружинина.* М.: ПЕР СЭ, 2003.
20. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976.
21. *Образование одаренных — государственная проблема / В.В. Рубцов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.*
22. *Социальная психология: учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев.* М.: ПЕР СЭ, 2002.
23. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
24. *Уревич А.В., Журавлев А.Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
25. *Azuma H., Kashiwagi K.* Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *Japanese Psychological Research* 1987, vol. 29, no. 1, pp. 17–26.
26. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // *Russian Studies in Philosophy*. 2013. Vol. 51. Spring, no. 4, pp. 26–50.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА КАРДИОРИТМОГРАММЫ ПРИ НАГРУЗОЧНОМ ТЕСТИРОВАНИИ

А. Л. Похачевский, Е. В. Пивунов, В. Н. Михалев

Аннотация: исследование различий RR-интервалов на 1–3 минутах нагрузочного и восстановительного периодов максимальной велоэргометрии определило физиологические закономерности изменчивости сердечного ритма. Установленные маркеры изменчивости — $pNNx$ могут быть использованы для изучения и прогноза физической работоспособности и тренированности у школьников старшей возрастной группы и студенческой молодежи.

Изменчивость кардиоритмограммы на ранних этапах нагрузочного и восстановительного периодов имеет характерные особенности, связанные как со временем от начала периода, так и с выраженностью самой изменчивости. При этом у каждого исследуемого показателя есть свои диагностические амплуа: от бинарного отклика, характеризующего наличие адаптационных резервов или физического здоровья ($pNN15$), до уровня нагрузочной толерантности — количественного эквивалента здоровья ($pNN5$, 10) и критерия тренированности (аэробно-анаэробной выносливости), определенного по точке перегиба кривой $pNNx$ и/или размерности (X) изменчивости RR-интервалов ($pNN10$, 15).

Ключевые слова: лабильность сердечного ритма, изменчивость нагрузочной кардиоритмограммы, максимальное нагрузочное тестирование, критерии, маркеры сердечного ритма.

Введение. Изучение кардиоритмограммы (КРГ) при физической нагрузке акцентировано в связи с формированием аэробно-анаэробной выносливости и, как следствие, перекрестных эффектов адаптации, обуславливающих выживаемость [1, 2, 7]. Известно, что наиболее существенными прогностическими маркерами коронарных событий и общей смертности являются нагрузочная толерантность и хронотропная недостаточность — неспособность к адекватному изменению ЧСС в нагрузочный и восстановительный периоды [2, 6].

При обследовании молодежи (преимущественно здорового контингента) выявляется существенное превышение прогностических порогов коронарных событий. Очевидно, уровень этого превышения может свидетельствовать и об адаптационных возможностях организма [4, 5]. В свою очередь, лабильность СР, обусловленная «обертонной» изменчивостью «bittobit» величины кардиоинтервалов, вероятно, лежит в основе их диагностики. При этом высокая чувствительность КРГ как к внешним нагрузочным, так и внутренним регуляторным воздействиям позволяет предположить существование маркеров, предопределяющих различные состояния сердечно-сосудистой системы и организма в целом.

Цель работы: изучить характер КРГ первых трех минут нагрузочного и восстановительного периодов, с тем что-

бы выявить закономерности ее изменчивости.

Материалы и методы. Обследована смешанная популяция (S) практически здоровых школьников старшей возрастной группы и студенческой молодежи до 23 лет (41 человек), из которой выделены 2 составляющие. Первая (1) группа (22 человека) — действующие спортсмены, имеющие 1-й спортивный разряд, и кандидаты в мастера спорта (КМС) по легкой атлетике (средние дистанции) — 10 человек, лыжным гонкам — 12 человек. Вторая (2) группа: 19 человек, не имеющих отношения к систематическим физическим нагрузкам, занимающихся физической культурой 2–3 раза в неделю по плану учебного заведения.

Максимальное велоэргометрическое тестирование осуществлялось по индивидуальному протоколу. Мощность W_1 (Ватт) первой ступени длительностью три минуты рассчитывали исходя из величины должного основного обмена (ДОО) в килокалориях по формуле $W_1(\text{Вт}) = \text{ДОО} \times 0,1$ (ДОО определяется по таблице Гарриса — Бенедикта) [2]. В дальнейшем нагрузка ступенчато возрастала каждую минуту на 30 Вт до индивидуального максимума — снижения скорости педалирования ниже 30 оборотов в минуту, определяющего конец нагрузки и начало восстановительного периода длительностью 7 минут.

Нагрузочные пробы проводили в первой половине дня с 8 до 12 часов на велоэргометре e-BikeErgometer (диапазон нагрузки 20–999 Вт). Изучение сердечного ритма (СР) в течение всего времени тестирования осуществлялось посредством кардиоанализатора «ПолиСпектр-12» (Нейрософт, ча-

стога квантования 1000 Гц). Из записи оцифрованной ЭКГ выделяли последовательный ряд R-R интервалов — КРГ.

Разность длительностей RR-интервалов вычисляли с использованием MicrosoftExcel. Результаты исследования обрабатывали с помощью статистического пакета Statistica 6.0. Поскольку распределение полученных значений отличалось от нормального, данные представляли в виде перцентильного (Пц) ряда (10–90), а для статистической обработки использовали непараметрические методы: Mann – Whitney, Wilcoxon.

Результаты и обсуждение. Известно, что при исследовании изменчивости КРГ в покое применяется показатель $pNN50$ [8]. Это процент RR-интервалов длительностью 50 мс и более к общему числу кардиоинтервалов в массиве. Считается, что чем выше значение $pNN50$, тем активнее участие парасимпатической составляющей в регуляции СР. Кроме того, различие соседних пар RR-интервалов обуславливается длительностью самих кардиоинтервалов. В частности, у новорожденных, характерной чертой СР которых является высокая ЧСС (в том числе) за счет незрелости вагуса, показатель $pNN50$ равен нулю, а диагностическую значимость приобретает $pNN15$ [3]. Известно также, что изменчивость ЧСС *bittobit* взрослого человека при возрастании ЧСС, связанной с увеличением физической нагрузки, — уменьшается [2].

В связи с тем что значение абсолютной разности соседних кардиоинтервалов не превышает по медиане 15 мс (табл. 1), исследованы $pNN5$, 10 и 15 (табл. 2).

Таблица 1

Длительность RR-интервалов (RR) и разности (dRR) их последовательных пар на 1–3-й минутах нагрузочного и восстановительного периодов в миллисекундах (мс)

Мин		1			2		3	
Период	Группы	Пц	RR	dRR	RR	dRR	RR	dRR
Нагрузочный	S	25	432	2	387	1	372	1
		50	488	3	419	3	396	2
		75	597	6	577	5	577	5
	1	25	572	2	564	2	565	1
		50	604	4	580	4	581	4
		75	650	8	596	7	598	8
	2	25	415	1	381	1	356	1
		50	434	3	388	2	375	2
		75	456	5	403	3	385	3
Восстановительный	S	25	337	1	389	1	428	1
		50	365	2	414	2	442	3
		75	471	5	650	7	752	9
	1	25	445	2	644	4	747	5
		50	505	4	698	11	788	13
		75	579	10	752	23	846	30
	2	25	329	1	381	1	421	1
		50	340	2	396	2	432	2
		75	356	3	412	3	441	4

В смешанной популяции рNN15 плохо дифференцируется и имеет значение медианы, не равное нулю только на первой минуте нагрузочного и восстановительного периода, та же динамика акцентируется во 2-й группе. У спортсменов маркер остается весьма выраженным на всем протяжении анализа. Снижение показателя ко второй минуте нагрузки и стабильность на третьей свидетельствует о достижении устойчивого уровня срочной адаптации. Прогрессивный рост показателя в период восстановления характеризуется выраженным усилением (в 4 раза) на второй и лишь на 23% — к третьей минуте.

Вскрытая динамика, вероятно, свидетельствует об особенностях активности вагуса и возможностях миокарда отвечать на его регуляционные влияния.

Существенность межгрупповых различий и выявленные особенности позволяют использовать данный показатель не только как критерий тренированности, но и как ее бинарный отклик.

При нагрузке в смешанной популяции и во 2-й группе рNN10 приближается к нулевому значению уже на второй минуте. В период восстановления он имеет положительные значения на всем промежутке в смешанной популяции и фактически отсутствует во 2-й

Таблица 2

Значение рNNx (5, 10, 15) в группах на 1–3-й минутах нагрузочного и восстановительного периодов

Мин		1			2			3			
Период	Гр	Пц\ рNNx	5	10	15	5	10	15	5	10	15
Нагрузочный	S	25	30,9	3,9	0,2	14,4	0,0	0,0	6,5	0,0	0,0
		50	34,5	7,2	1,5	18,8	1,3	0,0	16,5	0,0	0,0
		75	51,7	22,6	7,0	52,1	17,3	3,9	60,2	25,5	3,9
	1	25	34,5	7,2	1,0	18,2	0,0	0,0	9,7	1,0	0,0
		50	49,2	20,2	6,7	51,7	16,1	2,9	59,3	24,8	2,9
		75	61,4	35,2	19,3	54,4	19,8	5,9	62,1	26,7	7,9
	2	25	25,4	3,7	0,0	10,3	0,0	0,0	5,4	0,0	0,0
		50	33,8	4,5	0,7	16,0	0,6	0,0	11,5	0,0	0,0
		75	34,3	5,9	1,5	18,8	1,3	0,0	16,5	0,0	0,0
Восстановительный	S	25	15,4	0,0	0,0	8,7	0,7	0,0	11,8	0,0	0,0
		50	22,2	9,3	0,9	18,5	8,6	4,9	22,4	7,9	1,3
		75	55,9	24,6	13,2	81,3	64,8	44,0	85,5	75,0	59,2
	1	25	45,5	22,8	5,7	77,5	55,1	40,4	80,8	61,5	40,5
		50	51,1	24,3	10,4	80,0	61,2	43,2	83,3	70,6	53,3
		75	61,0	40,0	25,9	83,5	68,8	55,0	92,1	76,3	67,1
	2	25	11,9	0,0	0,0	2,0	0,0	0,0	9,0	0,0	0,0
		50	15,4	0,0	0,0	8,7	0,7	0,0	11,8	0,0	0,0
		75	17,1	1,3	0,0	9,4	0,7	0,0	17,8	0,7	0,0

группе. Спортсмены характеризуются прогрессивной динамикой показателя при восстановлении и условной стабильностью в нагрузочный период. Умеренное снижение на второй и возрастание, превышающее начальный уровень, на третьей минуте ($2 < 1 > 3$) обуславливаются закономерным снижением вариативности СР в поисковую фазу адаптации и последующим увеличением при достижении устойчивого состояния. Резкое увеличение показателя (в 2,5 раза) на второй и замедление роста к третьей минуте (+15%) имеют уже рассмотренные причины (рNN15).

Показатель рNN5 хорошо определяется во всех изучаемых группах на всем протяжении тестирования. Прогрессирующая динамика нагрузочного показателя в смешанной популяции концентрируется во 2-й группе и свидетельствует о провале устойчивой адаптации. В группе спортсменов, напротив, рост показателя отмечается уже со 2-й минуты нагрузки. Изменчивость маркера в период восстановления подкупает разнообразием. Смешанная популяция демонстрирует фактическую стабильность, 2-я группа — прогрессирующую, параболическую, а 1-я — прогрессивную динамику. В последней — рост ко второй

минуте достигает 60% а на третьей — почти не изменяется (+0,5%). Данное обстоятельство, вероятно, имеет ту же основу, что и для рNN10, 15. Отрицательная динамика во 2-й группе определяется длительным периодом рефрактерности миокарда, когда последний не может отвечать на регуляторные влияния в связи с перегрузочным недовосстановлением [5].

Выводы. Изменчивость КРГ на ранних этапах нагрузочного и восстановительного периодов имеет характерные особенности, связанные как со временем от начала периода, так и выраженностью самой изменчивости. При этом у каждого исследуемого показателя свои диагностические амплуа: от бинарного маркера адапционных резервов и физического здоровья (рNN15) до уровня нагрузочной толерантности — количественного эквивалента здоровья (рNN5, 10) и тренированности (аэробно-анаэробной выносливости), определенной по точке перегиба кривой рNNx и/или размерности (X) уровня изменчивости RR-интервалов (рNN10, 15).

Литература

1. *Меерсон Ф.З., Пшенникова М.Г.* Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам. М.: Медицина, 1988. 253 с.
2. *Михайлов В.М.* Нагрузочное тестирование под контролем ЭКГ: велоэргометрия, тредмилл-тест, степ-тест, ходьба. Иваново: Талка, 2008. 548 с.
3. *Михайлов В.М., Харламова Н.В., Беликова М.Э.* Показатель variability сердечного ритма у новорожденных // Функциональная диагностика. 2006. № 1. С. 19–22.
4. *Похачевский А.Л., Анкудинов Н.В., Крапивин О.В.* Регуляция сердечного ритма в восстановительный период стресс-теста // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2014. № 5 (111). С. 139–143.
5. *Похачевский А.Л.* Вегетативный контроль сердечного ритма в динамике нагрузочной толерантности // Вестник восстановительной медицины. 2013. № 1. С. 38–43.
6. *Balady J., Collins E., Fletcher G. et al.* Assessment of Functional Capacity in Clinical and Research Settings: A Scientific Statement from the American Heart Association Committee on Exercise, Rehabilitation, and Prevention of the Council on Clinical Cardiology and the Council on Cardiovascular Nursing // *Circulation*. 2007. Vol. 116. P. 329–343.
7. *Leeper N.J., Dewey F.E., Ashley E.A. et al.* Prognostic Value of Heart Rate Increase at Onset of Exercise Testing // *Circulation*. 2007. Vol. 115. P. 468–474.
8. *Mietus J.E., Peng C-K., Henry I. et al.* The pNNx files: re-examining a widely used heart rate variability measure // *Heart*. 2002. Vol. 88. P. 378–380.

СЛОВАРЬ ПО ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ МЕДИЦИНЕ

А. В. Датий

Впервые в России издан словарь по пенитенциарной медицине. Он подготовлен на основе многолетнего (1987–2015 гг.) опыта работы автора в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД СССР, МВД России и ФСИН России. Многие положения словаря были отражены автором в 455 печатных работах, опубликованных в 1988–2015 гг.

В словаре содержатся основные положения законодательных и нормативных документов по организации медико-санитарного обеспечения в пенитенциарной системе России [1, 4, 5].

Освещены цели, задачи и структура медицинской службы пенитенциарной системы, показаны особенности деятельности медицинской части как структурного подразделения исправительного учреждения, следственного изолятора и тюрьмы [2].

Рассмотрены особенности деятельности лечебных, лечебно-профилактических учреждений и больниц [3].

Показаны цели и задачи медицинской службы по организации и проведению санитарно-противоэпидемического обеспечения в учреждениях пенитенциарной системы [8, 14].

Названы особенности организации противотуберкулезной, психиатрической, наркологической помощи [6, 10].

Приводятся особенности личности больных, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях [11, 12, 13].

Показаны особенности организации медико-санитарного обеспечения сотрудников пенитенциарной системы [7, 9, 15].

Литература

1. *Александрин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.

2. *Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.

3. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 143–145.

4. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе (общая часть) // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 291–295.

5. *Датий А.В.* Правовое регулирование медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 282–295.

6. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.

7. *Дмитриева Л.А.* О международной научно-практической конференции (Москва, НИИ ФСИН России, 29–30 мая) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 157–158.

8. *Дьяченко А.Г., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

9. *Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Взаимосвязи структурно-количественных показателей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 — «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.

10. Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика самоотношения сотрудников пенитенциарной системы России // *NovalInfo.Ru*. 2015. Т. 2. № 30. С. 331–335.

11. Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика самоотношения сотрудников УИС в период обучения // *NovalInfo.Ru*. 2015. Т. 1. № 31. С. 243–247.

12. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 4. С. 51–57.

13. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // *Прикладная юридическая психология*. 2010. № 1. С. 6–21.

14. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 1. С. 118–119.

15. Щелкушкина Е.А., Душкин А.С. Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 4. С. 106–117.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВРАЧЕЙ ПО ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ МЕДИЦИНЕ

А. С. Кузнецова

В сентябре — декабре 2015 г. журналом «Здравоохранение: образование, наука и практика» будет проведена интернет-конференция по актуальным проблемам подготовки врачей по пенитенциарной медицине. Первая в Российской Федерации кафедра пенитенциарной медицины была открыта в Московском государственном медико-стоматологическом университете в 2010 г. для целевой подготовки врачей уголовно-исполнительной системы. Основная стратегическая задача кафедры — подготовка нового поколения специалистов, способных работать в специфических условиях уголовно-исполнительной системы России [1, 6, 20].

На конференции предполагается работа по следующим секциям:

1. Вопросы подготовки специалистов по специальности на основе тесной связи учебного процесса с научными исследованиями [7, 14, 22].

2. Проблемы распределения моло-

дых специалистов в учреждения ФСИН России [13, 15].

3. Направления оказания высококвалифицированной помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы [2, 4, 5, 9, 10, 12, 23].

4. Проблемы оказания медицинской помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы [8, 11, 21, 25].

5. Пути повышения качества подготовки врачей путем совершенствования организации, форм и методов учебного процесса [16, 24].

Врач любой специальности должен быть подготовлен для самостоятельной профессиональной деятельности и выполнения основных функций: организационной, диагностической, консультативной, лечебной и профилактической. Он должен сочетать глубокую теоретическую подготовку с практическими умениями, ответственно относиться к порученному делу, быть требовательным к себе и подчиненным, постоянно повышать свою профессиональную

компетентность и уровень общей культуры, занимаясь непрерывным самообразованием [3, 17, 18, 19].

Пенитенциарный врач должен обладать специальными знаниями и умениями. Специфика медицины заключается в том, что она, с одной стороны, связана с жизнью и здоровьем человека, а с другой — с личностными качествами врача, поэтому нравственность и правовые нормы являются признаком надлежащего врачевания.

Литература

1. *Алексанин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.
2. *Бурцев А.О., Сочивко Д.В.* Психопатизации личности осужденных мужчин в период отбывания наказания в ИУ (структурно-функциональная психодинамика) // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 369–374.
3. *Воронин Р.М.* Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
4. *Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.
5. *Гришко А.А.* Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 14–19.
6. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 143–145.
7. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе [общая часть] // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 291–295.
8. *Датий А.В.* Правовое регулирование медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 282–295.
9. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.
10. *Датий А.В., Ковачев О.В., Кузнецова А.С.* Характеристика больных наркоманией осужденных женщин, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 4 (15). С. 9–13.
11. *Дмитриева Л.А.* Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников оперативных подразделений ОВД и УИС // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 79–83.
12. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.
13. *Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Взаимосвязи структурно-количественных показателей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 — «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.
14. *Кузнецова А.С., Полянин Н.А.* Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
15. *Кузнецова А.С., Шаталов Ю.Н.* Выпуск научного журнала «Медицина» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 149–151.
16. *Огородников В.И., Летунов В.Н.* Персонал УИС в период развития на основе Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 180–184.
17. *Полянин Н.А., Пинтяшин Е.В., Майоров О.А.* Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.
18. *Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика самоотношения сотрудников пенитенциарной системы России // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 331–335.
19. *Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика самоотношения сотрудников УИС в период обучения // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 31. С. 243–247.
20. *Сочивко Д.В., Бурцев А.О.* Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 51–57.
21. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности-

толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

22. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

23. *Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А.* Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

24. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

25. *Щелкушкина Е.А., Душкин А.С.* Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 106–117.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

А. А. Федосеев

Неуклонный рост преступности несовершеннолетних в Российской Федерации вызывает обоснованную тревогу граждан страны. В процессе реформирования пенитенциарной системы России были созданы воспитательные центры [1, 21, 22]. Анализ проблемы показал, что в настоящее время в воспитательных центрах содержится большое количество несовершеннолетних осужденных, совершивших различные по степени тяжести уголовные преступления [2, 23, 24, 25].

Редакцией журнала «Пенитенциарная система: наука и практика» в ноябре 2015 г. готовится выпуск сборника трудов по этой проблеме.

Планируется рассмотреть характеристику несовершеннолетних осужденных [3, 9, 18, 19, 20].

Предполагается оценить состояние здоровья осужденных, содержащихся в воспитательных центрах ФСИН России [4, 10, 11], рассмотреть проблемы оказания им медико-санитарной и социально-психологической помощи [5, 12, 13, 14].

Будут показаны пути дальнейшего развития и совершенствования социальной, психологической и воспитательной работы в воспитательных центрах [6, 15, 16, 17].

Планируется рассмотреть вопросы социальных гарантий работы сотрудников воспитательных центров [7, 8, 25].

Надеемся, что сборник трудов поможет практическим, научным и педагогическим работникам в их повседневной деятельности.

Литература

1. *Александрин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.

2. *Бурцев А.О., Сочивко Д.В.* Психопатизации личности осужденных мужчин в период отбывания наказания в ИУ (структурно-функциональная психодинамика) // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 369–374.

3. *Воронин Р.М.* Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.

4. *Воронин Р.М., Дати́й А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика

ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.

5. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 143–145.

6. *Датий А.В.* Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе (общая часть) // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 291–295.

7. *Датий А.В.* Правовое регулирование медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 282–295.

8. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.

9. *Дмитриева Л.А.* О международной научно-практической конференции (Москва, НИИ ФСИН России, 29–30 мая) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 157–158.

10. *Дмитриева Л.А.* Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников оперативных подразделений ОВД и УИС // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 79–83.

11. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

12. *Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю.* Взаимосвязи структурно-количественных показателей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 — «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.

13. *Кузнецова А.С., Полянин Н.А.* Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.

14. *Медведева О.В.* Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья современных семей // Общественное здоровье и здравоохранение. 2010. № 1. С. 87–89.

15. *Медведева О.В.* Медико-социальные и медико-демографические аспекты бездетных семей // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2010. № 4. С. 8–9.

16. *Огородников В.И., Летунов В.Н.* Персонал УИС в период развития на основе Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 180–184.

17. *Полянин Н.А., Пинтяшин Е.В., Майоров О.А.* Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.

18. *Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика самоотношения сотрудников пенитенциарной системы России // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30. С. 331–335.

19. *Полянин Н.А., Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика самоотношения сотрудников УИС в период обучения // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 31. С. 243–247.

20. *Сочивко Д.В., Бурцев А.О.* Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 51–57.

21. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности-толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

22. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

23. *Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А.* Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

24. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

25. *Щелкушкина Е.А., Душкин А.С.* Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 106–117.

ПАМЯТИ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА СТАРКОВА — ЧЕЛОВЕКА, УЧЕНОГО, ДРУГА

Н. И. Махиборода

Аннотация: статья посвящена памяти выдающегося деятеля отечественной пенитенциарной науки — профессора О.В. Старкова. В ней изложены основные вехи его становления как ученого, приводятся наиболее известные работы.

Об Олеге Викторовиче Старкове можно долго говорить — о его многогранности, таланте, трудолюбии, о том, как долго шло его становление, которое состоялось в масштабах не только его Отечества, но и мирового сообщества, можно говорить о его многих человеческих недостатках, преобразованных в сложных условиях в его достоинства, о том, что он долго искал свою любовь, но каждая женщина, находившаяся с ним рядом, подтвердит, что он был способен на большую настоящую любовь, и прежде всего об этом может говорить его жена Ольга, с которой они почти два десятилетия делили и радости, и горести, и победы, и поражения, а главное, о том, что он никогда не оставлял в беде своих друзей, может сказать каждый его друг.

Старков Олег Викторович, доктор юридических наук, профессор, полковник внутренней службы в отставке, соучредитель и вице-президент (почетный) Российской криминологической ассоциации, главный редактор журнала ВАК России «Российский криминологический взгляд», родился в селе Подбельск Самарской (Куйбышевской) области 26 ноября 1952 г., там же в 1970 г. с отличием окончил школу.

В 1975 г. с отличием окончил гуманитарный факультет Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета по специальности «Правоведение»; работал адвокатом в Куйбышевской областной коллегии адвокатов (с 1975 по 1978 год), военным следователем в военной прокуратуре Львовского гарнизона во время прохождения службы в Советской Армии (1976 г.).

С 1982 по 2001 год — в Рязанской высшей школе МВД СССР (в настоящее время Академия ФСИН России) от старшего преподавателя до профессора и начальника кафедры; в 1988 г. участвовал в охране общественного порядка в Нагорно-Карабахской автономной области; в 2001–2007 гг. — профессор Кубанского государственного университета.

В дальнейшем или по основному месту работы, или по совместительству: профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Северо-Кавказского государственного технического университета, Московского государственного открытого университета, Российской таможенной академии, Международного славянского института; ведущий научный сотрудник Академии бюджета и казначейства Минфина России, главный научный сотрудник Российской правовой академии Минюста России; профессор Московского государственного университета технологий и управления.

Приглашался для чтения лекций за рубежом, в частности в ноябре 2008 г. читал лекции для кадетов Латвийского полицейского колледжа, докторантов Рижского университета Страдина, студентов Балтийского международного университета; в 2000 г. — в Казахском национальном университете имени Аль-Фараби и в Казахском национальном педагогическом университете (г. Алматы); в 2011 г. — в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан). В 2011 г. участвовал в заседании Конституционного совета Казахстана и Комитета по законодательству Меджлиса Казахстана.

В процессе обучения в очной аспирантуре МГУ имени М. В. Ломоносова (1978–1981 гг.) в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Роль криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях» (научный руководитель — Н. Ф. Кузнецова); в 1998 г. в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ защитил докторскую диссертацию на тему: «Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания» (научный консультант — Э. Ф. Побегайло), в 2000 г. присвоено ученое звание «профессор».

Велика и область его научных исследований: бытовые насильственные преступления; причинный механизм преступного поведения и преступности, правонарушаемости и правонарушающего поведения; методология криминологии и теории права; предупреждение преступлений и правонарушений; криминоюстициология; криминосексология; религиозное и конфесси-

ональное право; религиоведение для юристов. Основал собственную научную школу по криминопенологии (2 защищенные кандидатские диссертации, готовится докторская, 3 издания монографии), криминопедагогике (1 защищенная кандидатская диссертация, 3 издания монографии), криминовикринологии (1 защищенная кандидатская диссертация, 6 книг, 1 монография).

Олег Викторович является автором более 150 научных и учебно-методических трудов, изданных на русском, китайском, латышском, английском, немецком и других языках, из них свыше 40 книг в виде монографий (11), учебников (17), учебных и учебно-методических пособий (21), в том числе 9 книг он написал лично, 13 — с одним или двумя соавторами; в частности: «О причинах бытовых преступлений // Конкретные криминологические исследования в условиях района крупного промышленного центра» (Омск, 1974); «Уголовная статистика и криминология» (Рязань, 1991); «Бытовые насильственные преступления» (Рязань, 1992); «Криминальная психология. Программа для вузов МВД России» (Рязань, 1995, в соавторстве); «Введение в криминопенологию» (Уфа, 1997); «Основы криминопенологии» (Уфа, 1997); «Краткий словарь по криминопенологии» (Рязань, 1998); «Криминология: учебник для вузов» (Пекин, на кит. яз., под ред. А. И. Долговой, 2000); «Криминопенология» (М., 2004); «Криминопедагогика: религиозная преступность» (СПб., 2004, в соавторстве); «Предупреждение преступлений» (М., 2005, с грифом УМО); «Теория государства и права» (М., 2005, 2007, в соавторстве); «Юриспруденция. Введение в

специальность» (М., 2005, в соавторстве); «Религиоведение для юристов» (СПб., 2007, в соавторстве); «Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Глава II» (СПб., 2007, в соавторстве); «Криминология: учебник» (Алматы, 2008, в соавторстве); «Криминальная субкультура» (М., 2010); «Правоведение» (Ростов-на-Дону, 2011, в соавторстве); «Теория государства и права» (М., 2012, в соавторстве); «Криминовиолентология» (М., 2012, в соавторстве); «Криминология. Общая, Особенная и Специальная части» (СПб., 2012).

Кроме юриспруденции (научные специальности: 12.00.08; 12.00.01), его работы обогатили психолого-педагогическую науку.

Олег Викторович впервые в мире открыл факторы несовместимости мужчин и женщин, а также мужчин на основе исследования убийц и выживших потерпевших путем попарного сравнения; разработал методику вхождения в криминогенные ситуации сотрудников правоохранительных органов и разрешения их изнутри в групповой профилактике; он автор системы программы по криминальной психологии; обосновал необходимость изучения в русле криминологии, а не только теории управления преступности сотрудников правоохранительных органов; установил критерии и показатели эффективности всех уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера на основе изучения преступности при их исполнении; предложил систему общесоциальной, микросредовой, групповой и индивидуальной профилактики бытовых преступлений, неформальных молодежных объединений, массовых и религиозных престу-

плений; в теории права выделил религиозное и конфессиональное право, а в структуре правоотношений предложил выделять еще методы и стадии.

Я лично знал Олега 25 лет. Он иногда был импульсивен, взрывоопасен, когда видел несправедливость, неискренность, тем более если сталкивался с явной ложью. Общение было с ним нелегким. Но с друзьями он был открыт, вдохновлял их на великие дела, заражал безудержным весельем. Его раскатистый смех забыть невозможно.

А как он переживал за судьбу друзей... До сих пор не поднимается рука стереть его СМС, которое он мне написал незадолго до своей смерти. Узнав, что я тяжело заболел, он мгновенно среагировал: «Ты где? Телефоны не отвечают. Старков».

Его любознательность и научное честолюбие позволили ему многое сделать для отечественной и мировой криминологии, психологии и педагогики. Сочетание непосредственности и простоты с академическим мышлением восхищали и его сторонников, и его противников. Он был доступным, но научно строгим. Другому бы и трёх жизней не хватило сделать столько, сколько было сделано Олегом Викторовичем.

Можно ещё долго перечислять заслуги О. В. Старкова, но следует все-таки сказать о Человеке главное.

Олег Старков — это личность.

Олег Старков — это талантливый ученый с мировым именем.

Олег Старков — это настоящий семьянин, любивший своих детей, жену, и настоящий друг.

Эти стихи были посвящены мной его 60-летию.

Олегу в Юбилей

На Юбилей напишутся стихи,
Исполнятся и песни под гитару.
Он не спешит замаливать грехи –
С друзьями никогда не станет
старым!

Пусть наши дети внуков нам растят,
И сколько их еще тех лет и зим?
Ему сегодня ровно 60,
А он еще и молод, и любим.

Но судьба распорядилась по-
другому, вскоре после юбилея Олега
Викторовича не стало. Светлая память
о нём сохранится в наших сердцах.

***

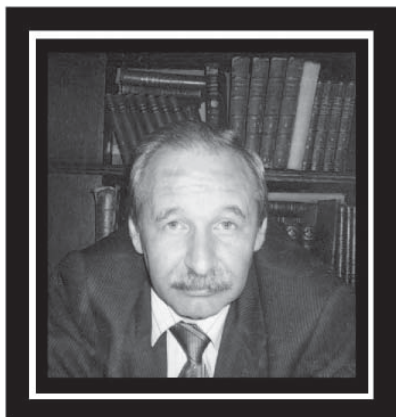
Слышится звон подков,
Вторят им медные трубы,
Умер мой друг Старков,
Выбить бы смерти зубы.

Сохранились все адреса, все элек-
тронные почты: 350012 г. Краснодар,
ул. Красных Партизан, дом 4/3, кв. 44;
тел. дом. (861) 2221699; моб. (915)
0929945 (Москва); (910) 6154011
(Рязань.); (918) 3633873 (Красно-
дар); электр. адрес: olegstar@mail.ru;
olegsuperstar@yandex.ru – О. В. Стар-
ков.

Жаль только, что ни по одному из
этих телефонов нельзя дозвониться
Олегу и нельзя получить по электрон-
ной почте ответ на письмо.

Пусть ему будет пухом родная Под-
бельская земля.

ПАНТИЛЕЕВ СЕРГЕЙ РЭМОВИЧ 1957–2015

17 июля 2015 года ушел из жизни Сергей Рэмович Пантिलеев, российский психолог, выдающийся специалист в области психодиагностики и психологии личности, внёсший существенный вклад в разработку, адаптацию и стандартизацию целого ряда психологических методик, таких как «Тест-опросник субъективной локализации контроля», «Методика диагностики защитных механизмов личности», сокращенная версия ММРП и др. Широкую известность ему принесла «Методика

исследования самоотношения (МИС)», которую он разработал и по которой защитил кандидатскую диссертацию еще в конце 80-х годов XX века. Эта методика оказалась одним из первых стандартизированных психодиагностических инструментов, открывших дорогу к изучению самосознания человека. Размышления о сознании и самосознании были основной темой его статей и книг.

Делом всей жизни для Сергея Рэмовича стала основанная им в 1995 году Академия практической психологии. Он был не только ее основателем, но и идейным вдохновителем, руководил программами подготовки и переподготовки специалистов, читал лекции, проводил занятия. Для него было очень важным, чтобы психологи могли использовать свои знания для решения тех задач, которые ставит перед ними жизнь: будь то организационное или личностное консультирование, психологическая поддержка спортсменов или сотрудников правоохранительных органов. Он много делал для повышения имиджа психологии и формирования психологической культуры в современной России.

Творческая и профессиональная жизнь Сергея Рэмовича была связана с факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Еще не закончив свое собственное обучение, он стал секретарем комсомольской организации и взял на себя ответственность за студентов и молодых ученых факультета. Эту ответственность он с себя так и не снял. Очень переживал, что новые поколения не воспринимают факультет так, как воспринимал он — как дом, как сообщество единомышленников, как команду первопроходцев. В последние

годы Сергей Рэмович читал авторские курсы лекций по дифференциальной психологии, основам психодиагностики, психологии характера.

Все, кто знал Сергея Рэмовича, работал вместе с ним, слушал его лекции, использовал разработанные им психологические инструменты, потрясены его безвременной кончиной. Хочется надеяться, что все его планы будут реализованы, что найдутся ученики и последователи, которые продолжат его начинания. Его имя останется не только в сердцах его родных, учеников и коллег, но и на обложках книг, в публикациях, дискуссиях, в бесконечном психологическом дискурсе.

Светлая ему память!

Несколько высказываний людей, хорошо знавших Сергея Рэмовича Пантеева:

Александр Георгиевич Шмелев, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Лаборатории «Гуманитарные технологии», которую они создали вместе с С.Р. Пантеевым и другими коллегами: «Столько было пережито, вынесено вместе с Сергеем в прошедшие годы. В 80-е вместе преодолевали трудности первых лет внедрения психодиагностики в научную и педагогическую жизнь факультета. Не все (мягко говоря) члены Ученого совета в то время жаловали психодиагностику... Потом были 90-е — это годы борьбы за профессиональное выживание. И до последних дней Сергей продолжал, как привык, бороться... Без этого не было бы ни помещений, ни ставок для новых молодых сотрудников, готовых работать в инновационных проектах».

Анна Владимировна Визгина, коллега, соавтор и друг С.Р. Пантилеева: «Он был мыслитель, настоящий философ, обладал глубоким системным мышлением... Начал писать серьезный фило-

софский труд, посвященный феномену сознания, но так и не завершил его... И, конечно, мог бы сделать гораздо больше, если бы его жизнь так внезапно и так трагически не оборвалась...»

БЕЗНОСОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ 1947–2015

Сергей Петрович Безносков родился 10 ноября 1947 года в г. Якутске. В Ленинградский государственный Университет на факультет психологии он поступил в 1967 г. Научным руководителем курсовой и дипломной работы молодого ученого был Лев Маркович Веккер. После окончания Университета Сергей Петрович служил в Советской армии в звании лейтенанта. Служба проходила в суровых условиях Севера под г. Архангельском. Отслу-

жив в армии, Сергей Петрович вернулся на родной факультет, стал работать младшим, а затем и старшим научным сотрудником на кафедре социальной психологии. За это плодотворное время он подготовил кандидатскую диссертацию, посвященную психологии экспертной оценки персонала организаций. Эта проблема оказалась очень важной и востребованной, поскольку отечественная психология только стояла в начале пути по разработке системы психологического подбора, оценки и продвижения персонала в различных организациях. Диссертация была успешно защищена на Ученом Совете факультета психологии ЛГУ в 1982 году.

В это же время Сергей Петрович Безносков переходит на работу в систему МВД, занимая должность преподавателя на кафедре педагогики и психологии Высшего Политического Училища МВД СССР в Ленинграде. До конца своих дней Сергей Петрович был верен системе МВД, вложив свои знания классической психологии в разработку специальной отрасли — юридической психологии. Являясь учеником Бориса Герасимовича Ананьева и всей пле-

яды ученых Ленинградской школы психологии, Сергей Петрович начинает заниматься психологией субъекта профессиональной деятельности, разрабатывая вопросы профессиональной деформации сотрудников МВД. В 1997 г. Он защищает диссертацию на соискание степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете. Профессиональная деформация рассматривается ученым как следствие влияния сложных условий деятельности сотрудников МВД, постоянно имеющих дело с преступниками. Профессиональная деформация может возникнуть в ситуации незрелости личности, с одной стороны, и стрессового воздействия профессиональных условий на субъекта деятельности, с другой. Сравнивая профессиональную деформацию учителей, врачей и сотрудников внутренних органов, Сергей Петрович Безнососов приходит к выводу о том, что люди, работающие в профессиях типа «субъект-субъект» наиболее склонны к профессиональной деформации. Разработанная ученым система профилактики профессиональной деформации сотрудников МВД позволила в значительной степени снизить риск личностных и субъектных деформации людей этой сложной профессии. Основные идеи изложены Сергеем Петровичем в книге «Профессиональные деформации личности», изданной в издательстве «Речь» в 2003 г. В Санкт-Петербурге.

Сергей Петрович был удивительно добрым, щедрым человеком. Он старался помочь каждому человеку, кото-

рый встречался на его жизненном пути. Приветствуя при встрече своего знакомого, он обязательно спрашивал: «Чем я могу Вам помочь?». Помощь оказывалась каждому — и близкому другу и мало знакомому человеку. У Сергея Петровича был уникальный дар общения. Он очень легко знакомился, общался с людьми, располагал их к себе. Люди верили Сергею Петровичу, обращались к нему за помощью в трудную минуту, всегда эту помощь получая. Больше всего на свете Сергей Петрович любил делать людям подарки. Дома он хранил специальный подарочный фонд, чтобы в любой момент быть готовым что-то подарить другому человеку. Никто не уходил из его гостеприимного дома с пустыми руками.

Сергея Петровича высоко ценили сотрудники по работе. Он был профессором кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД РФ, подготовил целую плеяду учеников, специалистов в области юридической психологии. Сергей Петрович был очень талантливым и требовательным преподавателем, обсуждая на занятиях с курсантами университета наиболее актуальные проблемы психологии, и юридической психологии, прежде всего.

Безвременный уход Сергея Петровича Безнососова является огромной утратой для российской юридической психологии.

Редакция журнала выражает соболезнования жене и сыну Сергей Петровича, его коллегам по работе, ученикам, друзьям, всем, кто его знал и любил.

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»

В соответствии с распоряжением ФСИН России от 5 июня 2015 г. № 75-р «Об утверждении плана мероприятий и состава рабочей группы по подготовке и проведению II Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» 25–26 ноября 2015 г. в Академии ФСИН России состоится II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление», приуроченный к 60-летию со дня принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Проведение форума направлено на создание международной экспертной площадки для обсуждения современных тенденций развития пенитенциарной системы, положительного опыта исполнения уголовных наказаний, новых форм и методов работы с осужденными; анализ современного состояния уголовно-исполнительной системы и актуальных проблем в области пенитенциарной практики; привлечение внимания общественности к деятельности пенитенциарной службы; выработку комплекса эффективных мер, направленных на устойчивое развитие уголовно-исполнительной системы.

В работе форума планируется участие руководства ФСИН России, руководителей структурных подразделений и территориальных органов ФСИН России, руководства пенитенциарных служб зарубежных стран, ведущих ученых-пенитенциаристов России и иностранных государств, образовательных организаций ФСИН, МВД, Минобрна-

уки России, российских и международных общественных организаций, практических работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

По итогам работы форума будут выработаны рекомендации по повышению эффективности деятельности пенитенциарных служб, совершенствованию законодательства в сфере применения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной практики.

Форум будет работать в течение двух дней: в первый день — пленарное заседание; во второй — работа конференций и круглых столов.

До начала работы форума планируется издание сборника материалов.

В целях своевременного решения организационных вопросов просим Вас сообщить об участии в данном мероприятии до 1 октября 2015 г., направив сведения по электронной почте: penitentiary_forum-2015@mail.ru.

Контактные телефоны:

8 (4912) 93-82-59 (Рыжов Роман Сергеевич — заместитель начальника академии по научной работе);

8 (4912) 93-82-78 (Рахмаев Эдуард Саидович — начальник научного центра академии);

8 (4912) 93-82-62 (Аверкин Сергей Дмитриевич — начальник организационно-научного отдела).

E-mail: penitentiary_forum-2015@mail.ru.

Приглашаем всех желающих принять участие в работе II Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление»!

ОСОБЕННОСТИ САМОРАЗВИТИЯ ЮРИСТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ

Т. С. Пухарева

Аннотация: статья посвящена теоретико-эмпирическому исследованию особенностей саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе.

В ходе теоретического обоснования статьи проведен краткий обзор отечественной и зарубежной литературы по проблеме саморазвития личности, раскрыта психологическая природа феномена доверия к себе, показана роль доверия к себе в профессиональном саморазвитии юриста. Саморазвитие понимается как сознательная деятельность человека, направленная на самоактуализацию, самореализацию и самосовершенствование. Доверие к себе рассматривается как относительно самостоятельный психологический феномен, вера личности в самоэффективность. Констатируется, что доверие к себе является условием саморазвития личности, в частности самореализации юриста в профессии.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, в котором принимали участие сотрудники юридических отделов организаций г. Краснодара. Респонденты были распределены на группы по уровню доверия к себе с помощью «Рефлексивного опросника уровня доверия к себе» (Т. П. Скрипкина). Особенности саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе изучались с помощью диагностики самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина) и методики изучения потребности в самосовершенствовании (Г. Д. Бабушкин). Показаны резуль-

таты сравнительного анализа полученных данных в выбранных для исследования группах, выявлены различия в показателях саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе с помощью методов математической статистики.

В результате проведенного эмпирического исследования выделены психологические особенности, инициирующие саморазвитие юристов с высоким уровнем доверия к себе: автономность, аутосимпатия, креативность, ориентация на ценности самоактуализирующейся личности, гибкость в общении, выраженная потребность в самосовершенствовании. Установлено, что юристов с низким уровнем доверия к себе отличает негативный взгляд на природу человека, низкая способность к спонтанному поведению, неактуализированная потребность к самосовершенствованию.

Статью завершает вывод о прикладном значении результатов проведенного исследования в оптимизации профессиональной деятельности юристов. Указано, что через формирование системы установок на доверие к себе можно инициировать потребность к саморазвитию и самосовершенствованию профессионального мастера юридического кадра с целью повышения продуктивности и профессионализма.

Ключевые слова: личность юриста, профессия юриста, профессионализм, юридический труд, доверие, доверие к себе, саморазвитие, самоактуализация, самосовершенствование, самореализация.

К личности юристов разной профессиональной направленности предъявляются высокие требования. Это обусловлено прежде всего спецификой юридического труда, ведь юрист представляет закон государства, которым обязан руководствоваться в своей профессиональной деятельности. Профессионально важными качествами юриста являются высокий интеллект, эрудированность, умение работать с разными категориями людей, самостоятельность, активность, уверенность в себе, стремление к самосовершенствованию. Проблема изучения психологических характеристик саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе представляется актуальной, поскольку знание о психологических механизмах самореализации юриста позволяет решить задачу оптимальной самоорганизации юридического труда, повышения его эффективности, минимизации риска профессиональных деструкций, наиболее полного использования имеющихся потенциалов личности юриста.

Отдельные аспекты изучения проблемы саморазвития нашли отражение в работах многих зарубежных и отечественных психологов (А. Маслоу, Р. Райан, К. Роджерс, М. Селигман, В. Франкл, Э. Фромм, К. Ясперс, К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, Д. Б. Богоявленская, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. Г. Маралов, Ю. М. Орлов, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман, И. И. Чеснокова и другие). Теоретический анализ литературных источников по проблеме саморазвития личности позволяет рассматривать это явление как самоактуализацию, самореализацию, непрерывное самоизменение себя, стремление лич-

ности к достижению наибольшей полноты жизни.

В наиболее известных концепциях психологическая природа саморазвития личности трактуется следующим образом: мотивация к самовоплощению собственных потенциалов (А. Маслоу); стремление личности к совершенству, в основе которого лежит способность формулировать жизненные цели и способы их достижения (А. Адлер); стремление человека к поиску и реализации смысла жизни (В. Франкл); реализация неограниченного потенциала для самосовершенствования, который заложен в человеке (К. Роджерс); самостоятельное определение человеком стратегии жизни (К. А. Абульханова-Славская); воплощение своей жизненной программы в социальном образе жизни общества (А. Г. Асмолов); субъектный рост, необходимость самореализации в социуме, установка на наивысшие достижения (А. А. Деркач); процесс, проявляющийся посредством самоутверждения, самосовершенствования и самоактуализации (В. Г. Маралов).

В нашем исследовании саморазвитие понимается как сознательная деятельность человека, направленная на более полную реализацию себя как личности [7, 15], как стремление личности к самореализации благодаря осознанию самооценности, повышения самоэффективности, уверенности в себе, развития социально-психологических качеств, формирования адекватной самооценки и позитивного самоотношения. Рассматривая саморазвитие в качестве объекта нашего исследования, мы исходим из положения о том, что в основе саморазвития личности лежит не только видение человеком жиз-

ненных перспектив, осознание жизненных целей, наличие устойчивой системы ценностей, продуктивность личности в различных сферах своего бытия, но и умение доверять себе и окружающему миру.

Проблема доверия вызывает сегодня широкий научный интерес и имеет важное прикладное значение, поэтому попадает в фокус внимания специалистов различного профиля [2, 3, 4, 13]. Представители практической психологии (С. Джурард, А. Маслоу, К. Роджерс, Ф. Перлз и другие) особое внимание уделяют доверию к себе, квалифицируя этот феномен как важнейшее условие и ресурс для исцеления личности. Авторы приходят к выводу о том, что благодаря доверию к себе человек преодолевает свое стремление искать поддержку в окружающем мире и находит источники поддержки в самом себе, принимает ответственность за самого себя. Доверие к себе как психологический феномен базируется на чувстве аутентичности, связано с расширением возможностей личности, повышением ее творческой активности и, как следствие, успешным саморазвитием и самореализацией [16, 8, 9, 11].

Т. П. Скрипкина рассматривает доверие к себе как относительно самостоятельный психологический феномен, отношение к собственной субъектности как значимой для личности. Согласно представлениям автора такое доверие позволяет человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к миру и является показателем целостности личности. Благодаря доверию к себе человек может видоизменять, конструировать окружающий мир [12].

По мнению А. Б. Купрейченко, доверие к себе способствует сохранению социально-психологического пространства личности, а также выполняет функцию поддержания позитивной идентичности, защиты Я-концепции и сохранения системы наиболее значимых отношений личности — стержня ее самоопределения [5].

Исследования показывают, что сформированная способность доверять себе в профессиональной сфере жизни является важным условием профессионального становления юриста, поскольку доверие к себе выражает позитивное отношение личности к своей профессиональной деятельности и ее результатам, желание выполнять ее более эффективно [10]. Вместе с тем в основе профессионального и социального статуса юриста, его удовлетворенности личными достижениями, уверенности в себе лежит способность к саморазвитию, постоянное самосовершенствование в профессии, формирование своей жизненной философии как профессионала [1, 6, 14].

Итак, с одной стороны, способность к саморазвитию инициирует профессиональный прогресс юриста, его восхождение по профессиональному пути, обеспечивает формирование позитивного профессионального сознания, развитие профессиональных качеств, умения преодолевать кризисные ситуации в профессии, профессиональный рост в целом. С другой стороны, доверие юриста к себе как вера в самоэффективность, ценностный ориентир личности, обеспечивает сохранение целостности личности в условиях юридической деятельности и создает условия для личностного и профессионального

саморазвития. В связи с этим возникает вопрос, определивший проблему нашего исследования: как соотносятся характеристики саморазвития, в частности показатели парциальной самоактуализации личности, при разном уровне доверия юристов к себе. Цель эмпирического исследования, таким образом, заключалась в изучении особенностей саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе.

В исследовании приняли участие 78 юристов, сотрудники юридических отделов организаций г. Краснодара в возрасте от 23 до 38 лет, из них 36 мужчин и 42 женщины. Для распределения испытуемых на группы использовался «Рефлексивный опросник уровня доверия к себе» Т. П. Скрипкиной [12]. По результатам проведенной диагностики опрошенные были разделены на три группы, отличающиеся по уровню доверия к себе: с высоким уровнем доверия к себе (31 человек), со средним (32 человека) и с низким (15 человек).

Особенности саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе изучались с помощью диагностики самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина) и методики изучения потребности в самосовершенствовании (Г. Д. Бабушкин). Затем был проведен сравнительный анализ полученных данных в выбранных для исследования группах, выявлены различия в показателях саморазвития юристов с разным уровнем доверия к себе (с помощью H-критерия Крускала — Уоллиса и U-критерия Манна — Уитни).

Обратимся к результатам диагностики самоактуализации личности в отобранных для исследования груп-

пах. Юристы с высоким, средним и низким уровнем доверия к себе обладают средними баллами по шкалам: ориентация во времени, потребность в познании, креативность, самопонимание, контактность и гибкость в общении. При этом у юристов с высоким и средним уровнем доверия к себе существует значимая тенденция к увеличению значений по шкалам ориентации во времени и потребности в познании. Таким образом, юристы с высоким и средним уровнем доверия к себе в большей степени, чем юристы с низким уровнем доверия к себе, живут настоящим, хорошо понимают экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь», способны наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлым и не обесценивая предвкушением будущих успехов, открыты новым впечатлениям и способны к бытийному познанию.

Юристы с высоким уровнем доверия к себе значимо более креативны и стремятся к творчеству, сильнее склонны проявлять гибкость в общении, способны к самораскрытию в отношениях с другими, чем юристы со средним и низким уровнем доверия к себе. По шкалам самопонимания и контактности значимых различий между обследуемыми группами не обнаружено.

Юристы с высоким, средним и низким уровнем доверия к себе имеют высокие баллы по шкале автономности. Понятие автономности широко рассматривается в рамках гуманистической психологии и понимается как основной критерий психического здоровья личности, ее целостности и полноты. Автономность также говорит о независимости и позитивной свободе человека. Было выявлено, что юристы с высоким

уровнем доверия к себе значимо более автономны, чем юристы со средним и низким уровнем доверия к себе.

Юристы с высоким уровнем доверия к себе имеют высокие показатели по шкале ценностей и шкале ауто-симпатии, юристы со средним и низким уровнем доверия к себе показывают средние значения по этим шкалам. Выявленные значимые различия по данным показателям говорят о том, что юристы с высоким уровнем доверия к себе в большей степени, чем респонденты других групп, ориентируются на такие ценности, как истина, добро, совершенство, самодостаточность, характеризуются осознаваемой позитивной Я-концепцией, устойчивой самооценкой.

Юристы с высоким и средним уровнем доверия к себе имеют средние баллы по шкале, диагностирующей взгляд на природу человека, в то время как юристы с низким уровнем доверия к себе имеют по данной шкале низкие баллы — по этим показателям выявлены значимые различия. Таким образом, юристы с высоким и средним уровнем доверия к себе более высоко оценивают других людей, симпатизируют другим, более готовы к искренним и гармоничным межличностным отношениям. Юристы с низким уровнем доверия к себе менее, чем респонденты других групп, верят в могущество человеческих возможностей, непредвзятость и доброжелательность других людей.

Юристы с высоким уровнем доверия к себе характеризуются средними баллами по шкале спонтанности, в отличие от юристов со средним и низким уровнем доверия к себе, которые показывают по этой шкале низкие баллы. Значи-

мые различия по показателю спонтанности выявлены между тремя выбранными для исследования группами. Значимая тенденция увеличения значений от юристов с низким уровнем доверия к себе к юристам с высоким уровнем доверия к себе показывает, что респонденты с высоким уровнем доверия к себе более уверены в себе и окружающем мире, самоактуализация стала для них образом жизни. Респонденты с низким уровнем доверия к себе более фрустрированы культурными нормами, самоактуализация для них — больше мечта или стремление.

В результате проведенного исследования с помощью методики изучения потребности в самосовершенствовании получены следующие результаты. Показатели выраженности потребности в самосовершенствовании юристов с высоким и средним уровнем доверия к себе находятся в области значений выше среднего; у юристов с низким уровнем доверия к себе показатели потребности в самосовершенствовании — на уровне ниже среднего. Существует значимая тенденция увеличения показателей потребности в самосовершенствовании от юристов с низким уровнем доверия к себе к юристам с высоким уровнем доверия к себе. Таким образом, у юристов с высоким и средним уровнем доверия к себе более выражена потребность в самосовершенствовании, активном творении себя, достижении ближайших и долгосрочных целей, постоянном саморазвитии, чем у юристов с низким уровнем доверия к себе.

Проведенный сравнительный анализ и статистические данные позволяют утверждать о существовании особенностей саморазвития юристов с

разным уровнем доверия к себе. Психологическими особенностями, инициирующими саморазвитие юристов с высоким уровнем доверия к себе, являются автономность, аутосимпатия, креативность, ориентация на ценности самоактуализирующейся личности, гибкость в общении, выраженная потребность в самосовершенствовании. Юристов с низким уровнем доверия к себе отличает негативный взгляд на природу человека, низкая способность к спонтанному поведению, неактуализированная потребность к самосовершенствованию.

Прикладное значение результатов проведенного исследования заключается в том, что полученные данные могут лечь в основу оптимизации профессиональной деятельности юристов: через формирование системы установок на доверие к себе можно инициировать потребность к саморазвитию и самосовершенствованию профессионального мастера юридических кадров с целью повышения их продуктивности и профессионализма.

Литература

1. *Абдуллаева М.М.* Особенности «образа Я» профессиональных юристов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 108–121.
2. *Биличенко Е.Н.* Доверие к себе как фактор самоактуализации личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 92–94.

3. *Ермолаев В.В.* Доверие граждан полиции как критерий управляемости организационной культуры ОВД на этапе реформирования // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 112–119.

4. *Заварцева М.М.* Доверие: новые перспективы мультидисциплинарных исследований // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 14–22.

5. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008. 571 с.

6. *Мальцева Т.В.* Подходы к преодолению внутрличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 72–76.

7. *Маралов В.Г.* Основы самопознания и саморазвития. М.: Академия, 2002. 423 с.

8. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

9. *Перлз Ф.* Практика гештальттерапии. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. 480 с.

10. *Пухарева Т.С.* Психологические особенности доверия к себе и к другим у будущих юристов на этапе профессионального обучения в вузе : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2011. 200 с.

11. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. 480 с.

12. *Скрипкина Т.П.* Доверие как социально-психологическое явление : дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 1998. 392 с.

13. *Скрипкина Т.П.* Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.

14. *Тавтилова Н.Н.* Особенности психодинамики личностного роста сотрудников УИС в зависимости от стажа службы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 98–106.

15. *Щукина М.А.* Проблема саморазвития личности в парадигме культурно-исторической психологии // Психологическая наука и образование 2014. Т. 6. № 4.

16. *Jourard S.M.* The transparent self. New York: Van Nostrand Reinhold, 1971.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВО ФГОС ВПО ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»: ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Илidgeв

Аннотация: в статье представлен общий обзор сформировавшихся взглядов на содержание понятий «компетенция» и «компетентность», выделены два подхода к соотношению этих понятий. Автор считает, что профессиональные компетенции — это заранее заданные и представленные в федеральных государственных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) требования к профессиональной подготовке обучающихся, а профессиональная компетентность — обладание выпускником системой профессиональных компетенций, включая его личностное отношение к ней и к предмету профессиональной деятельности. В статье проводится анализ всех девятнадцати профессиональных компетенций, регламентированных в федеральном государственном образовательном стандарте, то есть тех способностей и умений, которыми должен овладеть обучающийся, чтобы успешно выполнять свои функциональные обязанности. Указанные компетенции четко структурированы и обоснованы и классифицируются на пять групп. В работе раскрывается структура профессиональной компетенции, представленная как сложное образование, включающее в себя три основных компонента: когнитивный, связанный со знаниями и способами их получения; деятельностный, определяющий процесс становления умений на основе полученных знаний и способов их реализации, и личностный, представляю-

щий мотивы и ценностные установки личности. На основе анализа состава и содержания профессиональных компетенций будущего бакалавра юриспруденции обоснована интегративная сущность профессиональной компетенции, проявляющаяся во взаимосвязи смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, опыта, задаваемых по отношению к определенному виду профессиональной деятельности, и определяющая способность личности их интегрировать в своем сознании для решения определенных профессиональных задач.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, состав и структура профессиональных компетенций бакалавра юриспруденции, умения, профессиональная компетентность, навыки, интеграция, способности, профессиональная ориентация, требования ФГОС ВПО.

Система получения высшего образования в вузах таких силовых ведомств нашей страны, как ФСИН России, МВД России и других, уже несколько лет действует в рамках новых ФГОС ВПО. Нарботан солидный опыт практической деятельности по реализации стандартов, описанный в научно-методических журналах («Высшее образование в России», «Прикладная юридическая психология», «Психопедагогика в правоохранительных органах» и др.). Написана не одна диссертация (например, О. В. Шемет, Г. Р. Ахметзянова), опубликовано большое число

монографий (В. И. Байденко, А. А. Вербицкий, Н. А. Селезнева и др.) и научных статей по проблемам компетентностного подхода в профессиональном образовании [1–4, 6, 14 и др.]. Тем не менее еще остаются вопросы, требующие внимания. Прежде всего они касаются понятийно-терминологического обеспечения компетентностного подхода и, в частности, содержания и сущности понятий «профессиональные компетенции» и «профессиональная компетентность». Несмотря на обилие работ, в которых рассматривается вопрос о содержании этих понятий, все еще имеет место некоторая путаница. Одни исследователи [5] считают, что эти понятия идентичны, другие [8, 11 и др.] их разводят. Есть разные подходы к выделению состава и структуры компетенций. Кроме того, нередко предлагаемые исследователями определения данных понятий не имеют должного научного обоснования.

Между тем от степени обоснованности понятий, их содержания и структуры зависит качество любого исследования. Это влияет и на образовательную практику, в основе которой всегда лежит та или иная теория. В связи с этим обратимся еще раз к вопросу о составе, сущности и структуре понятий «профессиональные компетенции» и «профессиональная компетентность».

Большой вклад в выявление сущности и содержания понятий «компетенция» и «компетентность» внесли исследования В. И. Байденко [1], В. А. Болотова [3], А. А. Вербицкого [4], И. А. Зимней [8], А. К. Марковой [11], А. М. Новикова [12], С. Е. Шишова [17] и др. В литературе выделяют два варианта толкования соотношения этих понятий:

они либо отождествляются, либо дифференцируются. Первая позиция представлена в Глоссарии терминов Европейского фонда образования, где компетенция определяется как: «1. Способность делать что-либо хорошо или эффективно; 2. Соответствие требованиям, предъявляемым при устройстве на работу; 3. Способность выполнять особые трудовые функции... термин компетентность используется в тех же значениях» [5, с. 63].

Большинством исследователей данные понятия трактуются как тесно взаимосвязанные, но не тождественные. Одной из первых эта позиция предложена И. А. Зимней, которая разделяет понятия «компетенция/компетентность» по основанию возможное — актуальное, когнитивное — личностное. Под компетенцией она понимает внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека. «Компетентность» трактуется ею как «основывающаяся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленная социально-профессиональная черта человека, его личностное качество» [8, с. 10–11].

Анализ этих и других точек зрения [2, 7] на рассматриваемый вопрос позволяет сделать вывод о том, что «компетенция» — это отчужденное, заранее заданное требование к образовательной подготовке обучающегося, а «компетентность» — результат освоения компетенции личностью, то есть уже состоявшееся его личностное качество, интегральная характеристика

личности, в основе которой лежит ряд компетенций. Компетентность — это обладание человеком соответствующей компетенцией и системой компетенций, включая его личностное отношение к ней и к предмету деятельности; самостоятельно реализуемая способность к практической деятельности, решению жизненных проблем, основанная на приобретенных обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях. Компетентность является системой и включает в себя основные взаимосвязанные взаимодополняющие компоненты: знания, умения, навыки, способы деятельности, личностные свойства, которые востребованы самой системой. Основопологающим компонентом является практическая сторона: умения, навыки, способы деятельности.

Педагогические понятия «компетентность» и «компетентность» не перекрывают друг друга, а выражают общее и индивидуальное одного и того же явления. Отсюда следует, что профессиональные компетенции — это заранее заданные и представленные во ФГОС ВПО требования к профессиональной подготовке обучающихся, а профессиональная компетентность — обладание выпускником системой профессиональных компетенций, включая его личностное отношение к ней и к предмету профессиональной деятельности.

Чтобы лучше уяснить сущность понятия «профессиональные компетенции», обратимся к *составу* профессиональных компетенций, предлагаемых во ФГОС ВПО по направлению «Юриспруденция», которые можно классифицировать на пять групп, включающих в

себя девятнадцать профессиональных компетенций, то есть тех способностей и умений, которыми должен овладеть обучающийся, чтобы успешно выполнять свои функциональные обязанности. Важно подчеркнуть тот факт, что регламентированные профессиональные компетенции очень четко структурированы и обоснованы: они вытекают из основных видов профессиональной деятельности (их пять), и соответственно для каждого вида деятельности характерны свои компетенции.

Остановимся подробнее на формулировках профессиональных компетенций (ПК). Здесь используются следующие глаголы (в скобках указана частота использования): способен (16), готов (2), владеет (1). Как видим, 84% профессиональных компетенций начинаются со слова «способен», 10% — «готов» и 6% — «владеет». Возникает вопрос: имеет ли принципиальное значение, с помощью какого глагола формулируется та или иная профессиональная компетенция? Для ответа проведем анализ соответствующих формулировок. Начнем с наиболее распространенных формулировок со словом «способен». Так, ПК-2 звучит следующим образом: «способен осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры». Что означает данная формулировка? Для выяснения этого необходимо обратиться к слову «способен» и тому содержанию, которое стоит за ним. Когда говорят о том или ином человеке, что он способен осуществлять ту или иную деятельность, то обычно имеют в виду, что он обладает необходимыми знаниями, умениями, опытом определенной дея-

тельности, которые в совокупности позволяют ему выполнять ее в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой читаем: «Способность — 1. Природная одаренность, талантливость; 2. Умение, а также возможность производить какие-либо действия» [13, с. 746]. Как видим, слово «способность» имеет два значения. Первое связано с природной одаренностью, талантливостью (например, математические, музыкальные и другие способности). Второе значение слова — умение, а также возможность производить какие-либо действия. В контексте рассматриваемого нами вопроса возьмем за основу трактовку способности как умения производить какие-либо действия. Исходя из этого профессиональную компетенцию ПК-2 можно понимать как «умение осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры».

Теперь рассмотрим термин «владеет». Читаем в том же словаре: «владеть — 1. Иметь свою собственность; 2. Держать в своей власти, подчинять себе; 3. Уметь, иметь возможность пользоваться, действовать при помощи чего-либо» [13, с. 82]. Из этих трех толкований для нас представляет интерес третий вариант, согласно которому владеть — это уметь пользоваться, уметь действовать при помощи чего-либо. Таким образом, опять приходим к тому же глаголу «уметь».

Отсюда можно заключить, что использование глаголов «способен», «умеет», «владеет» ничем принципиально не отличается. Следовательно,

применительно к профессиональным компетенциям можно говорить о том, что их суть сводится к умениям. Но это не обычные предметные умения, а носящие обобщенный характер, своего рода интегративные умения. Возьмем для примера одну из профессиональных компетенций, а именно ПК-3 — «способен обеспечивать соблюдение законодательства субъектами права». Данная компетенция требует от выпускника целой совокупности юридических знаний и умений, но не только. Поскольку здесь употреблено сочетание «способен обеспечивать», то становится ясно, что эта компетенция предполагает наличие кроме умений, волевых (настойчивость в обеспечении соблюдения законодательства), ценностно-нравственных (понимание социальной значимости соблюдения законодательства всеми субъектами права) и других свойств.

Изложенное позволяет констатировать интегративную сущность профессиональной компетенции, проявляющуюся в том, что ее наличие определяется не объемом усвоенной информации, а системой освоенных и опробованных в действии методов поиска недостающих знаний и умений на основе имеющихся. Та или иная профессиональная компетенция предусматривает способность выпускника комплексно применять знания нескольких дисциплин в профессиональной деятельности, продуктивно действовать в той или иной профессиональной ситуации даже в том случае, когда у него отсутствует конкретное профессиональное умение. В этом случае профессиональная компетенция проявляется как возможность создания новых способов профессиональ-

ного действия. Именно в этом состоит принципиальное отличие профессиональной компетенции от профессионального умения, традиционно понимаемого как владение способом выполнения определенного профессионального действия.

Достоинство конструкта «профессиональная компетенция» с психологической точки зрения состоит в том, что он связывает субъекта с его профессиональной деятельностью, включает в себя в единстве и тесной взаимосвязи когнитивные, деятельностные, ценностные, нравственные и поведенческие составляющие. Такой целостности нет в конструкте «знания, умения, навыки» [16]. В этом контексте профессиональные *компетенции* как заданные требования к профессиональной образовательной подготовке выпускника представляют собой интегративную взаимосвязь смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, опыта, задаваемых по отношению к определенному виду профессиональной деятельности, и определяют способность личности интегрировать в своем сознании и деятельности знания из разных научных дисциплин; различные виды опыта, в том числе личностного, учебное содержание, теорию и практику для решения профессиональных задач определенного класса.

Структура профессиональной компетенции представляет собой сложное образование, содержащее три основных компонента: *когнитивный*, связанный со знаниями и способами их получения; *деятельностный*, определяющий процесс становления умений на основе полученных знаний и способов их реализации, а также обеспечиваю-

щий перевод имеющихся знаний и умений в другие знаковые системы и, таким образом, позволяющий адаптировать их к новым условиям, профессионально действовать в новых ситуациях, *и личностный*, представляющий мотивы и ценностные установки личности, проявляющиеся в процессе реализации ею своих компетенций.

Интегративный характер профессиональных компетенций говорит о том, что их формирование требует интеграции двоякого рода. С одной стороны, речь идет об интеграции в процессе освоения той или иной дисциплины, которая должна выражаться в ориентации учебного процесса на формирование в единстве предметных знаний и умений применять эти знания для решения не только предметных, но и комплексных задач, разрешения профессиональных и социальных ситуаций, в которых нужно уметь увидеть роль и место предметных знаний и умений. Кроме того, в процессе изучения конкретной дисциплины необходимо иметь в виду цели развития мотивационно-ценностной и нравственной стороны личности, формирования социально значимого и личностно-ценностного отношения к изучаемым явлениям и процессам.

С другой стороны, интегративность предполагает такую организацию обучения, которое было бы ориентировано на интеграцию, взаимосвязь предметов в рамках как одного, так и разных циклов. Удачной формой реализации такой интеграции является, как показывают исследования [9, 10], концентрированное обучение (его модульный вариант реализации, предполагающий одновременное изучение 3–4 дисциплин,

объединенных по принципу привязанности к группе компетенций).

Итак, можно рекомендовать учебно-методическим подразделениям вузов МВД России, ФСИН России и других силовых ведомств учитывать в процессе проектирования компетентностно-ориентированного образовательного процесса особенности содержания и структуры профессиональных компетенций. Для этого необходимо использовать дидактические и методические средства реализации интегративного потенциала содержания образования (посредством разработки матриц межцикловых, междисциплинарных, межпредметных и внутрипредметных связей; интеграции теории и практики) и организационной структуры обучения (путем перехода на концентрированную форму организации обучения).

Литература

1. *Байденов В.И.* Компетенции в профессиональном образовании (К освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.
2. *Баранова И.П.* Применение компетентностного подхода в системе высшего образования // Педагогика и психология. 2014. № 4. С. 37–42.
3. *Болотов В.А., Сериков В.В.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14.
4. *Вербицкий А.А.* Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 39–46.
5. Глоссарий терминов рынка труда, разработки стандартов образовательных программ и учебных планов. Европейский фонд образования, 1997.
6. *Евтихов О.В., Караваев А.Ф.* Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1. С. 128–130.
7. *Ерцкина Е.Б.* Содержание компетентностной модели выпускника с квалификацией «бакалавр» (на примере направления подготовки 270800 Строительство) // Стандарты и мониторинг в образовании. 2012. № 3. С. 54–59.
8. *Зимняя И.А.* Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26.
9. *Ибрагимов Г.И.* Процесс обучения в высшей школе в условиях реализации ФГОС: болевые точки // Alma-mater (Вестник высшей школы). 2013. № 8. С. 6–14.
10. *Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М.* Сущность и ведущие принципы концентрированного обучения // Инновации в образовании. 2013. № 5. С. 14–25.
11. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996. 308 с.
12. *Новиков А.М.* Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей. М.: Эгвес, 2010. 208 с.
13. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
14. *Степанов Р.И.* Анализ примерных программ в части реализации общекультурных и профессиональных компетенций // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1. С. 55–59.
15. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр») : утв. приказом Министерства образования и науки Рос. Федерации от 4 мая 2010 г. № 464.
16. *Шемет О.В.* Дидактические основы компетентностно-ориентированного инженерного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Калуга, 2010.
17. *Шишов С.Е., Кальней В.А.* Мониторинг качества образования в школе. М.: Рос. пед. агентство, 1998. 354 с.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

R. M. Voronin, doctor of medical sciences, Ryazan.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Ryazan.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor, Ryazan.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

A. I. Ushatkov, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

THE METHODOLOGY AND THEORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

THE QUALITY OF TEACHING ACTIVITIES AS A BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

V. A. Zobkov

Abstract: the article deals with the role of teaching activities, teaching in the development of society, the strengthening of Russian statehood. Modern legislative instruments (Federal Law «On Education», «On Higher and Postgraduate Professional Education», «National Doctrine of Education in the Russian Federation») regulating the activities of secondary and higher educational institutions qualify students as active subjects of educational activities. The purpose of education, in which lies the dream of a society, the stability of the students' way of life, — to form the moral, noble man, the subject of life. Modern educational process should be aimed at creating optimal conditions for the development of not only the initial creative potential of the child, the student, but also on the formation of the need for creative self-development, on the formation of the subject of life. Subjectivity of man in his original reasons linked to the ability to transform his own life in the object of practical conversion. The teacher providing quality of teaching activities is a moralist, who creates and gives the students not only knowledge and skills, but most of all Wisdom of life, he is the basis of sustainable development of society. The student is a subject receiving Wisdom of life (Sh. A. Amonashvili), striving for moral ideal, for self-actualization and for realization of his potential to benefit society. Teacher and student is a unity, which was given to humanity initially. Only the subject of teaching activities is able to raise a subject of learning activities. Our research shows that the teacher as the subject of teaching activities is a professional of pedagogical work, organizing educational space, based on the principles of expediency, dialogic speech, positive statements and judgments, high academic achievement for all students. In the article is briefly discussed the conditions of formation of the personality of a student.

Keywords: teaching activities, subject of teaching activities, teacher, teaching, student.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaja K. A. Strategija zhizni [The strategy of life]. M.: Mysl, 1991, 299 p.
2. Amonashvili Sh. A. Pochemu ne prozhit' nam zhizn' geroiami dukha. [Why cannot we live life heroes of the spirit] M., 2003, 64 p.
3. Davydov V. V. Problemy razvivaiushchego obuchenija. M.: Pedagogika, 1986, 240 p.
4. Zobkov V. A. Psikhologija otnoshenija cheloveka k deiatel'nosti: teorija i praktika. [Psychology of man's relationship to the activities: theory and practice.] Monografiia.

[Monograph] Vladimir: Kaleidoskop, 2011, 264 p.

5. Zobkov V. A. Strukturno-soderzhatel'nye kompetentsii otnosheniia cheloveka k deiatel'nosti. [Structural and substantive competences of man's relationship to the activities] Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniia. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii. 2012, no. 2, (23), pp. 88–95.

6. Zobkov V. A. Lichnost' i deiatel'nost' v teorii otnosheniia V. N. Miasishcheva. [Personality and activities in the theory of the relationship V. N. Miasishcheva] Psikhologicheskii zhurnal, 2013, vol. 34, no. 4, pp.16–29.

7. El'konin D. B. Izbrannye psikhologicheskie trudy. [Selected psychological works] M.: Pedagogika, 1989, 560 p.

PHENOMENON OF CROWD IN THE RUSSIAN LEGAL PSYCHOLOGY OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

D. S. Gorbatov, S. N. Bolshakov

Abstract: theories of crowd at the end of the 19th century received reflection in the criminal legislation of the pre-revolutionary period, in its part, which is connected with establishment of responsibility for mass crimes. Negative connotations of spontaneous groups, proposed by N. K. Mikhaylovsky, S. Sighele, G. Tard, H. Fournial, G. le Bon, played a role in allocation of «assemblage», «the spiritualized crowd» as a collective subject of criminal behavior that became an step backwards in development of the Russian law.

The Russian legal psychologists developed own original concepts of crowd under the influence of these theories. In particular, V. K. Sluchevsky described that stay in crowd creates prerequisites to awakening of the hidden «animal part», systematized quality of a crowd, specified some factors of its emergence, allocated that in social psychology of the 20th century received the name of «messages to aggression». D. D. Bezsonov, having partly anticipated F. Allport's approach to spontaneous associations, concentrated of own researches not on crowd as «organism», the possessing set of certain qualities, but on the person in the conditions of crowd, enduring a condition of «splitting of consciousness». Opposition of the psychological nature of active and passive crowds to them is represented perspective. Many aspects of Bezsonov's criticism of foreign theories of crowd kept modern value. P. N. Obninsky paid special attention to justification of illegality of criminal prosecution of participants of cholera disorders in various regions of the Russian Empire because of their incomplete sanity.

In article it is noted that the termination of researches in this area, which had politically engaged character, negatively influenced development of domestic psychological thought.

Keywords: crowd, theories of crowd, quality of a crowd, leaders of a crowd, influence on the personality in crowd, sanity of the personality, mass crimes, criminal liability for mass crimes.

REFERENCES

1. Bezsonov D. D. K voprosu o psikhologicheskoi storone massovykh prestuplenii [To a question of a psychological aspect of mass crimes]. Zhurnal ministerstva iustitsii — Journal of the Ministry of Justice, 1907, no. 3, pp. 106–150; no. 4, pp. 115–173.
2. Bezsonov D. D. Massovye prestupleniia v obshchem i voenno-ugolovnom prave [Mass crimes in general and military criminal law]. S.-Petersburg, Publ. of K.L. Pentkovskii, 1907. 480 p.
3. Mikhailovskii N. K. Sochineniia [Writing]: 6 v., vol. 2. S.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 1896. 886 p.
4. Lebon G. Psikhologiiia narodov i mass [Psychology of people and masses]. S.-Petersburg, Publ. of F. Pavlenkov, 1896. 330 p.
5. Novoe ugolovnoe ulozhenie [The new criminal code], vysochaishe utverzhdennoe 22 march 1903. S.-Petersburg, Publ. of V. P. Anisimov, 1903. 254 p.
6. Obninskii P. Contagion morale i kholernye besporiadki [Contagion morale and cholera disorders]. Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava — Journal of Civil and Criminal Law, 1893, no. 1, pp. 1–14.
7. Polianskii N. N. Koalitsii rabochikh i predprinimatelei s tochki zreniia ugolovnogo prava [Coalitions of workers and businessmen from the point of view of criminal law]. Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Iuridicheskii fakul'tet — Scientific Notes of Imperial Moscow University. Law Department, 1909, vol. 35, pp. 300–422.
8. Pustoroslev P. P. Prestupnost', vinovnost' i vmeniaemost'. Zhurnal ministerstva iustitsii — Journal of the Ministry of Justice, 1907, no. 4, pp. 77–114; no. 5, pp. 133–182.
9. Sighele S. Prestupnaia tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii [Criminal crowd. Experience of collective psychology]. S.-Petersburg, Publ. of Iu. N. Erlikh, 1893. 116 p.
10. Sluchevskii V. K. Tolpa i ee psikhologiiia [Crowd and its psychology]. Knizhki nedeli — Books of Week, 1893, no. 4, pp. 5–38; no. 5, pp. 5–23.
11. Tard G. Prestupleniia tolpy [A Criminal crowd]. Kazan, Publ. of Imperial University, 1893. 44 p.
12. Tard G. Obshchestvennoe mnenie i tolpa [Public opinion and crowd]. Moscow, Publ. of A. I. Mamontov, 1902. 201 p.
13. Foinitskii I. Ia. Kurs ugolovnogo prava. Chast' osobennaia. Posiagatel'stva na lichnost' i imushchestvo [Course of criminal law. The part special. Infringement of the personality and property]. 5-e izd. S.-Petersburg, Publ. of M. M. Stasiulevich, 1907. 441 p.
14. Shirkov V.P. Prestupleniia tolpy po novomu ugolovnomu ulozheniiu (konstruktsiia otvetstvennosti) [Crowd crimes according to the new criminal code (establishment of responsibility)]. Zhurnal ministerstva iustitsii — Journal of the Ministry of Justice, 1904, no. 3, pp. 90–124.
15. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon, Publ. of A. Storck, Paris, Publ. of G. Masson, 1892. 113 p.
16. Tarde G. La philosophie pénale. Lyon : A. Storck; Paris : G. Masson, 1891. 566 p.

THEORY AND METHODOLOGY OF THE STUDY OF INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS AND ITS INFANTILIZATION AND CRIMINALIZATION

D. V. Sochivko, T. A. Simakova

Abstract: The author's research methods of the individual sense of justice and criminal law infantilism. The authors proceed from the fact that the individual sense of justice is not formed in isolation but in conjunction with other substructures of the human personality, including his subconscious. Thus, legal and passes all the phases of the formation of attitude towards reality of children and egocentric, and infantile to an adult, which, ideally, is adequate to modern conditions of life. This achievement of this last level is complicated and different moments of social progress, especially education. And here the important role played by a modern phenomenon in the structure of consciousness as a criminal infantilism, which is not human underdevelopment, but rather the current form of the adult (essentially consumer) awareness, providing him adapt to the conditions of life, if the environment allows it. Criminal legal infantilism significantly affect the structure of the individual sense of justice. As a result of a joint study of two phenomena represented authors suggest coefficient criminal and infantile infestation as an additional scale to the questionnaire "Individual structure of justice".

Keywords: Individual structure of justice, criminal infantilism, criminal-legal infantilism, legal culture, legal nihilism, legal adventurism responsibility.

REFERENCES

1. Aleksanin S. S., Evdokimov V. I., Rybnikov V. Iu. Podgotovka otechestvennykh nauchnykh zhurnalov i statei dlia mezhdunarodnykh baz dannykh [Preparation of domestic scientific journals and of articles in international databases] / Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh. [Medico-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations]. 2013. № 3. S. 87–94.
2. Voronin R. M., Datii A. V., Trubetskoi V. F. Nekotorye kharakteristiki osuzhdennykh, bol'nykh narkomaniei [Some characteristics of the convicts, drug addicts] // Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: crime and punishment] 2012. № 3. S. 118–121.
3. Datii A. V., Voronin R. M. Nekotorye osobennosti kharakteristik zhenshchin-invalidov, soderzhashchikhsia v mestakh lisheniia svobody. [Some features of women with disabilities, held in places of deprivation of liberty] // Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: crime and punishment]. 2013. № 4. S. 61–63.
4. Zotova A. V., Evdokimov V. I., Rybnikov V. Iu. Vzaimosviazi strukturno-kolichestvennykh pokazatelei dissertatsionnykh issledovaniy po spetsial'nosti 19.00.04 — «Meditsinskaia psikhologiya» s indikatorami nauchnogo potentsiala i innovatsionnoi aktivnosti v Rossiiskoi Federatsii [The relationship of the structural-quantitative indicators of dissertation research in the specialty 19.00.04 — “Medical psychology” with indicators of scientific potential and innovative activity in the Russian Federation] // Vestnik psikhoterapii. [Bulletin of psychotherapy]. 2013. № 46 (51). S. 122–140.
5. Simakova T. A. K voprosu o probleme pravovogo samosoznaniia [To the question

about the problem of legal consciousness] // Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2012. № 3. S. 32–37.

6. Simakova T. A. Razvitie pravosoznaniia v usloviakh vuzovskogo obrazovaniia [Development of legal consciousness in the context of University education] // Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzgliad na obrazovanie i razvitie lichnosti : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Proc. the 2nd International Scientific Conf. «Anthropocentric science: an innovative approach to education and personality development»]. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2015. S. 106–108.

7. Simakova T. A. Razvitie dukhovnogo potentsiala individual'nogo pravosoznaniia v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniia [The development of the spiritual potential of the individual consciousness in the system of higher professional education] // Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Proc. the International Scientific Conf]. Voronezh: Izd. dom Voronezh. un-ta, 2015. S. 254–257.

8. Sochivko D. V. Kriminal'nyi infantilizm. [Criminal infantilism] M. ; Riazan', 2014.

9. Sochivko D. V. Psikhodinamika. [Psychodynamics] M.: Izd-vo MPSI, 2007.

10. Sochivko D. V. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi sistemy i metodologii ee izucheniiia [Actual problems of the modern prison system and the methodology of its study] // Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [Living standards of the population of regions of Russia.]. 2011. № 1. S. 34–43.

11. Sochivko D.V. Gender organizovannoi prestupnosti [Gender of organized crime] // Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2007. № 1. S. 52–63.

12. Sochivko D. V. Problema drobnosti mezhpokolencheskoi sotsial'noi otchuzhdennosti molodezhi v sovremennom mire [The Problem of fragmentation of intergenerational social exclusion of youth in the modern world] // Mir psikhologii [World of psychology]. 2009. № 3. S. 185–194.

13. Sochivko D. V. Problema kul'turnykh i subkul'turnykh orientatsii sovremen-nogo mladogo cheloveka v usloviakh upadka obrazovatel'noi sistemy [The problem of cultural and subcultural orientations of modern young man in the decline of the educational system] // Psikhologo-pedagogicheskii poisk [Psychological-pedagogical search] 2009. № 12. S. 89–96.

14. Sochivko D. V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v struk-ture lichnostnogo rosta [Psychodynamics of Gestalt overt and covert aggression in the structure of personal growth] // Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2013. № 3. S. 35–41.

15. Sochivko D. V. Psikhodinamika dukhovnosti i religioznosti osuzhdennykh molo-dezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity convicted youth age] // Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2012. № 4. S. 116–126.

16. Sochivko D. V. Psikhodinamika kognitivnogo ustroistva lichnosti [Cognitive psychodynamics device of personality] // Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology] // . 2008. № 3. S. 24–40.

17. Sochivko D. V. Psikhodinamika chuvstva iumora [Psychodynamics sense of

humor] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2009. № 3. S. 14–19.

19. Sochivko D. V., Burtsev A. O. Problema psikhopatizatsii lichnosti osuzhdennykh k lisheniuiu svobody [Issue psihopatizatsii the person sentenced to deprivation of liberty] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2014. № 1. S. 30–41.

20. Sochivko D. V., Krymova Iu. V. Psikhodinamika loial'nosti – tolerantnosti: psikhodinamicheskaia diagnostika i empiricheskaia tipologiiia [Psychodynamics loyalty – tolerance: psychodynamic diagnostics and empirical typology] // journal of Applied legal psychology // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2012. № 2. S. 28–36.

21. Sochivko D. V., Krymova Iu. V. Psikhodinamika semanticheskikh polei kak faktor upravleniia lichnostnymi smyslami povedeniia (na primere empiricheskikh issledovaniia loial'nosti – tolerantnosti kursantov [Psychodynamics of semantic fields as a factor in the management of personal meanings of behavior (for example, empirical studies of loyalty – tolerance cadets)] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2012. № 3. S. 16–25.

22. Sochivko D. V., Polianin N. A. Kriminal'nye ideologemy sovremennykh molo-dezhnykh subkul'tur [Criminal ideologies of the modern youth subcultures]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2009. № 4. S. 62–70.

23. Sochivko D. V., Savchenko T. N., Blinnikova I. V. Zhurnal «Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia»: otvety na vyzovy psikhologicheskoi nauki i praktiki [Journal “Applied legal psychology”: meeting the challenges of psychological science and practice] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2013. № 4. S. 8–20.

24. Sochivko D. V., Savchenko T. N., Golovina G. M. Sub"ektivnoe kachestvo zhizni v razlichnykh po kharakteru sotsial'noi zakrytosti sotsiumakh [Subjective quality of life in the different character of social closeness societies] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2010. № 4. S. 8–22.

25. Sochivko D. V., Chubich V. E. Psikhodinamika udovletvorennost'iu zhizn'iu i perezhivaniia schast'ia [Psychodynamics life satisfaction and feelings of happiness] // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia [Applied legal psychology]. 2013. № 3. S. 59–68.

APPLIED AND EXPERIMENTAL STUDIES

PSYCHOLOGY OF LOSS. GENESIS OF PSYCHOGENIC LOSS OF MILITARY PERSONNEL UNDER THE CONDITIONS OF MILITARY INTERETHNIC CONFLICTS

V. I. Serov

Abstract: The article deals with the problem of an interethnic conflict that is a trigger for military confrontation. The author calls a war a traumatic epidemic for

the mental state of the participants, defines psychology of loss as the genesis of psychogenic loss or the loss of functionality, and also as different types of mental reactions, which cause the transition of a person from normal mental state to the bordering one with a change in the performance of official activities, including the refusal to exit the legal field. Data of the St. Petersburg military medical Academy are provided in the article that stay in extreme conditions of military operations is capable to lead to permanent violation of normal activity of conscripted soldiers; about psychogenic losses of the USA army during military operations in Korea and in the next years which are expressed in number of suicides among veterans of this war, already by 3 times exceeded a death toll during military operations, and also about psychogenic losses among the participants of anti-terrorist operation in the south-east of Ukraine reaching 80 %. The article gives the data that every fifth officer of the safety departments in the penal system serving with weapons is included into the group of risk and needs correction. The author investigated a mental condition of the personality of the penal system officers, boundary between norm and pathology, of the military personnel serving in Afghanistan, Abkhazia, Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia in detail studying the dynamics of psychogenic losses in a boundary mental condition of three-level structure of protection of the personality of the penal system officers, of the military personnel. The research within the legal framework of psychogenic losses of three-level structure of protection of the personality in a borderline of the penal system officers and restoration in limits of mental norm became the purpose of the work.

Keywords: psychology of loss, adaptability, types of psychological defenses, personality of the penal system officer, protective adaptive responses of the 1-8th degrees, superextreme, extreme, uncomfortable external conditions of service activity.

REFERENCES

1. Berezin F. B., Miroshnikov M. P., Sokolov E. D. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti (struktura, osnovy interpretatsii, nekotorye oblasti primeneniya) [Methodology of multilateral personality research (structure, interpretation bases, some applications)]. M.: Folium, 1994. 175 p.
2. Nauchno-metodicheskie rekomendatsii po primeneniyu standartizirovannogo lichnostnogo oprosnoka dlya medico-psihologicheskogo obsledovaniya kandidatov v vuzy [Scientific and methodical recommendations on the use of standardized personality questionnaires for medical-psychological examination of candidates for higher education] / V. M. Vorobyov [and others]. SPb., 1984. 32 p.
3. Karayani A. G., Syromyatnikov I. V. Prikladnaya voennaya psihologiya [Applied military psychology]. SPb.: Peter, 2006. 480 p.
4. Kuptsov M. I., Vidov S. V. K voprosu o primenenii matematicheskikh metodov pro provedenii psihologicheskikh issledovaniy i analize ih rezultatov [To the question of application of mathematical methods during the carrying out of psychological researches and the analysis of their results] // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology. 2014, no. 3, pp. 131–136.

5. Ovcharova E. V. Eksperimentalnoe izuchenie vliyaniya kratkosrochnoy korrrekt-sii na psichieskie sostoyaniya sotrudnikov otdelov ohrany UIS, nesuschih sluzhbu s oruzhiem [Experimental study of the influence of short-term correction on the mental state of the personnel of the protection departments of the penal system serving with weapons] // Prikladnaya yuridicheskaya psichologia — Applied legal psychology. 2012, no. 1, pp. 107–114.

6. Savchenko T. N. Matematicheskaya psichologiya v gumanitarnykh issledovaniyakh [Mathematical psychology in humanitarian researches] // Prikladnaya yuridicheskaya psichologia — Applied legal psychology. 2009, no. 4, pp. 55–62.

7. Serov V. I. Psichologiya poteri. Tipy psichologicheskikh zaschit, adaptivnost u yunoshei-psichologov, obuchayuschihsy na pyatom kurse Akademii FSIN Rossii, do i posle korrrekt-sii [Psychology of loss. Types of psychological protection, adaptability of the youth psychologists studying on the fifth year of the Academy of the FPS of Russia before and after correction] // Globalnyi nauchnyi potentsial - Global scientific potential. 2014, no. 12, pp. 45–53.

8. Serov V. I. Psichologiya poteri. Tipy psichologicheskikh zaschit, adaptivnost u devushek-psichologov, obuchayuschihsy na pyatom kurse Akademii FSIN Rossii, do i posle korrrekt-sii [Psychology of loss. Types of psychological protection, adaptability of the youth psychologists studying on the fifth year of the Academy of the FPS of Russia before and after correction] // Nauka i biznes: puti razvitiya — Science and business: ways of development. 2014, no. 12, pp. 28–37.

9. Sochivko D. V. Problema metodologii prikladnoy (yuridicheskoi) psichologii [The problem of methodology of applied (legal) psychology] // Prikladnaya yuridicheskaya psichologia — Applied legal psychology. 2011, no. 2, pp. 8–18.

10. Sochivko D. V. Teoriya i metodologiya penitentsiarnoy psichologii [The theory and methodology of penitentiary psychology] // Aktualnye problem sovremennoy penitentsiarnoi psichologii — Actual problems of modern penitentiary psychology / under a general edition of D. V. Sochivko. Ryazan, 2013. T. 1. Pp. 6–24.

11. Shumkov G. E. Dushevnoe sostoyanie voinov v ozhidanii boya (po nablyudeniyam ofitserov) [Mental state of warriors waiting for the battle (according to the observations of officers)] // Voennyi sbornik — Military collection. 1913, no. 5.

12. Shumkov G. E. Dushevnoe sostoyanie voinov posle boya [Mental state of warriors after the battle] // Voennyi sbornik — Military collection. 1914, no. 11.

FEATURES OF REHABILITATION AND PREVENTION OF DRUG DEPENDENCE SUSPECT, ASSUSED, CONVICTED IN PENITENTIARIES FOREIGN COUNTRIES

I. S. Ganishina

Abstract: today in prisons and remand centers of the correctional system in Russia is serving a sentence of convicted a large number of drug addicts, so advanced experience of foreign countries for rehabilitation and prevention of drug ad-

diction accused, suspects and convicts is an increased interest for the penal system.

In the United States for the prevention of drug abuse formed special drug courts in which the judge selects the appropriate treatment program and appoint a curator from among the employees of the court. Prevention program also provides for the passage of drug addicts rehabilitation course. Rehabilitation program provides for the organization of the process of treatment, counseling of drug addicts on training opportunities, their employment, health care, assistance in solving housing problems and others.

In the UK in relation to compulsory treatment is applied to drug addicts. It is also possible voluntary patient treatment for medical help. Successful completion of voluntary drug treatment is determined by the court as a mitigating circumstance in a case of drug-related crimes.

Germany's experience on assisting convicted of drug offenses include active steps by the government, the NGOs and individuals.

In France, in relation to the socially dangerous drug and alkogolezavisimym and drug addicts who have committed crimes, can be assigned compulsory treatment and rehabilitation. Widely used alternative to imprisonment penalties: fines, community service, bail, bail system, parole, transfer of prisoners to semifree mode and others.

In Austria provided probation instead of prison drug addicts, if he wishes to voluntarily undergo treatment for drug addiction.

In Poland, focusing on post-penitentiary adaptation of ex-convicts. As part of the prevention of drug abuse is important organizing public post-penitentiary tips to prepare sentenced to life in freedom, attracted for this purpose their families, contribute to employment and the provision of medical care.

Preventive work in Sweden is based on the principle of a total ban the use and distribution of drugs. In relation to the drug addict, the following measures: mandatory testing, registration of persons as a consumer of narcotics, a fine and imprisonment, therapeutic measures, including the forced basis.

In Saudi Arabia, the main emphasis in the prevention of drug dependence is placed on the effective treatment of drug addicts. With regard to the addict person requesting assistance voluntarily, the criminal case is not excited. In addition, there is a voluntary and involuntary treatment, the period of medical treatment for drug dependence is included in the total period of imprisonment.

In China for drug-related crimes provided fine, arrest, surveillance, imprisonment and even the death penalty. Treatment of drug addicts in China include: getting rid of withdrawal symptoms, restoration of health, prevention of recurrence, rehabilitation.

In the Republic of Belarus in therapy centers made compulsory treatment of drug addicts and substance abuse, committed administrative offenses, provided with medical and psychological assistance, conducted training and re-training, training, vocational guidance is carried out, to restore and maintain family ties accused suspects.

Keywords: correctional system, suspects, defendants, convicted, prisons, best practices, psychological assistance, prevention of drug dependence, rehabilitation.

REFERENCES

1. Ganishina I. S., Zharkikh A. A. Psihologicheskie osobennosti narkozavisimyh osuzhdennyh [Psychological features convicted drug addicts]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*. 2014, № 4, pp. 75–84.

2. Ganishina I.S. Programma psihologicheskogo prosveshhenija kak sredstvo profilaktiki narkoticheskoy zavisimosti osuzhdennyh [Psychological education program as a means of preventing drug addiction convicted]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*. 2014, № 3, pp. 53–60.

3. Ganishina I.S. Programma psihologicheskogo prosveshhenija osuzhdennyh po profilaktike narkoticheskoy zavisimosti [Program of psychological education of convicted drug abuse prevention: practical recommendations]. *Prakticheskie rekomendacii — practical recommendations*. Ryazan, 2014. 32 p.

4. Ganishina I. S., Ushatikov A. I. Neblagopoluchnaja sem'ja i deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Dysfunctional family and juvenile deviant behavior]. *Uchebnoe posobie — a tutorial*. Moscow, 2006. 288 p.

5. Ganishina I.S., Zharkikh A.A. K voprosu o narkoticheskoy zavisimosti podozrevaemyh, obvinjaemyh, osuzhdennyh, sodержashhihsja v ispravitel'nyh uchrezhdenijah i sledstvennyh izoljatorah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [On the issue of drug abuse suspects, convicts held in prisons and detention centers of the correctional system]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*. 2013, № 4, pp. 66–73.

6. Daty A. V., Ganishina I. S. Harakteristika bol'nyh narkomaniej osuzhdennyh zhenshin, obrativshihsja za psihologicheskoy pomoshh'ju [Characteristics of drug addicts convicted of women seeking psychological help]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta — Bulletin of the Institute of the Kuzbass*. 2014, № 2 (19), pp. 68–76.

7. Daty A. V., Ganishina I. S., Kuznetsova A. S. Harakteristika bol'nyh narkomaniej osuzhdennyh muzhchin, obrativshihsja za psihologicheskoy pomoshh'ju [Characteristics of drug addicts convicted men seeking psychological help]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii — Herald Perm Institute FSIN of Russia*. 2014, № 2 (13), pp. 21–25.

8. Ushatikov A. I., Ganishina I. S. Audiovizual'naya psihologiya kak sredstvo podgotovki kursantov-psihologov k diagnostike individual'no-lichnostnyh osobennostej osuzhdennyh [Audiovisual psychology as means of training of cadets psychologists to diagnostics individual and personal features convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie — Man: crime and punishment*, 2014, № 3, pp. 176–180.

9. Ushatikov A. I., Ganishina I. S. Spol'zovanie znaniy po prikladnoj kriminal'noj psihologii v deyatel'nosti psihologa-praktika ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [Use of knowledge on applied psychology of criminal activity practicing psychologist penal system]. *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo — Criminal law enforcement*. 2014, № 2, pp. 104–108.

10. Voronin R. M., Ganishina I. S., Daty A. V. Profilaktika narkoticheskoy zavisimosti osuzhdennyh [Prevention of drug dependence convicted]. *NovalInfo.Ru — NovalInfo.Ru*. 2015, № 30, pp. 205–209.

11. Ganishina I. S., Daty A.V. Mediko-psihologicheskie aspekty reabilitatsii narko-zavisimyyh osuzhdennykh [Medical and psychological aspects of rehabilitation of drug addicts convicted]. NovalInfo.Ru — NovalInfo.Ru. 2015, № 30, pp. 295–299.

12. Voronin R. M., Ganishina I. S., Daty A. V. Social'naya adaptatsiya bol'nykh narkomaniy osuzhdennykh [Social adaptation of convicted drug addicts]. NovalInfo.Ru — NovalInfo.Ru. 2015, № 30, pp. 187–190.

INVESTIGATION OF THE EFFECTIVENESS OF PSYCHOTHERAPY SEMANTIC UNITS OF THE CONVICTED PERSON IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

O. M. Pisarev

Abstract: In article, on the basis of the conducted empirical research, results of the psychocorrectional actions directed on change of semantic installations of the person condemned in the course of serving of criminal punishment in the form of imprisonment are shined. Necessity of penetrating studying of the facts, mechanisms and laws of functioning of the person in the conditions of social isolation, the account of mental states of the condemned in the course of psychocorrectional and psychotherapeutic work in the penitentiary season is emphasised. The assessment of efficacy of the made psychological work by results of use of the developed psychocorrectional program directed on changes in semantic installations for the first time and repeatedly of offenders is yielded. Necessity of the further studying of semantic formations condemned in the conditions of social isolation is ascertained.

Keywords: social isolation, the person condemned, semantic installations, a pattern of the vital world, psychological correction, the program of studying of the person.

REFERENCES

1. Kontseptsiiia razvitiia ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. [The concept of development of criminal-Executive system of the Russian Federation until 2020 (appr. the government of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 1772-R)]. Bulletin of the criminal-Executive system. 2010. No. 12 (103). C. 2–15

2. Debol'skii M.G. Nauchno-metodicheskie predposylki psikhokorreksionnoy raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniiah [Scientifically-methodical preconditions of psychocorrectional work with condemned in correctional facilities]. Psychological maintenance of activity of establishments and bodies of criminally-executive system of Ministry of Justice of Russia (the theory and practice). Moscow-Tomsk. 2004. P. 32.

3. Debol'skii M.G. Rol' psikhologicheskoi sluzhby ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v realizatsii tselei ispolneniia nakazaniia [Role of psychological service of criminally-executive system in realisation of the purposes of punishment]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2010. no. 2, pp. 59–67.

4. Deev V.G., Kazakova E.N., Mikhaleva I.V., Napris A.V. Osnovy psikhologii ispolneniia ugovolnykh nakazaniy: Uchebnoe posobie. [Bases of psychology of execution of criminal punishments: the Manual]. Vologda. Vologda Institute of law and Economics FSIN of Russia. 2001. 347 p.

5. Didenko A.V. Kognitivno-povedencheskaia psikhoterapiia v praktike raboty psikhologov FSIN [Cognitive-behavioral psychotherapy in practice of work of penitentiary psychologists: the Manual]. Tomsk: Tomsk branch of Kuzbass Institute FSIN of Russia. 2011. 111 p.

6. Zharkikh A.A. Osobennosti motivatsionno-smyslovoi sfery narkozavisimykh osuzhdennykh v ramkakh teorii vedushchikh tendentsii [Features of motivationally-semantic sphere of the narcodependent leading tendencies condemned within the limits of the theory]. Prikladnaia iuridicheskaja psikhologiya — Applied legal psychology, 2012. no. 2, pp. 49–58.

7. Ispravlenie osuzhdennykh: monografiia. [Correcting of the condemned: the monography]. Tver': The research Institute FSIN of Russia. 2014. pp. 29–86.

8. Istomin A.A. Tsennostnye orientatsii osuzhdennykh v kontekste ugovolno-pravovoi kharakteristiki lichnosti [Valuable orientations condemned in a context of the criminally-legal characteristic of the person]. Prikladnaia iuridicheskaja psikhologiya — Applied legal psychology, 2010. no. 4, pp. 119–128.

9. Kriminalistika. [Criminalistics: The textbook for high schools / Under I.F.Gerasimov's, L.J.Drapkin's edition]. — Moscow. The Higher school. 2000. P. 643.

10. Marishin S.V. Provedenie korrektsionno-adaptatsionnykh psikhologicheskikh meropriiatii s vnov' pribyvshimi osuzhdennymi v period ikh nakhozheniia v karantinom otdelenii ospravitel'nogo uchrezhdeniia: metodicheskie rekomendatsii. [Conducting correctional-adaptive psychological interventions with newcomers condemned in their finding in quarantine branch of correctional facility: Methodical recommendations]. Vologda. Vologda Institute of law and Economics FSIN of Russia. 2014. 32 p.

11. Marchuk O.A. Psikhodinamika osobennostei mezhlichnostnogo vzaimodeistviia neodnokratno sudimykh osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta. [The psychodynamics of the peculiarities of interpersonal interaction repeatedly convicted of convicted youth age]. Prikladnaia iuridicheskaja psikhologiya — Applied legal psychology, 2011. no. 2, pp.75–83.

12. Mokretsov A.I., Novikov V.V. Lichnost' osuzhden'nogo: sotsial'naiia i psikhologicheskaja rabota s razlichnymi kategoriiami lits, otbyvaiushchikh nakazanie (chast' 2): uchebno-metodicheskoe posobie. [The personality of the convicted person: social and psychological work with different categories of persons serving sentences (part 2): educational-methodical manual]. Moscow. The research Institute FSIN of Russia, 2008. 150 p.

13. Molchanova E.P. Rolevaia identichnost' formal'nykh i neformal'nykh liderov osuzhdennykh: monografiia [Role identity of formal and informal leaders condemned: the monography]. Tomsk. Publishing house of Tomsk Polytechnic University, 2010. 150 p.

14. Napris A.V. Psikhologicheskaja kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh

planov i ikh vliianie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: dis. ... kand. psikhol. nauk. [The psychological characteristic of personal vital plans and their influence on behaviour condemned youth age]. Riazan'. 1997. 220 p.

15. Pestrikov D.V., Senik I.V., Zimakov V.A. Art-terapiia kak individual'naia forma psikhokorreksionnoi raboty s osuzhdennymi, otbyvaiushchimi nakazanie v vide lisheniia svobody. [Art therapy as the individual form of psychocorrectional work with condemned, serving time in the form of imprisonment]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014. no. 2, pp.72–79.

16. Semke V.Ia. Preventsiia i povyshenie kachestva zhizni osuzhdennykh. [Prevention and improving the quality of life of prisoners]. Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii — The Siberian bulletin of psychiatry and narcology, 2007. no. 4, pp.7–11.

17. Sbornik bazovykh tipovykh programm psikhologicheskoi korrektsii lichnosti osuzhdennykh za razlichnye vidy prestuplenii. [The basic model programs of psychological correction of a person convicted of various crimes]. Moscow: FSIN of Russia, 2012. P. 4.

18. Sobolev N.G., Rogach V.G. Osobennosti perezhivaniia u osuzhdennykh, otbyvaiushchikh dlitel'nye sroki lisheniia svobody, ikh psikhologicheskaiia korrektsiia. [Features of experiences at condemned, leaving imprisonment long terms, their psychological correction]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014. no. 2, pp. 65–71.

19. Sochivko D.V., Gavrina E.E. Podsoznanie terrorista. [Unconsciousness of the terrorist]. Moscow, PER-SE Publ., 2012. 192 p.

20. Sochivko D.V., Savchenko T.N. Sub'ektivnoe kachestvo zhizni v razlichnykh po kharakteru sotsial'noi zakrytosti sotsiumakh. [Subjective quality of life in various on character of social closeness societies]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2010. no. 4, pp. 6–22.

21. Shcherbakov G.V. Motivatsionnaia sfera osuzhdennykh: poniatie, diagnostika, korrektsiia. [Motivational sphere of the condemned: concept, diagnostics, correction]. Riazan': Academy of law and administration FSIN of Russia, 2009. 112 p.

22. Shcherbakov G.V., Barannikova I.A. Optimizatsiia sotsial'noi, psikhologicheskoi i vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi: uchebnoe posobie. [Optimisation of social, psychological and educational work with the condemned: the manual]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of advanced training of employees FSIN of Russia, 2012. 235 p.

SOME SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENA AMONG THE CONVICTS

N. A. Polyinin

Abstract: the article shows some social, demographic and psychological characteristics of convicted persons in correctional institutions. The age characteristics of the examined subjects. Shows the importance of marital status of prisoners, their relationship. The important role played by high recidivism in the Russian Federation. We analyzed the number of prior convictions and the compositions of

the crimes committed. Shows thieves' traditions and characteristics of the subculture of convicts in a penal colony. Determined social relations of prisoners and the correction level in the period of serving the sentence in a correctional facility. It is noted that in recent years the growing importance of the financial situation of the convicts, which plays a big role in their position while serving sentence in places of deprivation of liberty.

Keywords: social characteristics, demographic characteristics, convict, prison, age characteristics, marital status, crime, number of prior convictions, the crime, the thieves' traditions, subculture convicts, social relations, the degree of correction, prison, financial situation, place of imprisonment.

REFERENCES

1. Aleksanin S.S., Evdokimov V.I., Rybnikov V.Iu. Podgotovka otechestvennykh nauchnykh zhurnalov i statei dlia mezhdunarodnykh baz dannykh // [Preparation of domestic scientific journals and of articles in international databases] // Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh. Medico biological and socio psychological problems of safety in emergency situations. 2013. № 3. S. 87–94.

2. Voronin R.M., Datii A.V., Trubetskoi V.F. Nekotorye kharakteristiki osuzhdennykh, bol'nykh narkomaniei // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2012. № 3. S. 118–121.

3. Voronin R.M., Datii A.V., Iusufov R.Sh. Ugolovno-ispolnitel'naia kharakteristika VICH-infitsirovannykh osuzhdennykh zhenshchin // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2012. № 2. S. 79–80.

4. Datii A.V. Kharakteristika VICH-infitsirovannykh osuzhdennykh // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija. 2014. № 1. S. 119–124.

5. Datii A.V., Voronin R.M. Nekotorye osobennosti kharakteristik zhenshchin-invalidov, sodержashchikhsia v mestakh lisheniia svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 4. S. 61–63.

6. Datii A.V., Karmovskii V.V., Makarevich Z.B. Ugolovno-ispolnitel'naia kharakteristika osuzhdennykh zhenshchin, otbyvaiushchikh nakazanie v ispravitel'nykh uchrezhdeniiakh // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2011. № 1. S. 43–45.

7. D'iachenko A.P., Datii A.V., Mitropol'skaia K.V. Kharakteristika VICH-infitsirovannykh osuzhdennykh muzhchin, otbyvaiushchikh nakazanie v ispravitel'nykh uchrezhdeniiakh FSIN Rossii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2010. № 1. S. 71–74.

8. Zotova A.V., Evdokimov V.I., Rybnikov V.Iu. Vzaimosviasi strukturno-kolichestvennykh pokazatelei dissertatsionnykh issledovaniy po spetsial'nosti 19.00.04 — «Meditsinskaia psikhologija» s indikatorami nauchnogo potentsiala i innovatsionnoi aktivnosti v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik psikhoterapii. 2013. № 46 (51). S. 122–140.

9. Polianin N.A., Markov A.Iu. Nekotorye osobennosti lichnosti osuzhdennogoinostrantsa // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija. 2014. № 4. S. 101–106.

10. Sochivko D.V., Savchenko T.N. Vos'moi nauchno-prakticheskii seminar «Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija» problemy massovogo soznaniia: upravlenie i manipulirovanie na granitse pravovogo polia // Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija. 2014. № 2. S. 145–149.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL MAINTENANCE CONDEMNED, CONSISTING ON THE PREVENTIVE ACCOUNT AS THE PERSONS STUDYING, PROPAGANDIZING, PROFESSING OR EXTENDING EXTREMIST IDEOLOGY

D. V. Pestrikov, I. V. Senik

Abstract: the analysis of the dynamics of crime based on statistics presents the official parties. Presents basic socio-psychological factors contributing to the development of the peculiarities in the behavior of the stated categories of persons. The problems of authenticity convicted on the basis of their nationality, this position is not a factor of extremism. The article presents various strategies of prisoners serving sentences in places of deprivation of liberty, with a strong extremist orientation. It is established that prisoners have selected a different line of conduct, which allow you to constantly update their antisocial beliefs, usually this individual activity is reflected in the different kinds of behavior that can be diagnosed and testify about his extremist nature. The authors note convicted of a crime extremist orientation represent a particular challenge for educational influences in terms of Yiwu. In this regard, prior to the practical employees, and in particular before psychologists raises the question of the qualitative implementation of psychological support of prisoners, consisting of the care records, as persons studying, promoting, practicing, or spreading extremist ideology with the aim of creating a positive social orientation and prevention of destructive behaviors. Identifies the main characteristic features of this category of prisoners, they are characterized by the stability of the interests and value orientations, the average level of intellectual abilities, good adaptation in society, moderately expressed strong-willed qualities, there are difficulties in managing their emotions and moods, increased aggressiveness, self-centeredness, niche, incredulity, the average level of communicativeness. The authors conclude that the process of correction in relation to those convicted of crimes of extremist orientation should be comprehensive in nature.

Keywords: convicted of extremist orientation, extremist ideology, individual-psychological characteristics, correctional institution, interview, test methods.

REFERENCES

1. Bocharov A. V., Meshcheriakova E. I., Larionov A. V. Tipologija psihologicheskikh faktorov otnoshenija studentov k jekstremizmu [Typology of psychological factors of students' attitudes towards extremism]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2015, no. 1, pp. 21–23.
2. Daty A. V., Voronin R. M. Problemy organizacii medicinskogo obespechenija osuzhdennyh I sotrudnikov FSIN Rossii [Problems health maintenance organization convicts and employees FSIN Russia]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2014, no. 2, pp. 155–157.
3. Frosts V. M., Debolsky M. G., Kovalyov O. G., Khachaturian S. D. Organizacija raboty psihologicheskoy sluzhby penitenciarnyh uchrezhdenij FRG [Organization of work of psychological service of penal institutions of Germany]. Vladimir, VYul of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2000.

4. Magda S. N. O nekotoryh problemah organizacii profilaktiki jekstremizma, terorizma sredi osuzhdennyh [About some problems of the organization of prevention of extremism of terrorism among condemned]. Vestnikcentraisssledovanie problem terrorizma — the Bulletin of the center research of problems of terrorism, 2009, no. 1 (19).

5. «Pereprogrammirovannye» shahidy [Reprogrammed «Shahid»]. Zareshetkoj — Behind Bars, 2008, no. 12.

6. Sovichko D.V., Burtsev A.A. Psihoklinicheskij profil' lichnosti osuzhdennyh v mestah lishenija svobody (ne sostojashhih na medicinskom i profilakticheskom uchte). [Psychological profile of the person convicted in prison (not consist in the medical and preventive supervision)]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2014, no. 2, pp. 51–57.

SOCIALLY IMPORTANT PERSPECTIVES AND LIFE CONCEPT ORIENTATIONS OF CONVICTED FEMALE JUVENILES (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF BIRTH OF A TEACHER AND A PENITENCIARY SPECIALIST N. A. DEEVA)

T. V. Kalashnikova, M. M. Kalashnikova

Abstract: The article considers scientific research aimed at studying socially important perspectives and life concept orientations of convicted female juveniles. N. A. Deeva made a significant contribution into the study of substructures of life plans, prospects and objectives of the juvenile female convicts; she has not only researched life prospects of the juvenile female convicts, but also developed a technology of their formation. Later, work of N. A. Deeva on the subject of studying the psychological characteristics of the juvenile offenders' individuality was continued by T. V. Kalashnikova, who focused mainly on psychological research of the behavior of female individuals in the colony. Consequently as a part of the study of personal responsibility of a female juvenile offender, conducted by M. M. Kalashnikova, convicted female juveniles' life orientations were analyzed with the use of a «Life concept orientation» questionnaire by D. A. Leontiev The significance of this research is certainly not in doubt, and if properly registered and applied it will allow organizing work aimed at prosocial personality change of the female convicts more effectively.

Keywords: female juvenile offenders, life plans, system of perspectives, orientation of the person, the meaning of life orientation, educational technology, educational labor colony, psychological and pedagogical technology, attitude, teenagers' aggressiveness, the responsibility of the individual.

REFERENCES

1. Kharakteristika lits, soderjashikhsya v vospitatelnykh koloniyakh dlya nesovershennoletnykh. [Characteristics of individuals serving sentences in educational colonies for juveniles.] <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/>

Xar-ka%20v%20VK/ (Date of enquiry 09.02.2015)

2. Analiticheskie materialy raboty po preobrazovaniyu vospitatelnikh koloniy v vospitatelniye zentry. [Analytical materials on the transformation of educational colonies into the educational centers.] Study guide, under the editorship of Bikov A.V. Moscow, 2013, 130 p.

3. Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. Nauchno-pedagogicheskaya deyatelnost professor psikhologii Deeva V. G. [Scientific and pedagogical activity professor of psychology Deev V. G.] // Applied legal psychology. 2010, no. 1, pp. 143–148.

4. Deeva N. A. Formirovanie sozialno-znachimikh perspektiv u nesovershennoletnikh osujdennikh jenskogo pola kak sredstvo ikh perevospitaniya: uchebnoe posobie. [Formation of socially significant prospects for female juvenile offenders as a means of their re-education: study guide.] Ryazan, 1981, 96 p.

5. Kalashnikova T.V. Psikhologicheskie aspekty ispravleniya i perevospitaniya nesovershennoletnikh osujdennikh jenskogo pola v usloviyakh VTK: avtoreferat dissrtaizii kandidata psikhologicheskikh nauk. [Psychological aspects of correction and re-education of female juvenile offenders in the context of an educational labor colony: Author's abstract from the thesis of Ph. D. of Psychological Sciences.] Moscow, 1990, 24 p.

6. Boiko I. B., Kalashnikova T. V. Primeneniye standartizirovannogo lichnostnogo onrosnika A. Bassa — A. Darcy v praktike VTK. [The application of standardized personality questionnaire A. Bass — A. Darcy Templar in the practice of an educational labor colony.] Ryazan: Ryazan Higher School of Interior Ministry of Russia, 1993. 29 p.; Primeneniyetesta E.Vagnera v praktike VTK. [Applying the test of E. Wagner in the practice of an educational labor colony.] Ryazan: Ryazan Higher School of Interior Ministry of Russia, 1993, 28 p.

7. Kalashnikova M. M. [Psychology of personal responsibility for female juvenile offenders serving sentence in an educational labor colony: Author's abstract from the thesis of Ph. D. of Psychological Sciences.] Ryazan, 2012. 28 p.

8. Kalashnikova M. M. K voprosu izucheniya otvetstvennosti lichnosti penitent-siarnoy psihologii. [To the question of examination of persons responsibility in corrective psychology] // Man: crime and punishment. 2011, no. 2 (73).

9. Kalashnikova M.M. Psihologicheskaya kharakteristika lichnosti i otvetstvennosti v povedenii nesovershennoletnikh osujdennikh jenskogo pola pri nahojdenii ih v vospitatelnikh koloniyakh. [Psychological characteristics of individuality and responsibility in behavior of juvenile female convicts in the context of educational colonies] // Applied legal psychology. 2011, no 2.

10. Makarenko A. S. Essay. Moscow, 1960, p. 5.

11. Pozdnyakov V. M. Yuridicheskaya psihologiya: genesis i perspektivi. [Legal psychology: Genesis and Perspectives.] // Applied legal psychology. 2010, no 2, pp. 15–37.

12. Aksenova G. I., Kozhevnikova E. N. Teoreticheskie podkhody k problem zhiznennykh strategii uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnikh [Theoretical approaches to the question of life strategies of underage teenagers under suspended sen-

tence]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya — Applied legal psychology. 2014, no. 3, pp. 39–47.

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF THE FEMALE CONDEMNED WITH THE PERSONALITY DISORDER (PSYCHOPATHY)

O. I. Sochivko

Abstract: In correctional facilities of the penal system of Russia at the organization of psycho-prophylactic, educational and psycho-correctional support of female condemned with the personality disorder (psychopathy) it is important for the personnel to know their psychological features. Detection of the psychological features of female condemned was carried out by the author in correctional facilities of the Directorate for the FPS of Russia in the Moscow region and of the Directorate for the FPS of Russia in Krasnodar region by comparison of experimental and control group of the condemned women. In this article we concentrated the attention first of all on distinctions of three groups of the condemned examinees: 1) female condemned that are not registered anywhere; 2) female condemned that are registered in prophylactic centers; 3) female condemned that are registered in a medical unit of a correctional facility with the diagnosis of the personality disorder (psychopathy). As an experimental group there are female condemned with the personality disorder (psychopathy) that are registered in medical centers (selection in number of 100 people) with the F60.0-F61 diagnosis in the out-patient cards according to the International classification of diseases of the tenth revision (specific personality disorders and mixed personality disorders). The following psychodiagnostic tools were applied for carrying out the research: supervision, conversation, analysis of personal records, the questionnaire directed on obtaining social and demographic data (an external factor) on the personality of female condemned, the mathematic-statistical computer program Statistica 10.0. The method of questioning allows us to create an objective idea of the psychological features of female condemned with the personality disorder (psychopathy). The received results showed that female condemned with the personality disorder (psychopathy) have a number of psychological features: the high probability of being married, low education level, high probability of being brought up by one of parents, low probability of maintenance of the relations with close and distant relatives, numerous criminal records.

Keywords: penal system; correctional facility; personnel of a correctional facility; personality disorder; female condemned.

REFERENCES

1. Blinnikova I. V., Savchenko T. N., Sochivko D. V. Nauchno-prakticheskii seminar «Prikladnaya iuridicheskaya psihologiya» // Prikladnaya iuridicheskaya psihologiya [Scientific and practical seminar «Applied legal psychology» // Applied legal psychol-

ogy]. 2011, no. 1, pp. 201–213.

2. Golovina G. M., Krylov V. Yu., Savchenko T. N. Matematicheskie metody v sovremennoy psihologii: status, razrabotka, primenenie. M.: Institut psihologii RAN, 1995. [Mathematical methods in modern psychology: status, development, application. M.: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, 1995.]

3. Klassifikatsiya bolezney v psihiatrui i narkologii. Posobie dlya vrachey. Pod redaktsiyey M.M. Milevskogo. M.: Triada-X [Classification of diseases in psychiatry and narcology. A manual for doctors. Under M. M. Milevsky's edition. Moskva: Triada-X publishing house], 2003. 184 p.

4. Lisnyak M. A. Kurs sudebnoy psihiatrui dlya yuristov: uchebnoe posobie. Moskva: Prospect [A course of judicial psychiatry for lawyers: manual. Moscow: Prospectus], 2015. 216 p.

5. Savchenko T. N. Struktura i opisaniye empiricheskikh issledovaniy // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Structure and description of empirical researches // Applied legal psychology]. 2007, no. 1, pp. 89–97.

6. Sochivko D. V. Problema metodologii prikladnoy (yuridicheskoy) psihologii // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [The problem of methodology of applied (juridical) psychology // Applied legal psychology]. 2011, no. 2, pp. 8–18.

7. Sochivko D. V. Kriminalniy infantilizm. Ryazan: RGMU imeni I.P. Pavlova [Criminal infantilism. Moscow-Ryazan: Ryazan State Medical University named after I.P. Pavlov], 2014. 122 p.

8. Sochivko D. V., Krymova Yu. V. Psihodinamika loyalti-tolerantnosti: psihodinamicheskaya diagnostika i empiricheskaya tipologiya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Psychodynamics of loyalty and tolerance: psychodynamic diagnostics and empirical typology // Applied legal psychology]. 2012, no. 2, pp. 28–36.

9. Sochivko D. V., Burtsev A. O. Problema psihopatizatsii lichnosti osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [The problem of psychopartization of the personality of condemned // Applied legal psychology]. 2014, no. 1.

10. Sochivko D. V., Shchelkushkina E. A. Problema psihodinamicheskoy tipologii lichnosti osuzhdennykh za ubiystvo // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [The problem of psychodynamic typology of the personality of condemned for murder // Applied legal psychology]. 2010, no. 1, pp. 6–21.

11. Sochivko D. V., Savchenko T. N. Vosmoy nauchno-prakticheskii seminar «Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya» problem massovogo soznaniya: upravlenie i manipulirovaniye na granitsah pravovogo polya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [The eighth scientific and practical seminar «Applied legal psychology» of a problem of mass consciousness: management and manipulation on a border of a legal framework // Applied legal psychology]. 2014, no. 2, pp. 145–149.

TO THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGIOUS-POLITICAL EXTREMISMS

A. V. Tsopanova

Abstract: The article is devoted to the psychology of extremist activity. Briefly describes the author's theory of the formation of extremist behavior. The tendency to extremism, according to the theory, originates in the depths of youthful maximalism in the case when the goals, expectations, aspirations of maximalist not implemented and does not resonate in the community. Analyzes the causes of religious-political extremism. Special attention is paid to the causes of extremism on the territory of the Russian Federation, such as: ethnic and religious conflicts, ethnic tensions, uncontrolled migration, corruption, high unemployment, socio-economic stratification of society.

Describes the legislative, economic and socio-political countermeasures to religious-political extremism. Within the socio-political events highlights the importance of the harmonious development of personality.

Development of a system for early warning of extremism, on the basis of understanding the underlying causes for its occurrence is regarded as one of the priority tasks of modern psychological science.

Keywords: extremism, terrorism, youthful maximalism, socio-economic disadvantage, harmonious development of personality

REFERENCES

1. Deyneka O. S. Dinamika makroekonomicheskikh komponentov obraza deneg v obydennom soznanii // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2002., № 2. S. 36.
2. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A. Fenomen korruptsii v Rossii kak sotsiopoliticheskaya i psikhologicheskaya problema // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Ryazan'*, 2013. - №2 S. 8
3. Emelin V.A. Terrorizm kak patologicheskaya forma obreteniya identichnosti v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Ryazan'*, 2010. - №4. S. 36-43
4. Zimichev A.M. K probleme tolerantnosti intolerantnosti etnosov / A.M. Zimichev, A.V. Zabarin // *Vestnik politicheskoy psikhologii*. — 2008. - №1. — S. 41.
5. Kanukova Z.V., Fedosova E.V. Etnokul'turnoe prostranstvo Severnoy Osetii: istoriko-sotsiologicheskii analiz. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. — 380 s.
6. Sinanov B.A. Dukhovnoe obrazovanie v polikonfessional'nom Severo-Kavkazskom regione: istoriya i perspektivy // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta - Barnaul: Izd-vo AltGU*, 2009. № 4 tom 3 S. 207-213
7. Sosnin V.A. Sovremennyy terrorizm i problema motivatsii terroristov-smertnikov // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Ryazan'*, 2010. - №4. S. 43-50
8. Sosnin V.A. Analiticheskie kommentarii k knige F.Mokhaddama «Terrorizm s tochki zreniya terroristov, chto oni perezhivayut i dumayut, i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu» // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Ryazan'*, 2010, №4. S. 134 — 147
9. Tuaeva B.V. Voprosy sokhraneniya etnokul'turnogo raznoobraziya Rossii:

severokavkazskiy region// Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. - SPb. 2008. № 12 (84). S. 218-225

10. Tsopanova A.V. Psikhologiya politicheskogo terrorizma.- Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN I RSO-A, 2013. — 156 s.

11. Tsopanova A.V. K probleme analiza fenomena sovremennogo terrorizma // Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. SPb., 2010, №120, S. 303-307

12. Etnoreligioznyy terrorizm / Yu.M. Antonyan, G.I. Belokurov, A.K. Bokovikov i dr.; Pod.red. Yu.M. Antonyana. — M.: AspektPress, 2006. - 318 s

13. Yur'ev A.I., Konovalova M.A. Psikhologiya postcheloveka / V knige «Postchelovek. Ot neandertal'tsa k kiborgu» pod red. T.Chesnokovoy. M., 2008. s.s. 273-308.

SPIRITUAL-MORAL UPBRINGING AS THE FACTOR OF PREVENTATION OF A PSEUDO SOCIAL BEHAVIOR

I. M. Il'icheva

Abstract: The article deals with the causes of pseudo social behavior. Different definitions of it are given; methods of organization of spiritual upbringing are described. The sense and context of spirituality as psychological phenomena is given in details. The theoretic analysis of different models of spiritual upbringing in Russia is done: biological (dealing with the stages of the development of a person); socio-genetical (socialization); personal (the development of consciences and self consciences); anthropological (transformation of a person by means of cooperation with the people). The anthropological model of superiority is based on the idea of developing as the result of a cultural dialog with the community. The original model of spiritual upbringing is given. The methodological basis of this work is the thesis of Russian psychology about the spirituality as the special form of reflection of objective world, the main means of interaction with it. Besides a person has special moral needs. The original definition of spirituality is given. Spirituality is a dynamic quality of a person, which gives him the opportunity to reflect morals in the context of his own life. The criteria of a superiority are the interest to the essence of human life, the need in self learning, the active position, the optimistic perception of life etc. The main stages and methods of work for developing spirituality is given. The results of this work with the pupils are described.

Keywords: pseudo social, spirituality, moral upbringing, self learning, self development, empathy, values.

REFERENCES

1. Il'icheva I.M. Vvedenie v psikhologiiu dukhovnosti [The introduction to the psychology of spirituality] Moscow, 2007. 305 p.

2. Il'icheva I.M. Dukhovnyi rost lichnosti [The spiritual development of a personality] Kolomna, 2003. 71 p.

PSYCHOPRACTICES

PROBLEMS OF DIAGNOSTICS OF OFFICIAL LOYALTY

S. V. Gornostaev

Abstract: One of the requirements for the personality of a state servant is official loyalty. Official loyalty can be understood as a characteristic of the behavior and personal qualities determining this behavior. Official loyalty as a behavior is a practical implementation of legal rules governing the conduct and activities of the state servant. Official loyalty as a personal quality is essentially the attitude of employee to official duty in general and specific commitments related to its official status. Aspects of this attitude are: 1) awareness of the content of the official duty and the ways of its implementation, 2) the employee's emotional attitude to the necessity to fulfill this official duty and 3) conative commitment to fulfilling the official duty in situations of conflict of interest.

Diagnostics of the official loyalty as a personal quality should be based on a diagnosis of official conduct, but should not be limited to the diagnosis of official conduct. Legitimate service behavior can be caused not only by the sophistication of the employees official loyalty. At the same time the misconduct can occur in employees with high level of sophistication of components of official loyalty as a personal quality. It is necessary to diagnose the behavior, and personal characteristics of official loyalty. It is necessary to diagnose cognitive, emotional, and conative components of loyalty as the attitude.

Instruments for diagnostics of official loyalty is absent in fact or unsuitable for objective research. Another important problem of diagnostics is the lack of clear understanding or false understanding official loyalty term by employers. Because of the tradition of public service in Russia, many managers mistakenly identify official loyalty with personal loyalty to the leader, misunderstand loyalty as conformism or neutrality, and so on. But official loyalty of state servants is based on compliance with the statutory requirements to the employee. The basis for selection of diagnostic tools should be forming a clear understanding of official loyalty as a way of conduct of the employee and as a personal quality, contributing to this behavior.

Keywords: loyalty, service, state servants, official loyalty, service behavior, attitude, service duty, service status, diagnostics, duties

REFERENCES

1. Cherepanov V. V. Osnovy gosudarstvennoy sluzhby i kadrovoy politiki [Foundations of civil service and personnel policy]. Moscow, YuNITI Publ., 2012. 679 p.
2. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2011, 21(2), pp. 285–306.
3. Emerson D.M., Helfeld T.I. Loyalty among government employees. *The Yale law journal*, 1948, 58(1), pp. 1–143.
4. Gavrina E.E. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty, okazyvaiushchie vliyanie na formirovanie dolzhnostnoi pozitsii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy // *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — Applied legal psychology*. 2014.

no. 4. pp. 27–39.

5. Gornostaev S.V. Sluzhebnaia loial'nost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Serving (official) loyalty of penal staff // Chelovek: prestuplenie i nakazanie -- Person: crime and punishment. 2014. no. 4. pp. 172–176.

6. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. *Annales. Etyka w życiu gospodarczym*, 2010, 13(1), pp. 139–146.

7. Kazantsev N.M. Publichno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoy sluzhby : institutsionno-funktsionalnyy analiz [Public law regulation of public services : institutional functional analysis]. — M., 1999. Location : Web site «Natsionalnaya entsiklopedicheskaya sluzhba» [National encyclopedic service]. Available at: <http://determiner.ru/dictionary/993/word/psihologija-gosudarstvenoi-sluzhby> [Accessed 25 May 2014].

8. Kriaklin K.V. Otnoshenie sotrudnikov FSIN Rossii k sluzhebnoi deiatel'nosti na razlichnykh etapakh professional'noi adaptatsii [The ratio of staff to the Russian Federal Penitentiary performance at various stages of the professional adaptation] // *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology. 2014. no. 2. pp. 54–65.

9. Kuptsov I.I., Karpova G.S. Model' professional'noi kompetentnosti sotrudnikov FSIN Rossii [Model of professional competence of the Russian FPS] // *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology. 2013. no. 4. pp. 20–30.

10. Mal'tseva T.V. Podkhody k uregulirovaniu vnutrichnostnykh konfliktov u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Approaches to the settlement of intrapersonal conflicts among police officers] // *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology. 2014. no.1, pp. 72–76.

11. Melnikov V.P. Gosudarstvennaya sluzhba v Rossii: istoricheskiy opyt [State service in Russia: historical experience]. Moscow, RAGS Publ., 2005.

12. Miasishchev V.N. Lichnost' i nevrozy [Personality and neuroses]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta [Leningrad state university Publ.], 1960. 426 p.

13. Miasishchev V.N. Psikhologiiia otnoshenii: Izbrannye psikhologicheskiiie trudy [Psychology of relations: selected works] / Ed. A.A. Bodalev. M.: In-t prakt. psikhologii [Institute of Applied Psychology]; Voronezh: MODEK, 1995. 365 p.

14. Svinareva O.V., Gornostaev S.V. Sluzhebnyi dolg: znachenie dlia sluzhebnoi deiatel'nosti, sushchnost', formirovanie [Official duty: value for official activity, entity, formation] // *Zakon i pravo* — Law and the right. 2014. no. 9, pp. 37–40.

15. Tsoitsaeva R.S.M. Fenomen rolevoi pozitsii v strukture professional'no-lichnostnoi deiatel'nosti sotrudnika organov vnutrennikh del [Phenomenon role in the structure of professional and personal activities of law enforcement officers] // *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology. 2013. no. 4, pp. 156–160.

16. Twijnstra A., de Graaf, G. Young Loyalties: Loyalty Conceptions and Loyalty Conflicts of Young Dutch and English Public Administrators. *Operant Subjectivity*, 2013, 36(2), pp. 73–92.

TO THE QUESTION OF THE CRITERIA AND BOUNDARIES OF THE CONCEPT «MANIPULATION OF THE CONSUMER»

O. S. Posypanova, O. S. Vorobeva

Abstract: individual approach to customers in stores leads not only to the realization of his motives but also to subtle manipulation. Along with the need-motivational sphere of the buyer we can already speak of manipulation-need sphere which means that the needs are generated by trade manipulation. Based on the questionnaire survey of consumers, in-depth interviews, narrative interviews, expert survey, theoretical comparison manipulation of the consumer is defined by the authors as imperceptible impact on the buyer for thoughtless commitment of not previously planned purchase of goods by him that is carried out in advertising, the dialogue with the seller and through the organization of space and events on the trading floor. Authors propose to call not all the trade technologies as manipulation techniques but only the corresponding three criteria: 1) implicit, 2) non-intrusive, 3) that direct the customer toward thoughtless buying of not previously planned product. Unreasonable half-planned impulsive purchases become the result of manipulation. All manipulations of the consumer in the stores are divided by the authors on verbal (used in the dialogue with the seller), merchandising (used in the laying out of goods on display and location of display windows in the store), marketing which in turn are subdivided into the price, advertising and branding. The authors provide a list of the most popular of each type of manipulation. The most effective verbal manipulation of the consumer: flattery (compliments), insufficient information (only the dignity of the goods is spoken about and the same things are repeated in different words but the shortcomings are not mentioned), scientific concepts and specific terminology (e.g. urea instead of «uric acid»), reference to the authority and the idols, the reference to «everyone», the comparison with a clearly losing product, the method of «false shame» («everyone has long known that ... you are not up-to-date with the progress»), the method of «I have the same in my family». The most effective merchandising techniques of manipulation are: laying out the right products at the «golden shelves», i.e. shelves at eye level, laying out the products of the biggest demand in back of the room to make customers to a desire to buy a few unnecessary products on their way to that shelves, the pedestal of expensive luxury goods against which the others seem inexpensive goods, laying out of fresh products in the depths of the shelves and those with expiring shelf-life — closer to the edge in grocery stores. Among marketing manipulation buyers are more susceptible to the following: big supermarket trucks creating a feeling that nothing is purchased, sticker «Best seller» posted on unsaleable goods, big boxes in which a little product lays that gives the impression that there are a lot of goods in them, yellow price tag hung out not only on the goods at a discount but also on any product that must be sold, reducing packaging or serving instead of raising the price of goods, sale of warranty service, creating an artificial shortage, «the second thing free» (although its cost is included in the price of the first thing or it is an illiquid product), false charity, discounts up to X%, false discounts, «99 rubles» method.

Keywords: psychology of sales, manipulation of customers, manipulative sales techniques, manipulative techniques in the selling areas.

REFERENCES

1. Bogdanov E. N., Zazykin V. G. Psikhologicheskie osnovy Pablik rileyshnz [Psychological foundations of Public Relations]. 2 izd. St. Petersburg, Piter, 2003. 208 p.
2. Anderkhil P. Pochemu my pokupaem. Kak zastavit' pokupat' [Why do we buy. How do I get to buy]. Minsk, Popurri, 2003. 368 p.
3. Belogorodskii A. A. Manipulyativnye metody v reklame [Manipulative techniques in advertising]. Marketing v Rossii i za Rubezhom — Marketing in Russia and abroad. 2005, no. 6, pp. 42–53.
4. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [Psychology of manipulation: the phenomena, mechanisms and protection]. 3 izd. Moskov, Rech', 2003. 304 p.
5. Zotova O. Yu. Nauchno-prakticheskie traktovki problemy bezopasnosti lichnosti [Scientific and practical treatment of the problem of security of the person] // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology. 2010, no. 3, pp. 128–156.
6. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem [Manipulation of consciousness]. Moskov, Eksmo, 2009. 832 p.
7. Kotler F., Kartadzhaia Kh., Setiavan A. Marketing 3.0: ot produktov k potrebitelyam i dalee — k chelovecheskoi dushe [Marketing 3.0. From products to consumers and then to the human soul]. Moskov, Eksmo, 2011. 669 p.
8. Likhobabin M. Yu. Tekhnologii manipulirovaniya v reklame [Manipulation technology in advertising]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2004. Pp.13–17.
9. Machnev E. V. Razvlekupki. Kreativ v roznichnoi torgovle [entertainment-purchase: creativity in retail trade]. St. Petersburg, Piter, 2005. 208 p.
10. Oparina N. A., Tsvetkova G. S. Mnozhestvennost' faktorov demonstrativnogo potrebleniya: evolyutsiya issledovaniya [The multidimensionality of factors conspicuous consumption: the evolution of research]. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya — Modern problems of science and education. 2014, no. 5, pp. 435–440.
11. Sochivko D. V., Krymova Yu. V. Psikhodinamika loyality — tolerantnosti: psikhodinamicheskaya diagnostika i empiricheskaya tipologiya [Psychodynamics loyalty — tolerance : psychodynamic diagnostics and empirical typology] . Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology. 2012, no. 2, pp. 28–36.

CRIMINALIZATION OF MODERN YOUTH'S MORAL CONSCIENCE

E. Yu. Strizhov

Abstract: The sharp rise in crime in modern Russian society, the appearance of homeless and street children, the abandonment of the highest ideals of one's being in favor of personal gain and other negative social phenomena have made the leading Russian psychologists to address the problem of society's moral conscience. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich, M.I. Volovikova, V.E. Semenov, A.A. Gostev and others

consider criminalization of society's moral conscience to be one of the psychological factors of its functioning.

The article is devoted to the psychological analysis of this factor. It gives a detailed analysis of the moral values represented in the minds of different groups of society. The importance and influence of traditional moral values of our society, the universal (common to mankind) values and the values of Protestantism on people's behaviour are shown. The differences between these ethical systems, both religious and secular, are described.

The author shows the relationship between a person's criminal behaviour and moral values, especially the values of individualism, pragmatism and utilitarianism. The contrast between such values and the values of Russian society is displayed.

The article contains a lot of statistical material about the prevailing moral values in gender, age, professional and educational groups. The data on the peculiarities of moral conscience of repeat offenders (fraudsters) serving a criminal sentence in prison are presented. These data prove the theoretical propositions of the article. The results of a psychological study of modern Russian youth's moral and legal conscience, as well as the results of a theoretical analysis of the contemporary works in moral psychology are given.

The influence of pragmatism, individualism and consumerism values on the criminalization of modern youth's moral conscience has been proved. A comparative analysis of the attitudes to crime values in social groups of young people different in their age, education, gender and professional occupation has been carried out.

Keywords: traditional moral values, the values of Protestantism, universal human values, crime values, economic crime.

REFERENCES

1. Nравstvennost sovremennogo rossiyskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz / Otv. red. A.L. Zhuravlev i A.V. Yurevich. — M.: Izd-vo «Institut psichologii RAN», 2012. — 413 p.
2. Morals of modern Russian society: a psychological analysis / Ed. by A.L. Zhuravlev and A.V. Yurevich. — Moscow: Publishing House of the "Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences," 2012 — 413 pp.
3. Problemy нравstvennoy i eticheskoy psichologii v sovremennoy Rossii / Otv. red. M.I. Volovikova. — M.: Izd-vo «Institut psichologii RAN», 2011. — 320p.
4. Issues of moral and ethical psychology in modern Russia / Ed. by M.I. Volovikova. — Moscow: Publishing House of the "Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences," 2011. — 320 pp.
5. Psikhologicheskie issledovaniya dushovno-nravstvennich problem / Otv. red. A.L. Zhuravlev i A.V. Yurevich. — M.: Izd-vo «Institut psichologii RAN», 2011. — 480p.
6. Psychological studies of spiritual and moral issues / Ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. — Moscow: Publishing House of the "Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences," 2011. — 480 pp.
7. Rubinstein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. — SPb.: Piter, 2003. — 512 p.
8. Rubinstein S.L. Being and consciousness. The man and the world. — St Petersburg:

burg: Peter, 2003. — 512 pp.

9. Sazhin A.V. Psikhologicheskie factory npravstvennoy ustoychivosti lichnosti: Dr. psy. sci. diss. — M.: SGA, 2014.

10. Sazhin A.V. Psychological factors of personality's moral stability: Thesis of Cand. Sc. in Psychology — Moscow: Modern University for the Humanities, 2014.

11. Semenov V.E. Rossiyskaya polimentalnost i sotsialno-psikhologicheskaya dinamika na pereputie epoch. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008.

12. Semenov V.E. Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of epochs. — St Petersburg: the Publishing house of St. Petersburg State University, 2008.

13. Strizhov E.Yu. Lichnost moshennika: npravstvenno-psikhologicheskii analiz: monografiya. — M.: Izd-vo «UNITI-DANA»: Zakon i pravo, 2008. — 374p.

14. Strizhov E.Yu. A fraud's personality: moral and psychological analysis: a monograph. — Moscow: UNITY-DANA: Law and Rights, 2008. — 374 pp.

15. Strizhov E.Yu. :Npravstvenno-psikhologicheskie deterninanty moshennichestva: Dr. psy. sci. diss. — M.: AU MVD, 2011. — 400 p.

16. Strizhov E.Yu. Moral and psychological determinants of fraud: Thesis of Dr. Sc. in Psychology — Moscow: MA of MIA, 2011. — 400 pp.

17. Strizhov E.Yu. Npravstvenno-psikhologicheskii podchod — novaya tendentsiya razvitiya yuridicheskoy psichologii // Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya. — 2010. — №2. — p.p. 67-82.

18. Strizhov E.Yu. A moral and psychological approach as a new trend in the development of legal psychology // Applied legal psychology. — 2010. — №2. — P.67-82.

19. Strizhov E.Yu. Npravstvenno-pravovaya nadezhnost lichnosti: psikhologicheskaya model i mehanizmy razvitiya // Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya. — 2009. — №4. — p.p. 40-55.

20. Strizhov E.Yu. Moral and legal reliability of an individual: the psychological model and the mechanisms of development // Applied Legal Psychology. — 2009. — №4. — P.40-55.

21. Yurevich A.V. Npravstvennost kak psikhologicheskaya problema // Vopr. psichol. — 2009. — №4. — p.p. 3-13.

22. Yurevich A.V. Morality as a psychological problem // Issues of Psychology — 2009. — №4. — P.3-13.

TO HELP THE MANAGER

PROFESSIONAL ORIENTATION AND CAREER ORIENTATION OF FUTURE PSYCHOLOGISTS

N. N. Avramenko

Abstract: the work deals with the process of professional development in the educational environment of the university. Particular emphasis is placed on the pro-

fessional orientation and the career orientations of the future psychologist. There is a real need for study of the career orientations of the students, which can be used in the practice of psychological prediction of the professional self-realization, taking into account the dominant values in the structure of personality. The purpose of carrying out this research consisted in theoretical and practical research of career orientations of graduates of faculty of psychology and their interrelation with features of motivation.

The career has got great importance for all students. The leading career orientations are: autonomy; stability of a residence; call; business and professional competence. Motives: maintenance of life support, comfort, the social status, communication, the general activity, creative activity at most of pupils are satisfied. It means that students: consider the conditions of training comfortable and feel in perfect security; have influence among contemporaries; are happy with communication level at university; show the vigor, endurance, persistence and the abilities in the educational sphere; have creative results. However 54 % of students would like to show smaller activity, than they show at the moment, and at 43 % the satiation is observed by the creative activity. 70 % of examinees don't seek to bring benefit to society that certainly is a barrier on the way of professional and personal development of future psychologists.

Students, in which motivational profile motives of maintenance prevail, will look for work in the organization providing a certain service life with good reputation, reliable and will appreciate life in general, than a concrete profession, career or a family more. Examinees in which motivational profile the developing motives prevail, aspire to: to professional competence, development of the abilities; to the management and responsibility; to service to mankind; to overcoming of obstacles, risk, creation of the new. For students with external positive motivation the following career orientations are characteristic: «Management», «Business» and «Call». Therefore, at them values prevail: competition, victory over others, solution of difficult tasks, management and responsibility, risk, financial wealth. For examinees with internal motivation the main values are: work with people, the help to people, desire to make the world is better, etc. They won't work in the organization which is hostile to their purposes and values.

Keywords: career, career orientation, value orientation, values, motives, professional orientation, personality, professional development, self-realization, profession of psychologist.

REFERENCES

1. Bogdanov E. N., Ivanov G. P., Mitiukhin L. N. Postroenie modeli buduishchego spetsialista [Building a model of the future expert]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology, 2012, no. 4, pp. 84–99.
2. Bogdanov E. N., Ivanov G. P., Shishkina E. A. K voprosu o dinamike tsennostnykh orientatsii molodezhi v sisteme vysshego obrazovaniia [On the dynamics of the value orientations of youth in higher education]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology, 2011, no. 1, pp. 73–78.

3. Zaitseva T. V., Zub A. T. Upravlenie Personalom [Personnel Management] Moscow, Forum; INFRA-M Publ., 2008. 335 p.

4. Kotovsky V.V. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti predstavlenii studentcheskoi molodezhi o professional'non uspekhe [Socially-psychological features of students' ideas of professional success]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no. 2, pp. 91–97.

5. Krasnoshechenko I. P., Taramakin R. B. Professional'naia samorealizatsiia vypusnikov fakulteta psikhologii i ikh retrospektivnye otsenki poluchennogo obrazovaniia [Professional self-actualization psychology graduates and their retrospective assessment of educational attainment (based on an online survey conducted in KSU Tsiolkovsky)]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2013, no. 3, pp. 96–107.

6. Markova A. K. Psikhologiiia professionalisma [Psychology of professionalism]. Moscow, Mezhdunarodnyi gumanitarnyi fond «Znanie» Publ., 1996. 308 p.

7. Moll E.G. Upravlencheskaia kar'era v Rossii [Managerial career in Russia]. Problema teorii b praktiki upravleniia — Problems of the theory and practice of management. 1996, no. 6, pp. 117–120.

8. Mordovin S. K. Upravlenie chelovecheskimi resursami: 17-modul'naia programma dlia menedzherov «Upravlenie razvitiem organizatsii».[Human Resource Management: 17-modular program for managers «Management of organization development», Moscow, INFRA-M Publ., 2000.

9. Polishchuk Iu.A. Dinamika professional'noy napravlenosti studentov sotsionomicheskikh professii v protsesse obucheniia [Dynamics of professional orientation of students socionomic professions in the learning process]. Psikhologiiia v vuze — Psychology at the university. 2012. no. 3, p. 74–77.

10. Pochebut L. G., Chiker V. A. Organizatsionnaia sotsial'naia psikhologiiia [Organizational Social Psychology]. Sankt-Peterburg, Rech Publ., 2000. 297 p.

11. Riabov V. B. Strategiiia trudovoi zhizni kak kharakteristika samoralizatsii cheloveka v trude [Strategy working life as a characteristic of human self-realization in the proceedings]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2013, no. 4, pp.113–118.

12. Travin V. V., Diatlov V. A. Menedzhment personala predpriiatiia [Management personnel of the enterprise]. Moscow, Delo Publ., 2003. 270 p.

13. Upravlenie personalom organizatsii. Pod. red. A. I. Kibanova [Human resource management organization. Ed. by A. I. Kibanov]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 295 p.

14. Upravlenie personalom. Pod. red. T.Iu. Bazarova, B.L. Eremina [Human Resource Management. Ed. by T. Iu. Bazarov, B. L. Eremin]. Moscow, IUNITI Publ., 2005. 554 p.

15. Shapiro S. A. Motivatsiia i stimulirovanie personala [Motivation and stimulation of personnel]. Moscow, GrossMedia Publ., 2005. 223 p.

THE DEVELOPMENT OF THE TEACHER'S CREATIVITY IN TERMS OF COMPETENCE-PREDICTIVE ACTIVITY

N. I. Kalakov, O. V. Starikova, E. N. Khrykanov

Abstract: The article considers the problem of developing the teacher's creativity in military higher education organizations in terms of competence-predictive activity in the context of the Conception of military manpower policy in the Armed Forces of the Russian Federation for the period until 2016. The components of prognostic competence are the following: the axiological component; the activity component; the cognitive component; prognostic literacy; prognostic erudition; predictive skills of the teacher. Pedagogical prognostic competence is represented as a structure with markers. The article singles out the set of qualities and the structure of the teacher's creative personality in the field of prognostics. An individual program for self-improvement and the development of one's own creative prognostic potential has been devised. The program reflects the aims, the goals and the content of the phased development of one's own creative potential in pedagogical prognostic activity. The basic principles for the self-development of a personality have been methodologically substantiated. Namely, the principles of consistency, self-development, determinism, scientific content and the unity of theory and practice. The individual program for self-development is a range of a number of parts with a certain form and content, related to pedagogical creativity in the sphere of planning and prognostic activity. The article reveals the main conditions for effective pedagogical forecasting activity and the technological support of the phased development of a personality's creative prognostic potential. The psychological structure of pedagogical prognostic creativity is presented in the form of a scheme. Pedagogical prognostic creativity is a certain combination of cooperative forestalling actions of teachers and students, aimed at forming and developing the personality of a future specialist. Pedagogical prognostic creativity develops under the influence of personal and social factors.

Keywords: expertise, structure, components, prognostics, activity, creativity, pedagogical creativity, program, self-development, self-improvement, creative personality, culture, skills, experience.

REFERENCES

1. Alekhin I. A., Slivin T. S., Tenitilov S. V. *Teoreticheskie osnovy pedagogiki vysshey voennoy shkoly v logicheskikh skhemakh i tablitsakh* [Theoretical bases of pedagogics of the higher military school in logic diagrams and tables]. M.: Military University, 2003.
2. Gershunskiy B. S. *Obrazovatel'no-pedagogicheskaya prognostika: teoriya, metodologiya, praktika* [Educational-pedagogical prognostics: theory, methodology, practice]. M.: Flint, 2003. S. 765.
3. Kalakov N. I. *Globalisticheskaya prognostika kak mezhdistsiplinarnaya nauka: metodologicheskie osnovy* [Globalist prognostics as a multidisciplinary science: methodological foundations: a monograph]. Ulyanovsk: Vector, 2008. 100 p.
4. Kalakov N. I. *Metodologiya prognosticheskogo issledovaniya v globalistike*

(na materiale analiza prognozirovaniya sotsial'no-obrazovatel'nykh protsessov) [The methodology of prognostic studies in global studies (based on the analysis of forecasting of socio-educational processes)]. Moscow: Academic Project, 2010. S. 747.

5. Kalakov N. I., Zharkova G. A., Skotnikov V. A. Razvitie prognosticheskogo obrazovaniya v Rossii v usloviyakh obespecheniya bezopasnosti strany [Development of prognostic education in Russia in terms of national security: monograph] / under the scientific. ed. N. I. Kalakova. M.: RGAFX and T, 2014. 160 p.

6. Regush L. A. Psikhologiya prognozirovaniya: uspekhi v poznanii [The Psychology of prediction: progress in the knowledge of the future]. SPb.: Speech, 2003. 352 p.

7. Khutorskiy A. V. Praktikum po didaktike i sovremennym metodikam obucheniya [Workshop on modern didactics and learning methods]. SPb.: Piter, 2004. 544 p.

8. Krasnoshchekov I. P., Tarabykin R. B. Professional'naya samorealizatsiya vypusnikov fakul'teta psikhologii i ikh retrospectivnye otsenki poluchennogo obrazovaniya [Professional realization of the graduates of the faculty of psychology and their retrospective evaluation of educational attainment (according to the materials of Internet survey conducted in Kaluga state University. K. E. Tsiolkovsky)] // Applied legal psychology. 2013, no. 3.

9. Semenysheva P. A., Kuznetsova A. S. Samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya u ofitserov s vysokoi i nizkoi udovletvorennost' u rabotoi v usloviyakh dlitel'nogo voennogo reformirovaniya [Self-regulation of the functional state of the officers of the high and low job satisfaction in long-term military reform] // Journal of Applied legal psychology. 2013, no. 4.

10. Starikova O. V. O sovershenstvovanii protsessa adaptatsii sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy [On improving the process of professional adaptation penitentiary] // Higher education today. 2007, no. 5.

11. Starikova O. V. Khrushkova K. A. Psikhologicheskie osobennosti «Ya kontsept-sii» osuzhdennykh za prestupleniya protiv blizkikh rodstvennikov [Psychological peculiarities «I concept» convicted of crimes against relatives] // Applied legal psychology. 2011, no. 3.

PSYCHOLOGY OF SOCIAL EVENTS AND THE QUALITY OF LIFE

THE CHANGES IN CORRELATION OF THE COGNITIVE COMPONENT OF THE IMAGE OF "I" IN THE ROLE-PLAYING GAMES WITH THE PERSONAL CHARACTERISTICS THE YOUTH

O. I. Oikina, T. N. Savchenko

Abstract: The article describes the results of research of the nature of the cognitive component of the image changes in the "I" in the situation-role-playing

games, and the relationship of these changes to the personal characteristics of youth. Recorded the presence of significant differences in the image of "I" in the parameters of evaluation and strength before and after the role-play.

Role-play is regarded as informal sessions with the group. This study involved two groups of respondents: teenagers - participants of the children's program "Book of Heroes"; boys and girls — students of psychological faculty MSU participating in opportunistic role-playing games "Yacht" and "Transfer station".

The article performs the interpretation of the changes in the cognitive component of the image of "I". It is recorded the presence of negative changes by a factor of "assessment": in general, the players are reduced self-esteem and a tendency to evaluate themselves as the bearer of socially desirable characteristics. In addition, marked changes in the way "I" in the parameter estimation. Players evaluate himself as "insincere", "stale", "unfair" after the game. The changes to the parameter forces occur in the upward shift in the observed characteristics such as "decisive," "strong," "independent", "independent" and "busy".

Consequently, changes in the way "I" in the situation-role-playing game can not be described as extremely positive. We can assume that people, who are prone to self-flagellation and sensitive to the reactions of others, will be increased of fearful force in the case when the role is comfortable for them and they feel match of their image of "I" with the characteristics of their character. This will increase their self-confidence and the ability to influence the outcome of events. According to the changes in the cognitive component of the image "I" accompany such personality traits as "sensitive" and "anxiety" players. The question remains open security role movement, so the subject of further study of the phenomenon of psychological role-playing game should be the problem of ensuring the safety and security of the person taking part in role-playing games.

Keywords: youth, subculture, informal associations, the role motion, tolkienizm, escapism, role play, situational role-playing game, the image of "I", the personal characteristics.

REFERENCES

1. Sostojanie prestupnosti v Rossii za janvar'-dekabr' 2013 g. // Analiticheskiy otchet General'noj prokuratury RF, Glavnoe organizacionno-analiticheskoe upravlenie pravovoj statistiki:., M.: 2013. S. 29
2. Bim-Bad B.M.. Obrazovanie po-prezhnemu ostaetsja iskusstvom. // Deti v informacionnom obshhestve. Ostorozhno: seksting. M.: Viva-star, 2012. №12. C. 23.
3. Davydova M.V. Social'no-psihologicheskie aspekty fenomena rolevyh igr na mestnosti // Psihologija segodnja: materialy Vserossijskoj zaochnoj nauch.-prakt. konf., (Ekaterinburg, 2001 g.). Ekaterinburg, FGAOU VPO «Ros. Gos. Prof.-ped. Un-t», 2001. S. 32-36
4. Kaljagin V.A. Logopsihologija: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / V.A.Kaljagin, T.S.Ovchinnikova. M.: Akademija, 2006. 320 s.
5. Kuprijanov B.V., Minovskaja O.V. Situacionno-rolevaja igra kak sredstvo raz-

vitija u podroستkov sub#ektnosti vo vzaimodejstviju. Monografija. / Pod red. I.I. Frishman. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2002. 62 s.

6. Kuprijanov B.V., Podobin A.E. Oчерki obshhestvennoj pedagogiki: rolevoe dvizhenie v Rossii. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2003. 49 s.

7. Lukov V.A. Molodezhnye subkul'tury v sovremennoj Rossii // Znanie. Poni-manie. Umenie. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/4/ (data obrashhenija: 19.10.2014 g.)

8. Lukov V. A. Osobennosti molodezhnyh subkul'tur v Rossii // Sociol. issle-dovanija. 2002. №10. S. 79–87.

9. Pirozhkov V.F. Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naja subkul'tura). Tver', Priz, 1994. 81 s.

10. Pisarevskaja D.B. Rolevye igry: primer «socializacii» subkul'tury // Jet-nograficheskoe obozrenie. 2008. № 1. S. 8-18

11. Ruchko L.S. Jeskapiзм v situacionno-rolevoj igre. Social'nye tehnologii v sfere kul'tury i dosuga. // Opyt. Problemy. Innovacii: materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. Konf. (Tambov, 2001 g.): Izd-vo Tamb. un-ta, 2001. S.112-115

12. Savchenko T.N., Kartavceva M.N., Golovina G.M. Kachestvo zhizni i obraz «Ja» jekzistencial'nogo psihoterapevta. // Prikladnaja juridicheskaja psihologija, 2015, №1, s.131-143

13. Salina E.A. Igra kak metod jekologicheskogo vospitanija podroستkov v mnogoprofil'nom uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovanija. Dis. kand. ped. Nauk. Kostroma, KGU im. Nekrasova, 2002.

14. Sergeev S.A. Molodezhnye subkul'tury v respublike Tatarstan. // Socio-logicheskie issledovanija, 1998. № 11. S. 25-30

15. Hmel'nik T. Jel'fy s poganymi gribami. // AiF, 2004. № 8.

16. S.L. Bowman. The functions of Role-Playing Games. How participants cre-ate community, solve problems and explore identity.// USA, North Carolina, Mc-Farland & Company, Inc., Publishers, 2010. 217 p.

17. Oficial'noe soobshhestvo uchastnikov rolevykh igr v Kontakte. URL: https://vk.com/rpg_ru (data obrashhenija 10.10.2014 g.)

18. Pegasov N. Chto takoe rolevaja igra. URL: <http://old.rolemancer.ru/role-mancer/chto-takoe-rolevaya-igra> (data obrashhenija 19.10.2014 g.)

19. Kachestvo zhizni i obraz «Ja» jekzistencial'nogo psihoterapevta. (Savchenko T. N., Kartavceva M. N., Golovina G. M.)

PROBLEM OF SECURITY AND CONSOLIDATION OF RUSSIA IN FUTURE CONTEMPORAL WORLD

V. A. Sosnin

Abstract: There is the problem of socio-political and moral consolidation of Russia with the development of geopolitical trends and strategic security at the present stage, including the impact of the ideology of cosmopolitanism on the de-

velopment of Russian society and to combat this influence. The increasing role of consolidation is determined by the increasing globalization of the world on the Western model, one consequence of which is the unification of cultures, leveling their specificity, identity, lower levels of national identity.

The growing problem in modern Russia is connected with the transition from a socialist economy to the economy based on private property and market relations. This process is contrary to not only the value orientation, social attitudes and stereotypes of collective relations, but also people's community culture of Russia, not getting many norms, values and ideals of rational-pragmatic individualistic society.

There is a generalized conceptual-conceptual way for the description of safety issues and the socio-political and moral consolidation of modern Russia. Modern interpretations of the concepts of consolidation, historical consciousness, historical memory, and their functions are given. Historical consciousness performs important functions, chief among them is the function of finding national identity and function of uniting the representatives of different social strata in a holistic socio-historical community with similar type of evaluation of its past. Relationship of the phenomenon of consolidation with the formation of historical thinking and patriotism is shown. It is important to reconnect the spiritual development of the modern society with the history of the country. The gap between different historical ares in the development of Russia, created in the minds of people artificially, causes a partial identification with only one fragment of history, with other segments of the domestic culture.

The impact of media and communication, and education system on different sides of the consolidation of society is analyzed. Some directions of practical solutions to problems through the Patriotic education of modern youth, adequate preparation of history textbooks, the formation of moral attitudes, etc. are suggested.

Keywords: geopolitics, cosmopolitanism, security, globalization, consolidation, historical consciousness, historical memory, patriotism, function, media, system of education.

REFERENCES

1. Andrianov M. S. Pravovaja komunikacija s pozicij diskursivnoj psihologii // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 1. S. 8–13.
2. Artjuhina A. S., Snigirev S. F. Geopolitika kak nauka v Rossii: istorija i sovremennost' // Geopolitika i bezopasnost'. 2009. № 4(8). S. 56–67.
3. Bojkov V. Je. Sostojanie i problemy formirovanija istoricheskoi pamjati // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 8. S. 85–89.
4. Brik L. V. Analiz jeffektivnosti vozdejstvija SMI na formirovanie social'no-pozitivnyh orientacij molodezhi // Vestnik MGTU. 2008. T. 11. № 1. S. 175–178.
5. Gostev A. A. Psihologija i metafizika obraznoj sfery cheloveka. M.: Genezis, 2008.
6. Drozdov A. Ju. Agressivnoe televidenie: social'no-psihologicheskij analiz fenomena // Sociologicheskie issledovanija. 2001. № 8. S. 62–64.

7. Zhuravleva N.A. Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v uslovijah social'no-jekonomicheskikh izmenenij: dis ... kand. psihol. nauk. M.: In-t psihologii RAN, 2002.
8. Zhuravleva N. A., Zhuravlev A. L. Novye tendencii v cennostnyh orientacijah lichnosti v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika, 2004. № 2. S. 20–39.
9. Kara-Murza S. Manipuljacija soznaniem. M., 2000.
10. Kol'cova V. A., Sosnin V. A. Social'no-psihologicheskie problemy patriotizma i osobennosti ego vospitaniya v sovremennom rossijskom obshhestve // Psihologicheskij zhurnal. 2005. T. 26. № 4. S. 89–97.
11. Korolev A. A., Zhuravlev A. L. Kol'cova V. A. Istorija i psihologija: neumolchnyj dialog: Uchebnoe posobie. M.: Mosk. gumanit. un-t, 2011.
12. Kuprejchenko A. B. Problemy npravstvenno-psihologicheskoj reguljacie jekonomicheskoj aktivnosti // Problemy jekonomicheskoj psihologii. T. 2. M.: In-t psihologii RAN, 2005. S. 17–65.
13. Orlova I. Vserossijskaja perepis': cifry i kommentarii // Nash sovremennik. 2004. № 8. S. 163–176.
14. Pavlova N. D., Zhuravlev A. L. K mezhdisciplinarnoj problematike diskursa // Situacionnaja i lichnostnaja determinacija diskursa. M.: In-t psihologii RAN, 2007. S. 6–11.
15. Problemy psihologicheskoj bezopasnosti. M.: In-t psihologii RAN, 2012.
16. Psihologicheskoe vozdejstvie: mehanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodejstvija. M.: In-t psihologii RAN, 2012.
17. Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlčnostnoj i massovoj kommunikacii. M.: In-t psihologii RAN, 2014.
18. Putjatina T. P. Formirovanie istoricheskogo soznaniya shkol'noj molodezhi v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva: dis ... kand. sociol. nauk. M., 2007.
19. Roshhin S. K., Sosnin V. A. Psihologicheskaja bezopasnost': novyj podhod k bezopasnosti lichnosti, obshhestva i gosudarstva // Rossijskij monitor. 1995. № 6. S. 133–146.
20. Semenov V. E. SMI i molodezh': social'no-psihologicheskij analiz // Vestnik politicheskoi psihologii. 2004. № 1.
21. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1987.
22. Smolina I.A., Nestik T.A. Obsuzhdenie posledstvij teraktov v internete: sostojanie i perspektivy issledovanija // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 3. S. 137–147.
23. Sosnin V. A. Operacional'nye uroki protivodejstvija suicidal'nomu terrorizmu gosudarstvom Izrail' // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 1. S. 125–139.
24. Sosnin V. A. Fenomen patriotizma: osnovnye ponjatija, funkcii i osobennosti vospitaniya v sovremennyh rossijskikh uslovijah // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i jergonomiki. 2014. № 2 (69). S. 12–19.
25. Tarabrina N. V., Zhuravlev A. L. Psihologicheskaja bezopasnost': na puti k

kompleksnym mezhdisciplinarnym issledovanijam // Problemy psihologicheskoj bezopasnosti. M.: In-t psihologii RAN, 2012. S. 5–21.

26. Toshhenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamjat'. Analiz sovremennogo sostojanija // Novaja i novejschaja istorija. 2000. № 4.

MORAL CONCEPTS OF THE MODERN RUSSIAN ELITE

M. I. Volovikova, M. N. Komarova

Abstract: the article is devoted to the results of empirical testing of ideas by A. L. Zhuravlev and A. B. Kupreychenko (2010) the combination of signs that indicate belonging to the moral elite. The objective of the study was to identify the specifics of the implicit view about moral («decent») the person in the environment of those persons, who belong to the elite of our society. The sample of 71 persons (mean age 39 years, 45% male) consisted of people that have achieved success in life. Among them were doctors, economists, lawyers, musicians, artists and psychologists, heads of laboratories, institutes and creative teams, editors of publications, Director of companies. Used author's questionnaire, based on the works of Japanese psychologists H. Azuma, and K. Kashiwagi (1987) and understanding of S. L. Rubinstein (1976) act as an implicit judgment. For processing the results of applied quantitative (frequency and factor analysis) and qualitative methods (content analysis and microelasticity analysis). It is shown that typical for the Russian mentality, the priority of the moral law over worldly success distinguishes overall view of the sample realized and successful people. Revealed the contradictory nature of the moral conceptions of the modern Russian elite.

In General, empirical passed inspection and received its confirmation allocated by A. L. Zhuravlev and A. B. Kupreychenko set of features, compliance with which might indicate belonging to a moral elite: strict adherence to moral principles, norms and rules; participation in socially useful activities; ability to solve moral issues and problems; ability to influence, to influence other people in the moral sphere; grant aid to other people.

Keywords: the moral elite, features, implicit representations, the Russian mentality, the moral norms, descriptors, factor analysis.

REFERENCES

1. Byzov L. G. Sociokul'turnaja transformacija rossijskogo obshhestva i perspektivy formirovanija neokonservativnoj sub#ektnosti // Bazovye cennosti rossijan: Social'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2003. S. 45–96.

2. Volovikova M. I. Predstavlenija russkih o npravstvennom ideale. M.: Institut psihologii RAN, 2005.

3. Volovikova M. I., Grenkova L. L. Sovremennye predstavlenija o porjadochnom cheloveke // Rossijskij mentalitet / pod red. K. A. Abul'hanovoj, A. V. Brushlin-

skogo, M. I. Volovikovej. M.: Institut psihologii RAN, 1997. S. 93–111.

4. Volovikova M. I., Dikevich L. L. Dinamika predstavlenij russkikh o npravstvennom ideale // Problemy npravstvennoj i jeticheskoj psihologii v sovremennoj Rossii. M.: Institut psihologii RAN, 2011. S. 298–318.

5. Dikevich L. L. Obydennye predstavlenija o porjadochnom cheloveke: avtoref. dis ... kand. psihol. nauk. M.: Institut psihologii RAN, 1999.

6. Zhuravlev A. L. Vzaimodejstvie fundamental'noj psihologii i psihologicheskoi praktiki: napravlenija razvitija // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2011. № 3. S. 8–13.

7. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. Rol' npravstvennoj jelity v rossijskom obshhestve: postanovka problemy i vozmozhnosti issledovanija // Psihologicheskij zhurnal. 2010. T. 31. № 2. S. 5–19.

8. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. Npravstvennaja jelita v rossijskom obshhestve: osnovnye priznaki i funkcii // Nauka. Kul'tura. Obshhestvo. 2010. № 2. S. 42–49.

9. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. Problemy formirovanija i vyjavlenija npravstvennoj jelity: itogi diskussii // Psihologicheskij zhurnal. 2011. T. 32. № 5. S. 97–99.

10. Kotovskij V. V. Social'no-psihologicheskie osobennosti predstavlenij studencheskoj molodezhi o professional'nom uspehe // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 2. S. 91–96.

11. Krasnenkova S. A., Markova I. I. Osobennosti predstavlenij osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta o brachno-semejnyh otnoshenijah // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2014. № 3. S. 72–79.

12. Metodiki social'no-psihologicheskogo issledovanija lichnosti i malyh grupp. M.: Institut psihologii RAN, 1995.

13. Metodiki social'no-psihologicheskoi diagnostiki lichnosti i gruppy. M.: Institut psihologii AN SSSR, 1990.

14. Pareto V. Transformacija demokratii: Per. s ital. M. Jusima. M.: Izd. dom «Territorija budushhego», 2011.

15. Psihologicheskie issledovanija duhovno-npravstvennyh problem. M.: Institut psihologii RAN, 2011.

16. Psihologicheskie issledovanija npravstvennosti. M.: Institut psihologii RAN, 2013.

17. Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti i duhovno-npravstvennye problemy sovremennogo rossijskogo obshhestva. M.: Institut psihologii RAN, 2014.

18. Psihologija npravstvennosti. M.: Institut psihologii RAN, 2010.

19. Psihologija XXI veka: Uchebnik dlja vuzov / pod red. V. N. Druzhinina. M.: PER SJe, 2003.

20. Rubinshtejn S. L. Problemy obshhej psihologii. M.: Prosveshhenie, 1976.

21. Obrazovanie odarennyh — gosudarstvennaja problema // V. V. Rubcov and other // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2009. № 4. S. 5–14.

22. Social'naja psihologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov / otv. red. A. L. Zhuravlev. M.: PER SJe, 2002.

23. Ushakov D. V., Zhuravlev A. L. Fundamental'naja psihologija i praktika: problemy i tendencii vzaimodejstvija // Psihologicheskij zhurnal. 2011. T. 32. № 3. S. 5–16.

24. Jurevich A. V., Zhuravlev A. L. Psihologija npravstvennosti kak oblast' psihologicheskogo issledovanija // Psihologicheskij zhurnal. 2013. T. 34. № 3. S. 4–14.

25. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // Japanese Psychological Research 1987, vol. 29, no. 1, 17–26.

26. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // Russian Studies in Philosophy. 2013, vol. 51, Spring, no. № 4, pp. 26–50.

DETERMINATION THE NATURE OF THE CARDIAC RHYTHMGRAM DURING EXERCISE TESTING

A. L. Pokhachevskiy, E. V. Pivunov, V. N. Mihalev

Abstract: investigation of differences of RR-intervals of 1 – 3 minutes load and recovery periods maximum veloergometry identified physiological patterns lability of heart rate during the limiting exercise. Established markers of variability – pNNx can be used to examine the physical working capacity and fitness among schoolchildren-older and students up to 23 years.

Variability of the cardiac rhythmgram on the early stages the load and the recovery period has its own specific characteristics. They are connected: first, with the time elapsed from the beginning of the period, secondly, with magnitude the variability. Each of the analyzed indicators had its diagnostic role. Indicator pNN15 - a binary response, indicating the presence of adaptive reserves or physical health; pNN5, 10 - markers of exercise tolerance (quantitative equivalent of health); pNN10, 15 - the criteria of fitness (aerobic-anaerobic endurance), defined by the inflection point pNNx and / or depending on the level (X) variability RR- intervals.

Keywords: variability of load cardiac rhythmgram; maximum load testing; criteria, markers heart rate recovery.

REFERENCES

1. Meerson F.Z., Pshennikova M.G. Adaptatsiya k stressovyim situatsiyam i fizicheskim nagruzkam [Adaptation to stress situations and physical loads]. Moscow, Meditsina Publ, 1988. 256 p.

2. Mikhailov V.M. Nagruzochnoe testirovanie pod kontrolem EKG: veloergometriya, tredmill-test, step-test, hodba [Stress testing under the supervision of ECG: cycle ergometer test, treadmill test, step test, walking]. Ivanovo, Talka Publ, 2008. 548 p.

3. Mikhailov V.M., Harlamova N.V., Belikova, M.J. Pokazatel variabelnosti serdechnogo ritma u novorozhdennyih [Component of heart rate variability in new-

borns]. Functional diagnostics — Functional diagnostics, 2006, no 1, pp. 19–22.

4. Pokhachevskiy A.L., Ankudinov N.V., Krapivin O.V. Regulyatsiya serdechnogo ritma v vosstanovitelnyy period stress-testa [Heart rate regulation in the recovery period of the stress test]. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, 2014, Vol. 111, no. 5, pp. 139–143.

5. Pokhachevskiy A.L. Vegetativnyy kontrol serdechnogo ritma v dinamike nagrauzhnoy tolerantnosti [Heart rate vegetative control in the loading tolerance dynamics]. Vestnik vosstanovitel'noj mediciny — Bulletin of regenerative medicine, 2013, no. 1, pp. 38–43.

6. Balady J., Collins E., Fletcher G., et al. Assessment of Functional Capacity in Clinical and Research Settings: A Scientific Statement from the American Heart Association Committee on Exercise, Rehabilitation, and Prevention of the Council on Clinical Cardiology and the Council on Cardiovascular Nursing // Circulation. 2007. Vol. 116. pp. 329-343.

7. Leeper N.J., Dewey F.E., Ashley E.A., et al. Prognostic Value of Heart Rate Increase at Onset of Exercise Testing // Circulation. 2007. Vol. 115. pp. 468-474.

8. Mietus J.E., Peng C-K., Henry I., et al. The pNNx files: re-examining a widely used heart rate variability measure // Heart. 2002. Vol. 88. pp. 378–380.

DURA LEX SED LEX

PECULIARITIES OF SELF-DEVELOPMENT OF LAWYERS WITH DIFFERENT LEVELS OF TRUST TO THEMSELVES

T. S. Pukhareva

Abstract: this article is devoted to theoretical and empirical research of the peculiarities of lawyers' self-development with different trust levels to themselves.

In the theoretical justification of the article there is a brief overview of the domestic and foreign literature on the problem of self-development, the psychological essence of the phenomenon of trust to oneself, the role of trust to themselves in professional self-development as a lawyer. Self-development is understood as a conscious human activity aimed at self-actualization, self-realization and self-improvement. Trust to themselves is considered as a respectively independent psychological phenomenon, personality's belief in self-efficiency. It is stated that trust to oneself is a condition of self-development, particularly the condition of self-realization lawyer in the profession.

Further the article presents the results of empirical research, which involved personnel of legal departments of organizations of Krasnodar. The respondents were divided into groups according to their trust level to themselves with the help of «Reflective questionnaire of trust level to oneself» (T. P. Skripkina). The peculiarities of self-development of lawyers' with different trust levels to themselves were studied by means of diagnostics of personality self-actualization (A. V. Lazukin un-

der the adaptation of N. F. Kalina) and methods of the study the need for self-improvement (G. D. Babushkin). The results of a comparative analysis of the received data in selected research groups are shown, the differences in the indicators of self-development of lawyers with different trust levels to themselves are revealed by means of methods of mathematical statistics.

As a result of the conducted empirical research some psychological peculiarities initiating the self-development of lawyers with a high level of trust to themselves are selected: autonomy, autosympathy, creativity, focus on the values of the self-actualized person, flexibility in communication, the expressed need for self-improvement. It is established that lawyers with a low level of trust to themselves are distinguished by negative view of human nature, the low capacity of spontaneous behavior, not updated the need for self-improvement.

At the end a conclusion on applied value of the results of the research to optimization professional activity of lawyers is formulated. It is indicated that through the formation of a system of attitudes on trust to oneself one can initiate the need for self-development and self-improvement of professional skills of legal staff for the purpose of improving the productivity and professionalism.

Keywords: a personality of a lawyer, the profession of a lawyer, professionalism, juridical work, trust, trust to oneself, self-development, self-actualization, self-improvement, self-realization.

REFERENCES

1. Abdullaeva M. M. Osobennosti «Obraza Ja» professional'nyh juristov [Peculiarities of «Self-conception» of Professional Lawyers] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology. 2008, no. 2, pp. 108–121.
2. Bilichenko E. N. Doverie k sebe kak faktor samoaktualizacii lichnosti [Trust to Oneself as a factor of Self-actualization of a Person] Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development. 2012. no. 9, pp. 92–94.
3. Ermolaev V. V. Doverie grazhdan policii kak kriterij upravljaemosti organizacionnoj kultury OVD na jetape reformirovanija [Confidence of Citizens in Police as a Criterion of Controllability of Organizational Culture of Internal Affairs Departments during the reformation] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology. 2014. no. 3, pp. 112–119.
4. Zavarceva M. M. Doverie: novye perspektivy mul'tidisciplinarnyh issledovanij [Trust: New Perspectives of Multi-disciplined Researches] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology. 2014, no.1, pp. 14–22.
5. Kuprejchenko A.B. Psihologija doverija i nedoverija [Psychology of Trust and Distrust]. — Moscow, Publishing House «The Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences», 2008. 571 p.
6. Mal'ceva T. V. Podhody k preodoleniju vnutrilichnostnyh konfliktov u sotrudnikov organov vnutrennih del [Approaches to overcoming inner personal conflicts of IADs personnel] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology. 2014. no. 1, pp.72–76.

7. Maralov V. G. Osnovy samopoznaniya i samorazvitija [Basics of self-knowledge and self-development]. Moscow, Academy Publ., 2002. 423 p.

8. Maslou A. Motivacija i lichnost' [Motivation and Personality]. St. Peterburg, Eurasia Publ., 1999. 479 p.

9. Perlz F. Praktika geshtal'tterapii [Practice in Gestalt therapy]. Moscow, Institute of General Humanities Researches, 2001. 480 p.

10. Puckareva T. S. Psihologicheskie osobennosti doverija k sebe i k drugim u budushhih juristov na jetape professional'nogo obuchenija v vuze. Dis. ... kand. psihol. nauk [Psychological Peculiarities of trust in oneself and the others of future lawyers at the stage of professional learning in a higher educational Institution. Cand. Ps. Sc.], Rostov-on-Don, 2011. 200 p.

11. Rodzhers K. Vzglyad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka [A look at Psychotherapy. Formation of a Person]. Moscow, 1994. 480 p.

12. Skripkina T. P. Doverie kak social'no-psihologicheskoe javlenie. Dis. ...dokt. psihol. nauk. [Confidence as a Psychosocial phenomenon. Dr. Ps. Sc. diss], Rostov-on-Don, 1998. 392 p.

13. Skripkina T. P. Antinomija doverija k miru i doverija k sebe v chelovecheskom bytii [Antinomy confidence in the world and self-confidence in a human life]. Razvitie lichnosti — Personality Development. 2011, no. 3, pp. 111–131.

14. Tavtilova N. N. Osobennosti psihodinamiki lichnostnogo rosta sotrudnikov UIS v zavisimosti ot stazha sluzhby [Psychodynamics Peculiarities of Personal Growth of Staff criminal executive system depending on their work experience] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Law Psychology. 2012, no. 3, pp. 98–106.

15. Shhukina M. A. The Problem of Personality self-development in Paradigm of Cultural-historical Psychology. Psychological science and education 2014. T. 6. No. 4.

16. Jourard S. M. The transparent self. New York: Van Nostrand Reinhold, 1971.

PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION IN THE DIRECTION OF «LAW»: CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS

A. A. Ildzhev

Abstract: the article presents an overview of the mature views on the concept of «competence» and «competence» are two approaches to the relationship of these concepts. It is shown that the professional competence is preassigned and presented in the federal state educational standard of higher vocational education training requirements of students. A professional competence — possession of a graduate of a system of professional competence, including his personal attitude to it and to the subject of professional activity.

The author exposes the deep analysis of all nineteen professional competencies regulated by the federal state educational standards, that is, those abilities and skills that the student must master in order to successfully carry out its responsibilities. The article referred to professional competence are classified into five groups, and highlights the fact that the dedicated professional competence is very well structured and justified.

The paper reveals the structure of professional competence, presented as a complex entity, which includes three main components: cognitive, associated with knowledge and methods for their preparation; the activity that defines the process of formation of skills based on the knowledge and methods of their implementation, and personality, representing the motives and values, and personality.

Based on the analysis of the composition and content of the professional competencies of the future bachelor of law justified integrative nature of professional competence, which is manifested in the relationship semantic orientations, knowledge, skills, experience, activities, defined with respect to a particular type of professional activity and determining a person's ability to integrate into their minds and activities knowledge, different kinds of experience, theory and practice to solve professional problems of a certain class.

Keywords: competence, competence, composition and structure of the professional competencies of bachelor of law, professional competence, the requirements of the federal state educational standards of higher education.

REFERENCES

1. Baidenko V. I. Kompetentsii v professional'nom obrazovanii [K osvoeniyu kompetentnostnogo podkhoda] [Competence in vocational education (to the development of competence-based approach)]. Vyssee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. 2004, no. 11, pp. 3–13.
2. Baranova I. P. Primenenie kompetentnostnogo podkhoda v sisteme vysshego obrazovaniya [The use of competency approach in higher education]. Vestnik. Pedagogika i psikhologiya [Herald. Pedagogy and Psychology]. 2014, no. 4, pp. 37–42.
3. Bolotov V. A., Serikov V. V. Kompetentnostnaya model': ot idei k obrazovatel'noi programme [Competence model: from the idea to the educational program]. Pedagogika [Pedagogy]. 2003, no. 10, pp. 8–14.
4. Verbitskii A. A. Kontekstnoe obuchenie v kompetentnostnom podkhode [Context learning competence approach]. Vyssee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. 2006, no. 11, pp. 39–46.
5. Glossarii terminov rynka truda, razrabotki standartov obrazovatel'nykh programm i uchebnykh planov [Glossary of terms of the labor market, the development of standards of educational programs and curricula]. Evropeiskii fond obrazovaniya [European Training Foundation]. 1997.
6. Evtikhov O. V., Karavaev A. F. Formirovanie osnov professionalizma i professional'noi kompetentnosti kursantov v vuze pravookhranitel'nykh organov kak pedagogicheskaya problema [Formation of bases of professionalism and professional competence of students at the university of law enforcement agencies

as a pedagogical problem]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psycho in law enforcement]. 2014, no. 1, pp. 128–130.

7. Ertskina E. B. Soderzhanie kompetentnostnoi modeli vypusknika s kvalifikatsiei «bakalavr» (na primere napravleniya podgotovki 270800 Stroitel'stvo) [The content of competence model of the graduate with the qualification «Bachelor» (for example, areas of training 270800 Building)]. *Standarty i monitoring v obrazovanii* [Standards and monitoring in education]. 2012, no. 3, pp. 54–59.

8. Zimnyaya I. A. Kompetentnostnyi podkhod. Kakovo ego mesto v sisteme sovremennykh podkhodov k problemam obrazovaniya? (teoretiko-metodologicheskii aspekt) [Competence approach. What is its place in the modern approaches to education? (theoretical and methodological aspect)]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today]. 2006, no. 8, pp. 20–26.

9. Ibragimov G. I. Protsess obucheniya v vysshei shkole v usloviyakh realizatsii FGOS: bolevye tochki [The process of learning in higher education in the conditions of implementation of the federal state educational standards: the pain points]. *Alma-mater (Vestnik vysshei shkoly)* [Alma-mater (Bulletin of high school)]. 2013, no. 8, pp. 6–14.

10. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. Sushchnost' i vedushchie printsipy kontsentrirrovannogo obucheniya [The essence and the guiding principles of concentrated training]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovation in Education]. 2013, no. 5, pp. 14–25.

11. Markova A. K. *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, 1996. 308 p.

12. Novikov A. M. *Osnovaniya pedagogiki* [Grounds pedagogy]. Posobiedlya avtorov uchebnikov i prepodavatelei. [Manual for textbook authors and teachers]. Moscow, Egves Publ., 2010. 208 p.

13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow, Az Publ., 1992. 955 p.

14. Stepanov R. I. Analiz primernykh programm v chasti realizatsii obshchekul'turnykh i professional'nykh kompetentsii [Analysis of exemplary programs in implementing general cultural and professional competencies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psycho in law enforcement]. 2014, no. 1, pp. 55–59.

15. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart po napravleniyu 030900 «Yurisprudentsiya» (kvalifikatsiya (stepen' «bakalavr»)). Utverzhden prikazom MO i N RF ot 4 maya 2010 g. № 464* [Federal State Educational Standard for direction 030900 «Jurisprudence» (qualification (degree of «Bachelor»)) Approved by Order of the Ministry of Defense and Science of the Russian Federation from May 4, 2010, № 464].

16. Shemet O. V. *Didakticheskie osnovy kompetentnostno orientirovannogo inzhenerenogo obrazovaniya: Avtoref. diss. dokt. ped. nauk* [Didactic competency-based oriented engineering education. Abstract. Dr. ped. sci. diss.]. Kaluga, 2010.

---

17. Shishov S. E. Monitoring kachestva obrazovaniya v shkole [Monitoring the quality of education in the school] Moscow, Russian Pedagogical Agency, 1998. 354 p.

НАШИ АВТОРЫ

АВРАМЕНКО

Наталья Николаевна — кандидат психологических наук заведующая кафедрой социальной и организационной психологии Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (avramenkonn@mail.ru).

БОЛЬШАКОВ

Сергей Николаевич — доктор экономических, политических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (snbolshakov@gmail.com).

ВОЛОВИКОВА

Мargarита Иосифовна — доктор психологических наук, профессор зав. лабораторией психологии личности Институт психологии Российской академии наук (margarita-volovikova@ya.ru).

ВОРОБЬЕВА

Ольга Сергеевна — старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского (Vorobeva_8@mail.ru).

ГАНИШИНА

Ирина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры общей психологии Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (irinaganishina@yandex.ru).

ГОРБАТОВ

Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (gorbatov.rus@gmail.com).

ГОРНОСТАЕВ

Станислав Викторович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (stanislavrz@yandex.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — главный редактор журнала «Пенитенциарная система: наука и практика» (525252s@mail.ru).

ЗОБКОВ

Валерий Александрович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики, г. Владимир (zobkov@gmail.com).

ИЛИДЖЕВ

Александр Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент. Врио начальника кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России (ilidsasha@yandex.ru).

ИЛЬЧЕВА

Ирина Михайловна — доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна) (mgosgi-psi@mail.ru).

КАЛАКОВ

Николай Ильич — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (olgastar6@yandex.ru).

КАЛАШНИКОВА

Мария Михайловна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии (Академия ФСИН России) (maria-ka@yandex.ru).

КАЛАШНИКОВА

Татьяна Витальевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности УИС (Академия ФСИН России) (tana-ka58@yandex.ru).

КОМАРОВА

Марина Николаевна — аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук (makom-red@mail.ru).

КУЗНЕЦОВА

Альбина Степановна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры пенитенциарной медицины Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова (as.kuznetsova@mail.ru).

МАХИБОРОДА

Николай Иванович — ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России.

МИХАЛЕВ

Василий Николаевич — старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России (sport_med@list.ru).

ОЛЬКИНА

Оксана Игоревна — аспирант Института психологии РАН (olkina.o@gmail.com).

ПЕСТРИКОВ

Денис Викторович — доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук, (PDW@yandex.ru).

ПИВУНОВ

Евгений Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России (sport_med@list.ru).

ПИСАРЕВ

Олег Михайлович — кандидат психологических наук, начальник кафедры организации социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (olbig@sibmail.com).

ПОЛЯНИН

Николай Александрович — кандидат психологических наук, доцент Академии права и управления ФСИН России (pan80@bk.ru).

ПОСЫПАНОВА

Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, (posypanova@rambler.ru, Olga.posypanova@yandex.ru).

ПОХАЧЕВСКИЙ

Андрей Леонидович — кандидат медицинских наук, доцент, старший преподаватель кафедры Физической подготовки и спорта Академии ФСИН России (sport_med@list.ru).

ПУХАРЕВА

Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии АНОО ВПО «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере», Краснодар (puchareva@bk.ru).

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии (tatka_sav56@mail.ru).

СЕНИК

Ирина Владимировна — психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-1 УФСИН России по Рязанской области, (irinassenik@mail.ru).

СЕРОВ

Владимир Иванович — кандидат медицинских наук, доцент, преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС Академии ФСИН России (v.i.serov@mail.ru).

СИМАКОВА

Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

СОСНИН

Вячеслав Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

Института психологии Российской Академии наук (sosninnrus@rambler.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

СОЧИВКО

Ольга Ивановна — преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (O.Sochivko@mail.ru).

СТАРИКОВА

Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (olgastar6@yandex.ru).

СТРИЖОВ

Евгений Юрьевич — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии Московского института психоанализа (swift1953@mail.ru).

ФЕДОСЕЕВ

Алексей Августович — ответственный секретарь журнала «Пенитенциарная система: наука и практика» (144271@rambler.ru).

ХРЫКАНОВА

Евгений Николаевич — доцент Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (военный институт) имени генерала армии В.Ф. Маргелова, (gised.rvvdku@yandex.ru).

ЦОПАНОВА

Анжела Владимировна — кандидат психологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.А. Абаева ВНЦ РАН и Правительств Республики Северная Осетия — Алания (avtsopanova@mail.ru).

OUR AUTHORS

AVRAMENKO

Natalia Nickolaevna — candidate in psychology, head of the Department of Social and Organizational Psychology (Kaluga State University after K.E. Chialkovsky) (avramenkonn@mail.ru).

BOLSHAKOV

Sergey Nikolaeovich — doctor of economics, doctor of political science, professor of Chair of Management Mass Communications (St. Petersburg State University) (snbolshakov@gmail.com).

VOLOVIKOVA

Margarita Iosifovna — doctor of psychology, professor, head of laboratory of psychology of personality (Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences) (margarita-volovikova@ya.ru).

VOROBYOVA

Olga Sergeevna — a senior lecturer of Chair of social and organizational psychology (Kaluga State University after K. Tsiolkovsky) (Vorobeva_8@mail.ru).

GANISHINA

Irina Sergeevna — candidate in psychology, associate professor, deputy Head of Chair of General Psychology (Academy of FPS of Russia) (irinaganishina@yandex.ru).

GORBATOV

Dmitry Sergeevich — doctor of psychology, professor of Chair of Management of Mass Communications, St. Petersburg State University (gorbatov.rus@gmail.com).

GORNOSTAEV

Stanislav Victorovich — candidate of psychology, assistant professor, associate professor of Chair of legal psychology and pedagogy (Academy of FPS of Russia) (stanislavrz@yandex.ru).

DATIY

Alexey Vasilyevich — editor-in-chief of the magazine «Penal system: science and practice» (525252s@mail.ru).

ZOBKOV

Valery Aleksandrovich — doctor of psychology, Professor of the Department of Psychology of Personality and special pedagogy of Vladimir University (zobkov@gmail.com).

ILIDZHEV

Alexander Alekseevich — candidate in law, associate professor, acting head of the Department of Criminal Law and Criminology (Rostov Law Institute of the Russian Interior Ministry) (ilidsasha@yandex.ru).

IL'ICHEVA

Irina Mikhailovna — Doctor of Psychology, Professor, Dean of psychological faculty, Moscow state regional socio-humanitarian institute (mgosgi-psi@mail.ru).

KALAKOV

Nikolai Ilyich — doctor of pedagogical Sciences, Professor, Professor of chair of legal psychology and pedagogy of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia (olgastar6@yandex.ru).

KALASHNIKOVA

Maria Mikhailovna — candidate in psychology, senior lecturer at the department of general psychology (Academy of FSP of Russia) (maria-ka@yandex.ru).

KALASHNIKOVA

Tatiana Vitalievna — candidate in psychology, assistant professor of the department of psychology of Penal System professional activity (Academy of FPS of Russia) (tana-ka58@yandex.ru).

KOMAROVA

Marina Nikolaevna — postgraduate student of the State academic University for the Humanities (makom-red@mail.ru).

KUZNETSOVA

Albina Stepanovna — the candidate of medical sciences, the associate professor of penitentiary medicine of the Moscow state medico-stomatologic university of A.I. Evdokimov (as.kuznetsova@mail.ru).

MAKHIBORODA

Nikolay Ivanovich — leading research officer of the Institute of the FPS of Russia.

MIHALEV

Vasily Nikolaevich — senior lecturer of Chair of physical training and sports of the Academy of the FPS of Russia (sport_med@list.ru).

OLKINA

Oxana Igorevna — postgraduate student of the Institute of Psychology RAS (olkina.o@gmail.com).

PESTRIKOV

Denis Viktorovich — candidate in psychology, assistant professor of the Chair of Professional Penal Activities Psychology of the Academy of FPS of Russia (PDW@yandex.ru).

PIVUNOV

Evgeniy Vladimirovich — candidate of pedagogical sciences, associate professor of Chair of physical training and sports of the Academy of the FPS of Russia (sport_med@list.ru).

PISAREV

Oleg Mikhailovich — candidate of psychology, head of the Department of social, psychological and educational work organization of Tomsk Institute

of advanced training of employees of FPS of Russia (olbig@sibmail.com).

POLYANIN

Nickolay Alexandrovich — candidate of psychological sciences, associate professor of the Academy of FPS of Russia (pan80@bk.ru).

POSYPANOVA

Olga Sergeevna — candidate of psychology, assistant professor of Chair of social and organizational psychology (Kaluga State University after K. Tsiolkovsky).

POKHACHEVSKIY

Andrey Leonidovich — candidate of medical sciences, associate professor, senior lecturer of physical training and sports of the Academy of the FPS of Russia (sport_med@list.ru).

PUKHAREVA

Tatiana Sergeevna — candidate of psychology, associate professor of Department of General and Social Psychology of Institute of Economics and Management in the Medicine and Social Sphere (Krasnodar) (puchareva@bk.ru).

SAVCHENKO

Tatyana Nikolaevna — candidate of psychological sciences, Rector of the Higher School of Psychology (tatka_sav56@mail.ru).

SENIK

Irina Vladimirovna — psychologist of psychological laboratory FKU IK-1 UFSIN of Russia Ryazan region (irinassenik@mail.ru).

SEROV

Vladimir Ivanovich — candidate in medical sciences, associate professor, lecturer of the chair of psychology of professional activity in the penal system sub-department (Academy of the FPS of Russia) (v.i.serov@mail.ru).

SIMAKOVA

Tatyana Aleksandrovna — candidate of psychological Sciences, Professor, leading researcher of the Academy of the FPS of Russia (sochivo@mail.ru).

SOSNIN

Vjacheslav Aleksandrovich — candidate of psychology, leading research officer, Institute of Psychology RAS (sosninus@rambler.ru).

SOCHIVKO

Dmitriy Vladislavovich — doctor of psychology, professor of the Chair of General Psychology of the Academy of the FPS of Russia (sochivo@mail.ru).

SOCHIVKO

Olga Ivanovna — lecturer of the Chair of psychology of professional activity (Academy of FPS of Russia) (O.Sochivko@mail.ru).

STARIKOVA

Olga Vladimirovna — candidate of psychological Sciences, head of the Department of legal psychology and pedagogy of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia (olgastar6@yandex.ru).

STRIZHOV

Evgeny Yuryevich — Doctor of Psychology, associate professor, professor at the Department of General Psychology of Moscow Institute of Psychoanalysis (swift1953@mail.ru).

FEDOSEYEV

Alexey Avgustovich — responsible secretary of the magazine «Penal system: science and practice» (144271@rambler.ru).

KHRYKANOV

Evgeny Nikolaevich — associate Professor, Ryazan higher airborne command school (military Institute) named army General V.F. Margelov (gised.rvvdku@yandex.ru).

TSOPANOVA

Anzhela Vladimirovna — PhD in psychology, Scientific researcher of the Department of social and political studies of the North Osetian Institute of humanitarian and social studies name V.A. Abaev of Vladikavkaz scientific centre, Russian Academy of Sciences and the government of RNO — Alania (avtsopanova@mail.ru).

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках), Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Аннотация (авторское резюме) на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленном в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленном в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к аннотации (авторскому резюме)

В аннотации не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Резюме должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Авторское резюме на английском языке в обязательном порядке должно быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- для англоязычного резюме — написано качественным английским языком;
- компактными (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника [транслитерация] [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов
только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

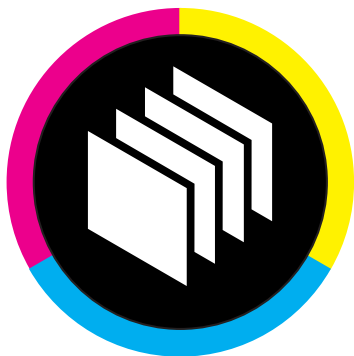
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 25.05.2015. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,0

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

8 (800) 775-12-04 многоканальный
www.prizprint.ru